ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

ФЕВРАЛЬ

НБУ
ЦЕНТРАЛ НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ПОЛТАВА

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, марта 7-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

26 февраля, утромъ, въ 5½ ч., скончался Тарасъ Григорьевичъ *Шевченко*, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни.

Минýлися мої слёзи,
Не рвéтця, не плáче
Потóчене старé сéрце
И óчи не бачять....

Кто зналъ его какъ поэта и человѣка, пойметъ всю великость нашей утраты. Украина отвѣтитъ стономъ на страшную вѣсть о смерти *нáшого бáтька:* тáкъ всѣ привыкли называть *Тараса*. Она потеряла въ немъ свое, самое горячее сердце, свою славу, свою печаль и отраду, свою *болѣзнь и здоровье*. Теперь Украина дѣйствительно *вдовá – сиротúна, сиротá-небóга*, какъ онъ называлъ ее въ своихъ вѣчно-юныхъ, полныхъ безграничной любви и тоски, истинно-народныхъ созданіяхъ.

Тарасъ Григорьевичъ умеръ не дождавшись нѣсколькихъ дней до обнародованія Манифеста 19 февраля, который принесъ давно-ожидаемое облегченіе его роднымъ и десятку милліоновъ соотечественниковъ: это была самая горькая насмѣшка судьбы надъ Шевченкомъ... но оттого еще какъ будто чище и возвышеннѣе становится его любовь къ народу, стоившая ему обильныхъ слёзъ.

Загúнула ёгó голóвонька
Бéзъ рóду-родúни,
Безъ вірної дружúни...

но гробъ его окружала огромная семья людей, сочувствующихъ истинному достоинству, безъ различія вѣрованій и народностей. Могила Шевченка, гдѣ бы она ни была, будетъ вовѣки священна: теперь она посѣщается знакомыми и незнакомыми ему при жизни, и вся укрыта свѣжими вѣнками.

Слáва ёгó не вмрé, не поля́же!

«Основа» употребитъ всевозможныя старанія записать на своихъ страницахъ все, [illegible] можетъ увѣковѣчить память поэта.

Вслѣдъ за 2-ой книжкой «Основы» подписчики получатъ «Воспоминаніе о Шевченкѣ и его погребеніи», при которомъ— столь памятнымъ для всѣхъ образомъ — высказалось глубокое сочувствіе къ усопшему.

Въ нашихъ рукахъ теперь находится драгоцѣнное собраніе неизданныхъ его стихотвореній, лично намъ переданныхъ поэтомъ при первой вѣсти объ осуществленіи южнорусскаго вѣстника, и подлинный дневникъ Шевченка, съ 1857 по 1858 г., сообщенный намъ близкимъ его другомъ. Радуемся вмѣстѣ съ нашими читателями, что не все сокрылось для насъ въ этой безвременной могилѣ.

Усердно просимъ многочисленныхъ друзей и почитателей Тараса Григорьевича и вообще всѣхъ, кому дорога̀ память объ немъ, сообщать намъ его стихотворенія, письма и вообще біографическія свѣдѣнія о поэтѣ, а также и о родныхъ его. Редакція съ благоговѣніемъ сохранитъ подлинныя письма и другія бумаги Шевченка и, по требованію, будетъ въ цѣлости возвращать подлинники тѣмъ, кто ихъ доставитъ. Всякая замѣтка, всякій случай, касающійся такого человѣка какъ Шевченко, имѣетъ великую важность. Многое позабудется и исчезнетъ навсегда, если не будетъ записано тотчасъ, когда вѣсть о смерти поэта-художника вызоветъ разнообразныя воспоминанія въ каждомъ, кто что-нибудь объ немъ знаетъ. На насъ, Украинцахъ, лежитъ непремѣнный долгъ соорудить надъ свѣжей могилой народнаго пѣвца памятникъ, достойный его и народа: къ такому чистому и справедливому дѣлу каждый, навѣрно, приложитъ дѣятельное участіе.

КОБЗАРЬ.

VI.

МОСКАЛЕВА КРИНИЦЯ.

ПОЭМА.

Я. Г. КУХАРЕНКОВІ.

(на пáмять 7 мáя 1857 рóку.)

Не на Вкраíні, а далéко —
Ажъ за Урáломъ, за Элéкомъ,
Старúй недóбитокъ — *варнáкъ* (¹)
Мині роскáзувавъ оттáкъ
Про сю Кринúцю Москалéву;
А я, сумýючи, списáвъ,
Та рúфму нúщечкомъ додáвъ, —
Та невелúчку и дешéву
(Звичáйно, крáдене!) зобгáвъ
Тобі поэму на помúни,
Мій дрýже щúрий, мій едúний!

I.

Після *велúкої зімú,*
За Катерúни за Царúці,
Москáль ту вúкопавъ кринúцю,
А якъ вінъ вúкопавъ — то ми
Оцé й роскáжемо въ пригóді,

(¹) Клейменый каторжникъ.

А ви запи́суйте: не шко́дить
Таку́ю річъ и записа́ть —
Бо се́ не ка́зка, а били́ця,
Або́ бува́льщина, сказа́ть.
Отта́къ пишіть: була́ крини́ця...
Ні, не крини́ця, а село́ —
Пишіть — давно́ коли́сь було́
Міжи́ сада́ми, при доли́ні,
Таки́ у насъ, на Украі́ні,
Було́ те Бо́жее село́.
Въ селі тому́ вдова́ жила́,
А у вдови́ дочка́ росла́
И синъ малолітокъ.
До́бре ма́ти дітокъ
Бага́тому: хвали́ть Бо́га
Въ роско́шахъ; а вбо́гій
Вдові не до то́го:
(Бо залили́ за шку́ру са́ла —
Тро́хи не пропа́ла) —
Ду́мала ити́ въ черни́ці,
Або́ утопи́тись,
Такъ жа́ль мале́нькихъ дітокъ ста́ло
(Звича́йне, ма́ти! — що́ й каза́ть!)
Та, мо́же, жда́вся-таки́ й зять,
Бо вже Катру́ся підроста́ла, —
(Катру́сею вдовівна зва́лась), —
Чи вікъ же ій продівува́ть,
Зноси́ти брівоньки ні за́ що?
Хиба́ за те́, що сирота́?
А красота́-то, красота́!..
Мій Бо́же ми́лий! А трудя́ще,
А чепурне́, та роботя́ще,
Та ти́хе... бачъ, и сирота́,
А всімъ була́ на-вдивови́жу;
Бува́ло, ви́гляне изъ хи́жі,
Якъ та́я квіточка зъ роси́,
Якъ те́е со́нечко зъ-за хма́ри:
Весь похоло́ну, не живи́й

Стою, бува́ло...
Ані ка́ра,
Ні му́ки, кайда́ни,
Ніже літа́, си́ну,
Тії си́ли не втоми́ли...
Отта́къ и заги́ну, —
Такъ и зги́ну, — бо диви́ся:
Сме́рті сподіва́юсь,
А рида́ю, мовъ дити́на,
Тільки-що згада́ю
Катери́ну... Слу́хай, си́ну,
Мій дру́же еди́ний!
Слу́хай до́бре, та запи́суй, —
Та на Украіні,
Якъ Бо́гъ тебе́ допрова́дить,
То роскажи́, си́ну,
Що ти ба́чивъ дия́вола
Своіми очи́ма!..

II.

Такъ, ба́чишъ, дівонька отта́
Росла́ собі; и роботя́щий
(Бо всю́ди си́роти — леда́що)
У на́ймахъ ви́рісъ сирота́,
Нена́че ба́тькова дити́на.
Ото́жъ, той са́мий сирота́
У на́ймахъ, сякъ собі, то та́къ,
Придба́въ сіро́ма грошеня́тъ,
Оде́жу спра́вивъ, жупани́ну,
Та не відсі́ль и не відті́ль
Купи́въ садо́чокъ и хати́ну,
Подя́кувавъ за хлі́бъ, за сіль
И за нау́ку до́бримъ лю́дямъ,
Та до вдовівни навпросте́ць
Шеле́сть за рушника́ми!..
Не торгува́лись зъ старости́ами,
Якъ те бува́ зъ багатиря́ми,

Не торгувавсь и панотець
(На диво людямъ та на чудо!) —
За три копи звінчавъ у будень,
Безъ пихи, такъ, якъ довелось...
Оттутъ-то, голубе мій сизий,
Оттутъ-то й лихо почалось.

III

Уже, либонь, після Покрова
Вертався зъ Дону я, та знову —
(Бо я вже двічі посилавъ
До дівчини за рушниками) —
Послать и въ трейте міркувавъ, —
Та съ чумаками, та зъ волами,
Якъ разъ въ неділю на весілля
До удовівни причвалавъ.
Пропало, все добро пропало,
Ані щітинки не зосталось!..
Пропавъ и я, — та не въ шинку,
А на *кобилі*... На віку
Всі люде бачять лихо, сину;
Але такого, мій единий,
Такого лютого — ніхто,
Ніхто и здалека не бачивъ,
Якъ я, лукавий! А тимъ часомъ
Просохли очи у вдови:
Неначе въ Бога за дверима,
У зятя та въ сина
Стара собі спочиває,
А на Катерину,
На дитя своє едине,
Тільки поглядає.
А я въ шинку съ пьяницями
Душу пропиваю, —
Та й пропивъ! Запродавъ душу, —
И душу и тіло:
Тіло катові, а душу...—

О, Бо́же мій ми́лий!
Хотілося бъ жить на світі,
Та-ба! тре́ба вчи́тись —
Ще зма́лечку тре́ба вчи́тись —
Якъ на світі жи́ти,
А то би́тимуть, та й ду́же!..
Не зна́ю, мій дру́же,
Чи сатана́ ли́хо ко́івъ,
Чи я занеду́жавъ,
Чи то́ мене́ зла́я до́ля
Привела́ до то́го!..
Таки́ й до́сі ще не зна́ю —
Не зна́ю нічо́го...
Зна́ю тільки, що тверезий,
(Бо вже́ ані ви́на,
Ні меди́, ні окови́та
Не пили́ся, си́ну)!..
Оттаке́-то сподіялось!
Вмеръ ба́тько и ма́ти,
Чужі лю́де похова́ли,
А я, мовъ проклятий,
Мовъ Іу́да одри́нутий
И людьми́ и Бо́гомъ,
Тиня́юся, хова́юся —
И дійшло́ до то́го,
Що я въ ночі підкра́вшися,
Макси́мову ха́ту
(Бо ёго́ Макси́момъ зва́ли —
Вдовино́го зя́тя)
Запали́въ! Згоріла ха́та...
А душа́ проклята
Не згоріла... моя́ душа́,
Мій дру́же, мій бра́те,
Не згоріла, а зоста́лась —
Тліе, й до́сі тліе...
И коли́ вона́ зотліе,
Коли́ одпочи́не, —
Святи́й зна́е...

IV.

Съ переля́ку
Вме́рла Катери́на;
А Макси́мъ на пожари́ще
Та на попіли́ще
Подиви́вся... нема́ ра́ди!..
Тільки вітеръ сви́ще
У димарі та въ ко́мині...
Що́ тутъ въ світі діять,
И що́ тепе́ръ ёму́ поча́ти?
Поду́мавши, перехристи́всь
Та й зновъ пішо́въ у наймити́
Голо́дні зли́дні годува́ти;
Вдова́ зоста́лась не сама́,
А зъ си́номъ па́рубкомъ; жени́ти
Ёго́ збіра́лась въ осени́,
Ажъ гу́лькъ!.. одъ ма́тушки-цари́ці,
Таки́ изъ са́моі столи́ці,
Прийшо́въ ука́зъ — лоби́ голи́ть;
Се въ пе́рший разъ таки́й ука́зъ
Прийшо́въ зъ Моско́вщини до насъ,
Бо на Вкраіні въ насъ бува́ло
У козаки́ охо́чі йшли,
А въ пікине́ри вербува́ли —
Та тежъ охо́чихъ... На селі
Зібра́лася грома́да ра́дить —
Кого́ голи́ть у москалі.
Пора́дили грома́дою —
И вдовиче́нка-ледащи́цю
Заби́ли въ скрепи́цю,
Та й повезли́ до приёму!
Онъ-яке́ твори́тця
На сімъ світі, — яка́ пра́вда
У люде́й, мій си́ну!..

V.

»Ні вже«, ка́же, »до́брі лю́де,
Не такъ воно́ бу́де,
Отта́къ хиба́!« Максимъ ка́же:
»Які́ зъ ме́не лю́де
У наймита́хъ! Иду́ служи́ть;
Неха́й«, ка́же, »вдови́нъ синъ
Та не ста́не підъ арши́нъ,
А я ста́ну «
Изъ приёму
Верну́вся до-до́му,
До ма́тери вдови́ченко;
А Максимъ съ приёму
Пішо́въ собі у Москалі,
Помоли́вшись Бо́гу.
Мині поле́гшало, — а съ чо́го,
Съ чого́ поле́гшало мині?
Съ того́, що во́рога не ста́ло...
Яко́го жъ во́рога, мій Бо́же!
Моя́ пеке́льная душа́
Кого́ боя́лася? Максима!
Ні, не Максима, а кого́сь,
Кого́сь боя́лася прокля́та:
Луциперові служи́ла
Та ёго́ й страши́лась!...

VI.

Черезъ годъ, ото́, й вели́ка
Зіма́ наступи́ла;
До зеле́ної неділі
Въ байра́кахъ біліли
Сніги́ білі, — тоді жъ ото́
И Оча́ковъ бра́ли
Москалі; а Запоро́жже

Пе́рше зруйнува́ли.
Розбрило́ся товари́ство...
(А що то́ за лю́де
Були́ тіі Запоро́зці —
Не було́ й не бу́де
Таки́хъ люде́й!..)
Підъ Оча́ковъ
Погна́ли й Макси́ма:
Тамъ-то ёго́ скалічено,
Та на Украіну
Пове́рнено зъ одста́вкою, —
Ба́чишъ, пра́ву но́гу,
Чи то ліву, підстре́лено...
Мині не до то́го
Було́ тоді: зно́ву лю́та
Га́дина впила́ся
Въ са́ме се́рце; круго́мъ ёго
Три́чі обвила́ся,
Якъ той *и́родъ*... Що́ тутъ роби́ть?
Не да́мъ собі ра́ди;
А Макси́мові криво́му
Нічо́го не ва́дить:
Шкандиба́е на ми́лиці
И га́дки не ма́е;
А въ неділеньку святу́ю
Мунди́рь надіва́е,
И меда́ль и хре́стъ причепи́ть,
И заплете́ ко́су
Та ще й бо́рошномъ поси́пле...
(Я не знаю́ й до́сі,
На що́ воно́ Москалі ті
Ко́си заплі́та́ли,
Мовъ дівча́та, та святе́е
Бо́рошно псува́ли?...
На и́грашку, я ду́маю—
Та́къ-собі, аби́-то!)
Ото́ жъ було́, мовъ генера́лъ,
Макси́мъ сановито

Прибере́тця у неділю
Та й пошкандиба́е
У хра́мъ Бо́жий; на кри́ласі
Ста́не та й співа́е
Зъ дяко́мъ-таки́, ато́ во́зьме
Та ще й прочита́е
Апо́стола середъ це́ркви
(Ви́вчився чита́ти
У москаля́хъ). Непе́вний бувъ
Макси́мъ ото́й, бра́те, —
Та трудя́щий, роботя́щий,
Та ти́хий до то́го,
Та ласка́вий... було́ тобі
Ніже́ аніко́го
Не заче́пить ніже діломъ,
Ніже́ яки́мъ сло́вомъ.
»И тала́нъ и безтала́ннє
Все́«, ка́же, »відъ Бо́га
Вседержи́теля свято́го,
А більшъ ні відъ ко́го...«
Преблаги́й бувъ мужъ на сві́ті
Макси́мъ ото́й, си́ну;
А я́! а я́!.. не ви́мовлю,
Моя́ ти дити́но!..
Я — вби́въ ёго́!.. Постріва́й-лишъ,
Тро́хи одпочи́ну,
Та тоді вже...

VII

Такъ ти ка́жешь,
Що ба́чивъ Крини́цю
Москале́ву, що ще й до́сі
Беру́ть зъ не́і во́ду?
И хре́стъ, ка́жешъ, коло́ шля́ху
И до́сі Госпо́дній
Стоіть собі на роздо́ллі;

А не росказа́ли
Тобі лю́де тамъ нічо́го?...
Вже повиміра́ли
Тії лю́де, мої свідки,
Пра́ведніі лю́де;
А я й до́сі кара́юся
И кара́тись бу́ду
Й на тімъ світі...
Ось послу́хай,
Дово́дить до чо́го
Сатана́ той ду́шу на́шу; —
Якъ не схамене́тця
Та до Бо́га не ве́рнетця —
То такъ и ввіпье́тця
Пазура́ми въ са́ме се́рце...
Ось слу́хай же, си́ну,
Про Макси́ма пра́ведного:
Було́ не спочи́не
Ніко́ли вінъ, а въ неділю,
Або́ въ яке́ свя́то,
Бере́ святи́й псалти́рь въ ру́ки
Та й иде́ чита́ти
У садо́чокъ: (у садо́чку
Тамъ, у холодо́чку —
Катери́ну похова́ли...)
Ото́жъ, у садо́чку,
За упоко́й души ії
Псалти́рь прочита́е,
По́тімъ собі тихе́сенько —
Ти́хо заспіва́е
»Со святи́ми«, та й запла́че,
А по́тімъ помья́не
»О здра́виі« те́щу зъ си́номъ, —
И весе́лий ста́не:
»Все́ одъ Бо́га«, — ска́же собі:
»Тре́ба вікъ дожи́ти!«
Оттаки́й-то му́жъ пра́ведний
Бувъ вінъ на сімъ світі;

А у бу́день, — то вінъ тобі
Не посидить въ ха́ті —
Все ни́шпорить по надвірью:
»Тре́ба робота́ти«,'
Було́ ска́же по-моско́вські:
»Ато́, ле́жа въ ха́ті,
Ще опу́хнешъ.« Та взявъ яко́сь
За́ступъ и лопа́ту,
Та й пішо́въ собі у по́ле
Криницю копа́ти.
»Неха́й«, ка́же, »коли́сь люде
Бу́дуть во́ду пи́ти,
Та за мою́ грішну ду́шу
Го́спода моли́ти.«
Ви́йшовъ въ по́ле, геть одъ шля́ху
У ба́лку спусти́вся,
Та й ви́копавъ при доли́ні
Глибо́ку криницю.
(Не самъ оди́нъ: толо́кою
Ёму́ помага́ти
Й до́брі люде прихо́дили
Криницю копа́ти).
И ви́ложивъ ця́мриною
И, надъ шля́хомъ въ по́лі,
Височе́нний хре́стъ поста́вивъ:
Зо всёго роздо́лля
Широ́кого було́ ви́дно;
Се, ба́чишъ, для то́го,
Щобъ знать було́, що криницяя
Есть коло́ доро́ги,
Щобъ захо́дили зъ криниці
Люде во́ду пи́ти,
Та за то́го, що ви́копавъ,
Бо́гу помоли́тись.

VIII.

А тепе́ръ уже́, — онъ ба́чишъ,
Дохо́дить до чо́го!—
Що я стра́тить наміря́юсь
Макси́ма свято́го...
Оттаке́-то!.. А за віщо?
За те́, за що́ Ка́інъ
Уби́въ бра́та пра́ведного.
— — — —
Чи то бу́ло у неділю,
Чи въ яке́е свя́то,
Слу́хай, си́ну, я́къ навча́е
Сатана́ проклятий:
»Ходімъ«, кажу́, »Ула́совичъ,
На твою́ крини́цю
Подиви́тись.« — »До́бре«, ка́же —
»Ходімо напи́тись
Води́ зъ не́і пого́жоі.«
Та й пішли́ обо́е,
И віде́рце и віжечки́
Понесли́ зъ собо́ю.
Отъ, прихо́димъ до крини́ці;
Я першъ подиви́вся —
Чи гли́боко. »Вла́совичу«, —
Кажу́, — »потруди́ся
Води́ доста́ть: я не вмію.«
Вінъ и нахили́вся,
Опуска́ючи віде́рце;
А я́... я за но́ги
Вхопи́въ ёго́, та й уки́нувъ
Макси́ма свято́го
У крини́цю....
Отаке́-то
Сотвори́въ я, си́ну!..
Тако́го ще не твори́лось
Въ насъ на Украіні!

Та й нікóли не ствóритця
На всімъ світі, брáте!..
Всю́ди лю́де, а я *оди́нъ* —
Дия́волъ проклятий!...

IX.

Черезъ ти́ждень вже ви́тягли
Макси́ма зъ крини́ці
Та у бáльці й поховáли;
Чимáлу капли́цю
Постáвили громáдою,
А ёгó крини́цю
Москалéвою назвáли...

А я... пішóвъ у гайдамáки
Та на Сібірі й опини́всь,
(Бо тутъ Сібіръ булá колись)...
И пропадáю, мовъ собáка,
Мовъ той Іу́да... Помоли́сь
За мéне Бóгу, мій ти си́ну,
На тій преслáвній Украіні,
На тій весéлій сторóні...
Чи не полéгшае мині?..

Т. Шевченко.

1857.
Новопетровское
укрѣпленіе.

ЗАКОХАНИЙ ЧОРТЪ.

I.

Тільки й ба́чивъ я рідний край по́ки рісъ, а тамъ, якъ оддали́ у слу́жбу, такъ и пішо́въ, не по своїй во́лі, мота́тьця по світу, якъ те перекотипо́ле, що́ вітеръ но́сить по степа́хъ: ко́тисся, ко́тисся, по́ки не зупи́нить тебе́ до́ля, або́ не прито́пче ли́хо.

Хочъ и луча́лось мині, де́-коли, навідуватьця у рідну Украіну, такъ чи до́вго жъ то спочи́нешъ підъ те́плимъ іі крило́мъ?... И зновъ, на край світа, мандру́ешъ до чо́рта зъ рога́ми! За те́жъ, літъ у шість, а мо́же й більше, якъ изъ Ку́рськоі губе́рниі уідешъ у Ха́рьківську, то такъ тобі ста́не леге́нько, мовъ на кри́лахъ тебе́ підняло́... Та́ зъ сёго бо́ку Ха́рькова ще не та́къ; зъ Ли́пець на́ша Украіна тепе́речки яко́сь Моско́вщиною ди́витця: намісць шинківъ — прокля́та каба́щина, постоя́лі двори́, на моско́вський ладъ; скрізь по доро́зі тя́гнутця моско́вські однокінні телеги, одна́ до друго́і поприче́плювані, якъ фи́ги на ли́чку; куди́ не глянь, усе́ пилипо́ни зъ ри́жими борода́ми, у ла́птяхъ, ажъ зану́дить на нихъ ди́влячись. Такъ, ба́чите, зъ сёго́ бо́ку, кажу́, ще не та́къ, а отъ якъ перехо́писся черезъ річку Ха́рьківъ, то хто бъ не сказа́въ, що се́ Бо́жа сторона́!..

Тутъ за́разъ почина́етця отто́й вели́кий боръ, що висо́кі со́сни ажъ хма́ру підпіра́ють. Оце́ жъ вамъ и Осно́ва, де ба́тько нашъ Квітка збивъ собі, зъ своіхъ повісте́й, таки́й місни́й чо́венъ, що до-віку-вічнёго бу́де пла́вать по плюга́вій рі́чці Ле́ті. Отту́тъ же и во́льна; сюди́ жъ-то Ха́рьківські міща́не и че́рнь, уда́ривши ли́хомъ объ зе́млю, схо́дятця одвести́ ду́шу и зада-

ви́ть го́ре свого́ бездо́лля. Отту́тъ, поба́чили бъ ви́, у неділю и по празника́хъ, скі́льки збіра́етця наро́ду! Версто́въ на пья́ть, а мо́же й більшъ, уподо́вжъ доро́ги, гуля́ міща́нство: дівча́та у стрічка́хъ, у стёнжка́хъ, молоди́ці у парче́вихъ очіпкахъ, у кармази́нахъ, у глазе́ті, а коза́цтво у бриля́хъ, у чуйка́хъ фабри́чнёго сукна́, шовко́вими пояса́ми попідпере́зовані, а скі́льки ще того́ лаке́йства у фра́кахъ та у сертука́хъ, мовъ та Німо́та. Инші зби́лись біля́ музи́ки, са́дють гоцака́, вибива́ють тропака́, ажъ ли́хо сміе́тця; дру́гі посіда́ли ку́пками, снідають, кругля́ють горілку, тереве́ні гнуть, співа́ють, рего́чутця, ажъ луна́ округи́ йде. Ідешъ було́, ди́висся, ди́висся та й не вте́рпишъ: ви́лізешъ зъ таранта́су и піді́йдешъ до яко́го-не́будь товари́ства: »хлібъ та сіль, лю́де до́брі!« ска́жешъ. — Спаси́бі, — одкажуть, и про́сять: — сіда́йте, не погре́байте хлібомъ Бо́жимъ! — За́разъ и часту́ють, и на кали́новій тарі́лочці підно́сять са́ло, кільце́ ковбаси́. Ся́дешъ, було́, до гу́рту, ви́пьешъ корячо́къ горілки, ззіси́ шмато́къ са́ла, побала́каешъ, — свого́ додаси́ весе́лого сло́ва. Бо́же ми́лий, я́къ же то вони́ дя́кують!.. Ста́нешъ проща́тьця, то та́къ и загомоня́ть; оди́нъ кричи́ть: »пошли́ вамъ, Го́споди, уся́кого ща́стя за те́, що про́стихъ люде́й не цура́етесь!« дру́гий: »неха́й вамъ Бо́гъ, на тімъ світі, за насъ оддя́куе!« Бува́е й таке́, що яка-не́будь молоди́ця, черво́на якъ ма́ківка, схо́пицця, обійме, та й поцілу́етця на проща́ннє. »Се«, ка́же, »щобъ не ско́ро забу́ли на́шу хлібъ-сіль!« Сміху́ тако́го наро́бить вра́жа молоди́ця, такъ усі и поко́тютця, ухопи́вшись за животи́. Що́-то за втішні та швидкі, ті ха́рьківські молоди́ці, — неха́й імъ леге́нько икне́тця!

Проі́хавши кі́льки верстъ бо́ромъ, ста́нешъ підійма́тьця на го́ру. Тутъ вже те́мна сосни́на почина́ міша́тьця зъ ду́бомъ, ли́пою, клини́ною, бе́рестомъ, усе́ стае́ густійше, густійше; де́рево переплело́сь вітами якъ те воло́сся; орішникъ, глодъ, шепши́на позроста́лись, стоя́ть якъ до́бра огоро́жа. Чимъ дальшъ ідешъ, тімъ кра́ще вро́да: пішли́ и доли́нки зъ прога́ленами якъ ру́та зеле́ними, и яри́ съ прова́ллємъ, що якъ гля́нешъ, то у голові закру́титця. Мій Бо́же ми́лий! що́ за лісъ! Яки́хъ нема́ тутъ дере́въ! И висо́кихъ, величе́знихъ, и стари́хъ, ско́рченихъ, похню́пихъ, що вже ві́ку свого́ дожива́ють. Инше зла́мане бу́рею и опа́лене гро́момъ, стоіть собі край доро́ги якъ черне́ць; тамъ трухля́вий пень схили́вся якъ той ста́рець зъ то́рбою. Куди́ ни глянь — усе́ тебе́ чару́е, при-

вітáе, усé тобі всміхáетця. Здаéтця, самá рідна мáти нáша Украіна вúйшлá тобі на-зýстрічъ: то спогля́не на тéбе гаря́чимъ сóнцемъ, то притýлитця пахýчимъ холодкóмъ изъ тéмного лісу, то промóвить піснею, то озовéтця соловéйкомъ, жáйворонкомъ; то ненáче грáетця зъ тобóю: затурчúть у вýхо гóрлицею, залоскóче тихéсенькимъ вітерцéмъ. Такъ тобі вéсело, такъ легéнько, мовъ у раю́!.. Душá мліе, сéрце трепéчетця, токотúть, бýцімъ що до тéбе промовля́е; не розберéшъ щó вонó роскáзуе, а слýхаешъ—не наслýхаесся, якъ не наслýхаетця мáти своéі дитúни, бо тá мóва солóдча для нéі одъ медóвоі річи найрозумнíшоі людúни.

II.

Одъіхавши одъ Хáрькова верстóвъ двáдцять, лісъ починá рідíти. Зъ висóкоі горú ужé вúдко селó Мерéфу, зъ церквáми, дзвінúцями, садáми и левáдами, — гéть-гéть роскúнулось по долúні. За селóмъ блищя́ть течії, затóки й озéра Мжú. Потеклá вонá у ліво проміжъ кущівъ верболóзу и вільхи; а напротú глáдко стéлетця зъ могúлами ширóкий стéпъ. Сивіе старéнький якъ мóре, мріе, мріе, пóки не зійдетця зъ нéбомъ, а нéбо зъ землéю. Гуля́йте óчи, гуля́йте дýми, якъ колúсь гуля́ло по сёмý степý вóльне козáцтво!

Проіхавши Мерéфу и перебрáвшись черезъ плéса Мжи, вúідешъ на торгóвий шляхъ, що йдé у Кримъ. Протоптáла сей шляхъ ще татарвá, якъ колúсь ходúла на нáше безголóвья підъ Москвý, палúти городá и забірáти у невóлю хрещéний лю́дъ. Скільки óкомъ ні кúнешъ, скрізь по дорóзі, якъ гадю́ка, сýнутця хýри: на-зýстрічъ везýть шлёнку, кóжі, сіль, рúбу; скрипля́ть татáрські гáрби, запря́жені бýйволами и верблю́дами. Изъ Хáрькова везýть уся́кий крамъ, машúни, паровикú, ідуть купці у Кримъ, у Бердя́нськъ, ідуть панú и тудú й відтіль, женýть табунú, гуртú, отáри, идé нарóдъ на заробітки, у степú и къ мóрю. Літомъ вéсело и гля́нуть на сей шля́хъ, а побáчили бъ ви веснóю, абó у восенú, щó тутъ діетця... крúй Бóже, якé лúхо! Замордóвана скотúна по сáме чéрево грýзне у багні; нарóдъ бичýетця, тóпитця по бáлкахъ, по перéтічкахъ. Бодáй и не згáдувать!.. Оттýтъ би простягтú залізну колею́! Потеклá бъ по ній золотá річка живýщоі и сцілю́щоі водú.

Дуже ще бідуєшъ, ідучи по сему шляху *на обивательскіхъ*. Роскажу вамъ, якого разъ набрався я лиха, сдавшись на *открытий листъ*. Изъ Мерефи на почтарьскіхъ, ще загодя, добігъ я до Таранівки. Прямо у волосне правленіе ввійшовъ — такъ гарно, по середині стілъ, зеленимъ сукномъ засланний, якъ у суді, и патретъ висить. Дивлюсь — нема никого; тільки якийсь каліка, скорчившись, сидить біля скрині — се бъ то стереже громадські гроші.

»Е коні?« питаю.

— Нема, — схопившись одвітивъ каліка.

»А писарь — де?«

— На селі.

»Коли бъ позвать.«

— Заразъ збігаю.

Пошкандибавъ сердешний; черезъ яку тамъ годину йде писарь повагомъ. Ще молодий, шапка на бакиръ, у китайчатій черкесці и випойкованихъ чоботяхъ.

— А чого вамъ треба? — спитавъ вінъ, доходячи до мене.

— »Коней, голубчику.«

— А подорожня, чи-бакъ одкритий листъ е?

Подавъ ему одкритий листъ; вінъ подивившись, заразъ и прогони вищитавъ, — такий митець! и ще накинувъ кілька верстовъ залишніхъ. Видно, що бувъ уже за Харьковомъ, и головою мота, якъ москаль, щобъ патли ему не лізли у вічі, и випинаетця, и палець засовуе за гаплікъ.

— А ну-лишень, — гукнувъ писарь на каліку, сховавши у кишеню гроші: — біга за десятникомъ, — та швидче!

Зновъ пошкандибавъ каліка; несколо веде того десятника.

— Тройку коней, — грізно крикнувъ писарь на десятника:— та швидче!

Стоіть десятникъ, тільки потилицю чуха.

— Чого стоішъ? позакладало? — гукнувъ писарь на его, та ажъ почервонівъ зо зла.

— Не позакладало, — одкаже десятникъ, — тільки що коні пасутця у степу!

— Такъ що, що въ степу? піймайте та й ведіть.

— Ще треба знайти, куди вони позабігали, ті бісови коні, та тогді вже — ловить...

— Такъ иди́ та й шука́й; а ту́течки, опрічъ ля́паса, нічо́го не зна́йдешъ.

Зни́къ деся́тникъ, якъ на то́й світъ провали́вся. Уже́ я й село́ обійшо́въ, и у таранта́сі до́бре ви́спався, а ко́ней нема́ та й нема́. На́дъ вечіръ вже пригна́ли двохъ шка́покъ зъ лошя́тами.

— А тре́йтя?—пита́ю.

»Ще не пійма́ли«, озва́всь деся́тникъ; »тамъ таке́ прудке́ зві-ря́— бода́й воно́ здо́хло, — що ніякъ ёго́ не наздоженёшъ.«

Ажъ о́сь веду́ть и того́ прудко́го — и лома́кою підганя́ють,— ба́чите — втоми́лось, серде́шне, утіка́ючи. Ста́ли запрага́ть, — по́раютця, якъ мо́кре гори́ть; розгле́дїлись — и того́ нема́ и дру́гого, и зновъ погна́ли каліку за віжками, за черезсіде́льникомъ. Да та́къ ажъ до за́хідъ-со́нця доде́ржали. Ру́шили — ле́дві ко́ні везу́ть; не схамену́лись, якъ и нічъ. Пого́ничъ поверта́е то у той бікъ, то въ дру́гий, — загуби́въ, га́спедівъ синъ, доро́гу, — ла́е и ко́ней, и хто іде, и нічъ, и степъ.

— Куди́ тебе́ нечи́ста ма́ти по́сить? — пита́ю пого́нича: доро́га пряма́, якъ стрілка, а ти кру́тисся, якъ му́ха увъ окро́пі?

»Коли́ жъ нічо́го не ба́чу«, ка́же пого́ничъ, и віжки ки́нувъ: ру мене́ ку́ряча сліпота́.«

Що́ тутъ роби́ть? Уве́сь степъ покарбо́ваний доро́гами; не втра́пишъ своеі, то ка́-зна-куди́ ще заідешъ,—ду́маю собі: хочъ би доіхать до трахти́ра, що недале́чко одъ Таранівки. Нічого роби́ти: — самъ сівъ за машталіра, и потихе́ньку, підтюпцемъ, благополу́чно доплели́сь до то́го трахти́ра.

III.

Хазя́йка сёго́ заі́здного дво́ру, вели́ка цокоту́ха, була́ до́бре мині по знаку́: ще зма́лку іі знавъ. Давно́ не ба́чились, а тільки ввійшо́въ у ха́ту, за́разъ пізна́ла.

— Чи жи́ві, чи здоро́ві? спита́въ я, протира́ючи о́чи и розгле́дюючись.

»Сла́ва Бо́гу«, одвітила хазя́йка, »ста́ріемось по-тро́шку. Ось подивітця на мою́ Оле́сю: ма́тіръ переросла́ (Хазя́йка гля́нула на чорня́веньку дівчину)! А се сліпе́нький дідъ (Хазя́йка показа́ла на столітнёго дідуга́на, що сидівъ на по́куті, схили́вши бідола́ш-

ну свою́ го́лову на гру́ди). »Коли́сь співа́въ по ярмарка́хъ, а тепе́реньки ті́льки луна́ хо́дить по світу одъ ёго́ пісе́нь: уве́сь го́лосъ ви́співавъ и банду́ру потрощи́въ.«

Га́рна дівчина Оле́ся, така́ по́вна, милови́да,—а я диви́вся на діда. Зро́ду тако́го діда не ба́чивъ: біле воло́сся, густе́ якъ лісъ, прикрива́ло ёму́ висо́ке чоло́; бро́ви насу́нулись на са́ми о́чи, а широ́ка борода́ ажъ до по́яса дохо́дила. Отта́къ узя́въ би пе́нзель, та й списа́въ вамъ Сату́рна.

— Відкі́ль стари́й? — спита́въ я діда, сіда́ючи біля ёго.

»Хто́ ёго́ зна«, обізва́лась хазя́йка: »уве́сь свій вікъ ве́штаетця по́ світу... Живъ коли́сь за Бере́кою, такъ давно́ жъ; тепе́речки вже забу́въ и свій ху́тіръ и свою́ ха́ту«.

— Ні, не забу́въ, — обізва́вся дідъ, — не забу́въ!..

»Куди́ жъ тепе́ръ иде́шъ«? попита́въ я діда.

— У Павлогра́дъ.

»Що́ жъ тамъ бу́дешъ роби́ти? співати, чи що́?

— Та ні, кажу́ вамъ, — перехопи́ла хазя́йка: — вінъ тепе́ръ не співа́, вінъ ті́льки роска́зуе.

»Що́ жъ вінъ роска́зуе?

— Що́ зъ нимъ діялось на сві́ті, якъ козаки́ би́лись зъ ляха́ми, съ тата́рами, про відёмъ, про чорті́въ!.. Вінъ уве́сь світъ ви́ходивъ: бувъ у Чорномо́ріі, у Глу́хові, за Ки́івомъ бувъ.... А чи не наста́вить вамъ самова́ру?

»Наста́въ, паніма́точко«.

— Отъ и до́бре! старе́нького напо́іте гаря́чимъ, то вінъ вамъ за те́ що-не́будь роска́же.

»Чи до́вго вже воло́чисся по світу?« спитавъ я дідуга́на, якъ ми зоста́лись вічъ-на-вічъ.

— До́вго, ду́же до́вго, — одказа́въ стари́й, ва́жко зітхну́вши, я ще ожени́всь у Оча́ківську зіму. Ми тоді жили́ на запоро́зькихъ зе́мляхъ во́льними козака́ми. Якъ же зруйнува́ли Ко́шъ, то нашъ посе́локъ зъ земля́ми доста́вся яко́мусь па́ну. Не схотівъ я зостава́тьця па́нськимъ, запрігъ коня́, узя́въ жінку зъ дітьми— дівчину по во́сьмому годку́ и хло́пчика-годовичка́, та й помандрува́ли у Чорномо́рію. Одъ То́ра довело́сь простува́ти сте́помъ якъ мо́ремъ, — ні хуторця́, ні земля́нки. Той рікъ була́ засу́ха, и яко́го ли́ха ми не одвідали: кінь безъ па́ши и подопо́ю здохъ, ми потягли́сь пішки; що́ було́ зъ на́ми запа́су — поіли, тільки й

живили́сь корінням̀ъ. Не пройшли́ й десяти́ день, якъ похова́ли дочку́ й си́на, а тамъ, зъ нудьги́ та го́лоду, занеду́жала й жінка; я ні́съ її на своіхъ рука́хъ, поки́ не оддала́ души́ Бо́гу. По Чорномо́рії я ве́штався три́дцять пять літъ; би́вся зъ Черке́сомъ, пла́вавъ по Чо́рному мо́рю, а тамъ потягло́ мене́ знову́ у рідну сто́рону: забажа́въ ще́ поба́чити ба́тьківску ха́ту и поклони́тьця ба́тьківській и ма́тчиній моги́лі. Прийшо́въ—и не пізна́въ на́шого ху́тора: де́ була́ на́ша ха́та, тамъ роспло́жено па́нський садъ; а де́ було́ кладови́ще, тамъ стоя́въ шино́къ. Ви́йшовъ я на ви́гонъ, гля́нувъ на сло́боду и округи́, згада́въ молоди́й вікъ, ба́тька, ма́тіръ, жінку, діте́й, — запла́кавъ та й пішо́въ собі світъ-за-очи́ма. Отъ уже́ три́дцять літъ, якъ тутъ ве́штаюсь, а три́-тридцять, якъ живу́, — а, бре́ше вона́, ба́тьківськоі ха́ти не забу́въ. Було́, якъ заспіва́ю, то мині здава́лось, що я сижу́ біля своеі ха́ти и мене́ слу́хають ба́тько, ма́ти, жінка й діти!...

Не бага́то словъ увъ оповіда́нні діда, а скільки жъ то ли́ха!.. И не хотівъ вінъ розжа́лобить, а гли́боко уразивъ се́рце, ва́жко засмути́въ ду́шу. До́вгу ни́зку ли́ха нанизала ёму́ зля́я до́ля!...

Хазя́йка не дала́ мині зъ стари́мъ до́бре й розговори́тьця, принесла́ чашки́ и знову́ заторохтіла: то про Тро́іцький я́рмарокъ, то які́ панночки́ повихо́дили за́міжъ, які́ ще позоста́вались, налічила зъ деся́токъ поме́рлихъ и присіпалась до діда — чо́мъ вінъ не роска́зуе.

— Якъ же мині роска́зувать,—серди́то обізва́ся дідъ,—коли не дасте́ й ро́та роззя́вить; скрего́чете, мовъ соро́ка на вербі...

»Мовча́тиму, ей-же Бо́гу мовча́тиму,« перебила хазя́йка, »тілки роскажіть, бу́дьте ла́скаві, про зако́ханого чо́рта.«

— До́бре, до́бре, раскажу́, — чо́мъ не росказа́ть?

Дідъ зъ вели́кимъ сма́комъ пивъ чай, заіда́ючи ха́рьківськими бу́бликами, а тамъ, якъ ви́хиливъ ще дві ча́шки зъ ро́момъ, то ажъ помоло́дшавъ.

— Оттепе́ръ, ка́же, — яко́сь си́ли добу́въ; здае́тця, якъ-бі банду́ра, то бъ и заспіва́въ!...

IV.

Стари́й підня́въ го́лову, и ще́ тверди́мъ го́лосомъ та́къ поча́въ:

»Дідъ мій бувъ Запоро́жець. Де́ ёму́ на віку́ не довело́сь бу-

ва́ти, чого́ не ба́чити! Уда́вся вінъ висо́кий, здоро́вий, та ще вдода́токъ бувъ и вели́кий характе́рникъ: зна́вся зъ відьма́ми, зъ чорта́ми, нічо́го на світі не боя́всь: правди́вий бувъ Запоро́жець! Уже́ не молоди́мъ прийшо́въ вінъ на Бере́ку, одружи́всь и збудува́въ собі ха́ту. Живъ вінъ тро́хи не сто годъ, и до сме́рти до́бре чувъ, ба́чивъ, а и́нколи ся́де на коня́ и о́хляпъ поіде у Ха́рьківъ. Отто́ жъ підъ ста́рість, у до́вгий зі́мній ве́чоръ, якъ ста́не оповіда́ти, що́ зъ нимъ діялось, то и сміе́сся, й пла́чешъ, а ча́сомъ и чупри́на полізе до гори́. Ось якъ вінъ роска́зувавъ про того́ зако́ханого чо́рта: разъ у схва́тці съ тата́рами уби́ли підъ дідомъ коня́. Жаль ёму́ того́ коня́, якъ рідного бра́та: одно́ — наде́жний бувъ, а дру́ге — тако́го не знайти́ и на Запоро́жжі. Отъ дідъ и пішо́въ у сло́боди пошука́ть лица́рського коня́. Тоді не та́къ, якъ тепе́ръ: скрізь була́ пусти́ня, и діду довело́сь простува́ть по степа́хъ навмани́, пита́ючи доро́ги то у со́нця, то у звіздъ. Черезъ кільки днівъ дідъ тро́хи притоми́всь, вже и то́рба зъ запа́сомъ стули́лась: оста́нній суха́рь доівъ. Зблизившись икъ Донцю́, де́ почина́ютця пу́щі, дідъ зайшо́въ у таку́ гущиню́, що не продере́тця:—морське́ де́рево такъ и хви́ська, а тутъ и нічъ насу́нулась. Сівъ вінъ собі підъ куще́мъ, підожда́ти, по́ки зійде місяць, та й задріма́въ. Ажъ чу́е скрізъ сонъ, нена́че хто ёго́ тя́гне; проки́нувся — ди́витця: по́вний місяць уже́ височе́нько, и вітру нема́, а дере́вья такъ и гну́тця, усе́ въ одну́ сто́рону, и ёго́ само́го, нена́че яка́ невидо́ма си́ла, туди́ жъ тя́гне. Ставъ пригля́дуватьця, ажъ недале́чко стоіть висо́кий коза́къ у кармази́новімъ жупа́ні, въ чо́рнихъ оксами́товихъ шта́няхъ и жо́втихъ чобо́тяхъ... таки́й зъ нёго чуприндирь, що кра́щого не знайти́ и у Ко́ші! Стоіть про́ти місяця и рука́ми розма́хуе, нена́че кого́ до се́бе ма́нить; и якъ махне́ руко́ю, то ажъ де́рево до ёго нахиля́етця и мого́ діда немовъ хто у поти́лицю штовха́. Що́ воно за бісъ, поду́мавъ дідъ: чи не характе́рникъ?.. Хотівъ вже́ бувъ до ёго обізва́тьця, коли чу́е, щось ге́пнуло за дере́вьями, да такъ и́скрами кру́гомъ и обси́пало. Ди́витця, изъ-за кущівъ ви́йшла височе́нька дівчина, ще молода́, до́бре у́брана, да така́ га́рна, що кра́щоі и у сні не поба́чишъ. Несміло підійшла́ вона́ до козака́, згорну́вши на гру́дяхъ ру́чки.

— »Чого́ ти мене́ звавъ?« спита́ла дівчина таки́мъ голоско́мъ, що у мого́ діда ажъ се́рце тёхнуло.

— »Пита́ешъ — чого́?« промо́вивъ коза́къ: »хиба́ не зна́ешъ, я́къ я тебе́ коха́ю?.. безъ те́бе мині и пе́кло не ми́ле!..«

— »Отъ зачи́мъ!« ка́же дівчина: »я давно́ вже се зна́ю.«

— »Та ні«, одказа́въ козакъ, »не зати́мъ... якъ тебе́ поба́чу, то й самъ не зна́ю, що́ говорю́... Слухай, Ода́рко... скажи́ мині, чи хо́чешъ бу́ти мое́ю?... хочъ би́ ти у ти́сячну до́лю такъ мене́ коха́ла, якъ я́ тебе́!..«

— »Не тре́ба мині твого́ коха́ння, — не проси́ й мого́!« одрізала дівчина, одверну́вшись: «цуръ тобі, пекъ тобі!«

— Ого́! поду́мавъ дідъ,—яка́ пиха́! зневажа́е залиця́ння тако́го козака́!

— »Слу́хай, Ода́рко«, зновъ поча́въ коза́къ: »будь мое́ю, — усе́ для те́бе зроблю́, усе́, чого́ тільки не забажа́ твоя́ душа́!«

— »Не зро́бишъ того́, чого́ моя́ душа́ бажа́е...« одвітила дівчина, ва́жко зітхну́вши.

— »Зроблю́, ей-же-ей зроблю́«, ка́же коза́къ, »заприсяга́юсь тобі пе́кломъ, Сатано́ю и Фарнагіемъ, — щобъ мині не згуби́ти ні годно́і Христия́нскоі душі, щобъ мині провали́тьця у поло́нку після Орда́ні.... о́тъ-що!«

— Якъ вінъ, га́спедівъ синъ, куме́дно бо́житця, — поду́мавъ дідъ.

— »Не віришъ?« пита́ коза́къ.

— »Не вірю«, одвітила дівчина.

— »Не зна́ю, якъ вже мині й заприсяга́тись, моя́ голу́бко!« ка́же коза́къ, — та пригорну́въ до се́бе дівчину и цмо́кнувъ іі у що́ку....

Якъ цмо́кнувъ, такъ по усій пу́щі луна́ й пішла́: захита́лись дере́вья, гілля́ до гіллі́ прихили́лось, зату́ркали го́рлиці, и мого́ діда нахили́ло до землі, — яко́сь гу́би засвербіли, а ту́тъ, де не взяла́сь жа́ба, — пли́гъ! и не схамену́всь, якъ чоло́мкнувъ бісову тварю́ку. И що́ бъ ви ду́мали? такъ ёму́ зроби́лось ве́село на душі, мовъ га́рну дівчину у ясне́ о́ко поцілува́въ!

»Охъ«, застогна́ла дівчина, ухопи́вшись за що́ку: »я́къ же ти мене́ опікъ!.. такъ одъ те́бе пе́кломъ и несе́. Коли́ хо́чешъ,« ка́же, »изо мно́ю розмовля́ти, то хиба́ у воді; а тутъ ти мене́ спа́лишъ своімъ пеке́льнимъ коха́ннемъ!«

»До́бре«, ка́же коза́къ: »ну́мо жениха́тись у воді.«

Ди́витця дідъ: біля іхъ и са́жалка; чи вона́ була́, та вінъ іі

не ба́чивъ, чи вона́, спра́вді, уроди́лась, якъ ка́жуть, по щу́чому веліню. — Щó се за вра́жа ма́ти! — поду́мавъ дідъ: — чи вони́ люде, чи мóже чорти́?..

Су́мно ёму́ ста́ло, ажъ оселе́дець біля́ ву́ха заворуши́вся. Да́лі ди́витця, ста́ли роздяга́тьця; дівчина, бу́цімъ не своїми рука́ми, зняла́ кóфту, пла́хту; да́лі, не сорóмлячись, и сорóчку. Якъ гля́нувъ на не́і дідъ, то ажъ жижки́ въ ёго затруси́лись; давно́ вже́ мину́ло, а було́ якъ захóдится роска́зувать, то ажъ цмóка, ажъ óчи ёму́ рóгомъ лізуть, — така́ га́рна! Місяць якъ сріблóмъ поня́въ біле її тіло; уся́ якъ ви́точена, а дóвга коса́, чóрна, якъ гадю́ка, такъ и обвива́етця кругъ тонкóго ста́ну, и ажъ до пóвнихъ литóкъ достае́. Поверну́лась зъ плече́й — ще кра́ща; тільки роздиви́вся дідъ, ажъ хвóстикъ! такъ собі, невели́чкий, та ма́тері ёгó бісъ — хвóстикъ! вихóдить, що дівчина—відьма. Гля́нувъ на коза́ка, ажъ и въ тóго — хвістъ! такий дóвгий, якъ у хорта́, и такъ імъ вигра́е, якъ кітъ передъ ми́шою. — Эге́, такъ-отъ вонó щó! Тутъ уже́ догада́вся дідъ, що чортя́ка та закоха́вся у відьму. Ду́мае собі: ха́й же вамъ бісъ! хотівъ бувъ тіка́ть, такъ не здвигне́тця, якъ до землі прирісъ; хотівъ перехристи́тися, такъ руки́ не підійме. Доса́дно діду, та нічого робити; прини́къ до землі и ди́витця — щó да́льшъ бу́де. Увійшóвъ чóртъ зъ відьмою по пóясъ у са́жалку и зновъ ста́ли розмовля́ти:

»Скажи́ жъ мині, моя́ голу́бко, чогó бажа́ твоя́ душа́?« пита́е чортъ.

»Не скажу́«, одрізала відьма: »не скажу́, пóки не заприся́гне́сся пеке́льнимъ слóвомъ — зроби́ти...«

»Чи дóвго жъ бу́дешъ моéю, якъ обіща́ю?«

»Де́сять годъ«, ка́же відьма.

»Дóбре, усе́ зроблю́!« (Чортъ протягну́въ ру́ку.) »Отъ тобі рука́ и моé пеке́льне слóво!«

»Хто жъ насъ розібье́?« спита́ла відьма: »тре́ба, щобъ була́ христия́ньска душа́, та ще́ й чи́ста.«

»Е кому́ розби́ти«, ка́же чóртъ, мотну́вши головóю у той бікъ, де лежа́въ дідъ: »тамъ«, ка́же, »підъ куща́ми схова́вся Запорóжець.«

»Хиба́ жъ у запорізцівъ чи́ста душа́?« пита́ відьма: »вони́ жъ самі пьяни́ці та розбиша́ки....

»Эге́, роска́зуй«, ка́же чортъ: »нема́ найчисті́шої душі, якъ у

тіхъ гаспедовихъ синівъ; вони́ живу́ть по писа́нию: не во́дютця зъ жінка́ми, бьютця зъ бусурма́номъ и боро́нять віру правосла́вну... Эй, Кири́ло!« гукну́въ чортъ: »ходи́ лише́нь сюди́, та розби́й насъ.«

Дідъ ні чичи́ркъ, лежи́ть собі, и духъ притаївъ.

»Та ну́ жъ бо йди́«, зновъ кри́кнувъ чортъ: »ти жъ не разъ похваля́вся, що не боісся чо́рта, а тепе́речки й злякавсь?..

Доса́дно діду; ба́чите — пристиди́въ дия́вольський синъ. Нічого роби́ти, тре́ба йти́, щобъ, спра́ві, ще не поду́мавъ, що злякавсь.

»Чого́ жъ тутъ лякатьця?« (обізва́вся дідъ серди́то, а самъ ажъ тру́ситця).

»Такъ чому́ жъ не йде́шъ?«

»Лю́льки шука́ю, загуби́въ у траві та й не знайду́.«

»Та не бреши́, — лю́лька у кише́ні.«

— Дия́вольський синъ! — поду́мавъ дідъ:—вінъ усе́ зна́е; одъ ёго ніякъ не одбре́шесся.

»Розбива́й!« ка́же чортъ, якъ дідъ підійшо́въ ихъ са́жалці.

»Якъ же я васъ розібью́?« ка́же дідъ. »Отъ, ста́ну я чортъ-ба́тька-зна для ко́го кармазини каля́ти! Вихо́дьте на сухе́!«

»Хиба́ тобі повила́зило?« ка́же чортъ: »глянь, — де дівчина стоіть — заме́рзло; сміло йди́,—зде́ржить.«

»Що́ за бісъ!? спра́ві заме́рзло... чого́ жъ воно́ заме́рзло?« пита́ дідъ.

»Того́«, ка́же чортъ, »що вона́, — бода́й ії! такъ те́пло мене́ любить, що ажъ вода́ біля не́і ме́рзне.«

»А чого́ жъ се, чо́рте«, пита́ дідъ, »біля те́бе па́ра йде́ зъ води́ и бу́льбашки схо́плюютця?«

»Эге́!« ка́же чортъ: »се такъ я ії щи́ро коха́ю, що ажъ вода́ біля ме́не кипи́ть.«

— Оттако́го бъ коха́ния на́шимъ дівча́тамъ! — поду́мавъ дідъ; та спусти́вся на са́жалку, зайшо́въ по-за відьмою и тільки розби́въ ру́ки, а зъ ру́къ щось плю́сь у во́ду, — задри́гало ніжками та й пури́ло.

»Що́ воно таке́?« спита́въ дідъ: »жа́ба, чи що́?«

»Ні«, ка́же чо́ртъ: »до́вго за ру́ки держа́лись, такъ чортеня́ вроди́лось.«

— Не бісові чорти́! — поду́мавъ дідъ: — які вони́ плодю́щі! тільки за ру́ки взяли́сь — уже́ й чортеня́ привели́.

»Ну, тепéрь кажи́«, питáе чортъ вíдьму: »чогó душá твоя́ бажáе?«

»Спасéння!« промóвила відьма.

Якъ сé почýвъ чóртъ, то ажъ нóсомъ закрути́въ, — нáче чемери́ці понюхавъ.

»Не мóжна сёгó«, застогнáвъ вінъ, »и не проси́! ніякъ не мóжна!..

— Чому́? — питá дідъ.

»Тому́, що вонá вже разъ одступи́лась одъ Гóспода, то у дрýге її Богъ до сéбе не прийме.«

— Брехня́, — кáже дідъ: »якъ покáетця, то и въ трéте прийме!..

»Та нý вже, мовчи́«, гри́мнувъ на ёго чортъ, »коли́ не знáешъ Писáння!«

»Ні, знáю«, кáже дідъ, »я й самъ пісьмéнний, — не разъ и Апóстола у цéркві читáвъ!« Дідъ бувъ таки́й завзя́тий, що якъ піде на спóръ, то хочъ чогó й не знáе, то скáже — знáю; а чáсомъ й своé вигадае, и такъ до ладý приткне́, що зібъé зъ пантели́ку й знáючого. »Отъ, приміромъ сказáти«, кáже, »я й чоловікъ, а мині жаль небóги: здаétця, чогó бъ не зроби́въ для її спасéння; атó жъ самъ Богъ милосéрдний, я́къ-би Вінъ не поми́лувавъ грішної, коли́ вонá кáетця?«

»Такъ коли́ жъ вонá ужé одхристи́лась...« пробубонівъ чортъ.

»Не вели́ка бідá«, перебивъ дідъ, »пінъ и въ дрýге перекрéстить, и дуне́ на тéбе, и плюне!«

Чóртъ на сé и одвіту не давъ; стоіть собі, повісивши нісъ, та чýха поти́лицю.

»Ти жъ самъ знáешъ«, обізвáлась до чóрта відьма, »що не по своій вóлі зроби́лась я відьмою: мене́ мáти приневóлила.«

»На щó слýхала мáтіръ«, кáже чортъ, »ти мáла свій рóзумъ и свою вóлю!..

»И сé брехня́« сміло перебивъ дідъ; — бо якъ піде на прáвду, то вінъ и чóрта не злякáетця. »Нуждóю та страхомъ«, кáже, »мóжна до усёго приневóлити чоловіка«.

»Подýмайте сами́ — чогó прóсите«, заголосивъ чóртъ (трохи́ не плáче, бідолáшний!) я́къ же мині помагáти спасéнию душі, коли́ на тé я чортъ, щобъ губи́ти християнські дýші?.. Та мене́« кáже, »за сю пáкість на шматки́ розірвуть!..«

»Зá що?« кáже дідъ, »не вели́кий гріхъ спасти́ однý дýшу, а

тамъ пока́есся, та де́сять загу́бишъ, то тебе́ ще й по голо́вці погла́дють.«

»Эге́! хиба́ проти́ ше́рсти!« прогарча́въ чортъ.

»А я́къ-би я тебе́ коха́ла!« обізва́лась відьма, — и такъ гля́нула на чо́рта ка́рими очи́ма, що ажъ лідъ затріща́въ и поколо́всь, тро́хи дідъ не шубо́встнувъ у са́жалку, та яко́сь вискочивъ на бе́регъ.

Заду́мався чортъ, до́вго стоя́въ пону́рившись, довго міркува́въ, та вже нечи́ста ма́ти такъ ёго́ підкури́ла тимъ коха́ннемъ, що нічо́го й не ви́гадавъ.

»Що бу́де, то бу́де«, сказа́въ чортъ, обернувшись до відьми: »неха́й бу́де по тво́ему!«

Ви́йшли изъ са́жалки; відьма повеселі́шала, а чортъ засмути́всь, ажъ хвістъ обвісивъ. Дідъ помігъ ві́дьмі одягти́сь, своіми рука́ми обте́ръ біле її тіло, и примітивъ, що вона́ до ёго яко́сь тепле́нька ста́ла. Накида́ючи на не́і соро́чку, вінъ шепну́въ ій на ву́хо, щобъ ёго́ слу́хала. У діда чу́ле було́ се́рце: ёму́ жаль ста́ло відьму.

»Ну, чо́рте«, пита́е дідъ, »яку́ тепе́ръ даси́ пора́ду? Що́ сотвори́мъ, да спасе́мся?« дода́въ зъ писа́ния.

»Отъ-що«, одві́тивъ чортъ, зкриви́вшись«, не дале́ко відсіля́ спаса́етця пусте́льникъ: вели́ку си́лу вінъ ма́е у Го́спода, уся́кий гріхъ одмо́лить, хочъ яко́го грішника на пу́ть и́стиний наведе́. Такъ о́тъ же: якъ поживемо́ десять годъ изъ Ода́ркою, я й одведу́ її до то́го пусте́льника, то вінъ и спасе́ грішну ду́шу...«

»Э, ні, чо́рте«, перебі́въ дідъ: »за де́сять літъ бага́то води́ утече́; по́ки со́нце зійде — роса́ о́чі ви́сть. До десяти́ годъ або́ відьма ду́ба дасть, або́ пусте́льника Госпо́дь до се́бе прийме. Ні, такъ не годи́тця! поча́вши таке́ до́бре діло, тре́ба за́разъ ити́ до пусте́льника за благослове́нием.«

»Та ну́, не втруча́йся не въ свое́ діло!« загомонівъ чортъ, — ажъ затупотівъ нога́ми зъ доса́ди.

»Якъ — не мо́е!« скрича́въ дідъ: »я жъ васъ розбива́въ?.. А якъ збре́шешъ?.. Де́ вона́ тоді буде́ шука́ть того́ пусте́льника?

»Чорти́ ніко́ли ще не бреха́ли!« ка́же чортъ.

»Чорта́мъ ще й ду́рень віри не ня́въ!« одрізавъ дідъ.

»Неха́й бу́де та́къ,« обізва́лась відьма, »якъ дя́дько Кири́ло »ка́жуть; тре́ба хочъ подиви́тьця, де́ спаса́етця той пусте́льникъ.«

До́вго змага́лись, трохи́ не пола́ялись, — такъ діда жъ и найста́рший чортъ не перемігъ би. Нічого робить: чортъ почу́хавъ поти́лицю, и згоди́всь. Мо́же у ёго була́ яка́ потайна́ ду́мка, да мій дідъ и собі вже ви́гадавъ, що́ почати... Поба́чимо, хто кого́ оду́рить!

»Ну, тепе́рички, моя́ відмечко«, ка́же чортъ, »лети́ собі до до́му, а за́втра ми зъ Кири́ломъ при́йдемо до те́бе, и не га́лячись, підемо до пусте́льника.«

Відьма сіла на мітлу́, кивну́ла голово́ю до діда, ви́соко звила́ся у го́ру и, порівня́вшись зъ зірочка́ми, полетіла у свою́ ха́ту. Чортъ не спуска́въ зъ не́і очей ажъ-по́ки не зни́кла, а тамъ такъ ва́жко зітхну́въ, що ажъ ли́сте зашелестіло; по доли́ні мовъ що покоти́лось; сви́снула сова́; дале́ко, у боло́ті, загу́въ бага́й. И въ діда се́рце защиміло, и вінъ здихну́въ, нена́че отъ-о́тъ попрща́вся зъ тіею дівчиною, що вже давно́ поки́нувъ, якъ помандрува́въ у Січъ.

V.

Дідъ съ чо́ртомъ, умовля́ючись, пішли́ по́плічъ, якъ това́риші. Дідъ изъ свого́ ріжка́ натру́сить чо́рту каба́ки, а чортъ ёму́ натру́шуе своеі, — таки́й послу́жливий! скоро дідъ набье́ люльку, а чо́ртъ за́разъ и вогню́ ви́креше. Дідъ згада́въ горілку, — чортъ за́разъ и часту́е, а на за́куску тя́гне изъ су́нки жа́рену ка́чку и пшени́шний пу́хлий буханецъ. Ви́пивши и попоівши, діда взяла́ охо́та подратува́ть чо́рта: хотівъ бувъ перехристи́ть ёго́, та поду́мавъ: цуръ ёму́! хочъ вінъ и чортъ, а все́-таки́ това́ришъ: не че́сно това́риша обіжа́ти. Де́лі, якъ гля́нувъ на чо́рта, то ажъ жаль ёго́ ста́ло: де́, звісивши го́лову, немо́въ на ши́бениці ёго́ веду́ть.

»Роска́жи мині, чо́рте«, пита́ дідъ, »яки́мъ се по́битомъ ти закоха́вся у відьму? Адже́ жъ коха́ннє доста́лось не чорта́мъ на до́лю, а намъ грішнимъ?

— Э, бра́тіку, ка́же чортъ, — и у на́съ е́ се́рце, таке́ жъ якъ и въ ва́съ, и зъ ти́мъ же прокля́тимъ коха́ннемъ! Якъ же бъ ми васъ и спокуша́ли, коли́ бъ не зна́ли, що́ за се́рце у люде́й.... А ма́ючи се́рце, я́къ ёго устережёсся?... Слу́хай, Кири́ло, — ка́же

чортъ, зня́вши ша́пку и уклони́вшись: —поможи́ мині у моімъ ді́лі, а я тобі у вели́кій приго́ді ста́ну.

»До́бре,« ка́же дідъ: »чомъ до́брому чо́ртові не помогти́?«

А у само́го все на ду́мці, я́къби ви́рятувать дівчину: яко́сь вона́ и ді́дові припа́ла до душі.

— Чого́ хо́чешъ, того́ й проси́,—ка́же чортъ.

»Та мині нічо́го й не тре́ба«, ка́же дідъ: »тільки хиба доста́ти до́брого коня́.«

— Я тобі кінь!« ка́же чортъ. »самъ переки́нусь у коня́, и пья́ть годъ бу́ду тебе́ вози́ть, а пья́ть поживу́ зъ Ода́ркою. Я у пья́ть літъ вобга́ю пьятьсо́тъ—на те́ ми чорти́!«

»Гледи́ жъ—не збреши́«, ка́же дідъ.

»Не бійсь,« ка́же чортъ: »отъ тобі рука́ и бісове пеке́льне сло́во! та намъ не ве́лено—не то обма́нювать,—и зачіпа́ти За́поро́зцівъ, бо вони́ бью́тця за віру правосла́вну. Та не вели́ка й кори́сть«, ка́же, »коли́ яко́го й завербу́ешъ: убью́ть ёго́ на війні́, отъ вінъ уже́ й не нашъ. Відки візьметця Петро́ зъ ключе́мъ и одби́въ: такъ и товче́ на́шого бра́та, не розгля́дуючи—де́ о́ко, а де́ мо́рда; а ще якъ ви́хопитьця Мико́ла, то шви́дче втіка́й, бо ве́рнесся у пе́кло безъ хвоста́: одірве!«

»А бага́то въ васъ у пе́клі запоро́зцівъ?« пита́ дідъ.

»Ні одні́сінького: які були́, то й тіхъ повиганя́ли.«

»За́ що жъ ви іхъ повиганя́ли?« пита́ дідъ. »Для на́шого бра́та вамъ жа́лко и кутка́ у пе́клі?«

»Коли́ жъ таки́й гарми́деръ ро́блять,« ка́же чортъ, »що усіхъ чортівъ изъ пе́кла порозганя́ли. Хиба́ не чувъ про то́го Ма́рка, що то́вкся по пе́клу?«

»Що́ жъ вони́ тамъ ро́блять?« спита́въ дідъ.

»Понапива́ютця гаря́чоі смоли́,« роска́зуе чортъ, »якъ тіі горілки, позала́зять у пе́чи, та й почну́ть шпурля́ть відтіля́ голове́шками. Разъ трохи́ пе́кла не спали́ли!... Або́ ля́же на ско́вороду, та й звели́ть підпа́лювать себе́. Пече́шъ ёго́, пече́шъ, ажъ шку́ра на тобі тріскаетця, а вінъ тебе́ ла́е, кепку́е зъ те́бе, та кричи́ть на усе́ пе́кло, що змерзъ. Біда́ зъ ни́ми!... Де́ вже допекти́ іхъ вогне́мъ: уже́ якъ іхъ шква́рили Ляхи́, та й ті нічо́го не доказа́ли. И у пе́клі того́ не ви́гадаешъ, що вони́ зъ ни́ми ко́іли: Налива́йка пекли́ у мідному бику́; уся́ Варша́ва збіглася послу́хать, якъ зареве́ би́къ, та нічо́го й не почу́ли: изтлівъ сер-

де́шний на ву́гілле, а го́лосу не давъ. Що ти зъ ни́ми вдієшъ? коли́ живо́го не дошку́лишъ, а то́ жъ ме́рлого!«

»Такъ и тре́ба,« ка́же дідъ: »на те ми Січовики́, щобъ усе́ ви́терпіть: тимъ и не стра́шно нічо́го.«

»Тріва́йте,« одповісти́въ чортъ: »ско́ро й на васъ спаде́ вели́ка халепа: не допечемо́ васъ огне́мъ, такъ проберемъ моро́зомъ.«

»Де́ жъ ви того́ моро́зу добу́дете у пе́клі?« пита́ дідъ.

»Эге́, у насъ нема́, такъ у васъ є́«, ка́же чортъ, »ми вамъ тако́го чоловіка ви́гадаемъ, що гірший ще бу́де одъ самісінького чо́рта!... Вінъ вамъ нажене́ хо́лоду, — поба́чите!... Та неха́й вони́ ска́зютця, — мині тепе́ръ, якъ ка́жуть, не до со́ли.... Що́-то ро́бить моя́ Ода́рочка?«

»Скажи́ мині, чо́рте,« поспита́въ дідъ, »чи вона́ у своіхъ тілеса́хъ, чи, мо́же, переки́нулась у таку́ га́рну дівчину, якъ ти у козака́?«

»Ні,« ка́же чортъ, »вона́ тако́ю уроди́лась, неха́й хочъ царицею переки́нетця, то кра́щою не бу́де! Одно́ тількі у не́і не га́рне: ла́тво її збити зъ грішного пути́.«

»Якъби́ не ка́тержний, ана́фемський хво́стикъ!« пробубонівъ дідъ, та й заду́мався.

Отта́къ розмовля́ючи, йду́ть собі лісомъ, а тутъ изъ-за кущівъ, то ви́ткне мо́рду лісови́къ, зъ зеле́ною, якъ трава́, бородо́ю, то ви́скочить вовкула́ка, підпере́заний черво́нимъ по́ясомъ, то стриба́ють зъ гилы на гилью упирі у німе́цькихъ гала́нцяхъ, и всі жъ-то низе́нько и привітно імъ кла́няютця. Де́лі якъ пішли по-надъ Лима́номъ, то й перелічи́ти не мо́жна, що чортеня́тъ повиска́кувало изъ боло́та.

»Здра́стуйте, дя́дечку!« озива́ютця до чо́рта, а діда такъ жаха́ютця: ба́чуть, що Запоро́жець.

»Не бійтесь, дітки«, вмовля́е чортъ, »се, щобъ ви зна́ли, мій сватъ Кири́ло.«

— Дідъ роска́зувавъ, що бісеня́та, по́ки ще молоді, то зеле́ні, якъ осітня́къ, — нема́ въ іхъ ні ріжкі́въ, ні ки́гтівъ. Та й втішні жъ, роска́зувавъ: бігають, кру́тятця, плига́ють якъ жа́би, гра́ютця, якъ кошеня́та, пурне́ у во́ду, а ніжки́ ви́суне зъ боло́та та й дрига́. Дідъ хотівъ-бувъ іхъ подратува́ть, показа́въ імъ ду́лю, такъ вони́ у води́нъ го́лосъ такъ и запискоті́ли:

»Спаси́бі вамъ, дя́дечку Кири́ло, за ва́шу ла́ску!«

А чортъ и ка́же:

»Ти іхъ и цукеромъ не годуй, тільки покажи імъ дулю.«

Стало світать, якъ дідъ изъ чортомъ вийшли изъ лісу. Не пройшли й півъ верстви, якъ побачили у долині велику слободу.

»Отсе жъ,« каже чортъ, »и слобода, де живе Одарка; отто жъ, дивись, и ії хата въ вишневімъ садочку. Иди жъ теперечки до неі, переднюешъ, а у вечері, якъ сонечко сяде, то й я до васъ прийду. Я бъ и заразъ«, каже, »зъ тобою пішовъ, такъ у день не безпешно нашому брату ходить у слободу: часомъ наскочишъ на ярчука (¹), та й півні кукурікають, щобъ вони виздихали.«

Попрощавшися зъ чортомъ, дідъ зпустився зъ гори якъ плесу. Доставъ изъ сунки бритву, виголивсь, надівъ чисту сорочку, помолився Богу та й пішовъ до відьми. Дорогою зірвавъ по кущику горицвіту, золототисячнику и дроку, згорнувъ до-купи, закрутивъ и заткнувъ собі за лівий чобітъ (²). Се бъ-то для того, щобъ чортъ не знавъ, объ чімъ дідъ буде розмовляти зъ відьмою.

VI.

Одарка стріла діда на порозі зъ хлібомъ зъ сільою, и поклонилась єму трохи не до землі.

— Спасибі вамъ, дядечку,—каже:—одъ мене бідноі сироти и Богъ и люде одступились, а ви не цураетесь мене грішноі. Чи не поможе вамъ Господь вирятувать грішну душу!

»Небійсь, Одарко«, одказавъ дідъ: »вирятуемо! не дамо чортяці насміятись!«

Дідъ, кажу вамъ, мавъ любливе серце: часомъ, щобъ заспокоіти бездольного, то и завіряе и збреше.... Простора хата у відьми, а якось пусткою оддае; и вікна чималі, а сумно. Одарка такъ и пригортаетця до діда, такъ єму у вічі й дивитця, то усміхнетця, и радіе-бъ-то, и зновъ засмутитця. Якъ сонечко у восени: вигляне изъ-за хмари и заразъ сховаетця.

— Дядечку,—каже відьма стиха дідові,—не кажіть мині нічого, що у васъ на думці, ато бісівъ Трутикъ (такъ звали закоханого чорта) усёго довідаетця.

(¹) *Ярчукъ* — собака зъ вовчимъ зубомъ, и таку мае натуру, що й одъ чорта устереже и відьму задавить, и, хочъ яку мару, чуттемъ почуе.

(²) Повірье.

»Не бійсь, моя кра́лечко,« ка́же дідъ, уда́ривши по лівому чо́боту: »я ёму́, и́родовому си́ну, у́ха заткну́въ. И ми́ де́-що зна́емо!... Не почу́е й не поба́чить, хочъ би я о́сь-що зъ тобо́ю зроби́въ«. Се ка́жучи, перехристи́въ відьму.

Якъ перехристи́въ, такъ и вда́рило її объ зе́млю: посиніла, запінилась, такъ и звело́ її у клубо́къ. Дідъ злякáвся и не радъ вже, що перехристи́въ; скорішъ ій підъ нісъ сину́въ ду́лю, такъ вона́ одкри́ла о́чи и ле́дві опа́мятувалась.

— Охъ мині ли́шечко,—простогна́ла відьма:—я́къ же ви мене́ вразили, якъ ножемъ у се́рце!... Не христіть мене́,—блага́е:—ато́ нечи́стий мене́ зада́вить, и до спасе́ния не допу́стить.«

»Ні, не бу́ду, не бу́ду«, ка́же дідъ: »неха́й вже тебе́ пусте́льникъ хри́стить Бо́жою руко́ю!«

Відьма поста́вила діду сніданнє и пля́шку тернівки, а сама́ ста́ла по́ратьця біля́ пе́чі. Дідъ їсть и запива́е, а самъ оче́й не зво́дить зъ Ода́рки: яка́ бъ то, ду́мае, була́ зъ не́і молоди́ця, хазя́йка, коли́ бъ не ка́тержний, ана́фемський хво́стикъ, бода́й вінъ ій одсо́хъ!

— Роскажи́ мині, Ода́рко,— спита́въ дідъ:— якъ се ма́ти переки́нула тебе́ у відьму?

»Бода́й не зга́дувать«, почала́ Ода́рка, зітхну́вши: »о́тъ якъ се ста́лося. Я була́ ще по восьмо́му го́ду, якъ мій ба́тько поіхавъ на війну́. У два ро́ки верну́вся коза́къ Хве́діръ, зъ недо́брою вістю, що мого́ ба́тька десь за Дніпро́мъ вби́то. Ма́тіръ ду́же убива́лась за ба́тькомъ,—та ско́ро и заспоко́ілась: Хве́діръ живъ у на́шій ха́ті и полюби́вся ма́тері. По слободі ходи́ла вже чу́тка, що ма́ти йде за ёго за́міжъ, ажъ Хве́діръ пола́явся зъ ма́тірью и взявъ за се́бе дочку́ на́шого сусіди. И не росказа́ть мині, що тоді счини́лось зъ ма́тірью: бігала по слободі якъ несамови́та, а тамъ и зни́кла. Усі ду́мали, що вона́ наложи́ла на се́бе ру́ки, ажъ черезъ два ти́жні, у ночі, чу́ю—щось загуло́ на гори́щі, засту́кало у ко́мині, и по ха́ті повіяло хо́лодомъ. Я схопи́лась та до пе́чі,— ду́маю—чи не горимо́; дивлю́сь—хтось роздува́ ого́нь,—загорівся віхоть—ажъ ма́ти! Така́ роспа́тлана, розхрістана, а о́чі такъ и пала́ють, ажъ стра́шно на не́і гля́нути. Я зраділа та й ки́нулась до не́і, а вона́ якъ кри́кне не своімъ го́лосомъ: »не підступа́й!« Я такъ и заме́рла, де́ стоя́ла. »Озьми́«, ка́же, »образи́, та повиню́сь у комо́ру, — и хре́стикъ, що въ те́бе на ши́і, тамъ зо-

ста́въ«. Познімáла я образи́ и повинóсила у комóру,—дýмаю, чи не хóче мáти хáту мáзать; а якъ вернýлась зъ комóри, мáти обнялá менé и гірко заплáкала, такъ и вми́ла мою́ гóлову слізáми, якъ окрóпомъ. За кільки місяцівъ після сёго, занедýжала Хвéдорова жінка, чáхла, чáхла та и вмéрла,—а Хвéдіръ зъ нудьги́ и жалю́ дóвго блукáвъ по лісáхъ, пóки десь підъ дýбомъ не знайшли́ мéртвого. У слободі стáли лю́де роскáзувать, що моя́ мáти відьма, и що вонá зъ світу звелá Хвéдора съ жінкою; дівчáта менé цурáлись. Я не вірила людя́мъ, хочъ чáсомъ и самá бáчила, шо щось чуднé діялось у нáшій хáті. Увéсь ти́ждень мáти — якъ мáти, а въ суббóту жъ и бли́зько до сéбе не підпускáе, а нá нічъ замикáла менé на клю́чъ у комóру. Отъ и хотілось мині довідатьця, чомý се мáти такъ рóбить, и що тамъ тріщи́ть и клекоти́ть у хáті. Разъ у субóту, тоді мині пішóвъ сімнáдцятий рікъ, мáти менé замкнýла, а я підняла́ мости́ну та й ви́лізла зъ-підъ комóри. Бáчу, у хáті палáе огóнь; гля́нула у вікнó, ажъ стоіть мáти біля́ пéчи, у одній сорóчці, зъ роспýщеною косóю, и якéсь зілля кладé у макітру. Дéлі постáвила макітру на долівку, сіла на помелó и тільки нахили́лась на макітру, а звідти якъ пахнé пóломья, — тáкъ іі й потяглó черезъ кóмінъ у бóвдуръ; я якъ кри́кну: »мáмо, щó ти рóбишъ?« а вонá, якъ пти́ця зъ підби́тимъ крилóмъ, такъ и вдáрилась на зéмлю, та менé за кóсу. »А, неслухня́на дити́но!« закричáла мáти не своімъ гóлосомъ, »підглéжувати? не бýдешъ же менé кори́ть: я зъ тéбе такý жъ зроблю́ відьму, якъ и самá!« Перегнýла менé черезъ помелó и помчáла. Опáмьятувалась вже я́ ажъ на Лисій горі, біля Ки́ева. Не мині вамъ казáти, щó тамъ діялось: ви й сáми, мóже, не разъ тамъ бувáли, такъ знáете....«

— Якъ не знáть,—каже дідъ:—кільки разъ самóму довóдилось тамъ бувáти!

Дідъ якóсь сорóмився сказáть, що чогó-нéбудь не знá, абó не бáчивъ, такъ и збрéше: а ёмý збрехáть, та ще передъ відьмою, якъ разъ плю́нуть.

— Що тоді, — кáже відьма,—зо мнóю діялось—не роскажý; я лежáла ни́ць, заплю́щивши óчі, и говори́ла якісь словá за мáтірью, одъ когóсь одрекáлась; — назáдъ я вже полетіла на своій метлі. Отсéй сáмий Трýтикъ и метлý мині спрáвивъ. Вернýвшись, хотіла помоли́тись Бóгу,—и скóро перехристи́лась, - а менé такъ

и вдарило объ землю. Съ тієї години тяжкої оттакъ якъ бачите: плачу — не одплачусь, думаю — и нічого не вигадаю....

»Де жъ твоя мати, бодай їй?« спитавъ дідъ.

— Чорти замордували... Якъ мати удовольнила своє серце, згубивши Хведора и єго жінку, — тоді тільки побачила, що згубила свою и мою душу; думала вже, якъ-би-то вирятуватись, — а чорти та відьми й довідались. Разъ полетіла вона на Лису гору, та й не вернулась; и мині те жъ було бъ, та Трутикъ мене оборонивъ. Що буде дальшъ... а тепереньки такъ гірко на души, такъ нудно на світі!...—Відьма облилась слізьми.

»Не плачъ, моя горличко«, вмовляє дідъ, »не плачъ; спасемо твою душу... Якъ таки, щобъ запорожець у-купі зъ чортомъ, чого не доказали?«

— Коли жъ мене Трутикъ не допустить до пустельника! — каже відьма.

»Такъ я піду«, каже дідъ, »а тамъ вже не єго воля: буде, якъ пустельникъ звелить. Трутикъ обіщавъ мині пьять літъ за коня служити, а тимъ часомъ дасть Богъ—ти спасесся, и якъ вернется чортъ, то хиба облизня піймае... А тамъ, моя кралечко!..« Дідъ не договоривъ, тільки вусомъ моргнувъ, и такъ глянувъ на Одарку, що вона й очі спустила и почервоніла, якъ калина.

Відьма добре нагодувала діда, участувала запіканкою и тернівкою и послала ёму у комори спочить. Не спавши цілісіньку нічъ, дідъ заснувъ, якъ убитий.

VII.

Дідъ заспався ажъ до вечора, и якъ ввійшовъ у хату, то вже заставъ тамъ Трутика. Такъ гаспедівъ синъ и вьетця біля Одарки, и вихиляcомъ и викрутасомъ, якъ мокре рядно до неї прилипа, ажъ досадно стало дідові. Поздоровкавшись, дідъ сівъ на лаві, та й пита чорта:

— А чи далеко до пустельника?

»Ні«, каже чортъ, »близенько; за Изюмомъ, у Святихъ Горахъ [1].«

[1] Святими Горами токо зовутця, бо ще за давніхъ часівъ Християнства тамъ спасались у печерахъ пустельники. Ще не давно пані Патёмкина

— Якъ близе́нько! кри́кнувъ дідъ: та ми й пья́тихъ су́токъ не ста́немъ!

»Эге́, по ва́шому, по-запоро́зьки«, ка́же чо́ртъ, »мо́же й такъ, а по на́шому — такъ ні. Якъ ви́ідемо ране́нько, до східъ со́нця, то на́дъ вечіръ и та́мъ бу́демо«.

— Слу́хай, чо́рте,—ка́же дідъ, розсе́рдившись:—не чіпа́й запоро́жцівъ. Я тобі скажу́: якъ-би́ мій кінь бувъ живи́й, то будь я не Кири́ло Ке́лепъ, коли́ у води́нъ день не ставъ би! о́тъ що!«

»Та не бреши́», ка́же чо́ртъ: »й у два не доіхавъ би; а отъ якъ я тебе́ повезу́, то й въ обідъ вcти́гнемо!«

— А Ода́рка жъ—я́къ? спита́въ дідъ.

»Вона́ переки́нетця хорти́цею«, ка́же чо́ртъ, »такъ ми ще доро́гою и пополю́емо за зайця́ми.«

До півночі гну́ли тереве́ні, а тамъ спочи́ли тро́шки та й ру́шили. Якъ со́нце ви́глянуло изъ-за гори́, на́ші були́ вже дале́ко одъ слободи́. Дідъ іхавъ навза́води на вороно́му ара́бському о́геру, а біля стреме́нъ бігла біле́нька хорти́ця, така́ жъ хоро́ша, якъ га́рна була́ Ода́рка. Стриба́ собі, недото́рку́ючись ніжка́ми до землі, якъ на кри́лахъ, вьє́тця якъ ла́стівка. Порве́тця за́йчикъ—такъ за́разъ и дожене́ ёго́,—не рве́, а тільки поде́ржить за вушко́ та й пу́стить. А кінь, ма́тері ёго́ бісъ, якъ намалёваний! ше́рсть на ёму́ блищи́ть, якъ бро́ня, ши́я якъ у ле́бедя, изъ оче́й и́скри си́плютця, а изъ но́здрівъ по́ломьє па́ше. Дідъ набье́ лю́льку и вогню́ не кре́ше,—прило́жить тільки коню́ до мо́рди, такъ вона́ и запа́литця. А збру́я жъ яка́, и у ха́на кри́мського тако́і нема́: уся́ зо́лотомъ зали́та и обса́жена самоцвітами. Дідъ не натішитця коне́мъ, гла́дить ёго́, цмо́кае, и на Ода́рку не гля́не. Ска́зано, запоро́зька нату́ра; не да́ромъ співа́ють: »проміня́въ жінку на тютю́нъ та лю́льку«, а де́ бъ то не промінять на до́брого коня́! Ище́ со́нечко височе́нько стоя́ло, якъ вони́ добігли до Святи́хъ Гіръ. Дідъ напоівъ коня́ и самъ напи́всь, привяза́въ чо́рта за по́відъ до де́рева, та й ка́же:

— Підожді́ть мене́, — я на часи́нку збігаю до пусте́льника.

»Иди́, та не бари́сь«, ка́же чо́ртъ, »бо тре́ба икъ світу верну́тьця у сло́боду, а тамъ весіллє одбу́демо та й у Січъ....«

обнови́ла одну́ це́ркву, ви́січену у ске́лі, и манасти́ръ. Неха́й ій за се Богъ милосе́рдний возда́сть, що́ вона́ до́бримъ лю́дямъ бажа́. Для дру́гоі не бага́то бъ ви́йшло зъ сёго жада́ння кори́сті, а для не́і бу́де на́дто.

— Яке́ весілле? — пита́ дідъ.

»А зъ Ода́ркою жъ!« ка́же чо́ртъ.

— А щобъ ти не діжда́въ!.. поду́мавъ дідъ, та й пита́:

»Де́ тутъ дорога до пусте́льника?«

— Иди́ сі́єю сте́жкою, ка́же чо́ртъ, отсе́ жъ вінъ и протопта́въ ії, хо́дячи сюди́ по во́ду.

Пішо́въ дідъ усе́ лісомъ, на висо́ку го́ру, и ви́брався на уступъ; зъ одного бо́ку кру́ча, ажъ гля́нуть стра́шно, зъ дру́гого ске́ля стіно́ю підняла́сь ажъ до хма́ри. Ди́вицця дідъ: у ске́лі— двері, а надъ двери́ма о́бразъ; ввійшо́въ — це́рковця, такъ собі невели́чка, ви́січена у ске́лі. Тільки перехристи́вся та вда́ривъ поклонъ, ажъ изъ ке́лії вихо́дить пусте́льникъ, старе́нький, згорблений, а борода́ біла якъ молоко́, ажъ до колінъ. Дідъ підступи́въ підъ благослове́ние, а пусте́льникъ поблагослови́въ та й ка́же:

— Чого́ се, чоловіче, Богъ зъ на́ми, такъ одъ те́бе чо́ртомъ души́ть?

»Якъ-же-бъ-то не души́ло«, ка́же дідъ, »коли́ цілісінький день іхавъ на чо́рті, та ще й зъ відьмою!«

Дідъ усе́ оповісти́въ, я́къ було́, и чого́ приіхавъ.

— Якъ ви, святи́й о́тче,— ка́же, — пора́ди не дасте́, то вже не знаю, де ёго́ у га́спеда й шука́ть того́ спасе́ния!

»Воля Бо́жа,« ка́же пусте́льникъ: »мо́же й тутъ зна́йде спасе́ніе, коли́ щи́ре бу́де покая́ніе. Якъ ба́чу, вона́ хочъ и відьма, та ме́нше ли́ха роби́ла людя́мъ, якъ ті, що свято́шъ удаю́ть. Вона́«, ка́же, »и на пути́ грішному шука́ла спасе́нія, а дру́гі такъ и зъ и́стинного пути́ збива́ютця.«

— Такъ, пан-о́тченьку, такъ, — переби́въ дідъ: — отсе́ са́ме й чо́ртъ каза́въ!

»Чо́ртъ«, ка́же пусте́льникъ, »сули́въ ій усі пре́лести ми́ра сёго́; друга́ бъ и не відьма на сі ома́ни піддала́сь, а вона́ непреклони́лась.«

— Не преклони́лась, пан-о́тче, не преклони́лась,—ка́же дідъ: отта́къ и чо́ртові одрізала; ажъ но́сомъ закрути́въ дия́вольский синъ!

»Ну, тепе́ръ помо́лимось Го́споду«, ка́же пусте́льникъ, »то Вінъ милосе́рдний напути́ть насъ, що́ тре́ба роби́ти.«

Пусте́льникъ упа́въ на коліна, дідъ собі, и ста́ли моли́тись. Та й те́пло жъ моли́лись: те́мна це́рковця такъ и освіти́лась, на́че хто світло засвіти́въ. У діда изъ оче́й ажъ дві слёзи́ ви́котились,

якъ дві срібні кулі, ажъ брязнули, ударившись объ камьяний помістъ. Помолившись, устали; отъ пустельникъ и каже:

— Ходімъ же, я покажу тобі печеру: одведешъ туди небогу, тамъ вона и буде спасатьця.

»Будьте ласкаві, пан-отче«, каже дідъ, »заступітьця за бідну сироту... коли бъ ви побачили, що за молоде, та гарне, та нещасливе!.. такъ же, катержний, анафемський хвостикъ!... та ще отъ-що...« почавъ дідъ, та й язикъ прильне къ гортані.

— Що тамъ ще? спитавъ пустельникъ.

»Болячка на серці нарядилась«, каже дідъ, важко зітхнувши: »закохався я у сю дияволську відьму, бодай ій... нехай буде здорова,—отъ-що!

— Буду благати Господа,—каже пустельникъ,—щобъ Вінъ милосердний пославъ ій покаяніе; а ти ідь собі зъ Богомъ у Січъ. Побудь ще тамъ пьять літъ на лицарській стражі, та й вертайсь до мене. Якъ дасть Богъ, що вона спасетця, то я васъ и звінчаю.

»Що жъ мині теперъ робить зъ чортомъ?« пита дідъ.

— А що зъ нимъ робить,—каже пустельникъ: коли годящий зъ его кінь, ідь на ему у Січъ.

»Де вамъ не годящий!« каже дідъ: »такого коня и за сто талярівъ не знайти: и хода добра, и на-взаводи не взявъ его катъ, и підтюпцемъ; а на поворотахъ тільки нахились, а вінъ вже й повертае. Такъ боюсь же, щобъ не втікъ, дияволівъ синъ.«

— Не бійсь,—каже пустельникъ: я тобі дамъ на его кріпость.«

Пустельникъ пішовъ у свою келию, винісъ кипарисний хрестикъ и надівъ его на шию дідові

»Теперъ«, каже пустельникъ, »вінъ у тебе, якъ наймитъ, якъ крепакъ: що звелишъ, те й буде робить.«

Пустельникъ провівъ діда до печери и поблагословивъ его на прощаннє.

Вернувся дідъ до чорта, та якось ему и глянуть на его совісно, хочъ у рябка очей позичать. Та вже жъ не потурать и чорту, щобъ губити християнську душу. Не що дня бридня, не все коту масниця! Тільки доторкнувся дідъ до чорта, заразъ и почувъ сердешний свою неволю, такъ и затрусивсь и застогнавъ бідолашний.

— Що ти, Кирило, зо мною зробивъ! — озвався чортъ.

»Те, що й ти зъ другими робивъ«, каже дідъ (а самому жаль

чо́рта: до́бра була́ душа́ у покійника). »Ло́вить«, ка́же, »вовкъ, та якъ и во́вка пійма́ють!«

Не до́вго дідъ базікавъ изъ чо́ртомъ, та нічого було́ гара́здъ и каза́ти. Узя́въ відьму за ру́ку, и повівъ у пече́ру. Доро́гою росказа́въ ій, на чому́ вони́ погоди́лись зъ пусте́льникомъ, обня́въ Ода́рку, кріпко притули́въ до се́рця, ажъ зомліла небо́га, а тамъ сівъ на чо́рта и поленувъ, якъ на кри́лахъ, у Січъ.

VIII.

Ура́нці дідъ вже бувъ у Ко́ші. Кому́ не ска́же, що вінъ учо́ра ввечері ви́іхахъ изъ Святи́хъ Гіръ, ніхто́ віри не йме́; та я́къ и повірить, щобъ увъ одну́ нічъ перебігти три́дцять миль! Чого́ вже не виробля́въ дідъ на тімъ коню́! якъби́ почу́ли, що вінъ роска́зувавъ, то бъ сказа́ли, що бре́ше: за ціліcінькій ти́ждень не переслу́хали бъ. Разъ, дідъ заспо́ривсь и въ закла́дъ пішо́въ, що поіде у Бахчисара́й и само́му кри́мському ха́ну у ві́чі плю́не. И що́ бъ ви ду́мали? поіхавъ та й плю́нувъ, та ще й до́бре ви́лаявъ; дідъ зна́тно ла́явсь — у яко́гось москаля́ вчивсь: »ти«, ка́же, »ха́ну, покійного чо́рта племінникъ, бусурма́нський, кателицький, апа́фемський, га́спедівъ синъ, три́ста тобі чортівъ у живітъ.« А було́, якъ наско́чять Січовики́ на тата́рську орду́, то дідъ такъ и вріжетця у са́му гущину́, а ко́ні якъ почу́ють чо́рта, та вро́стічъ; а дідъ и почне́ кришить тата́ръ, якъ ло́кшину, такъ го́лови и ва́лятця, якъ гру́ші у восени́. Чоти́рі ро́ки дідъ бувъ курінни́мъ ота́маномъ, а тамъ, якъ прийшла́ пора́, отъ вінъ и ставъ прща́тись. Не хотіли були пуска́ть Січовики́, ажъ дідъ імъ и ка́же:

— Зоста́вся бъ, това́ришi, такъ обіща́вся відьмі ожени́тись: тре́ба, ба́чите, доде́ржать коза́цького сло́ва.«

»Що за зухъ нашъ Кири́ло«, сміютця Запоро́жці: »вінъ не побоітця и чо́рта позва́ть у дружки́.«

— Эге́, — ка́же дідъ: — я не побоюсь и на чо́рту поіхать.

Та сівъ на чо́рта та й чкурну́въ у Святі Го́ри; у вобідню ло́бу и тамъ опини́всь. Ди́витця, ажъ того́ гайвороння́ така́ си́ла, на́че зъ цілого світа позліта́лись ге́монські тва́рі, тай вкри́ли и го́ри и лісъ. Ско́ро поба́чивъ іхъ чортъ, такъ и затруси́всь

и го́лову повісивъ и хвістъ опусти́въ, почу́въ своє́ ли́хо. Доіхавши до тієі межи́, що да́льшъ на чо́рту іхать не мо́жна, дідъ злізъ та й ка́же:

— Проща́й, чо́рте, не помина́й ли́хомъ; спаси́бі тобі за вірну слу́жбу!

Тільки дідъ договори́въ се сло́во, такъ кінь и перекинувсь на пта́ха. Якъ же закря́кає ге́монське гайвороння́ та здійметця, на́че хма́ра! ажъ со́нце закри́ло! Налетіли на чо́рта, дідъ и не схамену́всь, не вспівъ руки́ підня́ть — перехристи́тьця, роззя́вить ро́та, щобъ Богосло́ва заспіва́ть, якъ вони́ вже й поша́рпали Тру́тика на шмато́чки. Де́ те въ біса и мьясо ділось: тільки пірья полетіло за вітромъ. Жа́лко діду чо́рта, такъ жалко! такъ тепе́ръ вже не до єго́; дру́га ду́мка у діда—що́ то зъ Ода́ркою діетця: чи поми́лувавъ ії Госпо́дь? Тільки переступи́въ дідъ черезъ рівча́къ, а изъ-за кущівъ назу́стрічъ Ода́рка. У квітка́хъ, у стёнжка́хъ, якъ до вінця. Такъ и ки́нулась на ши́ю дідові.

»Спаси́телю мій! заголоси́ла Ода́рка: »Госпо́дь милосе́рдний поми́лувавъ мене́ грішну... Тебе́ жъ тільки й жда́ла, мій го́лубе, якъ билина́ роси́ці зъ не́ба!«

Ще кра́ща ста́ла; така́ біла, та повновида́, о́чи сяють, якъ зо́рі середъ те́мноі но́чі, зу́би блищя́ть, якъ білі голубьята на со́нці підъ ясни́мъ не́бомъ. Такъ и ту́литця до діда и цілу́е єго́ и милу́е, и хри́ститця и єго́ хри́стить. Дідъ стоіть, якъ уко́паний, себе́ не тя́мить и оча́мъ своімъ віри не йме́; де́лі упа́въ на коліна, простя́гъ до гори́ ру́ки, та крізъ слёзи й промо́вивъ:

— Бо́же ми́лий, яки́й же ти до насъ ми́лостивий!...

»Ходімъ же шви́дче до пусте́льника«, ка́же Ода́рка: »вінъ тебе́ жде зъ са́мого ра́нку.«

Дідъ, взя́вшись зъ Ода́ркою за ру́ки, пішли́ до пусте́льника. Ввійшли́ у це́рковку; ди́влятця—вже и нало́й стоіть по сере́дині, и два вінця лежя́ть на нало́ю,—не зъ фо́льги, якъ тепе́речки повело́сь, а изъ свіжихъ квіто́къ.

— Здоро́въ бувъ, Кири́ло,—сказа́въ пусте́льникъ, зу́здрівши діда: якъ тебе́ Бо́гъ ми́лувавъ на Запоро́жжі?

»Сла́ва Бо́гу, пан-о́тченьку«, ка́же дідъ, »молитва́ми ва́шими, — та спаси́бі й покійному чо́рту: до́бре служи́въ, дия́волівъ синъ.

Дідъ одслужи́въ три моле́бні: архистрати́гу Миха́ілу, Его́рю

побідоно́сцю и Микола́ю чудотво́рцю, а тамъ пусте́льникъ поста́вивъ молодихъ передъ нало́й, та й обкрути́въ.

— Тепе́ръ,—ка́же,—неха́й вамъ Госпо́дь помага́е; бу́дьте щасли́ві и довголітні, та не забува́йте, що Богъ милосе́рдний не на те, щобъ гріши́ли, а на те́, щобъ ка́ялись у гріха́хъ!

»Та́къ, пан-о́тченьку, та́къ«, ка́же дідъ. »Отъ чорти́ такъ не дали́ пока́ятись Тру́тику; розірва́ли бідола́шного на шматки́: тільки пірья полеті́ло за вітромъ!«

Якъ ста́ли проща́тись, Ода́рка три́чи вклони́лась пусте́льникові до землі, якъ рідному ба́тьку. И дідъ хотівъ бувъ поклони́тись, такъ шия ніякъ не гне́тця. У тіхъ Січовикі́въ вьязи якъ у во́вка; вони́ одному́ тільки Бо́гу й кла́няютця до землі. Отъ дідъ ухопи́въ себе́ обома́ рука́ми за оселе́дець, та на си́лу нагну́въ свою́ го́лову.

IX.

Поді́якувавши до́бре пусте́льнику, дідъ зъ молодо́ю жінкою пішо́въ икъ Бере́ці. Гро́шей у ёго́ було́ до чо́рта; повнісінький че́ресъ ту́го набитий дука́тами, такъ-що́ схотівъ, те́ й зроби́въ. Ви́бравъ вінъ собі га́рне місце надъ річкою, де тепе́речки па́нський садъ, и поста́вивъ ва́жну ха́ту на дві полови́ни. Накупи́въ собі волівъ, ове́ць, ко́ней и зажи́въ собі зъ Ода́ркою. Ода́рка ду́же була́ щасли́ва за дідомъ,—діжда́ла си́на ожени́ть, діжда́ла и вну́ка, и вме́рла зъ до́брою сла́вою.

Отъ вамъ и кіне́ць. Вибача́йте, коли́ не до смаку́; роска́зувавъ, що́ чувъ одъ діда: коли́ вінъ бреха́въ, то й я брешу́.

— А що́ ста́лось, — спита́ла хазя́йка, продира́ючи о́чи; бо по́ки старий роска́зувавъ, вона́ то спа́ла, то проки́нетця и зновъ слу́ха, — що́ ста́лось зъ тимъ хво́стикомъ?

»Э... поминайте якъ зва́ли той хво́стикъ: одчита́ли зъ ко́рінемъ. Дідъ якъ вже ни доглядався, такъ и місця того́ не знайшо́въ, де рісъ.«

— То́-то жъ!... Ато́ яко́сь чу́дно, ма́тері ёго́ на́-лихо, жінка та зъ хво́стикомъ?—Хазя́йка гля́нула на ме́не, мовъ би хотіла довідатись, чи воно́ не чу́дно й мині.

Поді́якувавши дідові за ёго́ га́рне оповіда́ннє, ми поляга́ли спа́-

ти, а на дру́гий день ура́нці, за ча́емъ, зновъ зібра́лись, ще побала́кали тро́шки и розъіхались на віки вічні.

Щобъ не розвіялось по світу те, якъ то ка́жуть, фантасти́чне оповіда́ннє дідуга́на, я списа́въ ёго́ для моіхъ земляківъ. На́ша чудо́ва украінська вро́да, нагрітая гаря́чимъ полуде́нимъ со́нцемъ, навіва́ на ду́ми насіннє поэзіі й чаръ. Якъ пшени́ця зріе на ни́ві и скла́да́ется у ко́пи и скирти́, такъ и воно́, те насіннє, запа́вши у се́рце и ду́мку, зріе слове́снимъ ко́лосомъ, и склада́етця у наро́дні оповіда́ння и леге́нди.

Олекса Стороженко.

НБУ

ПОГАНЕ ПОЛЕ.

ЛЕГЕНДА [1].

(Посвящáетця Ивáну Васи́лёвичу Барану́.)

I.

Ти́хо изъ-за хмáри місяць виплива́е,
Байраки́, доли́ни, степи́ огляда́е.
На степу́ доли́на; въ широ́кій доли́ні
И су́мно и стрáшно, якъ у домови́ні....
Ажъ-ось заквили́ли вовки́-сіромáнці,
Кри́кнувъ чо́рний во́ронъ тре́йчі у байрáці,
Прошуміла хви́ля-ви́хоръ по доли́ні,
И зно́ву все ти́хо, нáче въ домови́ні....
Світить изъ-за хмáри місяць білоли́ций,
Хо́дить по доли́ні страшнá молоди́ця,
На рукáхъ кістля́вихъ дві дити́ні но́сить,
То су́мно співáе, то тя́жко голо́сить:

»Широ́кая доли́нонько—
Погáнее по́ле!
Ніхто́ тебе́, черезъ ме́не,
Ні сіе, ні о́ре.
Широ́кая доли́нонько!
Ти бъ зазеленіла,
Якъби́ не ми, та не нáша
Прокля́та моги́ла!
Прокляли́ насъ до́брі лю́де,

---

[1] »Погáнимъ По́лемъ« и тепе́ръ зове́тця одно́ уро́чище на гряни́ці Ніжинського и Козеле́цького повіту (черніг. губ). Тамъ и запи́сана отся́ дáвня стародáвня леге́нда.

Що я полюби́ла,
Що васъ на світъ, сини́ мої,
Гріхо́мъ породи́ла...
Широ́кая доли́нонько,
Пога́нее по́ле!
Сини́ мої, квіти мої,
Гірка́ на́ша до́ля!«..-

Хо́дить по доли́ні, рве, шука́е квіто́къ,
Плете́ два віно́чки для чорня́вихъ діто́къ.
На те́мну доли́ну, на степъ погляда́е,
То тя́жко голо́сить, то су́мно співа́е.
Ажъ-ось, заквили́ли вовки́-сірома́нці,
Кри́кнувъ чо́рний во́ронъ тре́йчі у байра́ці,
Прошуміла хви́ля-ви́хоръ по доли́ні —
И зно́ву все ти́хо, на́че въ домови́ні...

II.

»Ти пожи́въ на світі, зна́ешъ Украіну...
Роскажи́, діду́сю, про ту́ю доли́ну,
Де ніхто́ не сіе, де ніхто́ не о́ре,
Що зве́тця міжъ на́ми »Пога́нее по́ле?«
Одно́му, буває, лу́читця нико́ли
Ніччу проїзджа́ти Пога́нее по́ле —
Насторо́шять у́ши торопле́ні ко́ні
И су́мно и стра́шно, ажъ се́рце холо́не....
Ви́дно тамъ, діду́сю, що-не́будь него́же?«
— »Бода́й не каза́ти, лю́бий мій небо́же!..
Да́вня-давнина́ то: якъ чо́рниі хма́ри,
Коли́сь по Вкраіні ходи́ли Тата́ри —
Слізъ гірки́хъ да кро́ви була́ то годи́на,
Ії не забу́де до́вго Украіна!...
Одъ кра́ю до кра́ю Татарва́ ходи́ла,
Пила́ кровъ людську́ю, да се́ла пали́ла,
А після́ й осілись; поста́ли шатра́ми
Да въ чужій госпо́ді й зажили́ пана́ми;

И на тій доли́ні, въ берега́хъ зеле́нихъ,
Хма́рою стоя́ли шатри́ нехреще́нихъ.

У се́лі въ ту по́ру, на лиху́ годи́ну,
Живъ коза́къ бага́тий, мавъ одну́ дити́ну.
Кра́ще Васютівни козаки́ не зна́ли, —
Якъ зіронька въ не́бі! — Мару́сею зва́ли.
Зна́ли ба́тько-ма́ти Татарву́ пога́ну,
Берегли́, якъ о́ко, дити́ну коха́ну,
Да, ви́дно, суди́лось молодій люди́ні
Со́рому доба́вить на́шій Украі́ні....
Вона́ Татарю́гу крадькома́ коха́ла,
Да чорня́вихъ хло́пцівъ двохъ собі й придба́ла...

Зъ крівáвого хме́лю Тата́ри дріма́ли,
А въ пра́дідівъ на́шихъ кри́ла виростáли;
И ви́росли кри́ла: підняли́сь орля́та,
Збуди́ли по-свíйські ги́рявого ка́та—
»Бери́, ка́ту, пла́ту за кровъ, за пожа́ри!«
До́вго не забу́дуть роспла́ти й Тата́ри!...
Мину́лась недо́ля, пройшла́ Бо́жа ка́ра,
Якъ чо́рная га́лічъ — зги́нули Тата́ри.
Зновъ зазеленіли степи́ та доли́ни,
Благода́ть та ра́дість зновъ на Украі́ні.

Отъ разъ, у неділю, зібра́лася ра́да,
Про грішну Мару́сю мізку́е грома́да:
За со́ромъ Вкраіни, за ба́тькові слёзи
Присужда́е ра́да роспра́ву небо́зі.
Стра́шно присуди́ла: щобъ ба́тько да ма́ти
На степу́ широ́кімъ въ зеле́ній доли́ні,
Де́ бенкетува́ли кати́ Украі́ни,
Збудува́ли до́ні глибо́кую ха́ту;
»А бу́де гото́ве, ка́жуть, новосілля —
»Ми при́йдемо гра́ти Мару́сі весілля.«

Три нічки, серде́шні, тя́жко працюва́ли —
Глибо́кую ха́ту до́ні будува́ли,

Глибо́кую ха́ту, сиру́ю моги́лу...
Наста́ла четве́рта, осіння, тума́нна. —
Жде госте́й на бе́нкетъ ма́ти безтала́нна:
»Надінь«, ка́же, »до́ню, соро́чечку білу,
Та вбери́ся га́рно, го́ді сумува́ти....
Бу́дуть сю нічъ го́сті до на́шоі ха́ти.«
На дво́рі вже пі́внічъ — нічого́ не чу́ти,
Ажъ ось иду́ть го́сті въ ха́ту до Васю́ти;—
Зібра́лися мо́вчки, безъ мо́ви посіли,
Хазя́інъ и го́сті на́че поніміли....
Отъ, вихо́дить ба́тько, ставъ посере́дъ ха́ти:
»Невміла, Мару́сю, че́сти шанува́ти,
»Не хотіла слу́хать ні ба́тька, ні ма́тіръ,
»Моли́сь же въ-оста́ннє въ моій ха́ті Бо́гу,
»Бери́ своіхъ дітокъ, — ру́шимо въ доро́гу«....

Че́сного грома́да су́ду не зміни́ла;
Привели́ Мару́сю до ново́й осе́лі
И спа́ти на віки зъ дітьми́ положи́ли
Въ глибо́ку моги́лу на сирій посте́лі...
Де та́я моги́ла — и сліду нема́є,
Лю́де вже й забу́ли бъ давно́ про Мару́сю,
Да грішную ду́шу земля́ не прійма́є;
Такъ вона́, небо́же.... — »Що таке́, діду́сю?«
— Ні, сёго́ не зба́ю, — не мо́жу — не си́луй...
Го́споди поми́луй, Го́споди поми́луй!...

П. Кузьменко.

НА ДОБРА-НІЧЪ.

На добра́-нічъ усімъ на нічъ —
Годі вже блука́ти;
Одино́кий, безтала́нний,
Ля́жу спочива́ти.

Холо́дная постілонька
У те́мній дібро́ві:

Бу́ду жда́ти, сподіва́тись
Любо́і обно́ви.

Усе́ не́бо блаки́тнее
Покри́ла темно́та
Безпросвітня, нерозу́мна
Да́вняя дрімо́та.

Що́ жъ за го́мінъ чудни́й хо́дить
Одъ кра́ю до кра́ю?
Чи вінъ що́ намъ нага́дуе,
Чи що провіща́е?

Не намъ, Бо́же, розгада́ти
Небе́сні глаго́ли;
Суди́, Бо́же, на́шу до́лю
По Твое́і во́лі.

И хо́лодно, и бо́язно,
Ту́га се́рце гнітить;
Всю́ди те́мно и не ви́дно,
Тільки зірка світить.

Світи́, зо́ре, на всю зе́млю,
Поки со́нце зійде,
По́ки Бо́жий день на зе́млю
Красотво́рний прійде,—

День вели́кий, день воскре́сний,
День Бо́жоі сла́ви:
Въ прахъ розси́плютця будо́ви,
Старосвітські спра́ви.

Задрижи́ть плане́та грішна́,
Сколихне́тця мо́ре:
Заида́е змій стари́нний,
Го́ре ёму́, го́ре!

Го́ре тобі, розвінчаний
Пра́вдою тира́не!
За держа́ву тобі пла́та —
Озеро огня́не!

За злочи́ньства—въ пе́клі муки,
На землі—прокля́ття!
Го́ре тобі, Вавило́не,
Душегу́бний гра́де!

Ски́нуть же́мчугъ, заголо́сять
Пи́шниі блудни́ці;
Розкри́ютця, розчи́нютця
Скритни́і темни́ці.

Ви́йдуть му́ченики бліді —
Като́вані тіні!
Да́стця судъ імъ невмоли́мий,
Що́ тебе́ пости́гне!

Го́ре, го́ре лука́вому,
Що въ га́сло нево́лі
Оберта́е хрестъ всече́сний —
Га́сло пра́вди й во́лі!

Го́ре, го́ре бага́тому,
Що въ гордощі па́нській
Дурни́цею наріка́е
Го́лосъ пра́вди бра́тський!

Го́ре, го́ре безу́мному,
Що братівъ змуща́е:
У нече́сті, у роспу́сті
Свобо́ди шука́е.

Го́ре вче́нимъ, що одъ про́стихъ
Світло захова́ли,

Для кори́сти, для мамо́ни
Пра́вду ужива́ли, —

Всімъ прода́жнимъ филозо́фамъ. .
Одъ ду́ху святи́ні
Розвіютця іхъ хитрощи,
Якъ пилъ по пусти́ні!

День вели́кий, день воскре́сний,
День суда́ й любо́ви!
Передъ нимъ тума́нъ преди́де,
Слізъ тума́нъ и кро́ви...

А въ тума́ні со́нце світить,
Тума́нъ розганя́е:
Со́нце пра́вди незахідне
На ввесь світъ зася́е!

День вели́кий, день воскре́сний,
День Бо́жоі си́ли!..
Розкри́ютця вели́кіі
Наро́дні моги́ли,

Проки́нутця всі наро́ди,
Завітъ вічній при́ймуть,
Ворогівъ тисячолітніхъ
Ворогй обіймуть;

Узрять те, на що́ гляділи
И до́сі не зріли,
Узрять те, що земля́ й не́бо
Імъ давно́ одкри́ли!

Тільки тамъ, де Духъ Госпо́день,
Тамъ и пра́вда й во́ля.
Де любо́въ Госпо́дня й віра, —
Тамъ и ща́стя й до́ля!...

Світи́ жъ, зо́ре, на всю зе́млю,
По́ки день той при́йде;
А ви, бра́ття, готу́йтеся,
Бо не́ждано зійде;

Готу́йтеся, очища́йтесь
Одъ плямъ и поро́ку:
Готу́йтеся — ско́ро бли́сне
Звіздá одъ Восто́ку!

Іеремія Галка.

ПІСНЯ.

Лети́ть го́лубъ по-надъ по́лемъ,
Спочи́нку не ма́е,
И доли́ни, и дібро́ви,
И луги́ мина́е

Ні въ садо́чку вишне́вому,
Ні въ лісі густо́му,
Не живе́тця, не сиди́тця
Ёму́ молодо́му.

Сиди́ть коза́къ край доро́ги,
Коня́ попаса́е,
До го́луба, до си́зого
Ти́хо промовля́е:

Ой куди́ ти, сизокри́лий,
Куди́ поспіша́ешъ,
Що й доли́ни и дібро́ви,
И луги́ мина́ешъ?

Хіба́ й тобі, мій го́лубе,
Не жа́лко нікого?
Хіба́ ніхто́ не коха́е
Й тебе́ молодо́го?...

Ой спусти́ся, сизокри́лий,
Одди́шъ изо мно́ю—
Полетимо́ въ и́нше по́ле
Ра́зомъ изъ тобо́ю;

За гора́ми, за яра́ми,
На и́ншому по́лі,
Пошука́емо зъ тобо́ю
Щасли́вої до́лі;

Ми зна́йдемо, мій го́лубе,
Зеле́ні дібро́ви,
И доли́ни квітча́стиі;
И чо́рниі бро́ви.

Ми зна́йдемо въ те́мнімъ лу́зі
Черво́ну кали́ну,
И си́зую голу́боньку,
И га́рну дівчи́ну;

Сизокри́ла голу́бонька
Тебе́ приголу́бить,
А гарная дівчи́нонька
Козака́ полю́бить.

Л. Глѣбовъ

I.

Не ки́дай мене́,
Моя́ ча́рочко,
Не жени́ мене́
Ти, шинька́рочко!
Не жени́ мене́,
Дай упи́тися,
Въ те́бе бри́дкую
Улюби́тися!

Не безъ жінки я,
Не безъ ха́ти я, —

Все у ме́не е,
Відьмо кля́тая!
Хліба до́-сита
Ма́ю въ за́сіку,
Ма́ю во́лики,
Ма́ю й па́сіку.
Моя́ ха́точка —
По́вна ча́шечка;
Моя́ жіночка —
Мовъ та пта́шечка,
Та тяжкі мої
Бо́лі більнні,
Бо не ма́ю я
Во́лі ві́льної!..

Запражу́ волй —
По́томъ ми́юся;
Роспражу́ волй —
На́ бікъ хи́люся;
Повалю́сь на бікъ —
Не здріма́юся:
Зновъ на па́нщину
Підійма́юся.
Відроблю́ чуже́: —
»Жінко-ду́шечко!
Приголу́бъ мене́,
Щебету́шечко.«
А вона́ у плачъ
Розголо́ситця, —
На своє́ жене́,
Бо й те́ про́ситця...
Ро́бишъ—силъ нема́ —
Спи́на кри́витця,
А вона́ на те
Та й не ди́витця;
Ро́бишъ—силъ нема́—
Похиля́есся,

А вона́ у пла́чъ: —
»Запива́есся!«

О, я пью тепе́ръ,
Жінко лю́бая!
Не ки́дай мене́,
Ча́рко гру́бая!
Не ки́дай мене́,
Моя́ ча́рочко:
Не жени́ мене́
Ти, шинька́рочко!
Не жени́ мене́ —
Дай упи́тися,
Въ те́бе бри́дкую
Улюби́тися!

II.

ЛАСТІВКА.

(Польского поэта Ленартовича.)

Йде дівчи́на-сироти́на,
Тяже́нько здиха́е,
А ла́стівка по-надъ не́ю
Круга́ми літа́е;
И літа́е и щебе́че,
По-надъ не́ю вьє́тця,
Ма́ло-ма́ло крилечка́ми
У ко́си не бьє́тця.
»Чого́ вьє́сся, чого́ бьє́сся?
Поки́нь мене́, пта́шко,
Поки́нь мене́, моя́ пта́шко,
Бо й такъ мені ва́жко!«
—Не поки́ну, не поки́ну,
А буду літа́ти:

Бу́ду тобі за бра́тіка
Твого́ щебета́ти;
Бо твій бра́тікъ що-де́нь Бо́жий
Пла́че у темни́ці: —
Наві́дайся, ми́ла пта́шко,
До мо'і сестри́ці:
Чи ще вона́ свого́ бра́та
Добро́мъ спомина́е?
Чи ще вона́ по бра́шові
Слёзи пролива́е!

III.

НІЧЪ-У-НІЧЪ.

(Сербського поэта Бранка Радичевича.)

Кому́ ми́ле си́не мо́ре,
Кому́ ми́лий місяць, зо́рі;
Мені ми́ла моя́ річка,
Мені ми́ла те́мна ніч.

Я що-но́чи йду́ до річки,
Беру́ чо́венъ невели́чкий,
Мо́лодъ ве́сла підійма́ю,
На той бе́рігъ поспіша́ю.

Вода́ пінить, чо́венъ пли́не,
Допливае сере́дини,
Страшні фи́лі, страшні кру́чи...
Допоможи́, Всемогу́чий!

Вода́ пінить, чо́венъ кра́е—
Черезъ хви́лі пробіга́е;
Ще́ разъ ру́ки підійма́ю,
До бе́ріга допливаю;

П на бе́рігъ жи́во ска́чу,

И здалека дівча́ ба́чу,
И поти́ху йду́ на го́ру
До ми́лоі мо'і дво́ру.

Бли́зько дво́ру коло пло́ту
Погляда́ю на воро́та:
У воро́тяхъ, якъ кали́на,
Моя́ лю́бая дівчи́на.

Со́нце! жи́во жъ опуска́йся!
Жи́во, ні́чко, підійма́йся!
Жи́во, ми́ла, йди́ до ха́ти!
Го́ді мене́ вигляда́ти!

Подолянинъ Ст. Руданський.

БАЙКИ

I.

ВОВКЪ ТА КІТЪ.

Въ село́ изъ лі́су Вовкъ забігъ...
Не ду́майте, що въ го́сті, бра́тця!
Ні, въ го́сті Вовкъ не забіжи́ть;
А вінъ прибігъ, щобъ де́-небудь схова́тьця:
Проклятий людъ зъ соба́ками настигъ...
И радъ би Вовкъ въ які воро́та вско́чить,
Та ли́шенько ёму: куди́ не погледи́шъ —
Усю́ди Во́вчика недо́ленька моро́чить, —
Хочъ сядь та й плачъ!
Воро́та, якъ на-те́-жъ, круго́мъ усі запе́рті,
А ду́же Во́вкові не хо́четця уме́рти,
(Бо ще́ вінъ не нажи́вся, бачъ!)
А гірше — одъ люде́й, одъ ви́димоі сме́рти...
Коли́ гляди́ть —
На за́городі Кітъ сиди́ть,
На со́нечку мурли́кае, дрі́ма́е.

Підско́чивъ Вовкъ и до Кота́ мовля́е:
— Котýсю-бра́тіку! скажіть мині скоріше,
Хто изъ хазяінівъ оттýтъ усіхъ добріший?
Я хо́чу попроха́ть, щобъ хто мене́ зхова́въ
На сей недо́брий часъ..я бъ у приго́ді ставъ...
Чи чýешъ го́мінъ той? за мно́ю то́ женýтця!..
Котýсю—ба́течку! куди́ мині поткнýтьця?—
»Проси́ мерщій Степа́на:
Вінъ до́брий чоловікъ«, Кітъ Во́вкові сказа́въ.
— Такъ я у ёго вкравъ бара́на. —
»Ну, такъ навідайсь до Демья́на.«
— Э, и Демья́на я боюсь:
Якъ тілько наверну́сь,
Вінъ и згада́е поросятко. —
»Біжи́ жъ, ажъ-генъ, живе́ Трохи́мъ!«
— Трохи́мъ? боюсь зійти́ся зъ нимъ:
Зъ весни́ ще злий вінъ за ягня́тко! —
»Пога́но жъ!. Ну... а чи не прийме Климъ?«
— Охъ, бра́тіку! теля́ я въ ёго звівъ!.. —
»Такъ ти, бачý, и симъ тутъ до́бре надоівъ«
Кітъ Во́вкові сказа́въ:
»Чого́ жъ ти, бра́тіку, сюди́ и забіга́въ?
Ні, на́ші козаки́ ще зъ ро́зуму не спа́ли,
Щобъ Во́вка одъ біди́ зхова́ли;
И такъ-таки ти самъ себе́ вини́:
Що́, бра́тіку, посіявъ, те́ й пожни́!«

II.

ВОВКЪ ТА МИШЕНЯ.

На по́лі Вовкъ ове́чку взявъ,
Потя́гъ, серде́шную, въ дібро́ву, —
Не на розмо́ву —
А щобъ иззісти: вінъ бажа́въ
Мнясця́ свіже́нького давне́нько.

Отъ, взявъ овéчку, обідрáвъ,
Якъ знáвъ,
Та й заходúвся хорошéнько
Мнясцé підъ дýбомъ уминáть,
Ажъ на зубáхъ кісткú хрущя́ть.
Івъ Вóвчикъ, івъ, ажъ утомúвся,
Гарáзденько удовольнúвся,
А все-такú всёгó не ззівъ.
»Нехáй вже,« кáже, »дрýгимъ рáзомъ.«
Мнясцé травúцею прикрúвъ,
А самъ спочúнуть лігъ тимъ чáсомъ...

Ненáче панъ якúй лежúть...
А Мишенятко підъ вербóю
Почýло, що мнясцé пахтúть,
Та й крáдетця по-міжъ травóю
(Яké малé, а вже й хитрúть!...)
Отъ, поманéсеньку підкрáлось,
Взялó мнясця́, та у дуплó й зховáлось.
Углéдівъ Вовкъ — дармá що спавъ —
И на ввесь гай гукáть почáвъ:
»Ой, лéлечко! рятýйте! поможіте!
Ловіте злóдія, держіте!
Добрó мое покрáвъ!..«

Я въ одномý селі по я́рмарку гуля́въ,
Та й бáчивъ дúво:
Якúй-сь тамъ становúй хвинтúвъ спісúво
Біля́ чумáцькихъ хуръ...
Чогó вінъ тамъ никáвъ — усі на вýсъ мотáли...
Отъ, я́кось, и въ ёгó тарáні вья́зку вкрáли,
А вінъ гукáе: »прóбі! калавýръ!«

Л. Глѣбовъ

ДРУГОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫЛОГО.

(Посвящается Николаю Ивановичу Костомарову.)

I.

1819-й годъ былъ хорошій, урожайный годъ въ нашемъ уѣздѣ, и помню я, какъ одинъ богатый козакъ въ селѣ Бу́ртищѣ, по прозванію Очку́ръ, вышедъ за ворота своего веселаго зеленаго двора, останавливалъ низкими поклонами добрыхъ людей, ѣхавшихъ съ копа́ми, и просилъ ихъ выпить за здоровье своего новорожденнаго. Улица буквально была загромождена возами съ чудеснѣйшимъ жи́томъ, какое только можно вообразить, такъ что и самые суровые, работящіе хозяева, запустившіе себѣ бороду до тѣхъ поръ, пока не обсѣются противъ зимы.... (у насъ въ Бу́ртищѣ козаки перестаютъ брить бороду послѣ косовицы, и выросшая у нихъ на подбородкѣ густая щетина находится въ тѣсной связи съ осенними всходами, послѣ которыхъ они опять начинаютъ бриться и, на досугѣ, охотно идутъ въ кумовья и старосты), такъ и тѣ нехотя должны были останавливать своихъ воловъ у двора осчастливленнаго небесами козака Очкура и выпить изъ его рукъ чарку горілки. Впрочемъ это для пахаря такая благодать, что и самое нахмуренное чело прояснялось, и, не смотря на горячую коповозную пору, вокругъ хозяина зашумѣла веселая бесѣда, точно на святкахъ.

Находя, что стоять за воротами съ чаркою и сулеею въ рукахъ цѣлый день нельзя, козакъ Очкуръ зазвалъ къ себѣ гостей

на дворъ и, усѣвшись съ ними въ кружокъ на споришѣ ([1]), пировалъ какъ нельзя веселѣе. У него родился сынъ, который, по всей вѣроятности, долженъ былъ называться Семеномъ, такъ какъ на тотъ день, въ святцахъ, назначено чествовать *преподобнаго Симеона юродиваго....*

Но не козакъ Очкуръ и его новорожденное чадо составляютъ предметъ моей повѣсти. Изъ сосѣдней хаты, сквозь веселый говоръ гостей козака Очкура, вырывались и неслись по воздуху такіе вопли, отъ которыхъ да сохранитъ Господь всякій сколько-нибудь чуткій слухъ! Тамъ рыдала мать надъ сыномъ, рыдала тѣми раздирающими сердце воплями, которые могъ спокойно слышать только тогдашній исправникъ нашъ, называвшійся комиссаромъ. Счастливый отецъ новорожденнаго, козакъ Очкуръ, уронилъ не одну крупную слезу, слушая вопли несчастной матери, такъ какъ его сердце, обрадованное рожденіемъ сына, сдѣлалось чувствительнѣе обыкновеннаго. Прочіе козаки, запрудившіе своими возами улицу, хоть и не плакали, но выразительно покачивали не только черными, кудрявыми головами, но даже и сѣдыми, уже охладѣвшими ко всякой радости и горю.

Дѣло въ томъ, что молодой козакъ Поликарпъ Зарубáй, сынъ козачки вдовы Зарубáихи, не спустилъ комиссарскому сыну за обиду своей невѣсты, къ которой тотъ присталъ съ какими-то неучтивыми любезностями. Больно или нѣтъ поколотилъ онъ его благородіе—не извѣстно, но во всякомъ случаѣ прикоснулся своими пахарскими руками къ благородному юношѣ, прапорщику, пріѣхавшему въ отпускъ изъ какого-то мушкатерскаго полка — обрадовать отца свѣжими эполетами. Каждый чадолюбивый отецъ по себѣ можетъ судить, пріятно ли было комиссару, видѣть на прекрасномъ, исполненномъ дворянскаго достоинства, лицѣ благороднаго юноши простой синякъ, на манеръ тѣхъ, какіе не рѣдко украшаютъ посѣтителей городскихъ питейныхъ домовъ (въ селахъ у насъ добрые люди пьянствуютъ мирно). А такъ какъ власть комиссара была въ Бýртищѣ неограниченная, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что десятскіе заковали Поликарпа Зарубая въ рекрутскіе кандалы, въ то самое время, когда онъ, воро-

---

([1]) Низенькая и кудрявая травка *споришъ* ростетъ только тамъ, гдѣ ее безпрестанно топчутъ.

тясь съ поля съ полнымъ возомъ жита, усѣлся было съ своею матерью обѣдать.

Для бо́льшаго огорченія вдовы Зарубанхи, у нея съ сыномъ какъ нарочно зашелъ самый пріятный разговоръ о томъ, кого просить въ сваты, когда упо́раются и обсѣются въ полѣ, чтобы сватать, съ другого конца Бу́ртища, Катрю Дубівну, извѣстную во всемъ селѣ красавицу. Только что разговорилась бѣдная вдова о томъ, что, хотя козакъ Дубъ и не богатъ, но хорошія у него дѣти и повелъ онъ ихъ *чéснимъ звичáемъ, по-старосвітськи*, какъ тутъ на порогъ незванные гости, десятскіе! Они не сочли за нужное скрыть отъ матери комиссарскую угрозу, что онъ ея Поликарпа отдастъ въ солдаты безъ очереди, за буянство; а это значило, что уже никакія просьбы, ни моленія не спасутъ Поликарпа. Тогдашній комиссаръ могъ служить образцомъ нынѣшнему исправнику относительно непреклонности воли. У него даже и взглядъ былъ такой, что, на кого онъ устремлялъ его, у того въ ту же минуту переставали литься слезы. Сказанное имъ было все равно, что написанное, а написанное его перомъ не вырубливалось и топоромъ. Поэтому вдова Зарубанха могла рыдать сколько ей угодно въ своей хатѣ надъ сыномъ, обхвативъ его голову, — это столько же могло помочь ему, какъ и тогда, когда бы онъ лежалъ передъ нею мертвый. Коротко сказать, что рекрутскій наборъ въ томъ году случился въ нашей губерніи какъ нельзя больше кстати: молодой, рослый, чернобровый Поликарпъ Зарубай возвеселилъ души пріемщиковъ своимъ образцовымъ сложеніемъ, и власть комиссара, грозная всегда для села Бу́ртища, сдѣлалась послѣ этого еще грознѣе. Одна осиротѣлая мать, зная, что терять ей больше нечего, билась объ землю и проклинала, какъ она неприлично выражалась о комиссарѣ, *непаси́тного пузанá* и весь родъ его, и дѣтей его, и внуковъ его!

Грустно подумать, что такое событіе, какъ отдача молодого козака въ солдаты, было слѣдствіемъ явленія очень обыкновеннаго, именно—любезничанья празднаго прапорщика съ сельской красавицей, а между тѣмъ—сколько пролито было слезъ!... и не одной матерью, но и тою, которая во всемъ селѣ Бу́ртищѣ не знала лучшаго па́робка, какъ Поликарпъ Зарубай! Конечно, Катря Дубівна могла быть утѣшена десяткомъ другихъ паробковъ, которые, при первомъ удобномъ случаѣ, доказали ей своими ухажи-

ваньями и даже драками между собою, что она—первая красавица на селѣ; но осиротѣлую мать некому было утѣшать въ молчаливой хатѣ; ни на комъ не остановились ея глаза съ любовью, этимъ единственнымъ врачевствомъ растерзаннаго сердца; никто, никто не могъ замѣнить ей не только слова, но даже и взгляда ея милаго сына.... Пропалъ козакъ! Меньше однимъ бойкимъ, молодцоватымъ паробкомъ въ Бу́ртищѣ! Меньше однимъ звонкимъ голосомъ въ пѣсняхъ! Меньше однимъ завиднымъ женихомъ на селѣ!... Что́ жъ дѣлать? Такъ, видно, Богъ далъ, чтобъ комиссаръ заставлялъ всю громаду плясать подъ свою дудку. Видно, за отцовскіе и дѣдовскіе грѣхи караетъ Господь козаковъ такимъ на́пускомъ.

II.

Прошло лѣтъ шесть или семь. Катря Дубівна давнымъ-давно вышла замужъ. О ея прежнемъ женихѣ вспоминали рѣже и рѣже; наконецъ и совсѣмъ перестали вспоминать. Одна только мать ждала вѣстей о немъ съ каждымъ днемъ и часомъ; но вѣстей никакихъ не было. Видно, услали его съ солдатами на край свѣта; видно, убили его на войнѣ, а пожалуй умеръ козакъ съ тоски по родинѣ.

Осенью 1826 года, въ одно изъ тихихъ, солнечныхъ воскресеній, когда козаки наши сидѣли съ своими семьями за воротами и здоровались съ проходящими мимо сосѣдями, въ село Бу́ртище въѣхала нечестивая жидовская бричка, свидѣтельствующая, что сидящій въ ней путешественникъ—человѣкъ разсчетливый и неторопливый. Она была наполнена всякимъ добромъ, которое, судя по выглянувшей изъ нея офицерской фуражкѣ, было добро офицерское. Козакамъ нашимъ не было никакого дѣла ни до безобразной жидовской будки, ни до путешествующаго въ ней офицера. Покуривая люльки́, они смотрѣли какъ нельзя равнодушнѣе на косматаго жида, отъ роду не пробовавшаго, что́ за вкусъ въ колбасѣ и поросенкѣ, и на его четверню тощихъ клячъ, которымъ, какъ это всякому извѣстно, нечистая сила помогаетъ пробѣгать въ сутки отъ 70 до 90 верстъ. Но бричка, выбравши хату, у которой сидѣло побольше народу, остановилась, и офицеръ,

молодой красивый человѣкъ, съ черными, лоснящимися усами, сказалъ:

— Здравствуйте, добрые люди!

»Здоро́ві бу́дьте и ви, добро́дію!« отвѣчали козаки.

— Съ недѣлею!

»И васъ также!«

Это поздравленіе съ воскреснымъ днемъ, обычное у простонародья, расположило козаковъ въ пользу странствующаго рыцаря.

— А гдѣ тутъ живетъ у васъ вдова Зарубаиха? спросилъ офицеръ.

»А на́ що вамъ, добро́дію, вдову Заруба́іху?« спросили козаки.

— Видно, ваше село горѣло и перестроилось, сказалъ, вмѣсто отвѣта, путешественникъ: — я не узнаю знакомыхъ хатъ.

»Було́ всёго́, добро́дію«, отвѣчали козаки.

Но уже нѣкоторые изъ нихъ подступили ближе къ жидовской бричкѣ и всматривались въ странствующаго рыцаря.

— Да се жъ Заруба́енко! се жъ Полікарпъ вдови́ченко! вскричало вдругъ нѣсколько голосовъ, и въ одну минуту народъ окружилъ бричку.

Село Бу́ртище взволновалось невѣроятною новостью.

»Да́, люди добрые!« говорилъ офицеръ, »я тотъ самый Поликарпъ Зарубаенко, котораго вы громадою отдали за буйство въ солдаты. Жива ли еще моя матушка?«

— Сла́ва Бо́гу, підска́куе! сказали радостно козаки. — А що ми васъ отдали́ грома́дою въ москалі, такъ то вина́ не на́ша, добро́дію. Скачи́, вра́же, якъ панъ ка́же!

»Я на васъ и не сержусь«, отвѣчалъ офицеръ: »вы мнѣ добро, а не зло сдѣлали.«

— А хиба́ ви, добро́дію, спра́вді вели́кимъ па́номъ зроби́лись? спрашивали козаки.

Но офицеръ нетерпѣливо желалъ видѣть свою мать, и козаки, окруживъ бричку, десяткомъ рукъ указывали косматому жиду и офицеру убогую хату вдовы Зарубаихи.

III.

Хата вдовы Зарубаихи спаслась какимъ-то чудомъ отъ пожара, истребившаго значительную часть Бу́ртища. Отецъ Потапій,

тогдашній нашъ священникъ, предшественникъ отца Петра, стоя у себя на скирдѣ хлѣба, видѣлъ, какъ надъ этой хатой вилась бѣлая туча голубей, ярко рисуясь на бурыхъ и синеватыхъ клубахъ дыма, валившаго изъ сосѣднихъ хатъ богатаго козака Очкура́. »Но, по здравомъ размышленіи (говорилъ онъ), я нахожу, что то были не голуби, поелику бѣлизна ихъ превосходила сіянье снѣга въ солнечный день морозный, — то была бѣлая риза ангела-хранителя, котораго нашимъ грѣшнымъ очесамъ не возможно видѣть въ его истинномъ образѣ, то есть въ такомъ, какъ онъ изображенъ на сѣверныхъ вратахъ иконостаса, съ огненнымъ мечемъ въ десницѣ и въ желтыхъ сапогахъ, попирающихъ діавола.«

Какъ бы то ни было, только спасеніе вдовиной хаты признано было всѣми сосѣдями за чудо, и самъ отецъ Потапій сознавался, что, еслибъ эта убогая хата не стояла между пылающимъ козакомъ Очкуромъ и его собственною левадою, то не молотить бы ему въ ту осень хлѣбныхъ скирдъ: »мнози бо грѣси одержатъ мою утробу«, прибавлялъ со вздохомъ отецъ Потапій, къ истинному удивленію козаковъ, которые никакъ не могли допустить мысли, чтобъ нельзя было отмолиться *ному* отъ всѣхъ, рѣшительно отъ всѣхъ грѣховъ!

Итакъ хата вдовы Зарубанхи, и семь лѣтъ тому назадъ уже старая, теперь, въ сравненьи съ новыми сосѣдними постройками, казалась еще старѣе. Еслибъ покойный ея мужъ, козакъ Зарубай, не былъ лучшій на селѣ кровельщикъ, то давно бы уже прогнила на ней солома, и осенніе дожди протекали бы сквозь крышу и потолокъ на голову несчастной, безпомощной, одинокой Зарубанхи. Но крыша была — точно кованная, и показывала свою древность только зеленымъ мохомъ, который раскинулся по ней красивыми, почти сплошными пластами, гуще къ краямъ и рѣже къ высокому дымарю. Всё-таки она надвинулась довольно угрюмо надъ бѣлыми стѣнами хаты и сѣней и надъ сѣрыми бревнами, изъ которыхъ сложена еще покойнымъ Зарубаемъ комора, въ одной связи съ сѣньми.

Комора была славная у Зарубанхи, съ деревянымъ поломъ и сте́лею. Покойный мужъ ея съ тѣмъ и строилъ эту комору, что когда, Богъ дастъ, дождетъ онъ женить своего Поликарпа, тогда сто́итъ только прорубить въ ней окна, и »противная хата« для него готова.

А всё-таки видно, что мужскія руки не пóраются на дворѣ у Зарубаихи: все кругомъ обветшало, обвалилось и уже употребляется на топливо. Но, подобно тому, какъ солнце вдругъ прорѣжетъ осеннія тучи и ярче лѣтняго озаритъ мокрыя травы и трепещущія, ярко-желтыя и красныя листья на грушахъ, — такъ вѣсть о возвращеньи сына все озарила и измѣнила не только на печальномъ лицѣ старушки, но какъ-будто даже и на ея заросшемъ бурьянами дворѣ. Иными глазами взглянули теперь козаки и на убогую вдову, и на ея убогое и обветшалое двóрище.

Сосѣднія дѣти давно уже набѣжали съ улицы въ ея хату и радостнымъ крикомъ возвѣстили ей, что воротился ея Поликарпъ. За этимъ милымъ, драгоцѣннымъ для нея словомъ, она не слышала другого слова, двадцать разъ повтореннаго дѣтьми: *офицеръ! офицеръ! офицеръ!* Она не повязала даже головы платкомъ, и въ домашнемъ очіпкѣ выбѣжала за ворота.

Гдѣ же онъ? Неужели это ея Поликарпъ идетъ къ ней скорыми шагами, впереди дивующагося народа?... И уже, сквозь его новую, чужую для нея внѣшность, она различаетъ его родныя для нея черты. Онъ оставилъ ее съ застывшими у ней на глазахъ слезами, застывшими именно потому, что взглядъ комиссара произвелъ на нее обычное свое дѣйствіе. Онъ воротился къ ней — и слезы ея теперь другія: ихъ озаряетъ радость, матерняя радость, какъ яркое солнце осеннюю, еще живую и прекрасную природу.

Но какъ, однакожъ, много отняли у ней эти семь лѣтъ! какими страшными чертами обозначились они на ея лицѣ! Въ первую минуту свиданія время и горе показываютъ намъ все, что они вмѣстѣ сдѣлали на миломъ для насъ образѣ; но когда, въ задушевной бесѣдѣ, близкій намъ человѣкъ выкажетъ передъ нами всю внутреннюю красоту свою, незримую для людей далекихъ, тогда на его внѣшнемъ образѣ изглаживаются признаки физическаго разрушенія, и кажется намъ, что дорогое намъ существо никогда не разрушится.

То самое случилось и съ Поликарпомъ Зарубаемъ. Когда радостная мать ввела его въ хату и, расцѣловавши въ десятый разъ, отерла свои слезы, — ему показалось, что это только вчера онъ съ нею обѣдалъ и бесѣдовалъ о Катрѣ Дубівнѣ.

Сколько можетъ вынести человѣкъ! Еслибъ мы сами были не

люди, мы бы съ трудомъ повѣрили, что тотъ, кого сердечная боль заставляетъ биться объ землю, какъ билась эта несчастная вдова, что тотъ можетъ еще быть когда-нибудь радостенъ и бодръ тѣломъ и душою.

Да́, можетъ быть, въ жизни своей никогда еще не чувствовала такого счастья вдова Зарубаиха, какъ въ этотъ день, — даже и въ весеннюю пору своей жизни, когда она была вся цвѣтъ и красота, а ея мужъ, давно уже похороненный отцемъ Потапіемъ, тогда еще женихъ, вернулся съ Дону, ведя за собой помахиваніемъ батога чудесную паровицу (1), и она встрѣтила его, по какому-то предчувствію, за селомъ, и онъ, щадя ея дѣвическую честь передъ чумаками, не сказалъ ей ни слова, но поднялъ правой рукой высокій, запыленный бриль и такъ ей поклонился, такъ поклонился... ну, этого никакими словами не разскажешь! И тогда она не была ни такъ счастлива, ни такъ молода сердцемъ, ни такъ добра ко всему міру, какъ теперь. Еслибъ комиссаръ явился теперь къ ней въ гости, — она бы и его встрѣтила, какъ родича. Но комиссаръ, яко человѣкъ великого коліна, по выраженью козаковъ, — никогда не удостоивалъ подобной чести простую хату, и если когда случалось ему по дѣламъ сидѣть *кінець стола* у головы, то самъ голова докладывалъ ему о дѣлахъ, стоя у порога.

Зато пришли къ ней, въ качествѣ гостей, многіе сосѣди, чуждавшіеся прежде убогой и унылой хаты; пришелъ и самъ богачъ Очкуръ, держа передъ собой накрытаго полами балованнаго сынка Семенка, родившагося на преподобнаго Симеона юродиваго, въ томъ самый день, какъ Поликарпа Зарубая заковали въ рекрутскіе кандалы. Козакъ Очкуръ отеръ одну, а можетъ быть и другую слезу по этому случаю, тронувшему его родительское сердце, но, въ отсутствіе Поликарпа, не одинъ разъ далъ бѣдной вдовѣ почувствовать сосѣдство богатаго двора. Какъ-бы угадывая, что вдова Зарубаиха теперь не попрекнетъ его ничѣмъ, онъ пришелъ къ ней, какъ ни въ чемъ не бывалъ, и, вынувъ изъ-за пазухи завернутую въ бѣлую хустку паляницу, положилъ на столѣ. Это значило, что онъ не случайно зашелъ къ ней въ хату, но какъ равный къ равному, въ качествѣ гостя. Явилось у вдовы на столѣ

(1) *Паровиця* — возъ, запряженный парою воловъ.

и еще нѣсколько почетныхъ паляницъ, и вдова, усадивъ своего милаго — и притомъ чиновнаго — сына конецъ стола, протерла чистою тряпкою свою и безъ того чистую лавку для пришедшихъ на ея радость сосѣдей.

Сынъ, помня обычаи предковъ, досталъ было уже изъ кармана кошелекъ, чтобъ послать за горілкою, но мать остановила его.

— Я, сла́ва Богу, не лежа́ла ле́жнемъ, не гуля́ла по шинка́хъ. Про мою ну́жду и для шано́би до́брихъ люде́й, на́йдется въ ме́не въ гаманці копійка.

И уже быстроногая сосѣдняя дѣвочка летѣла во весь духъ къ шинкарю Остапу, мудрѣйшему изъ смертныхъ во всемъ Бу́ртищѣ, умѣвшему разчесть, сколько въ году часовъ, а въ сотнѣ рублей и копеекъ, на что́ не хватало премудрости и у волостного писаря.

IV.

Между тѣмъ жидъ, обладатель уродливой будки и четверни невообразимо тощихъ клячъ, гонимыхъ нечистою силою, навьючился офицерскимъ добромъ и тащилъ его въ хату. То были ситцевыя подушки, березовые чубуки, огромный кисетъ съ кисточками по угламъ и съ вышитой на немъ собакою, пестрый архалукъ и еще множество другихъ мелочей, которыя трудно было разсмотрѣть съ перваго взгляда. Да никто въ это добро и не всматривался, потому что всѣхъ поразила, какъ молнія, одна мысль: неужели некрещеный жидъ войдетъ въ хату въ своей косматой шапкѣ, какъ-будто... Духъ святый съ нами! Неужели мало того, что офицерская собака пробралась между ногъ почтенной компаніи и улеглась подъ лавкою у самыхъ каблуковъ его благородія?... Всѣ оцѣпенѣли отъ этой мысли; но, какъ дѣло ближе всего касалось вдовы Зарубаихи, то она первая и опомнилась отъ изумленія и страха.

— Тю, къ нечи́стій ма́тері, не при ха́ті споминаючи! вскрикнула она. — Гля́ньте, лю́де до́брі, нечи́стий жидю́га пре́тця въ ха́ту!

Тутъ, кто сидѣлъ поближе къ порогу, бросились защищать

святыню хаты, и въ самую пору оттѣснили жида съ ситцевыми подушками и чубуками. Офицерское добро перетаскано было въ хату дюжими паробками, которые, изъ почтенія къ своимъ отцамъ и матерямъ, оставались до сихъ поръ въ сѣняхъ и смотрѣли оттуда въ дверь на офицера.

Жидъ очень оскорбился грубымъ пріемомъ въ козачей хатѣ и сказалъ, что онъ бывалъ и въ панскихъ домахъ, на второмъ »и дазе на третьемъ этазѣ.«

— То па́нськиі дома́, а се христия́нськая че́сная ха́та! отвѣчали ему кротко паробки. — Ми бъ и соба́ки не впусти́ли, да тілько, що офице́рська соба́ка.

Жидъ еще больше оскорбился кроткимъ отвѣтомъ паробковъ и прибѣгнулъ къ своему натуральному мщенію: онъ громко и немедленно требовалъ отъ офицера денегъ, стоя въ сѣняхъ въ своей косматой рыжей шапкѣ и держа въ рукѣ коротенькую плеть на длинномъ кнутовищѣ.

Паробки бдительно охраняли хатній порогъ, и офицеръ передалъ деньги жиду черезъ десятокъ рукъ.

Тотъ сосчиталъ ихъ, увидѣлъ, что есть и прибавка, и, не сказавъ ни добраго, ни худого, молча отправился къ своимъ лошадямъ, въ сопровожденьи паробковъ, которые объяснили тутъ же хло́пчикамъ и дівча́ткамъ, что жидъ своихъ коней никогда не кормитъ, а только поитъ, и что нечистая сила гонитъ ихъ по 70 и по 90 верстъ въ сутки.

Вслѣдствіе этого объясненія, хлопчики и дівча́тка, обступивъ жида и его бричку съ лошадьми, спрашивали въ десятокъ голосовъ:

— Жиди́! а на́ що ви Христа́ заму́чили?

Другой десятокъ голосовъ кричалъ:

— Жи́де! жи́де! свиня́че у́хо! чи не хо́чешъ поросятини?

Третій десятокъ голосовъ еще звонче кричалъ:

— Жи́де! жи́де! а давно́ твого́ ба́тька хапу́нъ ухопи́въ?

Бѣдный потомокъ воиновъ, разрушавшихъ одними трубными звуками городскія стѣны, готовъ былъ, казалось, разорваться отъ досады на свое безсиліе, и его плеть на длинномъ кнутовищѣ такъ и вилась у него въ рукахъ, точно змѣя, готовая ужалить. Но рослые паробки, въ новыхъ свиткахъ и огромныхъ сапогахъ, стояли съ такимъ величавымъ спокойствіемъ въ арріергардѣ дѣтскаго опол-

ченія, что его измельчавшая душа опускалась въ немъ, замѣтно для него самого, ниже груди и »дазе зивота«! Все, что́ могъ онъ сдѣлать, такъ это плюнуть, вскочить на ко́зла и погнать своихъ тощихъ клячъ такъ быстро, что дѣти остались въ несомнѣнномъ убѣжденіи на счетъ нечистой силы.

Этимъ, однакожъ, онъ не отдѣлался. Гикалъ и вьюкалъ онъ на свою четверню изо всѣхъ силъ; четверня неслась въ пыли, какъ сумасшедшая; опорожненная будка звякала и стучала безбожно. Жидъ не могъ слышать вокругъ себя ничего, кромѣ грохота собственной колесницы; но онъ видѣлъ, какъ хлопчики и даже взрослые паробки, у другихъ хатъ, махали ему концами своихъ полъ, свернутыми на подобіе свинного уха; онъ видѣлъ, какъ дівча́тка, впереди его, чертили на пескѣ кресты; онъ видѣлъ, какъ степенные молодицы, идучи отъ колодязя съ полными ведрами, нарочно останавливались, чтобъ не перейти ему дороги, а тѣ, у которыхъ было надѣто на конецъ коромысла два пустыхъ ведра, то и дѣло шмыгали передъ нимъ неперегъ дороги (¹). Еслибъ у него не висѣло сбоку брички желѣзное дырявое ведро, то можно сказать навѣрное, что ему никто на селѣ не далъ бы ведра напоить лошадей. Жидъ и откупщикъ, жидъ и обманщикъ, жидъ и врагъ всякаго добраго человѣка — въ Буртищѣ значило одно и то же. О жидахъ, еще со временъ польскаго ига, ходитъ у насъ въ народѣ множество возмутительныхъ воспоминаній. Невѣжество и суевѣріе облекли, большею частію, эти воспоминанія въ чудовищныя или фантастическія сцены; но въ основаніи вымысловъ лежитъ всё-таки память, что жиды, въ рукахъ пановъ и іезуитовъ, были самымъ ужаснымъ орудіемъ порабощенья и грабежа слабыхъ и беззащитныхъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. При помощи этого безжалостнаго къ народу орудія, Ляхи или, что́ одно и то же, паны въ Украинѣ поселили къ себѣ въ народѣ такую страшную ненависть, что въ XVII вѣкѣ умирающій ребенокъ говорилъ: *Ма́мо, закри́й мені о́чи, щобъ мені на того́ поганого Ляха́ не диви́тись!* А растравленные польскими панами на народѣ жиды и послѣ гибели своихъ высоко-

(¹) Кому встрѣтятся полныя ведра на дорогѣ, того ожидаетъ успѣхъ въ предпріятіи. Желая счастья отправляющемуся въ путь, нарочно переходятъ дорогу съ полными ведрами. Встрѣча съ порожними ведрами предвѣщаетъ неудачу.

родныхъ патроновъ не переставали изъ рода въ родъ упражняться на Украинѣ въ искусствѣ обмана, коварства и предательства. Что́ же тутъ мудренаго, если потомки Небабъ и Морозенковъ гнушаются прикосновеніемъ къ жиду, а малыя дѣти преслѣдуютъ его насмѣшками и ругательствами? Устами ихъ говоритъ исторія, которая одна осталась Украинцу въ наслѣдство отъ его предковъ....

V.

Въ то самое время, когда мстительныя насмѣшки и ругательства провожали, отъ хаты вдовы Зарубаихи до самой ца́рины (¹) въ поле, косматую фигуру такъ называемаго фурмана (названіе, присвоенное лучшему классу еврейской общины, ямщикамъ), въ сѣняхъ, а потомъ и въ хатѣ вдовы Зирубаихи, появилась другая косматая фигура, и въ добавокъ еще неопрятная, если неопрятностью слѣдуетъ назвать то, что на ней былъ засаленный нанковый балахонъ, препоясанный широкимъ, шитымъ разноцвѣтными гарусами поясомъ, уже давно полинялымъ и многажды закапаннымъ во время питія и яденія. Но паробки, стоявшіе въ сѣняхъ, разступились передъ этой фигурой, снабженной большимъ крючковатымъ носомъ и парою глазъ, которыя какъ будто притаились по обѣимъ сторонамъ его въ узкихъ щелочкахъ, что́ придавало всему его лицу видъ хаты, которой хозяинъ закрылъ оконницы отъ мухъ и улегся послѣ обѣда спать. Эта послѣдняя особенность, довольно обыкновенная въ нашемъ уѣздѣ между высшимъ, совершенно обезпеченнымъ сословіемъ, не поражала нисколько общества, собравшагося у вдовы Зарубаихи. Что́ касается собственно до офицера, то онъ почтительно поднялся съ своего мѣста и, перемѣстивъ чубукъ изъ одной руки въ другую, просилъ молчаливымъ движеніемъ руки и наклоненьемъ всего корпуса такъ называемаго благословенія у нанковаго балахона. Но нанковый балахонъ, поднявъ обѣ растопыренныя руки свои къ собственнымъ плечамъ съ видомъ отрицанія, а главу склонивъ немного на сторону, произнесъ трогательнымъ голосомъ:

(¹) *Ца́рина* — ворота на концѣ села.

— Не благословляю!

Эти жесты и это неожиданное слово привели офицера въ такое изумленіе, что онъ долго бы еще не опустился на лавку, еслибъ сосѣдніе козаки не сказали, сложась по слову:

»Эгé, Поликáрпъ Ивáновичъ! нáшого отця́ Потáпа посадúли на лідъ, чи я́къ би то вамъ сказáть?... трóшки осýнули... а пóпросту изъ попівъ да въ дякú.«

— Истинно! сказала эта странная персона, которую козаки снисходительно называли отцемъ Потапіемъ. Врагъ рода человѣческаго посрамилъ мою старость. Состóю теперь заштатнымъ дьячкомъ при церкви Вознесенія Господня. Если позволите облобызать себя, почту за честь.

Офицеръ позволилъ облобызать себя и, потомъ опустясь на лавку, совѣстился за бывшаго отца Потапія, котораго козаки единственно по привычкѣ продолжали звать отцемъ Потапомъ. Но бывшій отецъ Потапій, у котораго глаза обозначались токмо узкими щелочками, по-видимому не зналъ, чтó значитъ совѣститься. Онъ занялъ мѣсто по другую сторону стола, на лавкѣ, и спокойно гладилъ свою рыжую бороду.

Между тѣмъ богатый на все село козакъ Очкуръ, сидя на другой лавкѣ, рядомъ съ офицеромъ, и держа передъ собой между ногъ балованнаго сынка, продолжалъ:

»Эгé, óтче Потáпе! ми вамъ казáли, що вимагáння вáше не доведé васъ до добрá. А лýчче бъ булó живúтьця зъ мúру чéсно.«

— Суетно слово твое, Миронъ Петровичъ! отвѣчалъ засаленный и очевидно опустившійся бывшій отецъ Потапій. — Не мое вымоганье меня низвергло, а вымоганье свыше. Сказалъ бы я тебѣ и больше, *да пічъ у хáті* (¹). Но имѣяй уши слышати да слышитъ. Распустили вы суетную славу о моемъ богатствѣ и тѣмъ самымъ повергли меня въ бездну золъ. А у меня всего богатства — бочка горілки въ коморѣ. Вашего жъ брата, не кого другаго угощалъ по своему благодушію, а вы — возвеличили на мя запинаніе! Погибаю отъ щедроты руки своей, не отъ чего инаго, Поликарпъ Ивановичъ! обратился онъ къ офицеру.

»Ні, óтче Потáпе!« сказалъ другой козакъ, »ви намъ не до-

(¹) Этими словами выражаютъ у насъ невозможность высказаться, по причинѣ опасности со стороны властей, или вонзбѣжаніе другихъ непріятностей.

рікайте чáркою горілки. Чáрку горілки знайшли́ бъ ми и въ сéбе въ госпóді, а коли́ щó, то й до Остáпа не далéко. Тá бóчка горілки стáла вамъ за дéсять. Хибá мáло ми вамъ переробили діла толокóю? И двіръ вамъ своімъ кóштомъ обстрóіли, и левáду, такъ якъ тому́ комисáру, обгородили.«

— Обгородили! перебилъ бывшій отецъ Потапій съ неудовольствіемъ. — Лучше бъ она пустыремъ стояла!

»Отсé тобі попівська дя́ка!« сказалъ одинъ сосѣдъ другому.

— Чóмъ же се такъ? спросилъ козакъ Очкуръ.

Бывшій отецъ Потапій понурился: ему не хотѣлось отвѣчать; но онъ отвѣчалъ, однакожъ:

»Пошла мнѣ въ прокъ ваша огорожа! теперь продаю леваду.«

— Продаетé! щó жъ ви за нéі хóчете?

Этотъ вопросъ предложилъ козакъ Очкуръ, не пропускавшій случая прикупить земли.

»Сто и пятьдесятъ.«

— Дóрого, óтче Потáпе! А рівно дамъ.

»Рівно! такъ ровнять дóбре!«

— Ну, дéсять на стó накúну.

Этотъ разговоръ, для насъ довольно скучный, заинтересовалъ офицера такъ, что онъ началъ дымить Жуковымъ больше обыкновеннаго.

»Нѣтъ, накидай больше, коли хочешь.«

— Пятнáдцять, óтче Потáпе!

»Тридцать-пять.«

— Сімнáдцять, óтче Потáпе!

»Тридцать-три.«

— Вісімнáдцять съ копóю!

»Тридцать-три безъ копы.«

Видно было человѣку опытному, что продавецъ и покупщикъ осторожно приближаются къ цѣнѣ, которую одинъ готовъ взять, а другой — дать, и всѣ сколько-нибудь проницательные люди угадывали, что эта цѣна — 125 цѣлковыхъ.

— Двáдцять! сказалъ козакъ Очкуръ, погладивъ сынка по головкѣ своею мускулистою, работящею рукою.

»Тридцать-два.«

— Двáдцять съ копóю!

»Тридцать-одинъ.«

— Ні бо, о́тче Пота́пе! ви збавля́йте по-лю́дськи.

»Ну, тридцать«, сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Еще ли тебѣ не по-людски, Миронъ Петровичъ?«

— Беріть два́дцять и оди́нъ!

»Не возьму и два́дцати-девяти съ копою.«

— Эй, беріть, о́тче Пота́пе! говорилъ козакъ Очкуръ такимъ тономъ, какъ-будто левада убѣжитъ куда-нибудь изъ села.

»Тридцать.... Тридцать дней въ мѣсяцѣ и за тридцать серебренниковъ....«

Но тутъ бывшій отецъ Потапій кашлянулъ и сказалъ только:

— Цѣна законная!

»Два́дцять-оди́нъ и копа́!«

Бывшій отецъ Потапій кивнулъ отрицательно головою.

Офицеръ жестоко потянулъ Жукова.

— Ну, два́дцять-два, да й го́ді!

»Хиба́ що го́ді!« отвѣчалъ равнодушно бывшій отецъ Потапій.

— Що́ жъ ви роби́тимете съ ти́ми, якъ ви ка́жете, сре́бреникамп?

»Миронъ Петровичъ!« сказалъ строго бывшій отецъ Потапій, вообразивъ, что ему намекаютъ на Искаріота.

Но козакъ Очкуръ далеко не былъ такъ грубъ, чтобы швырнуть камнемъ въ человѣка беззащитнаго. Ему только хотѣлось удержать за собой славу хорошаго хозяина, который знаетъ цѣну вещамъ и не заплатитъ ни копейки лишняго. Упорство обладателя завидной для него левады, остановившееся на тридцати, пугало его, какъ естественная грань пугаетъ завоевателя. Еслибъ ему сбить бывшаго попа только съ этой грани хоть на одну *копу*, тогда ужъ естественно цѣна левады спустится мало-по малу до 25 рублей сверхъ сотни. Но офицерская трубка уже хрипитъ, и этотъ хрипъ смущаетъ догадливаго Очкура.

»Два́дцять-два съ копо́ю!« вскричалъ онъ съ ожесточеніемъ. »Ну, уступа́йте жъ, о́тче Пота́пе, хоть ко́пу! Ну, ко́пу, ко́пу!«

— Дивны дѣла твои, Миронъ Петровичъ! Ну, что́ для тебя значитъ копа? сказалъ бывшій отецъ Потапій, радуясь съ своей стороны, что на 125 рубляхъ дѣло рѣшится. Онъ поступалъ въ этомъ случаѣ подобно кокетливой поселянкѣ, которой сердце давно уже принадлежитъ искателю, но, изъ удовольствія помучить не-

терпѣливаго счастливца, она отворачивается и принимаетъ равнодушный видъ.

»Такъ уступа́ете ко́пу, о́тче Пота́пе?

— Ну, пожалуй, копу уступаю.

»А я приба́влю ко́пу. Два́дцять-три!«

— Ну, прибавка! Стыдился бъ ты, Миронъ Петровичъ, попусту время терять. Скажу тебѣ прямо: 28 да и шаба́шъ! Въ февралѣ 28 дней, а меньше того — ни въ единомъ мѣсяцѣ.

»Дожида́йтесь же февраля, о́тче Пота́пе! а тепе́ръ я вамъ даю́ два́дцять-три съ копо́ю.«

— Уже ты всѣмъ надоѣлъ своими копами, Миронъ Петровичъ!

»Ну, рівно два́дцять-чоти́ри, послі́дне слово́!«

— Двацать-семь, послѣднее слово.

При этомъ офицерская трубка страшно захрипѣла, и уже не Жуковъ, а какой-нибудь Мусатовъ 4-го сорта вылеталъ изъ березоваго чубука.

Три рубля, всего три рубля раздѣляли сражающихся, и офицеръ того только и ждалъ, что они хлопнутъ по рукамъ. Но всѣ прочіе слушатели, кромѣ балованнаго хлопчика, были увѣрены, что хлопнуть по рукамъ можно было только на 125 рубляхъ, въ чемъ не сомнѣвались взаимно и торгующіеся. Вдругъ офицеръ, выпустивъ изо рта самый нестерпимый табачный смрадъ, сказалъ:

»Я даю!«

Всѣ прикипѣли къ своимъ мѣстамъ отъ изумленія, кромѣ великаго знатока въ людяхъ и въ вещахъ, козака Очкура, который потому именно и торговался такъ рѣшительно, что съ разу почуялъ близость соперника. Не воротись изъ службы Поликарпъ Зарубаенко въ офицерскомъ образѣ, онъ бы спокойно выслушалъ желаніе бывшаго отца Потапія продать леваду и повелъ бы дѣло такъ искусно, что попова левада досталась бы ему во 120 рубляхъ, никакъ не болѣе.

— *Я* даю 127 за леваду! произнесъ безтрепетно герой дня, къ неописанному восторгу старушки матери, и тутъ же вынулъ изъ бокового кармана задатокъ.

»А я даю 128!« вскричалъ козакъ Очкуръ, доставая изъ шароваръ кожаный гама́нъ.

— А я 129! сказалъ офицеръ.

»А я 130!«

— А я 131!

Тутъ ужъ козакъ Очкуръ, при всемъ своемъ богатствѣ, долженъ былъ уступить, чтобъ спасти хозяйственную свою славу, а торжествующій бывшій отецъ Потапій принялъ задатокъ.

VI.

Въ самую пору явилась на столѣ горілка. Счастливая хозяйка, наливъ первую чарку, возвысила голосъ такъ торжественно, что даже паробки и дівча́та, смотрѣвшіе изъ сѣней на офицера, перестали между собой пиха́ться, перекидываться шутками и умѣренно, такъ сказать шепотомъ, хохотать.

У насъ, въ Бу́ртищѣ, выпить въ компаніи чарку горілки вовсе не значитъ влить въ ротъ, проглотить и крякнуть, какъ дѣлаютъ солдаты или извощики, которые имѣютъ обыкновеніе еще сморщить лицо и плюнуть. У насъ это значитъ — произнести нѣсколько такихъ словъ, которыя другимъ было бы и пріятно и поучительно слушать. Вдова Зарубаиха вспомянула за чаркою всю свою одинокую жизнь, отозвалась съ благодарностью о тѣхъ, кто ее не забывалъ (хотя этихъ немногихъ людей, большею частью такихъ же, какъ и она, бѣдняжекъ, и не было въ числѣ ея гостей), о своихъ же притѣснителяхъ, не называя ихъ по имени, сказала пословицу: *Во́рога хлібомъ да сіллю кара́й!* что́ заставило нѣкоторыхъ потупиться въ землю; наконецъ возблагодарила Бога за свою радость, глядя на свои убогіе и во многихъ мѣстахъ облупившіеся образа, и тогда, вспомнивъ еще покойнаго мужа и своихъ родителей и пославъ имъ на тотъ свѣтъ самое пріятное для нихъ желаніе, выпила чарку въ нѣсколько пріемовъ, при чемъ съ похвалою отозвалась о шинкарѣ Остапѣ, что у него добрая горілка и что Остапъ никогда плохой горілки продавать не станетъ.

Послѣ этого, чарка перешла къ герою дня, и со стороны было бы странно наблюдать, что герой дня ограничился сухимъ пожеланіемъ здоровья матери и всей компаніи, а потомъ проглотилъ водку съ такимъ видомъ, съ какимъ лежавшая у его ногъ собака глотала мухъ. Но никто изъ присутствовавшихъ этому не дивился, такъ какъ въ немъ каждый видѣлъ уже человѣка бла-

городнаго, а не своего брата козака, слѣдовательно и обычаи, и всѣ пріемы у него должны быть по возможности не похожи на простонародные. Онъ даже не скривился и не плюнулъ, какъ дѣлаютъ солдаты и извощики. Онъ выпилъ водки не хуже комиссара, который рѣшительно не выражалъ на своемъ спокойномъ и грозномъ лицѣ, горько или нѣтъ у него во рту.

Паробки, глядя изъ сѣней на Зарубаенка, замѣтили между собою:

— Ма́буть, у вели́кихъ бата́ліяхъ бува́въ!

Что́ касается до бывшаго отца Потапія, то онъ, по своему званію, осѣнилъ чарку крестнымъ знаменіемъ, чтобы въ горілкѣ не притаился какъ-нибудь діаволъ, и тогда уже спокойно выпилъ ее, какъ воду. Только глаза его выглянули немного больше прежняго изъ своихъ скважинокъ, сверкнули веселою искрою и снова спрятались, предоставляя остальнымъ частямъ лица имѣть какое угодно выраженіе, или не имѣть его вовсе.

Наблюдательные паробки замѣтили въ полъ-голоса:

— Бу́де твоя́ лева́да въ кише́ні у Оста́на, о́тче Пота́пе!

Козакъ Очкуръ оказался за чаркою очень разумнымъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, не меньше вдовы Зарубанхи. Въ его словахъ не было и слѣда досады, что попова левада досталась не ему. Онъ добывалъ свои деньги мозольнымъ трудомъ и зналъ имъ цѣну. Притомъ же слава великаго хозяина была для него слишкомъ дорога.

Чарка пошла въ круговую, и молодицы доказали своими приговариваньями, что онѣ уступаютъ мужьямъ своимъ въ философіи, но далеко превосходятъ ихъ въ поэзіи.

Молодежь, стоя въ сѣняхъ безъ всякой претензіи на участіе въ гостепріимствѣ, поучались у своихъ отцовъ и матерей правоучительнымъ и приличнымъ случаю выраженіямъ.

Незнакомый коротко съ нравами и обычаями села Буртища, можетъ найти невѣроятнымъ, что до сихъ поръ ни мать и никто другой не спросилъ у нашего героя, какъ это ему Богъ далъ выдти въ люди, и надолго ли онъ пріѣхалъ къ матери въ гости? Но таковаго я прошу положиться на вѣрность моего разсказа о томъ, чему иначе и быть не возможно. Мать предложила сыну, что́ у ней было съѣдомаго, и только когда онъ удовлетворилъ голодъ, она нашла удобнымъ и приличнымъ приступить къ нему

съ разспросами. Тогда говоръ смѣнился въ хатѣ тишиною, хотя никто не требовалъ молчанія, и даже стоявшей въ сѣняхъ молодежи слышно было, что́ говоритъ офицеръ.

VII.

— Взяли меня изъ рекрутской партіи въ дивизію, началъ Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя теперь уже Зарубаевымъ. — Ну, взяли въ дивизію.... То есть не одного меня, а стало быть много насъ новобранцевъ, стало быть рекрутовъ этакихъ необученныхъ. Вотъ, взяли меня въ дивизію....

»А що́ жъ то за диви́зія така́я?« спросила мать.

— Ты бо, Параскевія.... якъ тебе́ по отчеству... не перебивай! остановилъ ее бывшій отецъ Потапій.

»Ні, вже ви мені не перебива́йте!« отвѣчала она съ нѣкоторой досадою. — Я хо́чу роспита́ть свою́ дити́ну, якъ воно́ тамъ стра́ждало. А панъ-отця́ мого́ вамъ би мо́жна, зда́ется, знать, я́къ ёго́ зва́ли.«

Очевидно, въ душѣ бѣдной вдовы заговорило негодованіе на власть, которую имѣлъ надъ нею до сихъ поръ каждый, кто посильнѣе.

— Нельзя мнѣ помнить каждаго, Параскевія, кого мнѣ удалось похоронить во времена моего благоденствія, отвѣчалъ со вздохомъ бывшій отецъ Потапій.

»Помнить каждаго!« повторила его слова Зарубаиха. »Да хиба́ жъ ка́ждий ратова́въ васъ одъ сме́рти?

— А твой же, Параскевія... якъ тебе... твой отецъ развѣ отъ смерти меня спасъ?

»А вже жъ спасъ!«

— Не помню! воистину не помню!

»То́-то й есть, о́тче Потапе!« сказала съ упрекомъ вдова.

Бывшій отецъ Потапій обратился къ слушателямъ съ распростертыми руками, въ знакъ удивленія и вопроса.

Тѣ переглянулись между собой и засмѣялись, такъ какъ извѣстно было каждому, что бывшій отецъ Потапій, еще во времена своего благоденствія, возвращаясь ночью отъ головы, хотѣлъ обойти уличную лужу и для этого повернулъ на дворъ къ

козаку Зарубаю, а оттуда вознамѣрился перелѣзть черезъ новый плетень въ собственную леваду. Но, такъ какъ голова угостилъ его доброй варенухою, то и случилось, что колья плетня попали въ голеница отца Потапія, а его глава и весь корпусъ повисли въ бурьянъ, на ту сторону онаго плетня. Отецъ Параски Зарубанхи, проживавшій на ту пору у дочери въ качествѣ бондаря, всталъ раньше всѣхъ, какъ это водится у старыхъ людей, и, вышедъ на дворъ, увидѣлъ сквозь мглу разсвѣта пару сапоговъ на плетнѣ. Онъ столько же удивился этой находкѣ, сколько и обрадовался, потому что швець Оврамъ, взявши у него голеница, чтобы сдѣлать къ нимъ пришвы, заложилъ ихъ шинкарю Остапу, и не извѣстно, когда былъ въ состояніи выкупить. Старикъ поспѣшилъ снять съ плетня чоботы, но въ чоботахъ оказались ноги, а вмѣстѣ съ ногами открытъ былъ и ихъ хозяинъ, уже безъ памяти и на волосокъ отъ смерти.

Вотъ на какое обстоятельство намекнула вдова Зарубаиха, и ея слушатели такъ искренно смѣялись, покачивая одинъ передъ другимъ головою, что бывшему отцу Потапію, по закону природы, слѣдовало бы хоть немножко смутиться; но бывшій отецъ Потапій не подлежалъ сему закону еще со временъ своей юности, когда сопровождалъ бывало свою матушку по всѣмъ хатамъ на селѣ для взиманія извѣстной части всего, что́ только подлежало дѣленію.

Офицеръ тоже вспомнилъ, какъ его дѣдъ спасъ отъ смерти бывшаго отца Потапія, и тоже не могъ не засмѣяться вмѣстѣ съ другими. А въ сѣняхъ, между молодежью, слышенъ былъ даже сдержанный хохотъ. Но лицо бывшаго отца Потапія, съ своими щелочками вмѣсто глазъ, похоже было на затворенную кругомъ хату, которой хозяинъ спитъ или неизвѣстно что́ дѣлаетъ.

Видя это какъ нельзя яснѣе, офицеръ пересталъ за него совѣститься и продолжалъ:

— Дивизія, матушка, это — такое начальство, или... какъ бы вамъ сказать... ну, словомъ — дивизія! Тамъ и генералъ особый, дивизіонный, и все такое.... Но это само по себѣ, а вотъ главное. Изъ дивизіи погнали насъ далѣе. То есть ранжиръ этакой сдѣлали, какой ростъ, какое что, и погнали. Ну, погнали... (тутъ офицеръ высѣкъ огня и закурилъ трубку). Вотъ, какъ погнали насъ далѣе, — гонятъ насъ въ самую стало быть въ столицу.

Тамъ этакой Санктъ-Петербургъ есть, стало быть большущій городъ. Сказано — бурхъ!

»Охъ ли́шечко!« говорила старушка, сидя противъ него у стола на осло́нѣ и подперши рукою щеку.

— Это ничего, Параскевія... якъ тебе по отчеству, сказалъ бывшій отецъ Потапій. — Въ столицѣ до́бре жить: тамъ, я слыхалъ, дьячекъ получаетъ за похороны больше здѣшняго іерея.

»Ва́шому бра́ту, о́тче Пота́пе, всю́ди до́бре!« сказала вдова. »А моя́ дити́на, ма́буть, приняла́ тамъ хо́лоду и го́лоду.«

— Нѣтъ, матушка, ничего, сказалъ офицеръ.—Холоду правда, что натерпѣлся, а сытъ былъ завсегда. Только дорогою, какъ туда еще насъ гнали, партіонный офицеръ маленько насъ... то есть этакъ приморилъ... стало быть выгоду свою соблюдалъ.

»Это уже такъ слѣдуетъ«, замѣтилъ бывшій отецъ Потапій.

— Да́, ужъ на то офицеръ, матушка, подтвердилъ Поликарпъ Зарубаенко

»Милосе́рдний Бо́же!« воскликнула старушка. »Такъ и ти, мій си́ночку, мори́въ чужи́хъ діте́й го́лодомъ?«

— Нѣтъ, матушка, что́ голодъ? храбро отвѣчалъ сынъ. — Голодомъ у насъ не морили. Но этакъ... хозяйственнымъ способомъ... ну, словомъ—свою выгоду.... На то ужъ начальство. Это ужъ всему свѣту извѣстно. Но объ этомъ что́ толковать? Дѣло служебное, — не то, что сосѣдъ съ сосѣдомъ въ деревнѣ. Здѣсь особая статья, а тамъ особая. Вотъ, матушка, и пригнали насъ этакъ въ столицу. Ну, пригнали, — въ гвардію меня вписали, въ этакіе Преображенцы стало быть....

»А що́ жъ то таке́ за гва́рдія, си́ночку?« спросила мать.

— Гвардія, матушка, это... какъ бы вамъ сказать... это такіе отборные солдаты, рослые и все такое... ну, словомъ гвардія! Вотъ, какъ вписали меня въ гвардію, сталъ я служить. Учить меня стали и все такое прочее. Вотъ я и служу годъ и два, и три....

»И важка́ жъ та слу́жба, си́ночку?«

— Сперва фухтелями, матушка, докучали, а потомъ видятъ — обтерпѣлся, и полно колотить.

»Такъ тебе́ й би́то тамъ, сыночку? Хиба́ жъ ти по шинка́мъ зъ го́ря блука́въ, чи що́?«

— Нѣтъ, матушка, въ ротъ не бралъ, — не за что. Начальство лишній паекъ и все такое прочее для своихъ надобностей удерживаетъ. Сказано — начальство. Жить надо прилично: съ нихъ тоже взыскиваютъ. Чтобы и карета была, и всякая этакая фанаберія... ну, понимаете.

»А за́ що жъ тебе́ би́то?«

— Собственно за-для-ради службы, матушка.

»Хиба жъ ти іхъ не слу́хавъ? Ти жъ у ме́не бувъ таки́й слухня́ний да звича́йний зъ-ма́лечку!«

— Какъ не слушалъ, матушка? Хе-хе-хе, матушка!

И офицеръ слегка засмѣялся, покачавъ головой по-украински.

Бывшій отецъ Потапій тоже осклабилъ свои уста и, поглаживая браду свою, произнесъ:

»Тамъ за непослушаніе, Параскевія... якъ бо тебе по отчеству?«

— Да Оме́лькомъ же мого́ панъ-отця́ зва́ли! вскричала, оглянувшись на него, вдова.

»Ну до́бре, Параскевія Емельяновна... теперь я буду знать. За непослушаніе и строптивость и у насъ въ бурсѣ сокрушали юношей до изнеможенія. Я самъ бывалъ наказу́емъ такъ сказать жестоко уже передъ выпускомъ изъ богословіи, хотя строптивость моя заключалась токмо въ невоздержаніи.«

— Такъ за́ що жъ тебе́, си́ночку, му́чили недолю́дки? продолжала допросъ вдова.

»Нѣтъ, матушка«, говорилъ офицеръ, »меня никто не мучилъ, а только къ службѣ пріучали. Обтерпѣлся — и баста колотить! Это ужъ такъ заведено. На то и служба, матушка. Хуже всего, что бранятся бывало жестоко. Къ брани никакъ нельзя было привыкнуть. Всё мать да мать! Это, матушка, точно было больно. А шкура вѣдь своя, не покупная.«

— Бо́же мій! Го́споди мій! говорила вдова. — Одорву́ть одъ ма́тери бідну дити́ну, да ще й....

Она не могла договорить и залилась слезами.

— Полно, матушка, плакать! сказалъ офицеръ. — За ваши молитвы Богъ меня не оставилъ.

»Истинно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Всякое воскресенье я получалъ отъ вашей матушки на часточку исправно. А нынешнему попу хоть и не давайте, Параскевія... якъ бо васъ... да́, Емельяновна.«

И, понизивъ голосъ, продолжалъ:

»Въ карты играетъ. Не услышитъ Господь его молитвы.«

— Ма́ло чого й ви не роби́ли, о́тче Пота́пе, отвѣчала вдова, — а Бо́га одъ насъ не закрили!

Между тѣмъ офицеръ продолжалъ:

— Такъ вотъ я, матушка, этакъ и служу. Колотить меня перестали, сдѣлали унтеръ-офицеромъ. Стало быть начальство полюбило, что молодецъ изъ себя. Тутъ ужъ я самъ началъ кой-ково школить....

»И людей бить?« воскликнула мать.

— Не людей, матушка, а солдатъ.

»За́ що?«

— Какъ за что́, матушка? Это у васъ въ деревнѣ не за что колотить; а тамъ, понимаете? тамъ — держи ухо востро!... Безъ этого и службы никакой не будетъ.

»Именно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій.

— Знаете, выправка и все такое... ну, какъ водится на службѣ. Безъ этого уже нельзя. И солдаты не будутъ бояться.

»Именно!« подтвердилъ бывшій отецъ Потапій.

— Да на́ що жъ імъ тебе́ бояться, си́ночку? аби́ слу́хали!

»То́ слушаться, матушка... о томъ ужъ и толковать нечего; а бояться — особь статья. Безъ страху — что́ за служба? Бывало унтеръ-офицеръ гикнетъ — все у тебя въ душѣ замретъ: вотъ она команда-то!«

— Именно! сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

»Такъ и начальство, матушка, учило насъ. Затѣмъ и въ унтера произведенъ, что изъ себя видный и голосъ хорошъ. Бывало, крикну на одномъ концѣ развода, а на другомъ слышно. Вотъ онъ командиръ-то! Изъ этакихъ и въ генералы выходили.«

— Уже́ нічого сказа́ть, Полика́рпъ Ива́новичъ, вмѣшался въ разговоръ козакъ Очкуръ, яко почетнѣйшій изъ гостей, послѣ бывшаго отца Потапія. — Було́ йдете́ зъ вечорни́ць, то по всёму́ селу́ чутно́ ва́шу пісню.

Прочіе дивовались безмолвно, или выражали свои чувства въ полъ-голоса краткими восклицаніями, въ родѣ слѣдующихъ: »Эге́, такъ-то Богъ дае́!« — »Що́-то ма́терина моли́тва!« — »Така́ вже во́ля Божа!« и тому подобными.

— Ну, матушка, продолжалъ офицеръ, — служу я этакъ. Ну,

служу,—грамотѣ меня начали обучать товарищи, чтобы пунктики тамъ и все этакое разъучивать....

»Отъ, якъ-би́ тебе́, си́нку, навчи́ли написа́ть письмо́ до ма́тери, отто́ було́ бъ до́бре!«

— Что́ же? и письмо можно бы было написать. Унтера и заохачивали, что, можетъ, что-нибудь пришлетъ старуха....

»А вже жъ присла́ла бъ! Послідки бъ збула́ да прислала!«

— Вотъ этого-то мнѣ и не хотѣлось, матушка! Подумаю бывало, подумаю: меня государь прокормитъ и одѣнетъ, а ей кто безъ меня поможетъ? Ну, это дѣло — сторона. Вотъ обучился я пакеты и все этакое распознавать, какъ слѣдуетъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Я былъ понятливъ съ малолѣтства — вы знаете. Бывало, услышу однимъ ухомъ пѣсню — ужъ она и моя.

»А тепе́ръ за слу́жбою, ма́буть, и пісні поперезабува́въ, си́нку?«

— Нѣтъ, матушка; какъ перезабыть? Весь этотъ вздоръ навѣки врѣзался въ память. Но, понимаете, въ благородномъ званіи... тутъ другія пѣсни пошли. Да и въ солдацкомъ тожъ хохлаччину всю вонъ изъ насъ выколачивали. Дружка за дружкой смотримъ бывало, чтобъ все этакъ хватски и говорить, значитъ, и дѣлать.

»Пога́ні, си́нку, моско́вскі пісні!« сказала старушка, увѣщательнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, матушка, для военнаго человѣка онѣ способнѣе хохлацкихъ. Этакъ гаркнуть цѣлой ротой и въ тактъ, въ ногу.... оно хорошо!

»Именно«, подтвердилъ бывшій отецъ Потапій. »На то Марсъ!«

Но этого послѣдняго восклицанія не понялъ никто, чѣмъ бывшій отецъ Потапій остался доволенъ и затаилъ объясненіе про себя.

— Вотъ, матушка, обучился я грамотѣ, — служу. Начальство меня любитъ, и сталъ я у начальства на примѣтѣ за то именно, что лишняго слова никто отъ меня не слыхалъ. Служба и баста! Это у насъ образцовые унтера. Такихъ и на самые важные караулы назначаютъ. То есть, стой, какъ вкопанный, и все тутъ! Смотри — и будто не видишь, слушай — и будто не слышишь, чтобъ у тебя потомъ, кромѣ службы, никакихъ разговоровъ не было, — понимаете?

»Го́споди! яки́й страхъ!« сказала старушка. »Ні до ко́го й не озови́сь?«

— Нѣтъ, матушка, въ казармахъ отозваться къ кому угодно можно, но вотъ про ружье или тамъ про этакой новый темпъ, что ли, а о прочемъ — не солдатское дѣло разсуждать. За это насъ и начальники отличали. Вотъ, матушка, этакъ я и служу, изо дня въ день. Ну, служу, и привыкъ стало быть совсѣмъ, точно въ мундирѣ и родился.

»Это все равно, какъ у насъ бывало въ семинаріи«, сказалъ бывшій отецъ Потапій. »Дана тебѣ грамматика или реторика — сколько хочешь читай, а другихъ книгъ не знай, какъ онѣ и называются. Одинъ изъ нашихъ риторовъ нашелъ на улицѣ книгу: *Товарищъ разумный и замысловатый*, — такъ, значитъ, книга называлась, — и сталъ читать въ бурсѣ, а отцу ректору тотчасъ и донесли, Ну, я думаю, въ той книгѣ не было столько листковъ, сколько отецъ ректоръ отсыпалъ ему крупнаго гороху.... Хе-хе-хе!«

И бывшій отецъ Потапій очевидно гордился тѣмъ, что въ этой компаніи только ихъ двое, онъ да офицеръ, прошли чрезъ суровую школу жизни.

— Нехáй вамъ и ри́ба й óзеро! сказала въ полъ-голоса одна молодица другой. — За такі стрáхи я не взялá бъ ні цáрства, ні пáнства!

»Вотъ, матушка«, продолжалъ офицеръ, »проходитъ моя служба такъ сказать безпечально. Начальство меня любитъ, и ужъ браннаго слова я отъ него не слышу давно. Пуще всего я всегда берегся, чтобъ не услышать браннаго слова. Ну, коротко сказать, все идетъ ладно. Вдругъ сдѣлалось этакое.... какъ бы вамъ сказать.... смущеніе. То есть и разсказать то вамъ это мудрено, матушка. Все этакъ перемѣшалось какъ-то.... Пальба этакая и все этакое.... ну понимаете? смущеніе!

— Що жъ воно́ таке́, си́нку? спросила мать.

»А намъ-то что́ за дѣло, матушка? Про то начальству знать. Наше дѣло — стой, ни съ мѣста! Пали! ну и пали! вотъ наше дѣло!«

— Да чого́ жъ се тревóга булá?

»Ну, стало быть, была какая-то тревога. Намъ про то не разсуждать. Только, послѣ всей этой церемоніи, какъ воротились въ казармы, объявляютъ намъ приказъ: такой-то въ прапорщики въ армію, Зарубаевъ — въ прапорщики въ армію.... Троихъ насъ, стало быть, первыхъ унтеровъ выпустили въ армію, съ производствомъ ста цѣлковыхъ пенсіи на всю стало быть жизнь....«

— Сла́ва жъ тобі, Го́споди! сказала старушка перекрестясь.

»Погодите матушка, еще не все! По двѣсти цѣлковыхъ единовременно награды! Казенныя подорожныя намъ въ руки, прогоны казенные — валяй!«

При этихъ словахъ, бывшій отецъ Потапій, не желая остаться равнодушнымъ къ счастью своего сосѣда, заглушилъ тихія молитвы вдовы гласомъ веліимъ. Воздѣвъ руки къ почернѣвшимъ и облупившимся образамъ, онъ воскликнулъ:

— Слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже! слава тебѣ, Боже!

И потомъ, опустивъ руки, сказалъ еще въ добавокъ:

— Аллилуйя! аллилуйя! аллилуйя! слава тебѣ, Боже!

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, при этихъ восклицаніяхъ сочли за нужное перекреститься такъ же, какъ и въ церкви. А офицеръ продолжалъ:

— Вотъ пріѣзжаю я, матушка, въ полкъ, то есть въ тотъ, куда меня назначено. Пріѣзжаю въ полкъ, а тутъ ужъ, понимаете, тоже тревога.

»А тутъ же вже чого́?«

— Этого, матушка, вамъ не понять, а мнѣ не разсказать. Довольно того, что тревога, и нѣкоторыхъ изъ офицеровъ помчали.... Ну, куда ихъ помчали — это не наше дѣло знать. Только я прибылъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.... Страхи тамъ или ужасы какіе гдѣ творились — мнѣ до того дѣла нѣтъ; начальство входить во все это не приказывало. Являюсь къ полковнику. Ну, полковникъ, разумѣется, какъ начальникъ... ну, словомъ — полковой командиръ. Понимаете? »Честь имѣю, и прочая... вашему высокоблагородію, и прочая....« —»Ступайте«, говоритъ, »въ вашу роту«. Пошелъ я въ роту, стало быть къ ротному, примѣрно сказать, командиру. Ну, пошелъ въ роту, — у ротнаго офицеры сидятъ, въ карты значитъ играютъ. Только ротный смотритъ на меня зызомъ, слова сквозь зубы цѣдитъ, а тѣ и вовсе не смотрятъ на новаго, такъ сказать, сослуживца, — играютъ. »Что́ за оказія?« думаю себѣ. »Теперь я такой же благородный человѣкъ, какъ и они!« А я, понимаете, еще въ Петербургѣ всю форму себѣ.... Мундиръ на мнѣ, эполеты на мнѣ, все чисто. Что́ же имъ противъ меня этакъ?... Ну, Богъ съ ними! Дворяне, такъ и дворяне, а я тоже у моего государя благородный человѣкъ. Спрашиваетъ меня ротный сквозь зубы, за что́ я, значитъ, про-

изведенъ?—»Я«, говорю, »не могу этого знать. Должно́ быть, какъ-нибудь отличился.« Больше ни слова мнѣ.... то есть, просто сказать—садиться не просятъ. Я этакъ постоялъ-постоялъ. »Прикажете«, говорю, »отходить на квартиру?«—»Ступайте!« говоритъ. Ну, это мнѣ не совсѣмъ пріятно. Какъ бы то ни было, произведенъ за отличіе.... Расположился я на квартирѣ. Не у кого мнѣ даже разспросить, что́ и ка́къ. Съ деньщикомъ разговаривать не приходится. То́ сдѣлай, то́ подай, — вотъ и всѣ разговоры. »Слушаю, ваше благородіе!« и баста!

»Всеконечно!« сказалъ бывшій отецъ Потапій.

— Ото́, ма́буть, заві́дно дворя́нськимъ синка́мъ! сказала мать съ негодованіемъ и торжествомъ.

»Вотъ, матушка, и служу я въ офицерскомъ уже такъ сказать званіи. На ученье выйду, съ ученья на квартиру, — вотъ и вся моя бесѣда. Ко мнѣ никто, и я ни къ кому. Живу, стало быть, молчкомъ дѣло. Скучновато мнѣ. То бывало къ своему брату унтеръ-офицеру отзовешься, спросишь тамъ, какъ фланговая служба, какъ что́.... ружьемъ этакъ прикинешь другъ передъ другомъ.... асъ! два!... ну, мало ли чего не переговоришь бывало по своему дѣлу, по службѣ значитъ. Теперь ужъ мнѣ подружески съ унтерами толковать не резонъ: бояться не станутъ. На ученьи я показалъ, что́ значитъ гвардейская выправка.... Ротный моимъ взводомъ доволенъ, а больше ни гугу, и офицеры тоже отъ меня сторонятся. Ну, Богъ съ вами! Денежки я свои зашилъ въ мундиръ про черный день, — въ карты отъ меня не поживитесь. Но скука, понимаете, смертная! Завелъ себѣ съ горя сулею водки.... Выпьешь, трубку закуришь — и легче!«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Потапій. — Вино веселитъ сердце человѣка.

»Но только думаю«, продолжалъ офицеръ: »Что́ же мнѣ этакъ жизнь коротать? Велика важность, что они родовые дворяне! Мнѣ тоже надобно жить на свѣтѣ, и послѣднимъ межъ людьми я тоже остаться не хочу. Я, не бывши еще и офицеромъ, не спустилъ дворянчику за свою обиду... Плевать я на васъ! Пенсія у меня есть. Что́ мнѣ играть всю жизнь въ молчанку? Въ отставку! поѣду къ матушкѣ!«

— А чому́ жъ ти, си́нку, письма́ не приславъ, щобъ я пора́довалась твойму́ сча́стю?

»Что́, матушка, письмо? Я самъ сбирался къ вамъ въ гости, осмотрѣвшись въ полку: это лучше письма! То есть хотѣлось этакъ по-военному — безъ разговоровъ: явился на лицо, да и все тутъ!... Ну, полно же, матушка, плакать! Богъ, что́ ни дѣлаетъ съ нами, все къ лучшему. Что́ бы я былъ, оставшись всѣ эти года при васъ? простой козакъ! А теперь, какъ бы то ни было, благородный челаэкъ.«

И Поликарпъ Зарубаенко гордо подбоченился.

VIII.

Опять поднялся говоръ. Всѣ, кромѣ бывшаго отца Потапія, одобрили образъ мыслей и рѣшимость Поликарпа Зарубая; о службѣ же отозвались единодушно такъ: *Нехай їй цуръ!* Бывшій отецъ Потапій радовался, что Богъ послалъ ему покупщика левады, который заплатилъ дороже самого козака Очкура, но радость не помѣшала ему высказать откровенно свое сожалѣніе, что Зарубаенко не продолжалъ службы.

— Начавши офицерство съ такихъ лѣтъ, говорилъ онъ, — какихъ чиновъ не можно было бы дослужиться? Въ сорокъ лѣтъ — майоръ вѣрнѣйшій.... ваше высоблагородіе!

И бывшій отецъ Потапій даже заплямкалъ при этомъ словѣ, какъ-будто оно произвело у него во рту невыразимую сладость.

— Тутъ и жениться было бы кстати. Это — наилучшая пора для законнаго брака!

»А у насъ, о́тче Потапе«, возразила вдова, »такъ ка́жуть: »Не кайся, ра́но вста́вши и за́-молоду ожени́вшись: ра́но вста́нешъ — »бага́то діла зро́бишъ, а за́-молоду оже́нисся — діте́й до ума́ до»ведешъ.«

— То́ въ простомъ званіи, Параскевія.... якъ бо тебе.... да́, Емельяновна.... то́ въ простомъ званіи, а въ благородномъ, по чину и невѣста. За майора не усумнился бы отдать дочку наибогатѣйшій помѣщикъ.

»Да що́ намъ про те ду́мать, о́тче Пота́пе! И козаки́ — не послі́дні лю́де. Жени́сь, си́нку, да візьми́ плугъ волівъ за жінкою; то бу́демо до віку смачни́й кусо́къ хліба їсти. Тепе́ръ тебе́ ні въ во́лость, ні въ підво́ди не потя́гнуть: тепе́ръ ти самъ собі панъ!«

— Оно конечно, возразилъ бывшій отецъ Потаній,—оно конечно, Параскевія Емельяновна: за Поликарпа Ивановича отдастъ дочку наибогатѣйшій козакъ въ Бу́ртищѣ, и плугъ воловъ, и пасики часть всеохотно удѣлитъ; но Поликарпъ Ивановичъ теперь не такой человѣкъ, чтобы ему пріобрѣтать родню въ кобенякахъ и наміткахъ....

»А хиба́ жъ ёго́ ма́ти не въ намітці?« возразила вдова.

— То́ другое дѣло, Параскевія Емельяновна. Про то сказано въ писаніи: »Чти отца твоего и матерь твою....« О!.... Не сказано: »матерь твою, аще дворянка есть«, а просто: »матерь твою«, кто бы она ни была. Перемѣнить рожденія своего не возможно, возвеличить же родъ свой можно и дольжно. И царь Давидъ родился пастухомъ, но уже не въ пастушескомъ званіи искалъ себѣ жены, — нѣтъ! и паки реку: нѣтъ! Поликарпу Ивановичу свыше указанъ путь жизни, и не довлѣетъ ему пренебрегти симъ указаніемъ.

»Такъ що́ жъ отсе́ ёму́, до комиса́ра посила́ть старости́, чи що́?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! Комиссаръ — панъ древняго и великаго колѣна: его предокъ служилъ господаремъ у гетмана Даніила Апостола, — это я отъ него самаго слышалъ во времена моего благоденствія. Скажу тебѣ истину не за глаза, а въ глаза: что и другія дворянскія фамиліи предложатъ Поликарпу Ивановичу тарелку орѣховъ съ вилкою.... У благородныхъ это означаетъ то самое, что́ въ козацкомъ званіи — гарбузъ (¹).

»А що́бъ же вони́ не дожда́ли!« воскликнула съ досадою вдова.

— То есть, видишь ли, Параскевія Емельяновна: сватайся Поликарпъ Ивановичъ на сторонѣ, вдали отъ родныхъ мѣстъ, тогда—другое дѣло. Но здѣсь всякій знаетъ, что онъ, хоть и офицеръ, а все-таки козацкій сынъ!

»Такъ хиба́ жъ се поро́къ?« говорила запальчиво вдова: »хиба́ ёго́ ба́тько бувъ зло́дій, а ма́ти — потаску́ха, чи що́?«

— Нѣтъ, Параскевія Емельяновна! ты все простымъ разумомъ соображаешь. Тебѣ сдается, что когда человѣкъ неповиненъ ду-

---

(¹) Въ знакъ отказа, сватовъ потчеваютъ тыквою, или кладутъ на столъ, а не то — въ повозку, въ сани, тыкву (гарбу́зъ). Но такой способъ отказа считается величайшимъ оскорбленіемъ. Гарбу́зъ употребляется больше въ поговоркѣ *(підсу́нули гарбузá, дали́ гарбузá)*, чѣмъ въ дѣйствительности.

шею и чистъ сердцемъ, то уже онъ достоинъ и родства и свойства съ людьми благородными.

»Атó жъ я́къ по-ва́шому?«

— Не по-моему, Параскевія Емельяновна. Чтó я? я — меньше, нежели ничто. Уничиженъ и смирихся до зѣла, рыкахъ отъ воздыханія сердца моего.

При сихъ словахъ, бывшій отецъ Потапій очевидно старался сообщить своему лицу печальное выраженіе, и съ этой цѣлью поникъ даже главою; но лицо его давно уже отвергло какое бы то ни было выраженіе.

— Истинно такъ! продолжалъ онъ. — Теперь уже я не собственнымъ разумомъ обязанъ судить о дѣлахъ міра сего, а разумомъ старшихъ и достойнѣйшихъ меня.

Между тѣмъ какъ онъ ораторствовалъ и придавалъ такимъ образомъ собравшемуся у вдовы обществу достоинство бесѣды избранной, офицеръ, къ великому удовольствію гостей, потчевалъ ихъ изъ собственныхъ рукъ и послалъ къ Остапу за другой мѣрой горілки, уже отъ себя.

— Старшіе и достойнѣйшіе меня недостойнаго и уничиженнаго, продолжалъ бывшій отецъ Потапій, — яко-то дворяне и іереи, зрятъ не на лица человѣческія, но на ихъ общественныя права и преимущества....

»Такъ по-ва́шому, о́тче Пота́пе, пано́къ-злодія́ка сто́іть більшъ про́стого, да че́сного козака́?«

— Не по-мо́ему, все-таки не по-моему, Параскевія Емельяновна. Азъ есмь червь, а не человѣкъ.... А чтó касается до панка-злодія́ки, какъ ты изрекла дерзновенно, то злодія́кою никто не смѣетъ называть никого, не уличеннаго закономъ, а тѣмъ паче — благороднаго человѣка. На то и законъ поставленъ. Ты себѣ думай, какъ хочешь, сидячи въ своей хатѣ, а благородный человѣкъ на всякомъ мѣстѣ старше и почетнѣе простолюдина. Посему-то и вознепщуетъ всякая дворянскаго званія дѣвица.... то есть не захочетъ назвать своею свекрухою тебе, Параскевія Емельяновна, яко простую козачку....

»Такъ ма́тері жъ її тря́сця!« сказала вдова, вскочивъ съ ослона и, въ знакъ досады, *ажъ объ по́ли рука́ми вда́рилась.* »Я и сама́ не хо́чу тако́і невістки! Си́ночку мій!« обратилась она къ своему Поликарпу, обнявъ и поцѣловавъ его голову: »не бла-

гословляю тебе́ жени́ться на пи́шній па́нночці, щобъ не зневá-жила твоеі ма́тери, а сва́тай, си́нку, хоро́шу коза́чку въ насъ на селі!«

При этихъ словахъ, стоящія въ сѣняхъ дівча́та спрятались за спины паробковъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, еще не успѣвшія полюбить на всю жизнь чернобровaго козака въ высокой похи́листой шапкѣ, подумали въ душѣ: »А хоро́шій же то, яки́й прехоро́ший той Поликáрпъ Зарубáенко! Съ таки́мъ и міжъ лю́де не со́ромъ!« Не безъ того, что и благородство мелькнуло въ умѣ молодыхъ козачекъ: »Ніхто́ тебе́ не посміе зневáжить и налáять; ні пáна, ні москаля не боятимесся: благо́родна!«

Поликарпъ Зарубай всею душою радовался, что послѣ заточенія на долгое одиночество въ полкъ, очутился посреди людей, съ которыми ничто не мѣшало ему говорить по-человѣчески. Притомъ онъ сохранилъ, въ простой душѣ своей, любовь и почтеніе къ матери. Онъ поцѣловалъ ее въ руку, что́ всѣхъ зрителей, кромѣ бывшаго отца Потапія, тронуло, а она расцѣловала его въ прекрасные черные усы, въ глаза, въ брови и въ обѣ щеки, цвѣтущія могучей красотой молодости.

— Дражайшая матушка! сказалъ онъ: — безъ вашего родительскаго благословенія, я ничего не посмѣю сдѣлать; но посмотрите на меня: я теперь уже не тотъ Поликарпъ, который съ вами и въ домѣ и въ полѣ такъ сказать работалъ, стало быть и жалъ своими руками и все такое прочее. Теперь я совсѣмъ другой, можно сказать, человѣкъ сдѣлался!

И онъ, отступя шага два назадъ, выровнялся, ударилъ себя рукой по бедру, въ знакъ довольства своей молодецкой фигурой, и потомъ самъ обозрѣлъ, сколько было возможно, свой корпусъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ другой человѣкъ въ глазахъ матери и всѣхъ ея сосѣдей. Высокій и статный отъ природы, онъ еще казался выше и статнѣе въ офицерскомъ вицмундирѣ и туго натянутыхъ штанахъ. Черныя брови его, отъ привычки повелѣвать и смотрѣть весело и бойко въ глаза начальству, приняли такое выраженіе, какъ бываетъ у генераловъ на лубочныхъ картинкахъ. Усы, прежде опущенные по-козацки къ-низу, точно, двѣ косы, теперь приняли форму двухъ крутыхъ серповъ, концами къ верху. Даже носъ какъ-будто выросъ у него на службѣ больше прежняго и пріобрѣлъ привычку водить ноздрями, по-

добно ярому коню. Словомъ, Поликарпъ Зарубай былъ теперь »совсѣмъ другой, можно сказать, человѣкъ.« Это всѣ видѣли и чувствовали, и дівча́та, захилившіяся было за паробковъ, смотрѣли на него уже изчужа.

— И рѣчь моя теперь совсѣмъ другая, продолжалъ офицеръ,— и обычай другой, и все другое, матушка! Не правда ли?

»Истинно!« сказалъ съ сочувствіемъ бывшій отецъ Потапій.

— Жениться мнѣ на какой ни на есть этакой хохлушкѣ — какъ-то не таво.... Ужъ меня теперь ни простой пѣсней, ни простымъ танцемъ не таво.... Я хоть и не плясалъ самъ этакихъ мазурокъ и всего прочаго, но видалъ, какъ гвардейскіе унтера пляшутъ. На свадьбѣ, стало быть, у товарища случилось быть. Купеческую дочку взялъ.

»Си́ночку мій!« сказала мать, »не та́нцями да пісня́ми проживе́ чоловікъ на світі, не моско́вськими *ўшами* да *кабишами* вполо́бается Бо́гу й лю́дямъ, а до́брим ро́зумомъ да звича́емъ....«

— Что́ жъ, матушка? возразилъ облагороженный сынъ: — теперь всякая этакая простая дѣвица покажется глупа передо мной. Ужъ она благородной рѣчи со мной не поведетъ....

»Истинно!« поддержалъ офицера бывшій отецъ Потапій.

— А въ насъ, си́нку, такъ ось якъ співа́ють у пісні:

—Чи ту, ма́мо, сва́тать,
Що та́рно гово́рить?
—Сва́тай, си́нку, й люде́й пита́й,
Чи ділечко ро́бить!
—Чи ту, ма́мо, сва́тать,
Що голо́вка гла́дка?
—Сва́тай, си́нку, й люде́й пита́й,
Чи ме́тена ха́тка!

»Это намъ не законъ, матушка! Офицерская жена не для того живетъ, чтобъ работать и самой хату подметать! Хе-хе-хе! не видали вы свѣту, матушка, — по-деревенски судите. У благороднаго человѣка совсѣмъ другія правила, — не тѣ, что у простыхъ людей.«

— Истинно! сказалъ бывшій отецъ Потапій.

Прочіе дивились безмолвно, какого ума и бойкости набрался въ москаляхъ Зарубаенко. Но козакъ Очкуръ и еще человѣка два-три сѣдоусыхъ его ровесниковъ, переглянувшись между собой, выразительно качали другъ другу головой.

— Такъ кого́ жъ тобі, си́нку, сва́тать? спросила озадаченная мать. — Самъ же оте́ць Пота́пъ ка́же, що.... тьфу на іхъ усе́ зле й лихе́!

Бѣдная старушка не могла перенести мысли, чтобъ ея Поликарпу подсунули тарелку орѣховъ съ вилкою: это ей казалось обиднѣе самого гарбуза.

— Паадумаемъ, паасмотримъ! сказалъ сынъ, покручивая молодецкій усъ. — А между тѣмъ потчевайте, матушка гостей. Я велѣлъ взять полъ-ведра водки: пускай наши сосѣди вспоминаютъ этотъ день!

IX.

Между тѣмъ двухъ-трехъ словъ было достаточно со стороны счастливой вдовы, чтобы сосѣдки помогли ей угостить сына и всю честную компанію вечерею. Уже за хатою куры возвѣщали предсмертнымъ крикомъ нежданную радость своей убогой хозяйки, а проворнѣйшая изъ дівчатъ принесла коромысло воды. Уже сухая лоза изъ обвалившагося плетня пылала въ печи, а въ сѣняхъ подвижныя, какъ живое серебро, молодицы лѣпили вареники. Для вдовы Зарубаихи наступилъ Великъ-День, — это всѣ чувствовали и отъ души помогали ей торжествовать свой праздникъ.

Много тутъ было сказано прекрасныхъ рѣчей и пропѣто даже нѣсколько приноровленныхъ къ случаю куплетовъ, которыми наши козаки и козачки, въ дружеской бесѣдѣ, подтверждаютъ свои рѣчи, какъ неопровержимыми, переданными изъ рода въ родъ доказательствами. Но нашъ герой и первенствующій между собесѣдниками бывшій отецъ Потапій внимали небрежнымъ ухомъ простонародному го́мону, яко люди иного, высшаго круга.

Поликарпъ Зарубай чувствовалъ непонятное для него самого удовольствіе — быть въ этой говорливой компаніи, слышать уже для него странный ея языкъ и смотрѣть на эти оживленныя естественными чувствами лица. Съ того времени, какъ онъ произведенъ въ офицеры, онъ еще не радовался такъ человѣчески, какъ въ этомъ обществѣ. Правда, онъ обнялъ отъ всего сердца своихъ счаст-

ливыхъ товарищей, унтеръ-офицеровъ, отличившихся вмѣстѣ съ нимъ стояньемъ на какомъ-то опасномъ посту; но съ прочими, менѣе счастливыми унтерами, которые тоже стояли стѣной и готовы были на все, не могъ онъ обняться дружески, потому что они вытянулись передъ нимъ въ струнку и зажали ему ротъ благородіемъ. Здѣсь, въ хатѣ его матери, тоже чтили отъ всего сердца его офицерское достоинство, но самихъ себя сознавали также людьми, достойными всякаго уваженія. Одинъ только бывшій отецъ Потапій безпрестанно повторялъ: »Уничиженъ и смирихся до зѣла!.. Азъ есмь червь, а не человѣкъ«, и тому подобное.

Непонятнымъ иному покажется, какъ это козаки, не смотря на его паденіе съ высоты іерейскаго сана, не смотря на извѣстное всему селу пристрастіе его къ лишней чаркѣ и вѣчное самоуничиженіе, совѣстились называть его иначе, какъ отцемъ Потапіемъ. Это происходило отъ того, что въ ихъ глазахъ онъ и прежде, во времена своего благоденствія, былъ тотъ же человѣкъ, что теперь въ своемъ упадкѣ. На его пристрастіе къ горячимъ напиткамъ они теперь смотрѣли даже снисходительнѣе прежняго, такъ какъ его печаль требовала, по ихъ убѣжденію, *отýхи;* меду тѣмъ имя его, независимо отъ его личности, было для нихъ драгоцѣнно, потому что слилось у нихъ съ воспоминаньями обо всѣхъ великихъ праздникахъ христіянскихъ, о великомъ днѣ вѣнчанья, о крещеніи дѣтей и также о смерти дѣтей, отцовъ, матерей и родныхъ. Кáкъ отецъ Потапій вымогалъ лишнее даяніе по всѣмъ подобнымъ случаямъ, объ этомъ они забыли, но памятью сердца помнили его молитвы, разрѣшающія, освящающія и напутствующія въ иную жизнь. Поэтому дикимъ показалось бы всему сельскому обществу, когдабы гдѣ-нибудь въ компаніи низвергнутому отцу Потапію не дано было перваго мѣста за столомъ и первой чарки въ руки. Добрые люди чувствовали даже состраданіе къ нему, зная, что онъ уже не можетъ вымогать отъ прихожанъ разныхъ даяній, на которое вымоганье они въ свое время сѣтовали, и если козакъ Очкуръ упрекнулъ его прошлымъ, то это вовсе не отъ злобы, а отъ участія къ нынѣшнему его положенію, котораго онъ не умѣлъ иначе выразить, какъ въ видѣ упрека.

Такимъ образомъ за вечерею у вдовы Зарубанихи бывшій отецъ Потапій сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, что и во времена

своего благоденствія, и радовалась хозяйка, что было кому благословить у ней каждое подаваемое яство, такъ какъ рука бывшаго отца Потапія всё еще считалась наиболѣе способною къ устрашенію врага человѣческаго рода изъ всѣхъ рукъ, взявшихся тутъ за ложки. На свѣтѣ много есть умныхъ и ученыхъ людей, которые не шутя утверждаютъ изустно и печатно, будто бы діаволъ невидимо втирается во всякое веселое и шумное собраніе, хотя бы оно устроилось и по случаю радости матери о возвращеніи сына. Основываясь на ихъ словахъ, мы думаемъ, что діаволъ, отогнанный бывшимъ отцемъ Потапіемъ отъ яства и питія, притаился гдѣ-нибудь подъ столомъ, а пожалуй и въ болѣе безопасномъ мѣстѣ — въ сердцѣ своего гонителя. Иначе — для насъ было бы непонятно, почему бывшій отецъ Потапій одинъ поддерживалъ офицера, которому и мать, и всѣ сосѣди единодушно совѣтовали зажить на селѣ просто, а не по-пански.

— Чи́на ва́шого ніхто́ у васъ по одніме, говорили козаки, — и пе́нсія ва́ша оста́нется при васъ, Поликарпъ Ива́новичъ. Хоть ви надіньте на се́бе диря́ву свитку, — все ми бу́демо знать, що ви — офице́ръ и що вамъ царь, за ва́шу слу́жбу, одпуска́е изъ казни́ сто цілко́вихъ. Отъ, передъ ва́ми оте́цъ Пота́пъ. Сами́ ба́чите, що вінъ загуби́въ ря́су, — ми и безъ ря́сы поважа́емъ ёго́ и почита́емъ, бо зна́емъ, що вінъ вінча́въ насъ, а на́шихъ дітей христи́въ, а поме́ршихъ на́шихъ — ца́рство імъ небе́сне — помина́въ. Що́ жъ намъ до то́го, я́къ тамъ ёго́ хтось десь изнева́живъ? Передъ на́ми вінъ ні въ чо́му не прови́ненъ. Честь и шано́ба ёму́ одъ насъ до-віку бу́де. А вамъ и того́ більшъ. Вашъ поко́йний панъ-оте́цъ — неха́й надъ імъ перо́мъ земля́ — бувъ чоловікъ-друзя́ка; и паніма́тка ва́ша — неха́й бу́де здоро́ва — не замути́ла въ насъ у селі й водо́ю. Якъ же намъ ва́шого офице́рства не поважа́ть, Поликарпъ Ива́новичъ? Ми лю́де про́сті, а такъ міркуємо, що вамъ за пана́ми не вгна́тьця: пани́ живу́ть изъ крестя́нъ, або́ зъ слу́жби, такъ воно́ вже такъ вихо́дить.... да що́ й каза́ти? Цуръ ёму́ тако́му заробітку! А ви, якъ спра́вите собі плугъ волівъ, да ба́тьковськимъ ро́бомъ, — святе́ діло, навіки святе́ діло! Хиба́ вамъ учи́ться, якъ за плу́гомъ ходи́ть? Ви й па́робкомъ хазя́інъ були́ на всю гу́бу. А въ святу́ неділю, чи въ яке и́нше свя́то, надіва́йте свою́ кавале́рию и шаблю́ку и все таке́, иді́ть до це́ркви Бо́жоі; неха́й васъ лю́де зна́ють, що ви усякі стра́хи

ба́чили и всякі му́ки прийма́ли. Вже не ду́рно все те́е вамъ пожа́ловано: и сами́ ка́жете, що й паліччa коштува́ли, — неха́й воно́ імъ сни́тся!

Такъ разсуждали козаки, складываясь по слову и поддерживая своимъ умомъ одинъ другого. Офицеръ, куликнувши на радости не хуже бывшаго отца Потапія, клонилъ, въ отвѣтъ имъ, голову съ такимъ видомъ, какъ-будто сознавалъ всю справедливость добрыхъ совѣтовъ. Но бывшій отецъ Потапій многажды простиралъ десницу и шуицу къ неграмотнымъ ораторамъ, требуя молчанія. Звича́йность, которую каждый соблюдалъ въ компаніи строго, заставляла ихъ уступать право свободнаго голоса тому, кто, по словамъ старосвѣтской думы,

Святе́ Письмо́ бере́ въ ру́ки, чита́е,
Насъ, про́стихъ людей, на все до́бре наставляе,—

и бывшій отецъ Потапій поучалъ бывшихъ своихъ прихожанъ въ такомъ родѣ:

— Да не хвалится премудрый мудростію своею!... Видите: премудрый, и тому не дозволено превозноситься своимъ разумомъ; вамъ же, людямъ простымъ, тѣмъ паче подобаетъ смирять разсудокъ свой. Въ дѣлахъ пахарскихъ вамъ допускается наставлять и вразумлять одинъ другаго; но здѣсь рѣчь идетъ о предметахъ, для неграмотнаго человѣка невразумительныхъ. За отличіе.... понимаете ли? за отличіе!

При этомъ словѣ бывшій отецъ Потапій положилъ перстъ свой одесную своего носа, тщетно усиливаясь придать своему лицу глубокомысленное выраженіе.

— За отличіе, продолжалъ онъ, — начальство наградило Поликарпа Ивановича чиномъ, или все равно — благороднымъ званіемъ. Для чего жъ оно его наградило? для того ли, чтобы сей чинъ за плугомъ влачить, или же для того, чтобы въ благородной компаніи прославлять великодушіе начальства и храбрость россійскаго воинства?... Какъ вамъ кажется? ради перваго, или ради послѣдняго?

Козаки молчали и только мысленно дивились, какъ это онъ такъ умно говоритъ, что даже не поймешь ничего!

— Вижу, вижу, братіе, продолжалъ бывшій отецъ Потапій, — что рѣчь моя для васъ — темна вода во облацѣхъ. Я приведу примѣръ, для васъ удобопонятнѣйшій. Простаго воина или сол-

дата, по выслугѣ двадцати-пяти лѣтъ (¹), отпускаютъ во свояси тща, немощна и сира, ибо какіе сродственники не вымрутъ въ теченіе столь долгаго времени, и какое здравіе не сокрушится отъ многолѣтняго служенія отечеству? Но и тому прописываютъ въ отставкѣ, сирѣчь въ аттестатѣ: бороду брить, волосы стричь, мундиръ носить, по міру не ходить. Изъ сего вы видите, сколь заботливо попечительное начальство о сохраненіи достоинства и послѣдняго изъ своихъ служащихъ. Что́ же сказать объ офицерѣ, который бы, вмѣнивъ ни во что́ свои заслуги, поглумился бы надъ ними всенародно, на нивѣ? Что́ скажете на сіе, братіе?

»Да воно́-то на́че бъ то й такъ, о́тче Пота́пе«, отвѣчали козаки, »да, ба́чите, по на́шому про́стому ро́зуму, чоловіку найпе́рше всёго тре́ба хлібъ істи.«

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, прерывалъ бывшій отецъ Потапій.

»Да що́ вже й каза́ти, о́тче Пота́пе! те вже ви лучче зна́ете; да тілько що тру́дно хозя́йствечко зобра́ть Полика́рпу Ива́новичу, коли́ своіхъ рукъ не прило́жить. На́ймитъ.... що́ жъ на́ймитъ? Безъ хазяіна на́ймитъ ні що, а при хазяіні, то й на́ймитъ — чоловікъ. Ато́ ёму́ гро́ши заплати́, а вінъ тобі худо́би не догле́дить; вінъ тобі не зъо́ре й не посіе по-лю́дьски; вінъ тобі спашу́ наро́бить. Да що́ й каза́ти! Безъ хазяіна чужі ру́ки — кочерга́; безъ хазяіна и това́ръ пла́че. Се вже такъ зъ віку да й до віку, о́тче Пота́пе.«

— Да для чего же Поликарпу Ивановичу ваше пахарское хозяйство? спрашивалъ бывшій отецъ Потапій.

»А якъ же чоловіку прожи́ть безъ хліба свято́го?«

— У него пенсія на то есть, да изъ отцевскаго поля упадетъ ему третья копа́.

»И вже, якъ такъ! Хиба́ жъ то вели́кі гро́ши, якъ изъ копійки жить? Инше діло — пусти́ть іхъ у хазяйство: тамъ уся́ка гри́вня ста́не тобі рубля́кою. А тре́йтя копа́.... се пусти́ня. Ище́ жъ и за вмоло́тъ одда́й десяту мірку.«

(¹) Читатель, вѣроятно, помнитъ, что дѣйствіе происходитъ 35 лѣтъ назадъ.

— На его надобности будетъ и преизбудетъ, говорилъ бывшій отецъ Потапій.

»А дітки жъ пійдуть!« возражали козаки. »Мóже жъ, и дóчкамъ трéба спрáвить придáне и синівъ наділíть пóлемъ и худóбою!«

— Уповай на Бóга, и онъ препитаетъ тя и чада твоя, импровизировалъ бывшій отецъ Потапій.

»А въ насъ кáжуть: »Робй, небóже, то й Богъ помóже«, стояли на своемъ козаки.

— Суетно слово ваше, братіе! Писаніе гласитъ: »воззрите на птицы небесныя....« Вамъ путь одинъ въ сей жизни, Поликарпу Ивановичу другой. Ему всѣ дороги открыты. Онъ можетъ взять какую ни есть на себя дольжность, сообразную съ благороднымъ званіемъ: прикащикъ или лучше сказать управитель — вотъ его хлѣбъ! другими повелѣвать, а не собственныя руки мозолить!

»И вже, якъ чужи́ми слёзáми....« начали было козаки. Но офицеръ рѣшительно принялъ сторону бывшаго отца Потапія.

— Смирно! ни гу-гу! вскричалъ онъ такъ, что всѣ изумились.

Въ нашихъ простыхъ компаніяхъ, съ гостемъ, посаженнымъ за столъ, обращаются какъ нельзя больше почтительно, и тотъ осрамилъ бы себя на-вѣки, кто грубымъ словомъ заградилъ бы уста собесѣдникамъ. Но, какъ Поликарпъ Зарубай принадлежалъ къ тому сословію, которое, въ глазахъ простолюдиновъ, дѣлаетъ тысячи вещей, по ихъ мнѣнію, *незвичáйнихъ*; то гости вдовы Зарубаихи изумились безъ огорченія и не подвергли офицера никакому осужденію. Всѣ замолчали и слушали, чтó онъ будетъ говорить.

— Дѣло мое офицерское, началъ онъ, — благородное, стало быть, дѣло. Ужъ меня довольно учили въ гвардіи; слава Богу, не дуракомъ изъ науки вышелъ: аттестованъ начальствомъ и все такое прочее.... ну, сами знаете. А чтó касается до рода жизни, то вотъ моя позиція: утромъ — стаканъ чаю, — я вѣдь и самоваръ съ собой привезъ, матушка, — трубка табаку.... вотъ офицерское занятіе! Тамъ этакъ въ прааходку. Ну, аабѣдать и все такое.... Словомъ, на благородной ногѣ. А чтобы не было скучно, жениться надобно. Вотъ о чемъ прежде всего слѣдуетъ подумать, матушка.

»Не добро человѣку жити единому«, поддержалъ офицера бывшій отецъ Потапій.

— Кого жъ тобі, си́ночку, сва́тать? сказала мать, у которой отъ противоположныхъ толковъ перевернулось все въ головѣ, и она радовалась своему счастью подъ вліяніемъ какой-то одури.

»Невѣсту, матушка, найдемъ: какъ не найти невѣсты? а первое вотъ что́: надобно устроить намъ помѣщенье благородное.«

Тутъ пошли толки о коморѣ, срубленной на славу предусмотрительнымъ отцомъ Поликарпа Зарубаенка. Рѣшено было прорубить въ ней окна, поставить печь и сдѣлать перегородку. Бывшій отецъ Потапій предложилъ офицеру излишнюю мебель, ненужную ему при нынѣшнемъ его уничиженіи. Сосѣди-козаки вызвались устроить ему свѣтлицу и комна́ту гуртомъ, въ одну недѣлю, а платы потребовали только чарку горілки да доброе слово. Какъ бы сознавъ теперь, сколько бѣдная вдова потерпѣла отъ ихъ забвенія и мелкихъ притѣсненій въ отсутствіе сына, они соединились въ единодушную громаду, на услугу молодому хозяину. Вечеръ прошелъ въ веселыхъ и грустныхъ воспоминаніяхъ, въ веселыхъ и печальныхъ пѣсняхъ, какъ водится у насъ въ Буртищѣ на всѣхъ семейныхъ торжествахъ, — отъ свадьбы, на которой цвѣтущую красоту невѣсты отпѣваютъ хватающими за сердце пѣснями, до похоронъ, въ которыхъ нерѣдко поражаютъ слухъ свадебныя наименованья гостей: *дружки́*, *бояре*, *сва́хи*, *старости́* (¹). Наконецъ гости разошлись.

— Що́, якъ-би́ намъ такі гро́ши, бра́те? говорили козаки одинъ другому.

»А що́ жъ? и ми, и діти на́ши пожили́ бъ въ доста́ткахъ.«

— Эге́, а Заруба́енко, ма́буть, нічо́го пу́тнёго зъ ними не вдіе?

»А вже жъ не вдіе!«

— Изведе́ ёго́ оте́ць Пота́пъ!

»Изведе́, бра́те, такъ якъ и самъ извівся!«

Такъ ясно представлялась нашимъ козакамъ будущность счастливаго сына вдовы, хоть они и не умѣли опровергнуть риторическихъ доводовъ бывшаго отца Потапія.

(¹) Однажды, во время моихъ странствованій по селамъ, войдя въ хату, я увидѣлъ на столѣ пятилѣтнюю покойницу, въ цвѣтахъ; надъ ней рыдала мать, безпрестанно уподобляя смерть выходу замужъ, а на лавкѣ сидѣло съ десятокъ сосѣдскихъ дѣвочекъ, отъ пяти до двухъ лѣтъ, и всѣ въ цвѣтахъ и лентахъ: это были *світи́лки* и *дру́жки* покойницы.

X.

Въ короткое время все преобразилось вокругъ бѣдной вдовы Зарубаихи. Часть сѣней обращена въ комору посредствомъ поперечной стѣны. Почернѣлыя брусья прежней коморы засіяли свѣжей обмазкою, сперва глиной, а потомъ и мѣломъ, и на этихъ бѣлоснѣжныхъ стѣнахъ издали виднѣлись новешенькія окна, точно молодые прозрачные глаза на свѣжемъ лицѣ. Сама Зарубаиха обвела эти окна особенною, красноватою глиною, и отъ этой каймы вышло что-то веселое и зазывающее въ хату. Такъ и чудилось каждому, что въ этой хатѣ сидитъ здоровая, румяная молодица, окруженная здоровыми, румяными дѣтьми.

Но, покамѣсть, по ней расхаживалъ только отставной офицеръ, въ пестромъ архалукѣ, съ трубкою въ зубахъ, и посматривалъ то́ въ два окна, обращенныя на зеленый дворъ, то́ въ третье, прорубленное на бывшую попову леваду. По левадѣ, въ полузавядшихъ бурьянахъ, бродила вдовина корова съ своимъ теленкомъ-назимкомъ и видимо дивилась, отчего это бывшій отецъ Потапій не перескакиваетъ черезъ перелазъ съ огромной хворостиной и не гонитъ ее отсюда ударами и проклятіями, какъ бывало прежде.

Офицеръ отъ времени до времени проходитъ и за перегородку, гдѣ стоитъ его офицерская койка у стѣны, покрытой ковромъ. На коврѣ виситъ его полусабля и киверъ съ черною шишкою. Тутъ же, на прицѣпленной къ потолку вѣшалкѣ, вы могли бы видѣть вязанный изъ разноцвѣтной шерсти шарфъ, который онъ обматываетъ вокругъ шеи, когда надѣваетъ теплую шинель; а возлѣ шарфа виднѣются красные обшлага мундира, вицмундира и еще одного мундира, который онъ сохранилъ на память своей службы въ гвардіи. Тутъ же можно было еще видѣть разныхъ сортовъ брюки, стеганные и просто суконные нагрудники, твердые галстуки, заставляющіе держать голову, какъ держитъ коренная лошадь въ русской упряжи; но всего не перечесть. Всему этому добру знала счетъ одна офицерская мать, пересматривавшая каждую вещь по нѣскольку разъ съ своими гостями.

Изъ офицерской спальни выходило окно на такъ называемый за́дворокъ, гдѣ вдова откармливала уже, къ свадьбѣ сына, ненасытнаго кабана и завела столько куръ и утокъ, какъ-будто на этой свадьбѣ будетъ у ней въ гостяхъ все село Буртище. Между тѣмъ козаки видѣли, что Поликарпъ Зарубаенко, называвшій себя Зарубаевымъ, держитъ себя такъ горделиво, какъ природное благородіе или высокоблагородіе. За услугу онъ ихъ отблагодарилъ, правда, щедрымъ угощеніемъ у себя; но тутъ-же, на просьбы ихъ — пожаловать къ нимъ откушать хлѣба-соли, отвѣчалъ, какъ прилично человѣку благородному, что это для него не способно и что компанію надобно ему избирать по своему званію. Козаки глубоко оскорбились этими словами, но смиренно отвѣчали:

— Се вже ви лу́чче зна́ете, Полика́рпъ Ива́новичъ. И у насъ ка́жуть: *Брата́йся кінь съ коне́мъ и вілъ зъ воло́мъ....*

Врожденная деликатность не позволила имъ договорить пословицу, которая оканчивалась такъ: *а свиня объ тинъ, колй нї съ кимъ!* Только съ этой поры сосѣди къ офицеру — ни ногой. Сосѣдки захо́дили по праздничнымъ днямъ къ его матери, такъ какъ она осталась той же простой и доброй женщиной, и весело бывало въ старой хатѣ. До офицера, на его половину, долетали импровизированные куплеты, которыми сосѣдки примазывали кстати свою рѣчь; но онъ внималъ этой хохлаччинѣ небрежнымъ слухомъ, какъ человѣкъ, которому не безъизвѣстны и *Выду ль я на рѣченьку*, и *Среди долины ровныя*, не говоря уже о тѣхъ молодецкихъ пѣсняхъ, которыя, по приказу начальства, въ приличныхъ случаяхъ, весело распѣваютъ, храбрые россійскіе воины. »Что́ жъ? простая женщина моя матушка!« думалъ онъ: »ей позволительно!« и, по врожденной добротѣ души, потакалъ ея старымъ привычкамъ и обычаямъ. Иногда, впрочемъ, онъ съ удовольствіемъ вслушивался въ пѣсни необразованныхъ поселянъ, какъ называлъ онъ обитателей родного села, но то были удалыя пѣсни паробковъ, позаимствованныя ими отъ квартирующихъ у нихъ солдатъ. Рана не заживаетъ безъ нагноенія: такъ и изувѣченная народность украинская необходимо должна была проявить свою болѣзнь въ безобразныхъ выродкахъ на всѣхъ ступеняхъ общества. Молодцоватые паробки, въ страшной величины чоботахъ и огромныхъ бриля́хъ или ку́чмахъ, проходя мимо двора отстав-

ного офицера Зарубаева, не разъ порадовали его душу пѣснями въ родѣ слѣдующей:

Па горныци па крутой
Хадылъ майоръ маладой...
Деньщика къ сабѣ призвалъ,
Кулакомъ у зубы далъ, —

и такъ далѣе, и такъ далѣе. Не добиваясь отъ пѣсни смысла, паробки радовались, что такъ чисто выговариваютъ московскія слова и въ совершенствѣ подражаютъ солдатамъ.

»Эхъ, бравые ребята!« думалъ отставной офицеръ. »Какіе изъ нихъ знатные рекруты вышли бы! Вотъ кабы мнѣ васъ отдали на недѣльку, — я бы вамъ задалъ гвардейскую выправку!«

Къ комиссару, который жилъ въ томъ же селѣ Бу́ртищѣ, офицеръ нашъ не явился, такъ какъ офицеры въ полку слишкомъ рѣзко обнаружили передъ нимъ дворянскую гордость. По крайней мѣрѣ *онъ* былъ увѣренъ, что то́ была дворянская гордость, и не другое чувство. Комиссаръ былъ панъ »великаго колѣна«, а Зарубаевъ предчувствовалъ, что его примутъ надменно, — тѣмъ болѣе, что каждому извѣстно, кто былъ его отецъ и кто его мать. На счетъ сближенія съ дворянскими домами, въ которыхъ есть барышни, бывшій отецъ Потапій рѣшительно обезнадежилъ выслужившагося козака; онъ и эти знакомства откладывалъ со дня на день. »Еслибы по крайней мѣрѣ не моя матушка!« думалъ, куря трубку, офицеръ.... »Но ей тоже надобно жить на свѣтѣ«, подсказывало ему его доброе отъ природы сердце: »она, бѣдняжечка, много натерпѣлась горя!«

Вообще, взглядъ на свою обстановку въ родномъ селѣ много повредилъ офицеру въ его собственномъ мнѣніи. Онъ пересталъ поминутно выпрямляться во весь чудесный ростъ свой, рѣже прежняго говорилъ, что онъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ, и, словомъ, чувствовалъ, что какой-нибудь козакъ Очкуръ не такъ низко стоитъ въ сравненьи съ нимъ, какъ ему съ перваго взгляда показалось. У козака Очкура дворъ шире его двора и обстроенъ такъ, что залюбоваться. У козака Очкура воламъ, коровамъ и лошадямъ счету нѣтъ. Козакъ Очкуръ вложилъ на зиму въ омшаникъ 200 ульевъ. Самъ бывшій отецъ Потапій говорилъ, что комиссаръ, тому назадъ пять лѣтъ, предлагалъ ему, черезъ своего письмоводителя, сдѣлать его панко́мъ, за 500 цѣлковыхъ,

только бы онъ выучился подписать свое имя; но козакъ Очкуръ засмѣялся на это предложеніе и подарилъ письмоводителю домороcлаго стригуна́, чтобъ только онъ ему съ этимъ не докучалъ. Ясно стало Зарубаеву, что *благородными* могли бы сдѣлаться многіе изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ совѣстился водить хлѣбъ-соль, но не хотѣли именно потому, что благородство не позволитъ имъ собственными руками пахать и сѣять, а вмѣстѣ съ тѣмъ разстроитъ ихъ хозяйство. И при всемъ томъ не могъ онъ рѣшиться вести себя съ сосѣдями, какъ велъ себя покойной отецъ его, а тѣмъ менѣе — заняться по-прежнему сельскимъ хозяйствомъ, надѣть простые чоботы и свитку и идти за плугомъ; какой-то гвоздь въ мозгу мѣшалъ ему подумать объ этомъ такъ просто и ясно, какъ думала его мать и ея пріятели.

Между тѣмъ нынѣшняя жизнь его вовсе не была для него пріятнѣе той, какую велъ онъ до рокового для него 1819 года. У него въ душѣ сохранились воспоминанія о чудесныхъ прохладныхъ утрахъ и веселыхъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ полѣ съ плугомъ, косой и серпомъ, — о восхитительныхъ обѣдахъ подъ пѣсни жаворонковъ, гдѣ-нибудь на межѣ или подъ деревомъ, обѣдахъ, которые приносила ему туда любящая мать и приправляла своими ласковыми, полными живого интереса рѣчами. Теперь какой-то непонятный для него самого долгъ повелѣвалъ ему сидѣть утромъ взаперти надъ стаканомъ чаю, котораго не раздѣляла и не хотѣла раздѣлять съ нимъ старушка-мать. Она, бывало, не боится утренней мглы на вспаханномъ подъ осень полѣ, ни холодной росы, садящейся каплями на одежду, на брови и рѣсницы; но табачная мгла, которую теперь устроивалъ у себя въ комнатѣ сынъ, не разъ прогоняла ее отъ него, какъ ни мужественно сносила она рѣзь въ глазахъ и перхоту. Бесѣды ихъ не были уже такія оживленныя и гармоническія, какъ прежде: офицеръ многое опровергалъ въ ея простыхъ сужденіяхъ, многое пускалъ мимо ушей: »простая, дескать, женщина моя матушка, — ей позволительно кое-чего не пониматъ«, — и вообще они, при всей любви съ одной стороны и внушаемаго природой снисходительнаго уваженія съ другой, никакъ не походили на такую единодушную чету, какую составляли прежде. Нѣжно любимый сынъ возвращенъ матери, но возвращенъ глухонѣмымъ. Послушный вдохновенью сердца инструментъ побывалъ въ чужихъ рукахъ и воротился къ свое-

му владѣльцу съ оборванными струнами. Цѣпляетъ на него другія струны праздный отецъ Потапій, строитъ его на свой строй и наигрываетъ на немъ, что́ ему по душѣ.

Въ самомъ дѣлѣ бывшій отецъ Потапій мало-по-малу сдѣлался неразлучнымъ собесѣдникомъ отставного офицера. Зарубаевъ проводилъ значительную часть своего времени съ этимъ велемудрымъ пріятелемъ, то́ у себя въ новой хатѣ, то́ у него въ домѣ, на половину обращенномъ въ кладовую, по случаю продажи козакамъ лишнихъ надворнихъ построекъ. У бывшаго попа была бывшая попадья, довольно раскормленная и веселая особа, не уступавшая мужу въ пристрастіи къ вину, веселящему сердце. Эта достойная чета озаботилась успѣшнѣе родной матери судьбою отставного офицера и рѣшила, что ему надобно жениться на такой-то поповнѣ, въ такомъ-то селѣ. Усердные совѣты подкрѣплялись чаркою, переходившею изъ рукъ въ руки, и отставной офицеръ возвращался къ матери иногда въ такомъ видѣ, что она должна была раздѣть его и уложить въ постель. Пьянымъ языкомъ объявлялъ ей нѣжно любимый сынъ, что невѣста его хоть и поповна, но ходитъ въ шляпкѣ и будетъ настоящею благородною женщиною. Хватала вдову за сердце нѣмая грусть; она чуяла бѣду, но отвратить ее не имѣла силъ. Сынъ ея былъ уже не ребенокъ, чтобъ его повернуть круто на дорогу простой, работящей жизни. Слова: *офицеръ, благородной человѣкъ*, оглушали и ее, бѣдную. Въ самомъ дѣлѣ ея сынъ »теперь совсѣмъ другой человѣкъ сталъ«, какъ онъ твердилъ ей при всякой ея робкой попыткѣ вразумить его Это была страшная истина въ устахъ безумнаго, и потому поражала ее, какъ истина. Разлучить сына съ бывшимъ отцемъ Потапіемъ — не смѣла бѣдная Зарубаиха и подумать. Изъ устъ сего послѣдняго слышались даже и въ пьяномъ видѣ рѣчи разумныя, или казавшіяся ей разумными, а къ его главному пороку привыкла она въ теченіе всей своей жизни. Все, что́ она въ силахъ была сдѣлать, это — носить бывшему отцу Потапію горячіе книши и покорнѣйше просить его потчевать сына *безъ примусу*. На это бывшій отецъ Потапій отвѣчалъ ей:

— Любезная моя Параскевія... якъ бо тебе... гемъ... да́, Емельяновна! въ честномъ домѣ не порокъ выпить молодому человѣку. Мой домъ — не шинокъ. По дружбѣ и по приличію, годится имѣть съ сосѣдями чарочное общеніе. Твой сынъ, Пара-

скевія... гемъ, гемъ... Емельяновна, благонравный юноша и христолюбивый воинъ. Служилъ онъ отечеству довольно и всяческихъ ужасающихъ зрѣлищъ насмотрѣлся и натерпѣлся; нынѣ же да возвеселится и возрадуется въ благожелательной отставкѣ!... Выпей, любезнѣйшая сосѣдка (при этомъ рюмка, бывшая настольною вещью хозяина, всовывалась въ руку сосѣдки).... Увы мнѣ! не могу назвать уже тебя любезнѣйшею дщерью; но уповаю, что мои молитвы и поминовенія о твоемъ покойномъ сожителѣ услышаны.

При этихъ словахъ сердце вдовы дѣлалось мягче воску: она любила своего покойнаго мужа, и молитвы за упокой души его до сихъ поръ не перестали для нея быть самою нѣжною сердечною связью между нимъ и ею. Вышивая предложенную ей чарку, она повторяла слова бывшаго отца Потапія, но только въ болѣе красноречивыхъ оборотахъ и съ примѣсью наивной сельской поэзіи.

— Истинно! истинно! подтверждалъ бывшій отецъ Потапій.

А между тѣтъ его благовѣрная заходила ко вдовѣ съ другой стороны:

— Мы за твоего Поликарпа Ивановича возьмемъ невѣсту у короля изъ-подъ полы! говорила она. — Твой сынъ красавецъ, хоть куда. Поискать такого и между дворянскими дѣтьми! Да куда имъ ровняться, ми́ршавымъ!

Вдова была побѣждена такимъ образомъ на двухъ слабыхъ пунктахъ своихъ и возвращалась домой въ пріятномъ чаду.

»Може, воно́ й спра́вді бу́де га́рно!« думала она; а чтобы несомнѣнно дожить до счастія, которое для нея было выше всего на свѣтѣ, она, на утренней и вечерней молитвѣ, прибавляла всякій разъ по нѣсколько земныхъ поклоновъ. Въ церкви также увеличились ея подачи на часточку, панихиды и молебны, къ совершенному удовольствію отца Петра, преемника бывшаго отца Потапія. Бывшій отецъ Потапій налегалъ больше прежняго на богопротивную игру въ карты, но вдова Зарубаиха смиренно отвѣчала, что Богъ не по грѣхамъ нашимъ внимаетъ нашимъ молитвамъ, но по своему милосердію, и такимъ образомъ поражала бывшаго попа его же собственнымъ оружіемъ.

Между тѣмъ дѣло о невѣстѣ у короля изъ-подъ полы подвигалось впередъ побочными путями, такъ какъ сія невѣста была родная племянница бывшей попадьи. Сестра ея была въ замужествѣ за іереемъ, какъ и сама она; но какъ ихъ роду суждено уже

было свыше несчастіе, по выраженію ея мужа, то она овдовѣла, и приходъ, на которомъ основывалось ея благоденствіе, достался другому іерею и его попадьѣ и его чадамъ, рѣдко малочисленнымъ. У вдовы попадьи, между многими другими дѣтьми, была круглолицая, румяная дщерь; и сія-то дщерь поведена была съ дѣтства такъ благородно, что носила шляпку и другія приличныя высшему сословію наряды. Но, не взирая на всѣ таковыя украшенія и даже на лѣпоту ея природнаго зрака, семинаристы, называвшіеся богословами, не предлагали ей, въ своихъ бесѣдахъ, ничего серьезнаго, а вопрошали развѣ: чѣмъ она умывается, что у ней такія цвѣтущія ланиты? что́, конечно, было не непріятно для круглолицей дѣвы, но кольми паче было бы пріятно, еслибы какой-нибудь приморенный на реторикѣ и латыни, но бодрый духомъ богословъ вопросилъ: нравится ли ей такой-то (Крестовоздвиженскій, или Рождество-Богородицкій, или тамъ какой-нибудь Анно-Зачатіевскій) приходъ, несомнѣнно передаваемый ему престарѣлымъ отцемъ его?... Подобные вопросы предлагались дѣвамъ вовсе не круглолицымъ, но съ хорошимъ приданымъ, и дѣлались дѣвы сіи, въ шляпкахъ и безъ шляпокъ, почтенными »матушками« для цѣлыхъ селъ; она же пребывала тща и одинока, точно сіяющій, но хладный мѣсяцъ на небесной лазури. Охотно согласилась бы она сочетаться узами законнаго брака съ семинаристомъ-философомъ, будущимъ діакономъ, но семинаристы-философы ужасались пышныхъ ея нарядовъ, для поддержанія которыхъ діаконскаго дохода было бы слишкомъ недостаточно. Что́ касается до семинаристовъ-риторовъ, будущихъ дьячковъ, то у нея былъ живой примѣръ передъ глазами, какъ одинъ изъ таковыхъ, плѣнивъ щеголиху, діаконскую дщерь, въ послушаніе волѣ своей, то есть сотворивши ее дьячихою, заставилъ всенародно обмазывать хату глиною, а къ сему поруганію присовокупилъ вящшее, въ видѣ синяка подъ глазомъ. Такимъ образомъ цвѣтущая самою выразительною красотою дѣва, будучи непричастна дворянству, которое у насъ не женится на поповнахъ, и потерявъ надежду на вожделѣнное бракосочетаніе съ однимъ изъ богословъ, находилась можно сказать въ критическихъ обстоятельствахъ, какъ въ это время къ ней подъѣхали съ офицеромъ. Сдѣлаться потомственною дворянкою — не шутка, и чувствительная красавица полюбила Зарубаева заочно, точно принцесса. Съ своей стороны и

Зарубаевъ, внимая краснорѣчивымъ разсказамъ бывшаго попа и бывшей попадьи, прельстился круглолицею дѣвою до зѣла.

— Очи ея, говорилъ бывшій отецъ Потапій, — яко двѣ звѣзды въ полунощи.

»Брови ея«, говорила бывшая *матушка*, »какъ двѣ высокія радуги.«

— Носъ ея, продолжалъ сей, — яко чистѣйшее гусиное перо.

»Губы ея«, поддерживала сія, »точно пивóнія.«

Словомъ, самая холодная натура могла-бы воспламениться страстью къ законному браку, а натура нашего Зарубаева вовсе не принадлежала къ холоднымъ. Онъ, безъ всякаго отлагательства, рѣшился ѣхать съ бывшимъ отцемъ Потапіемъ въ село Хропаки, отстоящее отъ села Буртища на небольшое количество стадій, какъ выразился офицерскій наперсникъ. У сего послѣдняго имѣлся собственный конь съ колесницею. Въ ясное осеннее воскресенье, когда на дорогѣ, засохшей послѣ дождей и слегка прохваченной морозомъ, не поднимется отъ колесъ ни пылинки, бывшій отецъ Потапій, сидя рядомъ съ христолюбивымъ воиномъ, правилъ возжами съ нѣкоторымъ трепетомъ въ рукахъ, такъ какъ было еще рано и опохмѣлиться не дозволяла ему совѣсть до обѣдни.

А между тѣмъ сердце оставшейся матери трепетало гораздо сильнѣе за судьбу сына, и трепетало совершенно безъ пользы. Его судьба уже совершилась. Она совершилась съ самого того времени, когда его взяли изъ-за ея убогаго обѣда, и уже никакіе отцы Потапіи не могли ее сдѣлать ужаснѣе, и никакіе отцы Петры — спасти ее. Совершилась судьба удалого козака, который не спустилъ комиссарскому сыну за оскорбленіе своей невѣсты! Теперь онъ »совсѣмъ другой человѣкъ сталъ!« Теперь для него не существовали болѣе никакія Катри Дубивны, хоть бы онѣ въ тысячу разъ были прекраснѣе и благороднѣе въ своихъ цвѣткахъ и лентахъ, чѣмъ какая-нибудь носительница шляпки въ селѣ Хропакахъ. Теперь высшимъ проявленьемъ удали было бы для него — задать гвардейскую выправку сыновьямъ любящихъ матерей и женихамъ изнывающихъ по нимъ красавицъ. Теперь онъ въ трезвомъ видѣ хуже пьянаго, а въ пьяномъ — развѣ немного безсмысленнѣе трезваго....

XI.

Я бы охотно провелъ моего читателя въ село Хропаки и показалъ ему, какъ жила вдова попадья и въ какихъ правилахъ воспитывала возлюбленную дщерь свою; я бы, какъ говорится у насъ, *залюбки* вошелъ во всѣ подробности сватовства и бракосочетанья офицерскаго; я бы нашелъ много предметовъ, вызывающихъ на размышленье, въ устройствѣ новаго офицерскаго быта, подъ руководствомъ молодой жены; но 1826 годъ былъ несчастнымъ годомъ моей жизни: меня посадили въ бричку домашней работы и увезли Богъ знаетъ куда, отдали Богъ знаетъ въ какія руки и заставили учиться Богъ знаетъ чему, единственно для того, *чтобъ я не баловался дома*. У насъ, въ мелкопомѣстномъ быту, пребываніе хотя бы и единственнаго дитяти дома, на глазахъ родителей, считается почему-то баловствомъ. Варваризмъ семейной и общественной жизни своей сознаютъ наши мелкопомѣстные паны и панки сами, и чтобы свалить съ себя отвѣтственность за будущность дѣтей своихъ, швыряютъ ихъ, зажмуря глаза, въ руки варваровъ иного покроя, которые или убиваютъ ихъ на первыхъ же порахъ, или же, въ случаѣ особенно крѣпкой натуры, выпускаютъ ихъ изъ своей фабрики живыми, но только болѣе или менѣе изуродованными. Такимъ образомъ простонародная жизнь села Буртища надолго изчезла у меня изъ виду. Много лѣтъ съ ряду мой умъ былъ занятъ своего рода пунктиками, и наконецъ, когда было признано, что больше я ни къ чему неспособенъ, то есть достаточно приготовленъ для жизни, мнѣ возвратили свободу и отпустили на всѣ четыре стороны.

Естественно, прежде всего бросился я на родину. Я ѣхалъ день и ночь, сокращая сутки и часы моего изгнанія; я летѣлъ въ родной мой хуторъ съ нетерпѣньемъ влюбленнаго человѣка, поспѣшающаго къ любящей его женщинѣ. Наконецъ я достигъ поворота съ почтовой дороги на проселочную. Вотъ и село Буртище передо мною. Отсюда всего двѣ-три версты до родного хутора. Но надобно же было случиться, что весенняя вода разнесла греблю, которою сообщался мой хуторъ съ Буртищемъ! А тутъ надвинулась темная дождливая ночь. Проѣхать въ темнотѣ

не было никакой возможности. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я рѣшился ночевать и остановился у первой хаты, въ которой ярче другихъ свѣтился огонекъ. На вопросъ: чья хата? кто-то, проходя мимо, отвѣчалъ, что это хата офицерихи.

— Впустятъ сюда переночевать?

»Впустятъ: у нихъ почуютъ судовые; у нихъ и самоваръ есть.«

Прекрасно! Заѣзжаю. Меня встрѣчаетъ пригожая, краснощекая женщина и охотно предлагаетъ въ мое распоряженіе свѣтлицу, самоваръ и ужинъ. Мысли мои заняты роднымъ хуторомъ. Въ ожиданіи самовара и ужина, я расхаживаю по свѣтлицѣ и не обращаю вниманія на тяжелое храпѣнье кого-то спящаго за перегородкою. Хозяйка хлопочетъ на кухнѣ, вѣроятно, готовя мнѣ ужинъ. Я слышу крикъ и хлопанье крыльями всполошенныхъ на сѣдалѣ куръ. Одно изъ этихъ простодушныхъ существъ, очевидно, должно́ пожертвовать для меня жизнію; но я остаюсь равнодушенъ и безчувственъ, какъ всякій проголодавшійся путешественникъ. Тутъ отворилась изъ сѣней дверь, и дряхлая старушонка, въ жалкомъ рубищѣ, крехтя, появилась, съ чайнымъ приборомъ. Рѣдко случалось мнѣ видѣть такія изможденныя лица. Отвѣчая на ея смиренный поклонъ, я съ участіемъ всматривался въ ея полумертвыя черты, на которыхъ давно уже застыло живое выраженіе горестей житейскихъ и смѣнилось какимъ-то тупымъ, неяснымъ страданіемъ. Когда она принесла мнѣ шипящій самоваръ, я спросилъ:

— Ти, бабу́сю, въ іхъ на́ймичка?

»Ні, рідна ма́ти«, отвѣчала она.

— Хто жъ вони́ такі́?

»Заруба́еви. Синъ мій — офице́ръ Заруба́енко, а се (она качнула сѣдой головой по направленію къ кухнѣ), се моя невістка.«

Я понялъ все. Разспрашивать больше мнѣ было не о чемъ.

П. Кулишъ.

Малиновка на Хопрѣ.
Октябрь 1859.

ПИСЬМА.

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 1-е

О событіи на Кодакѣ.

Мои письма къ М. П. Погодину о Богданѣ Хмельницкомъ, напечатанныя въ *Украинцѣ* 1859 года, вызвали ваше »Объясненіе«, напечатанное въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. № 122, и поставили насъ въ непосредственное сношеніе другъ съ другомъ. Я очень радъ этому возобновленію, хотя и на письмѣ, нашихъ ученыхъ бесѣдъ объ Украинѣ, и увѣренъ, что наша переписка или перекличка о ней во всеуслышаніе — будетъ не безъ пользы для *исторической истины*, изъ которой мы и бьемся.

О разногласіи нашемъ относительно нѣкоторыхъ сподвижниковъ Богдана мы достаточно, кажется, объяснились уже въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. За мною теперь — обѣщанный разборъ характеристики Богдана и отвѣтная рѣчь на ваше о немъ »Объясненіе«, ибо я считаю себя обязаннымъ отвѣчать на каждое ваше мнѣ возраженіе. Начинаю мой разборъ характеристики Богдана — съ происшествія на Кодакѣ, въ которомъ его характеръ означился чертою рѣзкою и выразительною. Въ вашей книгѣ это происшествіе передано такъ:

»Въ самомъ дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить *свободомысліе* Хмельницкаго. Построивъ крѣпость Кодакъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ, для укрощенія козацкихъ походовъ на чайкахъ, онъ стоялъ разъ на валу только-что оконченнаго укрѣпленія, и гордо спро-

силъ окружавшихъ козаковъ: »каковъ кажется вамъ Кодакъ?« Хмельницкій, поглядывая искоса, отвѣчалъ ему по-латыни: »что человѣческими руками строится, то человѣческими руками и разрушается.« Черезъ нѣсколько времени новый козацкій гетманъ Сулима разорилъ Польскую крѣпость. Вспоминая слова Хмельницкаго, паны подозрѣвалили и его въ участіи (I. 58).«

Смѣлая выходка Богдана не могла не заподозрить его сильно въ глазахъ Конецпольскаго; но это происшествіе случилось уже на четвертый годъ послѣ того, какъ гетманъ Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость и за то четвертованъ въ Варшавѣ; а потому подозрѣніе пановъ о соучастіи Хмельницкаго съ Сулимою было неосновательное и напрасное.

Тутъ вы сами вдались въ ошибку, сказавши, что Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость *черезъ нѣсколько времени* послѣ того, какъ Хмельницкій сказалъ свое смѣлое слово о ней грозному Конецпольскому. Нѣтъ, Сулима разорилъ первоначальную Кодацкую крѣпость тотчасъ по ея построеніи, при которомъ Конецпольскаго и не было. Ссылаюсь въ этомъ на самого строителя ея, Боплана; въ »Описаніи Украины«, онъ говоритъ: »На Кодакѣ, въ *іюль* 1635 года, былъ заложенъ мною за́мокъ, по послѣ моего отъѣзда, въ *августѣ* мѣсяцѣ, нѣкто *Соломанъ*, предводитель мятежныхъ козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что за́мокъ преграждалъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ Француза...« За тѣмъ, Бопланъ разсказываетъ о послѣдующей войнѣ съ козаками, продолжавшейся до октября 1638 года, и возвращается къ Кодацкой крѣпости: »По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4,000 воиновъ, лично отправился на Кодакъ и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца.« Дѣло ясное, что это было въ *1639* году, что слова Хмельницкаго были сказаны о возобновленной крѣпости; а оправдались они уже въ 1648 году, когда Хмельницкій, ставши гетманомъ, послалъ Нѣжинскихъ козаковъ на взятіе той крѣпости. Такъ разумѣлъ и Коховскій, которому мы обязаны за сохраненіе этого замѣчательнаго анекдота о Хмельницкомъ: »*Manu facta* (inquit) *manu destrui!* Nec verbis defuit eventus, primum namque succrescentis Chmelnicii potentiæ facinus incubuit, Kodaco evertendo. (I. 21)« Этимъ кончаетъ Польскій историкъ свое мастерское изображеніе Хмельницкаго.

Я надѣюсь, что вы согласитесь со мною, какъ въ томъ, что слова Хмельницкаго о Кодацкой крѣпости сказаны были *1639* года, такъ и въ

томъ, что возбужденное ими подозрѣніе пановъ о соучастіи съ Сулимою было неосновательно. Такъ и многое приписано Хмельницкому *заднимъ числомъ* — послѣ того уже, какъ онъ поднялъ Украину и Запоржье на Поляковъ.

Нашъ украинскій лѣтописецъ Грабянка; сочиняя около 1710 года свою »Исторію о дѣйствіяхъ презѣльной брани« и заимствуя въ нее многое изъ Коховскаго, событіе Кодацкое передалъ такъ: »Въ то время (въ року 1639) прилучися гетману каронному Конецпольскому въ Кодаку саму быти, и козакомъ ему предстоящимъ (между ими же бѣ и Богданъ Хмельницкій), тѣмъ ругаяся вкупѣ и хваляся о крѣпости Кодака града, рече: угоденъ ли вамъ, козаки, Кодакъ? Отвѣща Хмельницкій языкомъ латинскимъ: что есть рукою сотворенно, что бы было не разоренно? Чего ради гетманъ удивися, вкупѣ зло мысляше о Хмельницкомъ, вспомянувъ убо, яко во всѣхъ бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ и Хмельницкій бяше, обаче многія умроша, а онъ живъ оста (стр. 31).«

Откуда взялось это воспоминаніе Конецпольскаго? Очевидно, изъ того же Коховскаго, который говоритъ отъ себя, что Хмельницкій былъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ Тараса и Остряницы съ Гунею, но избѣжалъ заслуженной кары. Нашъ лѣтописецъ заблагоразсудилъ это воспоминаніе Польскаго историка переложить въ голову самого Конецпольскаго, и, вмѣсто участія Богдана въ двухъ козацкихъ возстаніяхъ, поставилъ его — (что́ называется: *за однимъ заходомъ*) — участникомъ во *всѣхъ* козацкихъ войнахъ противъ Поляковъ. Вотъ съ какимъ наращеніемъ и представленіемъ о Хмельницкомъ явилось въ нашемъ лѣтописаньи сказаніе о событіи Кодацкомъ. Справедливо ли это представленіе нашего лѣтописца и можетъ ли оно быть принято за дѣйствительность историческую, о томъ рѣчь впереди; а здѣсь я хотѣлъ вывести только то́: когда́ и ка́къ произошло у насъ историческое мнѣніе объ участіи Хмельницкаго во *всѣхъ* возстаніяхъ козацкихъ на Поляковъ. Это *Грабянка* передѣлалъ на свой ладъ сказаніе Польскаго историка. А что у него тутъ передѣлка изъ Коховскаго, видно и на слѣдующей за тѣмъ краткой характеристикѣ Богдана: »Бысть бо Хмельницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и разуменъ зѣло, вѣдый мысли лядскія на козаковъ и ихъ суетную клятву, разсмотрый ихъ военные ограды, и вся сія въ сердцѣ злѣ держаше, лице же свѣтлостію покрываше, аки бы онъ на Ляхи никоего зла не мыслилъ, въ сердцу же его золъ совѣтъ бяше.« — Тутъ живопись двухъ разнородныхъ стилей или по́шибовъ: въ первой половинѣ — своя собственная, украинская; во второй — взятая изъ картины Коховскаго,

отрывкомъ изъ которой и вы завершили свою характеристику Богдана. У васъ сказано: »Лицо его, сіяющее и кроткое, (говоритъ польскій историкъ Коховскій) скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую, болотную воду.« Не могу не замѣтить, что отъ малой перемѣны въ словахъ подлинника, вышло не совсѣмъ вѣрное сравненіе *духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію* — съ гнилою болотною водою, которая представляетъ собою покой и застой. Отчетливая живопись Коховскаго едвали допустили бы эту несоотвѣтственность; у него сказано такъ: »Aderat huic militaris presso sermone facundia, animus obtegens sui, renidens vultus, quo præcipue, ut nitida glacie foetentes aquæ, *recessus pectoris* teguntur.« А для сравненія духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію, въ козацкомъ вождѣ, всего скорѣе и ближе подошли бы склонныя къ волненію воды *своевольнаго* Днѣпра, какъ о немъ говорится въ народной пѣснѣ:

Жалку́еться лиманъ морю,
Що Днѣпръ ро́бить свою волю:
Сво́и гирла про́чищае,
Лимано́ви закидае.

Какъ бы хотѣлъ я въ эту минуту взглянуть на свѣтлое лицо Богдана, на томъ старинномъ портретѣ его, на который глядѣли, вѣроятно, и онъ самъ, и его изобразитель Коховскій! Я разумѣю портретъ, гравированный Гданскимъ Нѣмчиномъ Вильгельмомъ... (фамиліи не припомню)... 1650 года, когда Хмельницкій былъ на верху своей славы.

P. S.—Въ моемъ извѣстіи о Грабянкиной лѣтописи, напечатанномъ въ Москвитянинѣ 1855 года, я различалъ двѣ ея редакціи: одну (славянскую), изданную въ Кіевѣ 1854 года, другую, напечатанную въ Россійскомъ Магазинѣ В. Туманскаго, 1793 года. Въ обозрѣніи источниковъ вашей книги »Богданъ Хмельницкій« не упомянуты оба печатныя изданія, а показана (подъ № 17-мъ) *рукописная* »Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной брани«. Судя по этому заглавію и по многимъ свѣдѣніямъ, изъ нея приведеннымъ, это лѣтопись Грабянкина. Но у васъ иногда приводятся изъ нея очень любопытныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни въ двухъ печатныхъ изданіяхъ, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ ея спискахъ. И такъ ваша рукопись составляетъ особую, третью редакцію этой лѣтописи, полнѣйшую и доселѣ неизвѣстную? Весьма любопытно было бы ваше подробное о ней извѣстіе.

Въ вышепомянутой статьѣ моей, я высказалъ свое мнѣніе, что истори-

ческое *введеніе,* находящееся при «Лѣтописи Самовидца», извлечено все изъ Грабянкиной лѣтописи, вѣроятно, тѣмъ же лицемъ, которымъ написано продолженіе Лѣтописи Самовидца до 1734 года. Необходимымъ считаю объ этомъ сказать напередъ; ибо все, что говорится въ томъ введеніи, я не признаю за свидѣтельство заднѣпровскаго козака XVII-го вѣка, а отношу къ Гадяцкому полковому старшинѣ, Григорію Грабянкѣ и къ позднѣйшему сократителю его сказанія для Лѣтописи Самовидца. Такимъ образомъ извѣстіе о Кодацкомъ событіи я полагаю заимствованнымъ изъ Коховскаго сперва Грабянкою, а изъ него уже взятымъ во введеніе къ Лѣтописи Самовидца.—Подробнѣе изложу мое мнѣніе при отвѣтѣ на ваше *объясненіе.*

30 ноября 1860.

ПИСЬМО 2-е

О воспитаніи Богдана Хмельницкаго.

Обращаюсь къ началу характеристики Богдана, составленной вами на *1646* годъ, къ пріѣзду на Украину канцлера Оссолинскаго. Вы говорите: »Самъ коронный гетманъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ, не передѣлали его въ Поляка, что случилось съ другими южно-руссами. Отъ езуитовъ, воспитавшихъ его, получилъ онъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, — двоедушіе, съ какимъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и тоже время, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое... (I, 46.)«

Здѣсь Хмельницкій написанъ вами въ два свѣта, по двоякому о немъ представленію—своему собственному, и заемному. Въ первомъ свѣтѣ—онъ щирый Украинецъ, самобытный и крѣпкій въ своенародности, не смотря ни на какіе соблазны и обаянія міра; въ другомъ свѣтѣ — онъ питомецъ езуитовъ, пріемникъ ихъ двоедушія и скрытности. Посмотримъ же на характеръ Хмельницкаго съ той и другой стороны.

Вѣками родятся такіе люди, какъ былъ Богданъ у народа Украинскаго, — представитель его въ исторіи; потому и природа южно-русска-

го человѣка должна была явиться въ немъ своеобразно и полносильно. Не такимъ щирымъ Украинцемъ и не на то родился онъ на свѣтъ, чтобы ему *ополячиться* отъ какихъ бы ни было милостей и ласокъ въ свѣтѣ, чтобы ему измѣниться въ коренныхъ свойствахъ души отъ вліянія хитроумныхъ езуитовъ.

Многіе Южно-руссы, изъ поколѣнія современнаго Хмельницкому, перерожались въ Поляковъ, вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ убѣжденій и увлеченій, происходившихъ отъ воспитанія ихъ польскими езуитами, отъ брачныхъ связей съ Польками, и т. п. Но это случалось преимущественно съ людьми изъ высшаго сословія, по большей части слабодушными, и — всего менѣе съ Украинцами. Въ сословіи козацкомъ, и особенно въ печальное дѣсятилѣтіе, бывшее передъ гетманствомъ Хмельницкаго, многіе изъ его украинскихъ сослуживцевъ совсѣмъ передавались на сторону польскихъ пановъ и становились ихъ угодниками и потаковниками—изъ своекорыстныхъ видовъ. Изъ числа таковыхъ, выше всѣхъ поднялись тогда, въ генеральные асаулы — Иванъ Барабашъ Черкасскій, Украинецъ *татарскаго* произхожденія, да Ильяшъ Караимовичъ Переясловскій, прозывавшійся у козаковъ *Армянчикомъ*. Богданъ Хмельницкій, щирый Украинецъ, оставался преданнымъ *своенародности*, за что не любили его польскіе паны и полковники и комисаръ, поставленные на Украинѣ, вмѣсто козацкихъ полковниковъ и гетмана, послѣ войны Остряницынской (1638 г).

Посмотримъ, однакоже, —какія особенныя *милости* и *ласки* были заслуженному Чигиринскому сотнику, чтобы имъ давать такой большой вѣсъ въ его характеристикѣ? Изъ вашей книги видна только одна королевская милость Хмельницкому: сабля за храбрость, данная въ войну подъ Смоленскомъ (1634 г.). Правда, самъ Богданъ, въ письмахъ къ Потоцкому и Шембергу (писанныхъ въ декабрѣ 1647 года), говоритъ, что ему, за его службы Польской Коронѣ и всей Речи-Посполитой, король подарилъ ему участокъ земли въ Чигиринскомъ повѣтѣ и утвердилъ своею привилегіей; объ этомъ говорится и у нѣкоторыхъ Поляковъ, напримѣръ, въ »Исторіи о бунтахъ Хмельницкаго«; но Коховскій смотрѣлъ на это глазами Чаплинскаго и его покровителей, и Богданово владѣніе тою землею признавалъ незаконнымъ. Что касается до панскихъ ласокъ Богдану, то прежде 1646 года не видно ихъ ни откуда, кромѣ той развѣ, что Конецпольскій, уважавшій его дарованія, на воспретилъ ему населять вольноприхожими людьми отцовскую свободу его Суботовъ, на что Богданъ имѣлъ, кажется, законное право, какъ сынъ под-

старосты и сотника Чигиринскаго, и самъ сотникъ Чигиринскій, бывшій и войсковымъ, или генеральнымъ, писаремъ. А съ 1646 года, послѣ пріѣзда на Украину канцлера Оссолинскаго, полились на заслуженнаго Богдана такія панскія ласки, отъ какихъ и Поляки бѣгали на Запорожье и становились козаками.

Великою школою козацкой жизни была тогда Запорожская Сѣчь, изъ которой выходили и такіе крѣпкодушные, побѣдоносные мужи, какъ гетманъ Сагайдачный, и такія бѣдовыя головы, какъ гетманъ Павлюкъ, что́ стоялъ уже разъ у Варшавской плахи, вмѣстѣ съ Сулимою, но отпущенный тогда, по просьбѣ Турецкаго посла, не унялся, опять пошелъ на огонь, и погибъ въ мукахъ на той же площади Варшавской. Богданъ Хмельницкій долго былъ со славою въ той Запорожской школѣ, и, продолжая около 18-лѣтъ военную и депутатскую службу въ Реестровомъ козачествѣ, между Поляковъ и Украинцевъ, выработалъ изъ себя великаго дѣятеля и подвижника народнаго. Не Ярославскіе Patres Societatis Jesu, а суровый, долгій опытъ жизни между различныхъ огней научилъ нашего многодаровитаго Украинца тому искуству воина-политика, съ какимъ онъ, ставши гетманомъ, разыгралъ свою великую роль на театрѣ Польско-Русскаго міра, — какъ онъ отчасти и самъ говорилъ, въ Бѣлоцерковскомъ Универсалѣ, что примѣрами прежнихъ гетмановъ научился онъ »*осторожности* и *луччого воинского управленія*«.

Коховскій, какъ художникъ классическій, не могъ иногда не полюбоваться героемъ коза́ччины, забывая въ себѣ на минуту *рыцаря Польскаго*. Когда Хмельницкій, послѣ двухъ первыхъ, блистательныхъ побѣдъ надъ Поляками, расположился таборомъ подъ Бѣлою-Церковью и по́звалъ къ себѣ украинскій народъ своимъ универсаломъ, Коховскій говоритъ: »Chmelnicius tum, post Corsunenses Cannas — *Annibal*«. Но то было торжественное явленіе исторической жизни; тамъ Хмельницкій во весь ростъ — и онъ ясенъ тогда для историка-художника Польскаго; а козацкая душа Богдана была для него именно, какъ говоритъ Русская пословица: чужая душа — потёмки. Коховскій, какъ Eques Polonus, ненавидѣлъ Хмельницкаго, глядя на него, какъ на величайшаго мятежника Польской Республики и называя его *жестокимъ матереубійцею;* и не мудрено, если *внутренній человѣкъ* Богдана представлялся ему темнымъ призракомъ езуитскаго устройства; а навести протраву езуитства на личность Богдана — значило напередъ уже помутить ея героическій блескъ и для своего собственнаго на нее взгляда.

Если не ошибаюсь, мы одному Коховскому обязаны за извѣстіе, что

молодой Хмельницкій учился сперва въ *Кіевской школѣ*, а потомъ отданъ былъ въ *Ярославъ къ отцамъ Езуитамъ*. Это извѣстіе, повторенное у насъ Грабянкою и другими, для насъ очень важно, при совершенной бѣдности нашихъ свѣдѣній о молодости Богдана; мы даже не знаемъ его лѣтъ, чтобы опредѣлить себѣ, когда́ онъ учился въ Кіевѣ, когда отданъ въ Ярославъ и долго ли тамъ пробылъ. Но для меня весьма сомнительнымъ кажется, чтобы Михайло Хмельницкій отдалъ своего сына въ Ярославъ — отцамъ Езуитамъ, при тогдашней ненависти къ нимъ у всего народа южно-русскаго. Если и пришлось ему отдавать своего Богдана послѣ Кіева въ Ярославъ, то скорѣе отдать было въ ту Латино-Польскую школу, которая тогда процвѣтала тамъ, независимо отъ Коллегіума езуитскаго; а Польскій историкъ, писавшій о Богданѣ Хмельницкомъ черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, весьма могъ вмѣсто одного Ярославскаго училища назвать другое, болѣе извѣстное въ его время (¹). Если бы я зналъ, что молодой Богданъ отданъ былъ изъ Кіева въ Ярославъ около 1600 года, тогда бы я поставилъ на видъ еще одного *Ярославскаго просвѣтителя*, Православно-русскаго: это Лаврентій Зизаній-Тустановскій, бывшій проповѣдникомъ при церкви Ярославской и учителемъ при сыновьяхъ князя Александра Константиновича Острожскаго, а по его смерти (+ 1603 г.), прогнанный оттуда по проискамъ езуитовъ. Впрочемъ, и въ тѣ поры дѣти Русскихъ людей попадали въ езуитскія школы; это могло случиться и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а потому, хотя и подъ сомнѣніемъ, я допускаю свидѣтельство Коховскаго, что Хмельницкій учился въ Ярославѣ—*у отцовъ Езуитовъ* (если бы даже онъ отданъ былъ туда изъ Кіева и не къ нимъ, а къ другимъ просвѣтителямъ). Но я не могу сосласиться съ вами называть Ярославскихъ езуитовъ — *воспитателями* Богдана: въ немъ не было того именно, чѣмъ отличались тогдашніе питомцы этихъ хитроумныхъ просвѣтителей. Они отбивали у Русскихъ юношей любовь къ своенародности и къ неразлучному съ нею православію, переводили ихъ на католичество; а Богданъ Хмельницкій былъ непреклоннымъ поборникомъ своенародности и православія. Питомцы езуитовъ являлись приверженцами и почитателями своихъ учителей и ихъ коллегіумовъ; а Хмельницкій былъ страшнымъ гонителемъ и ненавистникомъ езуитовъ и ихъ

(¹) Подобныхъ замѣнъ одного мѣста, года, лица — другими, можно привести множество изъ разныхъ писателей. У Коховскаго напримѣръ, кончина Богдана положена въ *іюнѣ* вмѣсто августа, ставится небывалый полкъ *Остерскій* вмѣсто Прилуцкаго, и прочая.

коллегіумовъ. Поэтому, вліяніе Коллегіума Ярославскаго на Богдана, послѣ Кіевской школы (разумѣется, Братской), я ограничилъ бы только умственнымъ образованіемъ, дальнѣйшимъ усовершеніемъ его въ *наукахъ вызволёныхъ*, которыми Южная Русь такъ охотно въ томъ вѣкѣ заимствовалась во всѣхъ доступныхъ ей училищахъ латино-западныхъ.

Вы говорите, что Хмельницкій получилъ отъ езуитовъ только *скрытность* и *двоедушіе*. Это не мало, когда эти два свойства полагаются въ основу его характера и даются ему, какъ отличительныя черты его общественной дѣятельности, до 1647 года. Но я не могу признать такого воспріятія отъ езуитовъ крѣпкою и самобытною душею Украинца-Богдана. Если бы въ немъ и была, напримѣръ, *скрытность* и въ большóй степени, я призналъ бы ее за природное и доморощеное свойство его, и не отнесъ бы ее къ езуитамъ, потому что и безъ ихъ вліяніе — скрытность была присущею большинству Украинскаго народа, происходящею въ немъ изъ той *сосредоточенности* въ себѣ, которая принадлежала къ кореннымъ свойствамъ украинскаго духа и характера. Впрочемъ, Богданъ Хмельницкій не скрылъ же своего *свободомыслія* передъ Конецпольскимъ на Кодакѣ — и въ какую минуту? Когда грозный коронный гетманъ воображалъ, что успѣлъ уже *зануздать* тою крѣпостью своевольное козачество, *осѣдланное* на Масловомъ-Ставу, послѣ войны Остряницынской (¹). Хмельницкій не скрывалъ своей преданности и любви къ *своенародности* передъ польскими властями, поставленными тогда надъ козачествомъ. Да и прежде того, отъ самой коронаціи Владислава, онъ былъ открытымъ, извѣстнымъ для всѣхъ народнымъ предстателемъ и ходатаемъ о правахъ и вольностяхъ Малороссіи, попранныхъ водворившимися и возобладавшими въ ней Поляками. Знали хорошо его съ этой стороны и король и канцлеръ, если на него преимущественно возлагали въ 1646 году свое предпріятіе; если, въ слѣдующемъ году, король говорилъ ему: »извѣстно мнѣ твое *чистое сердце* (I. 66.).« Во всемъ этомъ не видно еще особенной *скрытности* въ Богданѣ.

Но посмотримъ, кáкъ основанный на езуитскомъ двоедушіи и скрыт-

---

(¹) У Коховскаго, при анекдотѣ о Кодакѣ, сказано: »ratus Dux, quod res erat, eum licentiosorum obicem ac fraenum, obliquo Cosacos intueri oculo....«

Современникъ Хмельницкаго Ерличъ такъ выражался въ своей лѣтописи: »Na ktòrą to wojnę pohamowanych już osiedlonych dobrze chłopów, ze swywoli zartzymanych dobrym munsztukiem Hetmanów koronnych (I. 52).«

ности психическій образъ Богдана отражается и оправдывается въ его исторической дѣятельности.

2 декабря.

ПИСЬМО 3-е

Объ участіи Хмельницкаго въ козацкихъ возстаніяхъ на Поляковъ.

У васъ, въ характеристикѣ, сказано: »Не проходило мятежа, чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ Поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю и видимая преданность Речи-Посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе.«

Ка́къ-же отклоняли всякое подозрѣніе, когда самъ Конецпольскій »смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ?« Вотъ это и составляетъ для меня фактъ первостепенной важности, что Хмельницкій, въ подозрительныхъ глазахъ такихъ немилостивыхъ *современниковъ*, какъ Конецпольскій и его товарищъ Потоцкій, не былъ признанъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ, бывшихъ въ *тридцатые* годы того вѣка. Ни подъ видимою преданностью Речи-Посполитой, ни подъ услугами королю, не укрылъ бы онъ своего постояннаго участія во всѣхъ козацкихъ мятежахъ, если бы оно было. Впрочемъ, особенныхъ услугъ самому королю Хмельницкій, кажется, не оказалъ никакихъ; но онъ искренно былъ *преданъ* Владиславу и много надѣялся на него для Украины, какъ и вообще козаки любили этого короля и на него всегда полагались. Поляковъ не любилъ Хмельницкій; но какъ *рыцарь* »Войска его королевской милости Запорожскаго« и какъ гражданинъ Речи-Посполитой, онъ оказывалъ ей *заслуги* очевидныя и несомнѣнныя и могъ съ полнымъ правомъ говорить Потоцкому (въ вышепомянутомъ письмѣ отъ 29 декабря 1647 года): »не выписую тутъ працъ и трудовъ моихъ для общого добра Короны Польской и цѣлой Речи-Посполитой... самъ о нихъ добре вѣдаешъ, велможность ваша.«

Я представилъ вамъ, въ первомъ письмѣ, мой выводъ о томъ, ка́къ у насъ — однимъ почеркомъ пера лѣтописца Грабянки — Хмельниц-

кій сталъ участникомъ »во *всѣхъ* бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ.« Почему же бы и не стать?... Но Хмельницкому тогда не дожить бы до своей *презѣльной брани* съ Ляхами. Онъ не принадлежалъ къ такъ-называвшейся *войсковой черни*, къ толпѣ козацкой, послѣ всякаго возстанія приводимой къ присягѣ и прощаемой. Онъ былъ такимъ виднымъ лицемъ въ козачествѣ, что его примѣтили бы — не то на челѣ или на крылѣ, но и въ хвостѣ всякаго возстанія. Онъ былъ сотникомъ и обывателемъ Чигиринскимъ, слѣдовательно, былъ на глазахъ у старостокъ и дозорцевъ Чигиринскаго старосты Конецпольскаго. И не могло же дѣло кончаться всякій разъ только тѣмъ, что »на Хмельницкаго никто не могъ доказать.« Нашлись бы на доказательство и между козаками такіе людцы, какъ чигиринскій товарищъ Богдана, полковой асаулъ Романъ Пешта, который тотчасъ донесъ на него молодому Конецпольскому въ 1647 году, какъ только онъ замыслилъ о возстаніи. Вѣдь были же, въ угоду старому Конецпольскому, реестровые козаки для обманнаго взятія гетмана Сулимы изъ самой Сѣчи Запорожской. Вѣдь сами же Чигиринцы, по взятіи Павлюка подъ Боровицею, явились туда съ своимъ полковникомъ Дорошемъ, и выдали Потоцкому Павлюкова полковника Сачка; сами же Ирклѣевцы выдали тогда кіевскаго сотника Кизима, который потомъ, рядомъ съ своимъ сыномъ, торчалъ на колѣ передъ Кіевскимъ За́мкомъ (на горѣ Киселёвкѣ). А сколько буйныхъ головъ тогда въ Переясловѣ и Нѣжинѣ переказнилъ Потоцкій.... И ужъ вѣрно онъ не допустилъ бы Богдана подъ Боровицею къ званію *войсковаго писаря*, если бъ былъ онъ сподвижникомъ Павлюка, какъ не допустилъ тогда Каирскаго, выбраннаго козаками въ гетманы, а назначилъ имъ въ старшіе Ильяша Переяславскаго. Гдѣ вы нашли современное указаніе, или хотя сказаніе XVII-го вѣка, что Богданъ былъ *сподвижникомъ Павлюка?*

У Коховскаго сказано, что Хмельницкій участвовалъ въ возстаніяхъ Тараса и Остряницы съ Гупею, но избѣжалъ *заслуженной кары*. Трудно повѣрить, чтобы Хмельницкій въ ту пору избѣжалъ кары за два возстанія. Допустимъ, что онъ, на прощанье зъ Запорожскимъ товариствомъ, могъ поучаствовать въ знаменитой *суботѣ*, заданной Конецпольскому гетманомъ Тарасомъ подъ Переясловомъ, весною *1630* года (¹), и что это прошло ему безнаказанно. Но еслибы потомъ, будучи уже въ

(¹) Въ вашей книгѣ возстаніе гетмана Тараса положено въ *1628* году (I. 29); но я нахожу, что этотъ годъ у Грабянки поставленъ ошибочно, и признаю вѣрнымъ *1630* годъ, какъ въ лѣтописи Львовской.

Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій замѣшался въ возстаніе Павлюка ли, Остряницы ли, ему бы не укрыться отъ очей Конецпольскаго и не избѣжать бы заслуженной кары. Его смѣлое слово Конецпольскому на Кодакѣ врядъ ли могло пройти безнаказанно, еслибъ онъ былъ участникомъ и въ одной суботѣ Тарасовой. Вѣроятнѣе, что участіе въ возстаніяхъ Тараса и Остряницы приписано Хмельницкому уже впослѣдствіи, заднимъ числомъ, также какъ и подозрѣніе пановъ объ участіи его съ Сулимою. Тутъ нельзя еще положиться на одно слово Коховскаго, конечно, не имъ выдуманое, но пристрастно имъ повторенное. Иное дѣло, когда онъ говоритъ, что *нашелъ* онъ въ *коментаріяхъ* Кумейской войны, что послѣ нея Хмельницкій былъ однимъ изъ семи депутатовъ козацкихъ къ королю. Къ этому прибавляетъ онъ, что Хмельницкій, при томъ случаѣ, высмотрѣлъ внутреннее состояніе Польской республики »ac velut viscera inspexisse, in quae post, atrox Matricida, saeviret.« Польскому историку, какъ видно, неизвѣстно было, что Хмельницкому уже прежде былъ гораздо удобнѣйшій случай высмотрѣть внутренность Республики, когда онъ былъ однимъ изъ козацкихъ депутатовъ при избраніи въ короли и при коронаціи Владислава; да и послѣ, въ 1647 году, когда онъ былъ въ Варшавѣ во время Майскаго сейма, на которомъ довершилось неистовое возстаніе пановъ противъ короля и канцлера, произшедшее на сеймѣ прошлогоднемъ.

У васъ какъ-будто ограничено участіе Богдана во всѣхъ козацкихъ мятежахъ — тѣмъ, что онъ »возбуждалъ совѣтомъ и ободрительнымъ словомъ собратій противъ Поляковъ.« Но Поляки и сами тогда достаточно возбуждали противъ себя Украинцевъ своими непрестанно-возроставшими обидами, насиліями и неправдами, съ чѣмъ вмѣстѣ разгаралась все болѣе неугасимая ненависть къ нимъ и месть въ сердцахъ козацкихъ, особенно на Запорожьи. Раздувать пылающій костёръ — дѣло напрасное; но толкать своихъ собратій въ огонь, самому отъ нихъ отбѣгая, но укрываться во мракѣ, когда передовые смѣльчаки гибли на плахѣ, на колесѣ, на кольяхъ — это дѣло безчестное, несовмѣстное съ славною памятью Богдана. Когда повезли въ Варшаву Павлюка и Томиленка, сподвижникъ ихъ Сахно самъ поѣхалъ за ними добровольно, чтобы раздѣлить тамъ одну съ ними участь. Если Хмельницкій (какъ говоритъ Величко), ходячи съ козаками Запорожскими полемъ и моремъ, не закрывалъ своего предъ непріятелемъ ока, за что у Войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и повагѣ, — то ужъ, конечно, не отсталъ бы онъ отъ нихъ и теперь, если бъ былъ товарищемъ и совѣтникомъ ихъ воз-

станій, не захотѣлъ бы терять своей чести и славы козацкой, своего добраго имени въ отчизнѣ.

»За жизнь, за бѣдный даръ — не измѣнюсь душой!«

Послѣ того у васъ сказано: »Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ.« При какомъ же это случаѣ? Можетъ быть у васъ есть ввиду какіе-нибудь особенные случаи изъ жизни Богдана до 1646 года; но они мнѣ неизвѣстны. Я полагаю только, что нельзя придавать ему, какъ темную черту его характера, того, что́ для него и для другихъ могло быть только лихою долею козацкою, только печальною необходимостью тогдашняго положенія, устроеннаго Конецпольскимъ, который, забравъ въ свои руки Реестровое Козачество, раздружилъ его съ Товариствомъ Запорожскимъ, и противопоставилъ ихъ другъ другу. Само собою разумѣется, что если бы Хмельницкій былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, тогда онъ дѣйствовалъ бы противъ тѣхъ соотечественниковъ своихъ, реестровыхъ козаковъ, которые находились въ тѣхъ битвахъ подъ командою Конецпольскаго и Потоцкаго; а если бы онъ находился въ этихъ рядахъ, тогда бы онъ дѣйствовалъ противъ соотечественниковъ, находившихся подъ знаменами гетмановъ козацкихъ. Избѣжать этой Сциллы-Харибды онъ могъ только *неучастіемъ* въ тѣхъ междоусобныхъ польско-козацкихъ битвахъ, которыя на ту пору, при тогдашнемъ раздѣленіи козачества, безуспѣшно истощали украинскую силу и только поощряли одолѣвающихъ Поляковъ къ еще большему уничиженію народа Малоросійскаго. Возможность къ неучастію въ тѣхъ битвахъ была, для Хмельницкаго, по многимъ другимъ его службамъ — походной, сторожевой, депутатской; но ка́къ было на самомъ дѣлѣ, о то́мъ ничего нельзя сказать утвердительно, по недостатку *современныхъ* указаній на боевое участіе Хмельницкаго въ тѣхъ войнахъ польско-козацкихъ. Безъ современныхъ, опредѣлительныхъ свидѣтельствъ объ участіи Хмельницкаго во всѣхъ козацкихъ востаніяхъ — Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, я смотрю на сказаніе объ этомъ — только какъ на *мнѣніе* историковъ, и, по всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не могу признать его справедливымъ. Если въ глазахъ такихъ современниковъ, какъ Конецпольскій и Потоцкій, не признанъ былъ Хмельницкій сподвижникомъ козацкихъ гетмановъ, поднимавшихъ оружіе на Поляковъ, то не намъ, потомкамъ, взводить на него эту преждевременную вину противъ Республики Польской.

У васъ на слѣдующей (47-й) страницѣ сказано, что когда Оссолин-

скій, въ 1646 году, привезъ козакамъ, вмѣстѣ съ королевскою грамотою, ихъ знамя и гетманскую булаву, и преимущественно на Хмельницкаго возлагалъ королевское предпріятіе, тогда онъ — »самъ отказался, до времени, отъ начальства и предоставилъ его Барабашу: онъ не хотѣлъ волновать умы слишкомъ рано!» Какой же мудрёный выходитъ Богданъ: не рано ему было волновать умы тихимъ омутомъ, лѣтъ за десять, за пятнадцать, подъ тяжелою булавою Конецпольскаго, рискуя потерять и свою голову на плахѣ и свое доброе имя въ козачествѣ; а *слишкомъ рано* показалось ему волновать умы теперь, когда давались ему въ руки и гетманская булава и козацкое знамя отъ самого короля, когда, какъ нарочно, не стало на свѣтѣ и могучаго томителя Козаччины, стараго Конецпольскаго, вскорѣ послѣ женитьбы его на молодой женѣ (1646 г., 26 апрѣля). Будь у Хмельницкаго »духъ бурный, склонный къ волненію« — не упустилъ бы онъ такого благопріятнаго къ тому случая. Прежде онъ *уступалъ первенство* смѣлымъ запорожскимъ вождямъ, выходившимъ на Поляковъ, какъ на вѣрную смерть, для спасенія Украины и православной вѣры; теперь — онъ *предоставляетъ начальство* Барабашу, своекорыстному угоднику польскихъ пановъ и *нѐдругу отчизны Малороссійской*.... Полно. такъ ли было на самомъ дѣлѣ! Читаю ваши послѣднія слова въ характеристикѣ: »И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ, что́ на душѣ у него.«

Можетъ быть онъ и былъ таковъ, еще до гетманства своего, искушенный опытомъ многотрудной жизни среди стихій разнонародныхъ, и его козацкая душа осталось задачею неразгаданною. Къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ въ виду ни его писемъ до 1646 года, ни его прежнихъ бесѣдъ съ козаками, записанныхъ современными Украинцами, чтобы можно было по нимъ сколько нибудь дознаться: что́ было на душѣ у него, когда собирались козацкія ополченія на Поляковъ, подъ знаменами Тараса, Павлюка, Остряницы? Объ этомъ можно сказать развѣ словами народно-украинской думы:

Тóлько Богъ святий знае,
Що Хмельницкій думае-гадае!

4 декабря.

ПИСЬМО 4-е

Въ конецъ характеристики Богдана.

При нынѣшней разработкѣ архивныхъ рудниковъ и историческихъ розсыпей Южно-русской земли, могутъ еще найтись неизвѣстныя доселѣ современныя извѣстія о Богданѣ Хмельницкомъ, озарить неожиданнымъ свѣтомъ всю его до-гетманскую жизнь, и измѣнить во многомъ наши о немъ представленія и соображенія. Но изъ того, что́ *положительно* извѣстно о ней теперь, для меня яснымъ кажется вотъ-что́: служа около 18-ти лѣтъ въ Реестровомъ Козачествѣ, Хмельницкій былъ у него въ постоянномъ довѣріи и почитался разумнымъ совѣтникомъ народнымъ; — впродолженіе этого времени онъ не утратилъ и въ Запорожскомъ Товариствѣ своей чести и славы козацкой, заслуженной въ прежніе годы; обѣ раздруженныя половины Козачества соединились въ прежнее согласіе — однимъ Богданомъ, и стали подъ его знамя единодушно, за цѣлость своей отчизны Малороссійской; всего этого достигнуть онъ могъ только прямою доблестью и жизнію честною, а не лукавымъ двоедушіемъ.

Звѣзда Хмельницкаго взошла на Черномъ морѣ, въ то время, какъ на Хотинскомъ полѣ западала звѣзда стараго Сагайдачнаго. Жизнь этого достопамятнаго гетмана, который, служа со славою Польской Коронѣ и всей Речи-Посполитой, сдѣлалъ для блага Украины все, что́ только могъ онъ сдѣлать тогда, не поднимая оружія на Поляковъ, — она служила примѣромъ для Богдана Хмельницкаго; его путемъ проходилъ онъ поприще своей *до-гетманской* жизни, мужественно и долготерпѣливо, какъ храбрый воинъ и честный гражданинъ Республики Польской, какъ добрый и надежный сынъ своей *Козацкой-матери*, Украины. Но ему суждено было пройти еще своимъ путемъ — поприще *гетманской* жизни, и безпримѣрно совершить то́ дѣло, на которое безуспѣшно порывались другіе Украинцы впродолженіе полувѣка.

»*Встала обида въ силахъ Дажбожа внука.*« И когда нашъ заслуженный Чигиринскій сотникъ, смертельно оскорбленный и поруганный отъ польскихъ пановъ, потерявшій все свое долготерпѣніе, и поощренный самимъ Польскимъ королемъ, на »защиту Украины отъ Поляковъ мушкетомъ и саблею« — бѣжалъ на Запорожье и, укрѣпляясь на Днѣпровскомъ острову, велъ переговоры съ Потоцкимъ, — тогда современники-Поляки

заговорили такъ: »вотъ что надѣлала жадность полковниковъ и тиранское съ козаками обхожденіе!« — или: »комиссія должна судить полковниковъ и самого комисара, которые наварили этого пива!« а они еще и не предвидѣли, ка́къ это пиво выпьется. А Потоцкій—*розумъ-жиноцькій*, ускользнувшему отъ его рукъ Хмельницкому, предлагалъ выйти мирно изъ Запорожья, *увѣряя* его *своимъ словомъ*, что не спадетъ и волосъ съ головы его.... Повѣрилъ бы его слову Богданъ послѣ того, какъ и Тарасъ и Павлюкъ попали на Варшавскую плаху, положась на такое же увѣрительное слово, и съ козаками продолжалось то́же, что́ въ 1252 году случилось съ княземъ Даниломъ Романовичемъ, по выраженію древней лѣтописи Волынской: »Ляхове же обѣщашася, но не исполниша«.

Мой разборъ характеристики Богдана конченъ; смотрите и рѣшайте: что́ въ немъ есть справедливаго, и что́ ошибочнаго; отъ послѣдняго — я отступлюсь охотно.... А между тѣмъ перехожу къ вашему »объясненію«, чтобы сказать на него мое отвѣтное слово о до-гетманской жизни Богдана.

М. Максимовичъ.

5 декабря 1860.
Михайлова-Гора.

(Продолженіе впредь.)

ОТВѢТЪ

НА ВЫХОДКИ ГАЗЕТЫ (КРАКОВСКОЙ) »CZAS« И ЖУРНАЛА »REVUE CONTEMPORAINE«.

Посу́нься, Ля́ше,—най Ру́синъ ся́де.
Галицкая пословица.

»На-віщо ви, Ляхи́, принесли́ намъ сі цяцьки́?... Ма́йте ви собі свою́ Польщу, а на́мъ Украіна нехай зостаётця.«
Слова́, сказанныя польскому послу, Киселю, на радѣ у Богдана Хмельницкаго.

Едва только мы успѣли написать (въ послѣднемъ № »Современника« прошлаго года) опроверженіе на статью г. Падалицы, какъ случайно попавшіеся намъ въ руки — 256 №1860 г. газеты »Czas (Время)« и 210 № (31 декабря) »Revue Contemporaine« — вызываютъ насъ вновь на полемику противъ анти-историческихъ польскихъ взглядовъ на Русь.

Въ 256 № Czas'а извѣщается о выходѣ въ свѣтъ книги La Russie Rouge, гдѣ, какъ выражается означенная газета, высказаны домогательства на присоединеніе Червоной Руси къ Россіи на томъ основаніи, что это земля Русская и Славянская. Мы не знаемъ »La Russie Rouge«, да намъ до нея и дѣла нѣтъ; тѣ же, кто знакомъ съ этой книгой, сколько намъ извѣстно, отзываются о ней вовсе неодобрительно. Но газета Czas касается вопроса, по поводу котораго мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать замѣчаніе. Она объясняетъ намъ, что »Русскіе не знаютъ, что́ такое *Русь;* что Русь не есть Россія, а Польша, и что Россія — страна не Славянская, а Русскіе сами не знаютъ, что́ они такое.« Выписываемъ слово-въ-слово эти выраженія подлинника, потому что въ точности пересказаннаго нами въ переводѣ могутъ усомниться, по крайней нелѣпости приведенной фразы: »autor zapomina, że Ruś nie jest Rosyą, — że jest Polską, i że Rosya nie jest Słowiańska, — nie wiedzą czém są i czém jest Ruś.« Такого рода мнѣнія совѣстно опровергать, но нельзя оставаться безмолвнымъ, когда они высказываются — умышленно, или

по невѣжеству — устами многихъ польскихъ патріотовъ вслухъ всей Европы.

Можно согласиться, что *Русь* была *Польшей*, если принимать послѣднее имя въ государственномъ смыслѣ и опираться на то, что Русь принадлежала нѣкогда Польшѣ, — также точно какъ и Польшу можно, на томъ же основаніи, назвать Россіей. Но кромѣ государственной связи есть связь внутренняя, народная: она только и можетъ служить ручательствомъ прочности государственныхъ сложеній. Русь Червоная, въ народномъ смыслѣ, есть *Русь*, слѣдовательно — и Россія. Названіе: Русь — не мѣстное, а общее для всей суммы Земель Восточныхъ Славянъ, въ глубокой древности сознавшихъ свое взаимное сродство и образовавшихъ удѣльную федерацію. Сначала имя Руси давалось Землѣ Полянъ (Землѣ Кіевской), гдѣ зародилось зерно этой связи, а потомъ оно перешло на всѣ Земли, вошедшія въ эту связь. Русь Червоная была Земля Русская, — точно такая же, какъ и Рязань и Великій Новгородъ и Псковъ и Тверь и Полоцкъ, — всѣ онѣ были связаны одинаково сознаніемъ единства, вѣрою, книжнымъ языкомъ, сходными основами общественнаго устройства и институціею единаго правительственнаго рода. Печальныя внѣшнія событія не дали этому складу Русскихъ Земель развиваться въ строгой гармоніи федеративнаго начала. Внѣшніе признаки ихъ связи порвались; внутренніе — остались до-сихъ-поръ неизмѣнны.

Недавно получены были у насъ изъ Червоной Руси стихи, написанные по-польски, подъ названіемъ: »*Niema Rusi*. Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860.« (*Нѣтъ Руси*. Отвѣтъ на памфлеты Поляковъ, выставляемые въ Львовскомъ университетѣ.)

Вотъ точный переводъ этого стихотворенія (¹):

»Удивительно, зачѣмъ ты такъ пламенно желаешь обратить къ Польшѣ неподатливую Русь! Зачѣмъ прилагать объ этой Руси такое стараніе, зачѣмъ и себя и ее тревожить памфлетами? Вѣдь *Руси нѣтъ* въ ея

(¹) Приводимъ его и въ подлинникѣ:

NIEMA RUSI!

Odpowiedź na plakaty Polaków w Uniwersytecie we Lwowie 1860 r.

Dziwi mię, dla czego pragniesz tak gorąco
Do Polski nawrócić Ruś protestującą;
Po co tyle starań dla tej Rusi łożyć,
Po co plakatami siebie i ją trwożyć?

древней столицѣ... развѣ только какихъ-нибудь триста Русиновъ въ университетѣ!

»Нѣтъ, нѣтъ Руси!... а между тѣмъ совѣсть пугается при одномъ о ней напоминаніи! вѣрно, Ляхъ, какіе-то непріятныя сновидѣнія, темные призраки безпокоятъ, по цѣлымъ ночамъ, твое *толерантное* воображеніе. Не тревожься, братъ, — Руси нѣтъ: твой великій Казимиръ заключилъ ее въ гробѣ, привалилъ камнемъ и самъ сѣлъ на ея могилѣ; себѣ взялъ ея жизнь, тебѣ завѣщалъ ея гробницу!

»Говорятъ, послѣ оныхъ временъ Казимира, *навь* (¹) Руси долго скиталась по лѣсамъ и цѣлые вѣка стонала въ безлюдныхъ пустыняхъ, а потомъ снова ожила на мгновеніе — въ Козакахъ...

»Говорятъ, что въ Варшавѣ поблѣднѣли сенаторы, когда этихъ русскихъ упырей привели въ оковахъ; но — написали *Любельскую Унію*, и доколотили ею лежавшее въ гробѣ крѣпкое тѣло Руси; а послѣ того ужъ было нетрудно, въ глазахъ сейма — сжечь упыря-Павлюка (²) въ мѣдномъ волѣ.

Wszakże »Rusi niéma« w dawnej jej stolicy, —
Chyba tych Rutenów trzysta na wszechnicy!

»Niéma Rusi, niéma!« a przecież sumienie
Lęka się na samo o niej przypomnienie!
Snać widzenia miewasz jakieś nieprzyjemne,
Snać spotykasz we śnie jakieś mary ciemne,
Co po całych nocach niepokoją, straszą
Twoję wyobraźnię tolerancką, laszą.

Nie trwóż się, mój bracie, — wszakże Rusi niéma:
Wielki twój Kazimierz w grobie Ruś tę trzyma,
Głazem ją przywalił, przysiadł na jej grobie,
Sobie wziął jej życie, — grób zapisał tobie!...

Mówią, że po owych Kazimierza czasach
Długo upior Rusi tułał się po lasach,
Całe wieki stękał po odludnych szlakach,
Aż tam znowu odżył na chwilę — w Kozakach....

(¹) Слово — upior — бродящій (живой) мертвецъ, — мы переводимъ древне-славянскимъ словомъ: *навь*, (существовавшимъ и въ южно-русскомъ языкѣ). Оно значило именно мертвеца, выходящаго изъ могилы (см. у Іоанна, Экзарха Болгарскаго).

(²) По народной пѣснѣ — не Павлюка, а Наливайка. Фактъ, не подтверждаемый историческими доказательствами.

»Говорятъ, что вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ-то на берегахъ Днѣпра, русскіе упыри снова стали строями; подобно нездоровому вѣтру понеслись полки ихъ, съ крестомъ схизмы въ рукахъ, на бой подъ Зборовъ; были виданы толпы ихъ и подъ Збаражемъ... но — изгладимъ изъ памяти такія событія.

»Говорятъ, что послѣ того эти привидѣнія исчезли, но съ ними отпала отъ Польши и часть ея тѣла. Съ тѣхъ поръ стали пугаться тѣни Руси и имени ея не вспоминали на сеймахъ, а только по временамъ, какъ бы мимоходомъ, что-то говорили съ народомъ — о Гайдамакахъ....

»Эти времена миновались! И не для чего бы ихъ вспоминать.... еслибъ не черезъ Русь-то и Польшу разорвали. За оскорбленіе Руси, отъ смерти Богдана все растравляется рана Польши; — — — —

»А теперь, говорятъ, въ поздніе вечера навь Польши сходится съ навью Руси: первая — въ кунтушѣ и съ саблей при боку, другая — въ сѣрмягѣ, и со слезами на глазахъ. Первая и по смерти сохраняетъ гордый видъ, — равенство и братство гласитъ предъ Европой, а потихоньку говоритъ Русину: »Назадъ, хамъ! будь Полякомъ: не то — я дамъ тебѣ почув-

---

Mówią, że w Warszawie senatory zbledli,
Gdy ruskich upiorów w łańcuchach przywiedli;
Ależ napisano uniję Lubelską,
Nią dobito w grobie twarde Rusi cielsko,
Więc pod okiem sejmu już wcale nie sztuka
Spiec w miedzianym wole upiora-Pawluka....

Mówią, że potemu gdzieś na Dniepru brzegach,
Znow ruskie upiory stanęły w szeregach;
Z krzyżem szyzmy w ręku — powietrzem niezdrowem
Niosły się ich pułki na bój pod Zborowem;
Widziano ich tłumy nawet pod Zbarażem, —
Ale takie dzieje z pamięci wymażem.

Mówią, że już potem zczezły te widziadła,
Lecz z niemi od Polski część ciała odpadła!
Od tych lat już Rusi lękano się cienia,
I nie wspominano w sejmie jéj imienia,
A tylko czasami, jakby mimochodem,
Coś o Hajdamakach mówiono z narodem....

Minęły te czasy, — wspomnąć by nie warto,
Gdyby nie przez Ruś-to i Polskę rozdarto!
Wszak za krzywdy Rusi — od śmierci Bohdana

ствовать свою руку!« а Русскій упырь, этотъ вѣковой слуга, прикидывается Ляхомъ и голову склоняетъ, но мысленно — какъ обыкновенно рабъ въ испугѣ — шепчетъ самъ себѣ: *бра́те, не вірь Ля́ху!*

»Такъ-то, любезный товарищъ! вотъ тебѣ маленькое изображеніе этихъ двухъ мертвецовъ, что́ тебѣ спать не дали. Братъ, посмотри на это изображеніе, — оно не для шутки написано; вглядись добросовѣстно въ страницы польской исторіи и, можетъ быть, ты наконецъ поймешь что памфлеты не воскресятъ уже той Польши, которая нѣкогда, на развалинахъ Руси, воздвиглась изъ ничтожества и возрасла и оперилась отъ русскихъ костей и русской крови....

»Нѣтъ уже той Руси... только въ сельскихъ хатахъ бродятъ живые мертвецы въ изорванныхъ одеждахъ. Оставь же ихъ въ селахъ, среди нужды и голода, и никогда не дозволяй имъ входить въ старый городъ, гдѣ нѣкогда властвовалъ князь Левъ, говорившій *по-русски* со своимъ народомъ. Опасно вводить нахальныхъ бродягъ въ катакомбы Руси и допускать ихъ къ славымъ памятникамъ: можетъ статься, что посреди катакомбы

Jątrzy się i jątrzy ciężka Polski rana....

— — — — — — —

Owoż dzisiaj prawią, że późnym wieczorem
Upior Polski z Rusi schodzi się upiorem:
Ów pierwszy w kontuszu i z szablą u boku,
Ów drugi w siermiędze i ze łzami w oku.
Pierwszy — choć za grobem — dumne czoło nosi,
Równość i braterstwo przed Europą głosi,
Ale Rusinowi mówi: »Wara, chamie!
Bądź Polakiem, — albo dam poczuć me ramię!«
A zaś ruski upior — służalec wiekowy —
Staje niby Lachem, i nachyla głowy;
Ale zcicha — zwykle jak sługa w przestrachu —
Szepcze w duchu k' sobie: »Brate, ne wir Lachu!«

Tak, dobry kolego! Masz obrazek mały,
Zdjęty z tych upiorów, co ci spać nie dały.
Bracie, pojrzyj w obraz, kreślony nie w żarty,
I wglądnij sumiennie w polskich dziejów karty,
A może nakoniec poznasz, że plakaty
Już nie wskrzeszą Polski onej, co przed laty
Na ruinach Rusi dzwigła się z nicości,
I wyrosła w pierze z ruskiej krwi i kości....

раздастся русскій голосъ, какъ звукъ той трубы, которая воскрешаетъ умершихъ, будитъ ихъ къ жизни и обращаетъ трупы въ живыхъ Русскихъ людей.

»Но теперь — нѣтъ Руси! И даже имя ея страны не осталось между чужими названіями; польскіе мудрецы пишутъ, что Львовъ, Подоль, Волынь, Украина — что все это — Польша!

»И такъ, нѣтъ Руси; нѣтъ ея въ головѣ польскихъ журналистовъ, и въ ополяченномъ Львовѣ... нѣтъ и Русскаго языка, ибо даже его буквы графъ Голуховскій замѣняетъ польскими.

»Нѣтъ Руси, нѣтъ! Вычеркните ее изъ книгъ.... хоть и есть Русскихъ хлоповъ милліоновъ съ пятнадцать... Нѣтъ Руси, нѣтъ! хоть есть и долженъ быть вѣчный протестъ Руси противъ Польской власти!«

Dziś tej Rusi niéma, — tylko w wiejskich chatach
Włóczą się upiory jej w podartych szatach;
Zostaw ich na siołach, pośród nędzy, głodu,
Nie dopuść, by weszły kiedy i do grodu —
Do starego grodu, w którym niegdyś władał
Książe Lew, co z ludem swym *po rusku* gadał....
Niebespiecznie wwodzić włóczęgów natrętnych
W katakomby Rusi do pamiątek świetnych;
Bowiem stać się może, że śród katakomby
Ozwie się głos ruski, jak dźwięk onej trąby
Co umarłych wskrzesza, i do życia budzi,
I przemieni trupów w żywych ruskich ludzi...!

Lecz dziś Rusi niéma! i nawet jej Ziemi
Imię nie zostało pomiędzy obcemi;
Polskie mędrcy piszą: »Lwów, Ziemia Podolska,
Wołyń, Ukraina — że to wszystko — Polska!!..

A więc niéma Rusi, bo jéj niema w głowie
Dziennikarzów polskich, ni w spolszczonym Lwowie!
Niéma ruskiej mowy, — bo nawet jéj zgłoski
Zamienia polskiemi hrabia Gołuchowski!..

Niéma Rusi, niéma! — z książek ją wymażcie, —
Choć jest ruskich chłopów miljonów piętnaście!
Niéma Rusi, niéma! — choć jest i być musi
Przeciw rządom Polski wieczny protest Rusi!...

Повторяемъ, намъ нѣтъ дѣла до политическихъ стремленій; но это стихотвореніе, присланное къ намъ съ просьбою—»*напечатать его*,— *за что́ будутъ благодарны 3 милліона Русиновъ*«, довольно ясно показываетъ, что этнографическое и историческое сознаніе единства Червоно-русской Земли съ остальною Русью не исчезло и до настоящаго времени, не смотря на всѣ иноплеменныя усилія.

Авторъ говоритъ, что *они* (кто́ это? Великоруссы?) сами не знаютъ, что́ такое Русь и что́ они такое; утверждаетъ даже, что Россія — не славянская страна; но не приводитъ никакихъ доказательствъ. Мы однако догадываемся, по прежнимъ теоріямъ, что́ это значитъ. Не разъ думали унизить Великоруссовъ, провозвѣщая, что они — не Славяне, а Финны. Еслибъ это была и правда, то развѣ есть въ этомъ что́-либо унизительное? Нелѣпо и нечеловѣчно отзываться съ презрѣніемъ о какомъ бы то ни было племени. Для Великоруссовъ не составляло бы ни малѣйшаго стыда быть Финнами, Татарами, хоть Калмыками, еслибъ они дѣйствительно ими были, и вопросъ можетъ разсматриваться безъ всякой примѣси донкихотовской національный гордости.

Великоруссы — не Финны, а Славяне, потому что не знаютъ Финскихъ нарѣчій, а говорятъ Славянскимъ. Правда, крови финской много вошло въ великорусскую, но она ассимилировалась славянскою. Подмѣсь финскаго племени не осталась безъ нѣкотораго вліянія на матеріальный и интеллектуальный строй великорусскаго народа, но господство осталось за Славянскою стихіей. Мы не можемъ назвать Славянами Меклембургцевъ на томъ лишь основаніи, что ихъ предки нѣкогда были Славяне,—хотя славянское происхожденіе Меклембургцевъ видно и въ ихъ перерожденномъ видѣ: тѣмъ не менѣе какъ ни разсуждай, а все-таки они останутся нѣмцами. Такъ же точно мы не считаемъ русскими тѣхъ фамилій, которыя давно уже ополячились. Забытое происхожденіе ничего не значитъ, и можетъ составить сущность только археологическихъ разсужденій.

Притомъ же, финскаго элемента вошло въ великорусскую народность не столько, чтобъ даже физіологически можно было назвать Великоруссовъ болѣе Финнами, чѣмъ Славянами,—вошло несравненно менѣе, чѣмъ славянскаго элемента въ нѣмецкомъ племени нынѣшней прибалтійской Нѣмеччины. Уже въ IX вѣкѣ широкій бассейнъ Оки былъ заселенъ Славянскимъ племенемъ Вятичей, которые, по своимъ преданіямъ, вели происхожденіе отъ Ляховъ. Вятичи, безъ сомнѣнія, и составляютъ зерно Великорусской народности. На сѣверѣ, въ незапамятное время, поселилась

вѣтвь южнорусскаго племени, — часть Русиновъ, какъ показываетъ ея нарѣчіе, — вѣтвь, образовавшая Землю Новгородскую. Восточная Россія, страна Суздальско-Ростовская и Бѣлозерская, также въ глубокой древности, приняла въ себя Славянскій элементъ; даже во время призванія Прусско-варяжскихъ князей подъ именемъ Веси и Мери, по всѣмъ вѣроятіямъ, надобно разумѣть Славянъ, поселившихся въ этомъ краю и усвоившихъ ему древнія этнографическія и географическія названія: самыя имена — Ростовъ и Бѣло-Озеро достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Вскорѣ затѣмъ мы уже видимъ въ этой странѣ одну Славянскую народность, такъ-что финскія племена, давшія, въ доисторическое время, названія мѣстностямъ, сохранившимъ ихъ и до сихъ поръ, — уступая наплыву славянскаго племени, отодвигались далѣе къ востоку и юго-востоку. Съ одной стороны, племя Вятичей, слѣдуя въ своемъ разселеніи отъ запада къ востоку, занимало эти страны, съ другой — туда двигались, съ сѣвера, Новгородскіе переселенцы. Только послѣднимъ и объясняется фактъ, почему около Бѣлаго-Озера нарѣчіе — Новгородское, тогда какъ самая страна не составляла Новгородскихъ владѣній. Этимъ объясняется также извѣстіе, сохраненное въ житіи святаго Всеволода-Гавріила, — отчего даже въ XII вѣкѣ прорывался у Новгородцевъ взглядъ на Ростовскую землю, какъ на свою принадлежность. Наконецъ Славянскій элементъ въ этихъ краяхъ водворялся, подвигаясь съ юга, особенно въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка, когда бури, волновавшія южный край, заставляли народъ и южную его цивилизацію искать убѣжища въ болѣе спокойной странѣ. Такимъ образомъ составилась Великорусская народность, народность самая поздняя, но ясно показывающая въ себѣ перевѣсъ славянскихъ началъ. Финскія племена ассимилировались только отчасти; гораздо въ бо́льшихъ массахъ они подвигались далѣе и убѣгали отъ поглощающей славянской стихіи. Подобные факты совершались и на нашихъ глазахъ: Мордва подвинулась, въ началѣ XVIII вѣка, въ Саратовскую губернію изъ Пензенской, гдѣ тѣснило ее распространившееся русское народонаселеніе. Печальная правда, а дѣть ее негдѣ: Восточно-тюрко-финскія племена въ Россіи очень часто, подобно аборигенамъ Америки, столько же вымирали и исчезали, сколько ассимилировались, но и тамъ, гдѣ ихъ столкновеніе со славянскою стихіей повлекло за собою болѣе мирное слитіе, они слишкомъ мало внесли изъ старой жизни въ новую, такъ мало, что въ краяхъ Пензенскомъ, Тамбовскомъ, Нижегородскомъ, гдѣ произошло наибольшее ассимилированіе — въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ мало такого, что́ бы напоминало древнее иноплеменное происхожденіе,

въ сравненіи съ признаками Славянской народности. По всѣмъ этимъ даннымъ, мы не можемъ назвать Великоруссовъ, даже съ физіологической стороны, не-Славянами; а о духовной сторонѣ и говорить нечего. Мы сознаемъ важныя народныя особенности отъ другихъ Славянъ въ характерѣ, склонностяхъ, понятіяхъ и образѣ жизни Великоруссовъ, но эти особенности возникли и образовались болѣе отъ географическихъ и историческихъ причинъ, а вовсе не отъ вліянія уральскаго племени. Всего лучше на это могутъ указать особенности, отличающія Великоруссовъ отъ другихъ Славянъ: онѣ состоятъ вовсе не въ тѣхъ чертахъ, какія мы находимъ въ тюрко-финскомъ племени. Предпріимчивость, склонность къ практической дѣятельности, скудость фантазіи, удобоподвижность—вовсе не качества Мордвы, Черемисовъ, Чувашей и вообще тюрко-финскихъ и всѣхъ финскихъ племенъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только видѣлъ и наблюдалъ ихъ.

Рецензентъ Czas'а говоритъ: »исторія лучше означила, что́ нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающихъ никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа ушляхетненія (uszlachetnienia), могло бы создать прекрасное и ядрёное (jędrne) тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI вѣку.«

Если бы здѣсь не ссылались на исторію, то, отнеся всю эту тираду къ категоріи политическихъ мечтаній, мы бы ея и не коснулись. Но авторъ говоритъ: »*исторія* такъ означила«. А чѣмъ же она означила (спросимъ у г. автора)? Тѣмъ ли, что эти страны принадлежали нѣкогда Польшѣ, или соединены были съ Польшею? Но противъ этого достаточно указать на то, что страны на правой сторонѣ Двины и Днѣпра послѣ того соединены съ Россіею: вѣдь это тоже *исторія*. Слѣдовательно, когда одна часть исторіи говоритъ та́къ, а другая, позднѣйшая, иначе: то можно ли что́-нибудь строить на такомъ противорѣчіи? Авторъ вправѣ былъ бы сказать: »*исторія такъ означила*« только въ томъ случаѣ, еслибъ исторія указывала на какое либо внутреннее народное сродство, на взаимную симпатію народовъ и на очевидныя потребности края, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ его счастіе. Но исторія намъ показываетъ, что польскій элементъ въ этомъ краѣ высказался въ качествѣ господственнаго, поработательнаго, первенствующаго между туземными народностями, которыя были осуждены прозябать въ тѣсной сферѣ сельскаго рабства. А ка́къ выразилась симпатія русскаго народа къ Польшѣ, всего лучше объясняется кровавою исторіей XVII вѣка, когда этотъ порабощенный и за-

битый русскій элементъ показалъ признаки самобытной жизни. Что касается, наконецъ, до благосостоянія края, то доведенное до скотоподобія положеніе простого народа, заколоченнаго панами, котоликами и жидами, въ такомъ видѣ существовавшаго подъ цивилизующей опекой польской, не доказываетъ, чтобъ исторія съ этой стороны что-нибудъ сказала рецензенту въ пользу его »прекраснаго ядрённаго тѣла.« — Послѣдняя фраза Czas'а непонятна: неужели рецензентъ желаетъ поставить Россію въ то политическое и нравственное положеніе, въ какомъ она находилась въ XVI-мъ вѣкѣ? Мы желаемъ просвѣщенія и благополучія и Калмыкамъ и Бурятамъ и Юкагирамъ: отрадно было бы, еслибъ и они вступили въ жизнь общей цивилизаціи, сообразно потребностямъ XIX, а не XVI вѣка. Желать движенія назадъ какому бы то ни было народу можетъ только узкій, слѣпой, хотя бы и національный, эгоизмъ, чуждый истинному просвѣщенію, и тѣмъ болѣе неспособный устроивать счастье другихъ народовъ.

Обратимся къ Revue Contemporaine. Г. Paul de Saint-Vincent написалъ статью »La Poésie Oukraïnienne.« Довольно намъ случалось читать нелѣпыхъ и фальшивыхъ взглядовъ на нашу народность и на нашу исторію, но это сочиненіе, можно сказать—chef-d'œuvre въ подобномъ родѣ. Неизвѣстно, вычиталъ ли гдѣ г. Saint-Vincent всю дичь, которую написалъ, или самъ составилъ ее, повѣривъ чьимъ-нибудь словамъ,—но съ незнаніемъ исторіи здѣсь сочеталось самымъ нахальнымъ образомъ умышленное извращеніе правды для надувательства европейской публики. Вотъ примѣры: г. Saint-Vincent, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждаетъ, что обитатели Украины и другихъ южно-русскихъ мѣстностей — одной вѣтви съ Поляками, разумѣя не то единство племенного происхожденія, въ которомъ никогда мы и не сомнѣвались, а совершенное, полное тождество народности, такъ-что кто не знаетъ нашихъ взаимныхъ этнографическихъ отношеній, тотъ можетъ подумать, что жители Варшавы и Кіева также между собой тождественны, какъ жители Москвы и Серпухова. »Нашествіе Варяговъ, а потомъ нашествіе Татаръ (объясняетъ Mr. Saint-Vincent) разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе — безъ борьбы, безъ потрясеній, безъ войнъ. Между тѣмъ, еще въ концѣ XII вѣка, одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшаго надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, извѣстную подъ именемъ Московіи. Московитяне — народъ племени Уральскаго [1], а не Славянскаго, а потому не

[1] Dans un pamphlet russe recemment publié sous le titre de *la Russie Rouge*, par un étrange oubli de toute science historique, on s'efforce de

имѣютъ ничего общаго съ Русскимъ и совершенно отличны отъ послѣдняго и по происхожденію, и по нравамъ, и по обычаямъ, и по преданіямъ, и наконецъ — по религіи, вопреки тѣмъ, которые хотятъ ложно доказывать религіозное ихъ единство. Русскій народъ, въ Украинѣ и Южной Руси вообще, всегда стремился къ уніи съ католическою вѣрою и признавалъ первенство папы; напротивъ, Московитяне, какъ народъ азіятскій, упорно отвергалъ всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу названіе Русскаго и навязали ему это названіе произвольно. Это сдѣлала (по г. Saint-Vincent'у) императрица Екатерина II. Она понудила ученыхъ принять свои выдумки на счетъ происхожденія Московитянъ; такимъ образомъ, Московитяне начали называться Русскими, и съ тѣхъ поръ, въ угодность правительству, стали отвергать свое прежнее имя и замѣнили его чужимъ.«

Авторъ очень мило сожалѣетъ о потерѣ »такого славнаго древняго народнаго названія, которое равнымъ образомъ представляло и почтенную старину и содержало въ себѣ зародышъ прогресса и развитія въ будущемъ (¹)«, и какъ будто хочетъ убѣдить—перестать называться русскими, и называться Московитянами. Читая статью Revue Contemporaine, можно подумать, что Великоруссы—народъ уральскаго племени,—даже говорятъ языкомъ не славянскаго корня...

Нельзя допустить, чтобы подобныя нелѣпости могли произойти отъ невѣжества, потому что изъ всѣхъ мѣстъ, приводимыхъ здѣсь, видно, что

---

confondre dans une même origine *Slave* les Russo—Moscovites avec les Polonais. Les uns sont de race *Ouralienne*, les autres— de race Arienne. Il y a juste la même différence entre les Russo-Moscovites et les Polonais qu'entre les Arabes et les Français (R. C. 31 décembre 1860)!!

(¹) Quant au grand peuple moscovite, que gouvernait la célèbre souveraine, il ne paraît pas avoir fait obstacle à ce changement de nom et répudier volontiers le sien pour plaire à la czarine. Cathérine... contraignit même quelques savants opiniâtres à adopter ses idées sur l'origine des Moscovites. Dès lors on commença à repousser, et on repousse encore aujourd'hui, le nom de Moscovite dans un pays où ce nom exprime seul une grande nationalité, représente un passé respectable et constitue pour l'avenir un germe de progrès et de développement. On répudie un nom générique s'appliquant à une population homogène de 30 à 40 millions d'âmes, un nom illustré par ses luttes gigantesques contre les Tartares, par des héros, tels que Dimitr Wasilewitch (?) dans la guerre de l'indépendance, par des Minines, des Pozarskis, et enfin de nos jours, en 1812, par des traits d'héroïsme et d'abnégation que le font l'égal des plus fameux; on le répudie pour le remplacer par le mot *Russe*... (Ibid).

авторъ знакомъ со славянскою рѣчью. Мы выше высказали наше мнѣніе объ *урализмѣ* великоруссовъ. Выдумка — считать ихъ народомъ не славянскаго корня — возникла въ заграничной польской литературѣ лишь въ недавнее время; въ старину въ Польшѣ, не сомнѣвались въ единоплеменности Московитянъ съ Поляками и происхожденіи тѣхъ и другихъ отъ одного славянскаго корня. По крайней мѣрѣ, польскій писатель Коховскій, подъ 1658 годомъ, говоря объ универсалѣ короля Яна Казиміра на собраніе сейма, гдѣ предстояло разсуждать о соединеніи Польши съ Московіею, выражается: in quibus (Comitiis) cum eodem principe ac vicina Moschorum natione ex uno eodemque sanguine et originis Slavonici fonte nobiscum de procedente religione, idiomate, moribus, vix in paucis difformibus, in confusionem invidorum universo Slavonico nomini vicinorum perpetua pax, conjunctio ac firmum unionis foedus coalesceret instituereturque (Ann. Pol. 11, 293). Изъ этихъ словъ не заключить ли, что понятія объ этнографіи и древностяхъ славянскихъ народовъ, были гораздо правильнѣе въ XVII вѣкѣ, чѣмъ теперь? При всѣхъ распряхъ и войнахъ не доходили до такихъ дикостей, до какихъ доходятъ въ наше время!

Странно было бы здѣсь доказывать, что южно-русскій народъ — не Поляки; что присоединеніе Червоной Руси и Волыни къ Польшѣ совершилось съ кровопролитіями; что народъ южно-русскій всегда исповѣдывалъ одну вѣру съ велико-русскимъ и вовсе не стремился добровольно къ уніи, а отбивался отъ нея упорно и отчаянно; что, наконецъ, названіе Русскихъ не навязано Великороссіянамъ Екатериною II, а издревле было для нихъ народнымъ отечественнымъ прозваніемъ; что названіе Московіи, правильнѣе — Московщины, могло употребляться только по отношенію къ другимъ этнографическимъ отдѣламъ русскаго міра, а національнымъ названіемъ никогда не было; что иностранцы, называвшіе Южную Русь—Руссіей, а сѣверную—Московіей, намъ не указъ, ибо еще въ XII вѣкѣ митрополиты наши титуловались митрополитами *всея Русіи*, разумѣя подъ этимъ весь кругъ Русскихъ Земель, связанныхъ единствомъ княжескаго рода и церковнаго управленія.

Доказывать всего этого не станемъ, какъ равно и опровергать голословныхъ нелѣпостей (¹); но скажемъ польскимъ *такъ-называемымъ*

(¹) Кромѣ вышеприведенныхъ, укажемъ еще на повторяемыя авторомъ басни: что »нѣкій Лехъ, по имени Симеонъ, въ X вѣкѣ (!), положилъ начало польскимъ козакамъ, т. е. Запорожцамъ;« что »Запорожцы набирались между Поляками съ береговъ Вислы, или — что̀ выходитъ на-одно — между Русинами съ Днѣпра и Днѣстра«, и т. п. (Тамъ же, стр. 619).

патріотамъ вотъ-что: неужели вы думаете, что извращеніемъ правды можно выиграть въ какомъ бы то ни было вопросѣ? У насъ, которыхъ вы считаете тождественными съ собою, есть пословица (на своемъ, а не на вашемъ, языкѣ): *брехнéю світъ прóйдешь, та назáдъ не вéрнесся!* Если бы вы и нашли по себѣ въ Европѣ читателей, которые повѣрятъ вамъ на слово, то все-таки это обольщеніе не будетъ продолжительно. Испытавъ, что вы способны, для своихъ цѣлей, провозвѣщать умышленную неправду, Европа не станетъ вамъ вѣрить уже ни въ чемъ и вы разыграете роль пастуха въ баснѣ, который ради шутки скликалъ народъ на волковъ, когда въ самомъ дѣлѣ волковъ не было, а впослѣдствіи никого не могъ призвать себѣ на помощь, когда волки дѣйствительно напали на стадо. И чтó вы думаете выиграть, утверждая, что великорусскій народъ уральскаго происхожденія? Этимъ не выкинете его изъ Славянской семьи, откуда бы ни происходили его предки. Будутъ ли Великоруссы — ославянившіеся Уральцы, или смѣсь племенъ, или — чтó всего вѣрнѣе — Славянское племя съ примѣсью чудскаго и тюркскаго, они все-таки останутся тѣмъ, чѣмъ они теперь, т. е. Славянами, потому что говорятъ нарѣчіемъ славянскаго корня и никакъ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ, по вашимъ предположеніямъ, были въ незапамятныя времена. Или, быть можетъ, вы хотите унизить этимъ Великороссіянъ? Но однимъ такимъ побужденіемъ вы показываете крайнюю собственную односторонность и неспособность — выступить изъ тѣсной національной исключительности въ кругъ болѣе широкихъ, возвышенныхъ, общечеловѣческихъ понятій. Какъ отдѣльнаго человѣка нельзя унизить происхожденіемъ, такъ и цѣлаго народа. — Вопросъ о томъ, какую связь имѣетъ великорусская народность съ уральскимъ племенемъ и какія стихіи вошли въ нее изъ послѣдняго, долженъ разсматриваться совершенно отдѣльно отъ всякихъ вашихъ предразсудочныхъ воззрѣній, ибо онъ не имѣетъ къ нимъ отношенія.... Доказывать, что Великороссіяне должны называть себя не Русскими, а Московитянами, на томъ основаніи, что вамъ такъ хочется, все равно, что требовать, чтобъ Итальянцы называли себя Влохами, потому что на польскомъ языкѣ они такъ называются, или если бы Французы начали домогаться, чтобъ Нѣмцы себя называли Аллеманами. Мы просимъ васъ — представьте намъ доказательства, что великороссійскій народъ не называлъ себя Русскими, а Московитянами, и что Екатерина II принудила его принять новое имя. Любопытно было бы выслушать такія доказательства. Но, къ сожалѣнію, мы напередъ увѣрены, что у васъ не найдется такого смѣльчака: подобныя поло-

женія легко писать изъ собственной фантазіи, а фактически доказать нечѣмъ. —

Провозгласивъ тождество польскаго и южнорускаго народа, будетъ уже послѣдовательно — дать Богдану Залѣсскому значеніе Украинскаго поэта и увѣрять, что его читаетъ и любитъ народъ русскій. На самомъ дѣлѣ—не то. Богданъ Залѣсскій есть поэтъ Поляковъ, живущихъ въ Украинѣ, читается польскимъ населеніемъ, состоящимъ почти исключительно изъ дворянства, и отнюдь не можетъ возбуждать сочуствія въ томъ, кто сохраняетъ въ душѣ своей стихіи южнорусской народности, взлелѣянной историческими воспоминаніями и тѣсной связью съ существующимъ поколѣніемъ народа. Его польскій патріотизмъ, который насильственно привязывается къ Украинѣ, далекъ отъ того, чтобъ возбудить симпатію южнорусса; напротивъ, онъ дѣлается для него несносенъ именно тѣмъ, что обличаетъ намѣреніе провести затаенную мысль, — внушая увѣренность въ томъ, что бѣлое — черно, а черное — бѣло! Мы не отрицаемъ поэтическаго таланта Богдана Залѣсскаго, хотя вообще нельзя не признать, что онъ больше щеголяетъ блестящею фразеологіей и яркостью красокъ, чѣмъ глубиною мысли, теплотою чувства и внутреннимъ изяществомъ склада своихъ образовъ, но ужь никакъ не можемъ видѣть въ немъ сколько-нибудь украинскаго народнаго поэта. Онъ любитъ украинскую природу, живописуетъ ее подробно, но рѣдко удается ему стать на точку созерцанія, присущаго Южноруссу; онъ любитъ народныя пѣсни, подражаетъ имъ, нерѣдко цѣликомъ переводитъ ихъ, но не продолжаетъ ихъ бытія своимъ творчествомъ, что можно сказать о Шевченкѣ, у котораго рѣдко (только въ слабѣйшихъ произведеніяхъ) можно найти повтореніе взятаго изъ запаса народной поэзіи, или что-нибудь написанное, какъ говорится, въ народномъ тонѣ; но у котораго лучшія стихотворенія таковы, что народъ, развивая свое творчество въ поэтическихъ созданіяхъ далѣе, могъ бы творить только такъ, какъ Шевченко.

У Залѣсскаго нѣтъ ничего подобнаго. Весьма немногіе изъ южноруссовъ знаютъ его, и не только не считаютъ его народнымъ поэтомъ, но даже такимъ, который бы возбуждалъ къ себѣ сочувствіе любовью къ украинской народности. Его знаютъ только тѣ, кто знакомъ съ польскою литературою, и знаютъ какъ польскаго поэта, чуждаго намъ, и болѣе чуждаго, чѣмъ, напримѣръ, Мицкевичъ. Послѣдній,—великій творецъ и художникъ,—касаясь бѣлорусской народности, близкой и родственной съ южнорусскою, въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ несравненно спо-

собнѣе Залѣсскаго напомнить южнорусскому сердцу его жизнь и возбудить въ немъ сочувствіе. Да и вообще польская народность имѣетъ съ южнорусскою большое сходство; польская поэзія можетъ отозваться родственно душѣ Южнорусса, но ужь никакъ не съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ заходятъ Поляки. Стараніе представить въ свѣтломъ видѣ такія историческія воспоминанія, какъ напримѣръ Унія, которыя Южноруссамъ ненавистны отъ предковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прельщать ихъ идеаломъ отдѣльнаго, въ соединеніи съ Поляками, государства, — такіе пріемы поведутъ единственно къ тому, что древняя несчастная непріязнь наша къ Полякамъ будетъ находить себѣ пищу, — чего мы отнюдь не хотимъ и не хотѣли. Для насъ ничего не можетъ быть желаннѣе изгнанія изъ сердца старинныхъ печальныхъ воспоминаній, утвержденія братской любви и духовнаго согласія съ Поляками; но пусть же они возлюбятъ и *уразумѣютъ* историческую *истину*: только *истина* содѣлаетъ ихъ *свободными*, — свободными отъ всякихъ искуственныхъ передѣлокъ и поддѣлокъ историческихъ событій: отъ оправданія Уніи, отъ восхваленія былого господства своихъ началъ надъ нашимъ народомъ и отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически въ междоусобіяхъ земель и князей, не разложилось оно духовно подъ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, — не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ *гуляй-городи́нъ*. Исторія, очевидно, ведетъ къ сближенію, къ сознательному сродству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ Исторіи, противъ того — Исторія. Противъ такого рожна трудно прати.

Н. Костомаровъ.

14 января, 1861 г.

НЕСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ ВЫСТАВКИ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Нельзя не порадоваться, что художники *начали* обращаться къ *народной* жизни, которая болѣе знакома и болѣе близка, какъ имъ самимъ, такъ и публикѣ. Душевно радуемся этому пробужденію: тутъ пахнетъ весной, обновленіемъ! Молодая жизнь, могучая, полная силы, мало-помалу вытѣсняетъ безплодное устарѣлое начало. — Или жизнь нашего художества только отголосокъ западнаго? Перевороты, совершившіеся въ художествѣ, быть можетъ, отозвались у насъ только эхомъ, дошли до насъ едва волнующимися кругами?

Такъ долго бывъ разъединено съ жизнію, оторвано отъ нея, художество начинаетъ сознавать свое болѣзненное состояніе и современныя требованія; оно прислушивается къ біенію общественнаго сердца, сочувствуетъ жизни, начинаетъ сплавляться въ одно тѣло съ обществомъ. Плоды такого направленія должны быть самые благодѣтельные. Сливаясь съ жизнію народа, художество получитъ отъ него силу; слово художества станетъ живымъ для каждаго. Таланты, въ свою очередь, будутъ вдохновлять и поддерживать народную жизнь, напоминая народу высокія и прекрасныя явленія его духа. Были у насъ и прежде произведенія, взятыя изъ жизни, но ихъ было та́къ мало, и они появлялись та́къ рѣдко, что, вслѣдъ за появленіемъ, забывались совершенно, подавляемыя страшною массой Плутоновъ, Кентавровъ и прочими, нелѣпыми, колосальными, произведеніями. — Ка́къже не радоваться, что живой интересъ вытѣсняетъ мертвечину, что искусство дѣлается выраженіемъ жизни? Какъ не радоваться, что и Академія, наконецъ, даетъ

право существовать подобнымъ произведеніямъ, и уже не клеймитъ ихъ презрѣніемъ, — хотя все еще не рѣшается сравнять въ правахъ съ живописью »исторической?« Что́ за названіе! что́ за преимущество этимъ мертвымъ произведеніямъ, этому ошибочному направленію? Будто изображеніе близкой намъ, дѣйствительной жизни не требуетъ рисунка тоньше и серьёзнѣе? Будто презрѣнная, обыденная жизнь не составляетъ всего, не есть *исторія*, и будто исторія не была и не есть обыденная жизнь? Будто можно быть художникомъ исторіи народа, не зная его быта, его нравовъ, не изучивъ его пѣсенъ, понятій, желаній, словомъ — его обыденной жизни? Эта обыденная жизнь есть слѣдствіе прошедшаго, — она источникъ и сила будущаго.

Эта жизнь въ художествѣ, начавшаяся такъ скромно, такъ убого, съ Венеціанова, со Штернберга, излилась желчью у Федотова — и затихла. Но въ этой тишинѣ она не остановилась. Отъ даннаго толчка начинается направленіе и оно ростетъ годъ отъ году; камень, бывшій въ пренебреженіи, поставляется »во главу угла«.

Послѣдняя выставка представила намъ 33 сюжета изъ народной велико-русской жизни и 4 — изъ жизни южно-русской. Кромѣ того, помѣщено много рисунковъ изъ народной жизни въ повременныхъ изданіяхъ. Правда, не всѣ они хороши, почти всѣ слабы и неинтересны; но это — *начало*, и мы радуемся тому, что художество начинаетъ сочувствовать жизни; что, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, оно даже проникаетъ въ эту жизнь и служитъ ей съ любовью, съ пониманьемъ ея святыни.

Почему, однако, и художество начинаетъ обращаться къ народу южно-русскому? Толчекъ ли это литературный, безотчетное ли влеченье, сознательная ли потребность духа?...

Общество желаетъ, требуетъ художества *народнаго;* академія хотя и съ болью въ сердцѣ, но разстается съ циклопами, вызываетъ молодежъ на сюжеты изъ народной жизни; и вотъ художники, почти неприготовленные къ этому, пишутъ, съ одинаковымъ равнодушіемъ, *народъ*, какъ писали Вулкана, Цирцею, портреты и иконы. Горе въ томъ, что молодежью еще движетъ не собственное сознанье, не любовь или влеченье, а чинъ, званіе, медаль, деньги! — Слѣдствіе этого то́, что публика, подходя къ картинѣ съ біеніемъ сердца, отходитъ отъ нея равнодушная, или (еще хуже) выноситъ каррикатурное впечатлѣніе о жизни народа; болѣе-жъ робкіе заглушаютъ свое пробудившееся негодованіе несчастнымъ сознаніемъ своей мнимой ошибки, отказываясь отъ собственнаго впечатлѣнія, и покоряясь приговору Академіи,

какъ высшей инстанціи. Хотѣлось бы ихъ ободрить, убѣдить ихъ — не заглушать движеній своей души, но развивать его, сберегать впечатлѣнія, столь часто нѣжныя и вѣрныя, плодъ простой, наивной жизни. Чистосердечный взглядъ, личное непосредственное чувство, для насъ дороже и выше приговора академическаго, извѣстнаго намъ уже заранѣе,— какъ итогъ извѣстнаго образа мыслей.

Требованія академій образовались — 300 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ не развивались, не сдѣлали шагу впередъ, и потому, конечно, не согласуются съ современными требованіями. Приговоръ »академій« однообразенъ, и не только не есть приговоръ непогрѣшимый, но, напротивъ, часто служитъ *похвалою*. Ссылаемся на здравый смыслъ, на исторію *всѣхъ* академій и на біографіи знаменитыхъ художниковъ. Всѣ »*академисты*« составляютъ одну формулу, — личности ихъ сгладились и не имѣютъ никакого разумнаго значенія въ исторіи художества.

Академіи, отчужденныя отъ движенія жизни, могутъ помогать развитію художества развѣ отрицательно. Замкнутость мертвитъ ихъ; правила ихъ годны только для бездарности.

Итакъ, пусть каждый разбираетъ самъ, и высказываетъ свои требованія; только тогда мы будемъ ближе и ближе къ правдѣ.

Недавнія измѣненія прежняго порядка, въ *нашей* академіи, возбуждаютъ въ насъ—не опасенія за дальнѣйшее движеніе художества въ Россіи, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а напротивъ—вѣру въ его развитіе. Академія сближается съ современными вопросами въ художествѣ, съ потребностью жизни, заявляетъ готовность идти впередъ.

Произведенія художества заключаютъ въ себѣ свою словесность: художники давно разрѣшаютъ вопросъ за вопросомъ въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ; они живутъ кипучею жизнью міра; а академіи отстали отъ жизни со дня своего рожденія. Начало сознанья въ безполезности прежняго направленія, въ потребности обновленья, едва-ли не принадлежитъ *нашей* Академіи, ибо она уже бросаетъ свой педантическій взглядъ; ея желѣзная, скованная исторіей запада, форма — треснула; она отказывается— самоувѣренно отливать молодежь въ приготовленную форму; она не хочетъ болѣе посягать на уничтоженіе личностей, и ежели предоставитъ вполнѣ свободное развитіе художникамъ, служа для нихъ только опорой и помощью, то совершитъ подвигъ, окажетъ дѣйствительную заслугу.

Разрывъ теперешней академіи съ прежнимъ направленіемъ есть ея перерожденіе, — лишь бы она, сдѣлавъ шагъ впередъ, не остановилась и вновь не стала вѣрить въ свою непогрѣшимость и въ свое совершенство,

какъ вѣрила до послѣдняго времени. Слѣдствіе прежняго застоя и самоувѣренности мы видимъ въ грустномъ результатѣ, въ полномъ къ ней равнодушіи и даже насмѣшкахъ надъ нею. Безполезность и вредъ подобнаго существованія очевидны. Что́ произвела Академія, кромѣ несчастнаго однообразія? Гдѣ тѣ люди, о которыхъ она говорила нерѣдко съ такими рукоплесканіями, — на которыхъ возлагала столько надеждъ?! Имена ихъ забыты; они гибли, уносимые потокомъ жизни. Ихъ программы, какъ могильныя доски, говорятъ только о быломъ существованіи. Обновленная Академія, безъ сомнѣнія, не успокоится на томъ, что измѣнила уставъ. Этого недостаточно! Создавайте вновь, имѣя въ виду одну цѣль —развитіе художества, и ничего другаго. Не стѣсняйте себя никакими узкими рамами, никакими ложно-понятыми патріотическими чувствами....

Нѣкоторые спрашиваютъ, не помѣшаетъ ли *жизненное* направленіе искусства совершенству *рисунка*, знанію анатоміи? Не поглотитъ ли развитіе духа — формы? — Нѣтъ. Чѣмъ могуче духъ, тѣмъ совершеннѣйшей онъ требуетъ формы. Потребность развитой и осмысленной формы заставитъ художника усилить занятія; онъ непремѣнно станетъ писать и рисовать съ натуры, а это дастъ ему знаніе, слѣдовательно и *умѣнье*— ясно, скоро и вѣрно высказывать свою мысль. Пусть только этюды будутъ для него не цѣлью занятій, а средствомъ къ выраженію мысли и чувства. Это азбука для художественнаго творчества. Чѣмъ болѣе художникъ будетъ работать изъ жизни, тѣмъ болѣе онъ пойметъ необходимость этого ученья, тѣмъ сильнѣе и разумнѣе станетъ изучать природу, и уже не слѣпо, не только вѣря на́-слово, но чувствуя полную необходимость этого знанія; онъ будетъ вести черту, класть краску, изучать свѣтъ, сочинять, давая себѣ полный, сознательный отчетъ. Тогда онъ убѣдится, что въ художествѣ важно не »*что́*«, а »*ка́къ*«: въ этомъ и сила художественнаго произведенія. Ко́нечно, соединенье того и другаго лучше, но это уже вѣнецъ художества. Возьмите мысль какую угодно, — но если вы не съумѣете ее выразить, не находите соотвѣтственныхъ ей словъ — никто васъ слушать не станетъ. Мало ли у кого въ сердцѣ есть и разсказъ, и мотивъ, и картина? Но воплотить ихъ можетъ только художникъ. Художникъ не только чувствуетъ, но и *передаетъ* чувствуемое, не только видитъ, но и *открываетъ* другимъ свой міръ, и открываетъ увлекательно.

Образованіе, разумъ и дарованіе художника ставятъ его произведеніе на ту, или другую ступень. Не то́ хорошо, что́ нравится большинству (хотя это и не порицанье); не то́ хорошо, на что́ »академія« наложила свой патентъ; — но то́, что́ зародившись чисто, наивно, пройдя

сквозь судъ всѣхъ слоевъ общества, черезъ взгляды самые разнородные, и разобранное съ любовью и знаніемъ дѣла, выйдетъ съ побѣдою. Только такимъ путемъ предметъ получаетъ возможно-вѣрную оцѣнку.

Мы прислушивались къ разнымъ толкамъ, къ разнымъ критическимъ разборамъ о выставкѣ, и наконецъ высказываемъ свое собственное мнѣніе, наше окончательное убѣжденіе. Подробный разборъ художественной выставки сдѣлалъ бы статью нашу слишкомъ обширною для южно-русскаго вѣстника, а потому ограничимся только тѣми произведеніями, которыя коснулись жизни Украинской.

Картину *г. Гагена* — »*Ярмарка въ Малороссіи*« мы цѣнимъ за то́, что въ ней *наружный видъ* народа переданъ вѣрно; но картина крайне слаба живописью и рисункомъ.

Желательно, чтобы художники опредѣляли предметъ своей картины, заимствованной изъ жизни, не только *названіемъ* предмета, но и обозначеніемъ, со всею подробностью, *мѣста* дѣйствія: губерніи, уѣзда, мѣстечка, села или хутора. Это принесетъ пользу намъ и потомству, а самого художника заставитъ внимательнѣе изучать и работать, и не дозволитъ ему безразлично мѣшать разные оттѣнки въ мѣстной жизни, физіономіи и характерѣ людей и природы. Отъ этого характерная сторона картины будетъ сильнѣе. Подобное требованіе не стѣснитъ художника, но покажетъ степень его изученія. — Одежда, манера, утварь, все сложилось историческимъ путемъ, все это есть необходимое проявленіе жизни. Кто понимаетъ край, народъ, тотъ дорожитъ каждой чертой его, составляющей характеристическую его особенность. Изображая мѣстную сцену, художникъ изображаетъ намъ мѣстный *портретъ*, а достоинство портрета состоитъ въ психологическомъ пониманьи изображаемаго лица, въ нераздѣльности наружнаго вида съ внутреннимъ содержаніемъ.

Г. Пржецлавскій изобразилъ намъ »*Лирника, играющаго въ хатѣ*«. Сцена эта вся *составная*. Кажется, что художникъ никогда не былъ на Украинѣ, потому что въ картинѣ его — отсутствіе правды и наблюденія. Предметъ его картины или вычитанъ, или выслушанъ. Картина только тогда хороша, когда она плодъ дѣльнаго изученія, любви, полнаго душевнаго восторга, а не намекъ на *что́-то*, самому намекающему неизвѣстное и непонятное. Эту картину, какъ и всѣ ей подобныя произведенія, мы считаемъ *вредною*, — потому что она портитъ вкусъ публики и даетъ ей ложное понятіе о предметѣ, — и лишенною значенія, потому что въ ней нѣтъ сознанья художника.

Г. Трутовскій написалъ »*Свадьбу*«. Это кажется лучшее его произведеніе. Каррикатура, къ которой, по замѣчанію многихъ, такъ склоненъ г. Трутовскій, здѣсь чище, — сюжетъ сглаживаетъ ее.

Мы любимъ народъ и высоко цѣнимъ его за все, что́ онъ вытерпѣлъ и что́ сохранилъ въ себѣ и въ жизни; поэтому легкая каррикатура на народъ намъ кажется неумѣстною. Не имѣя права требовать отъ художника то́ или другое, и давая значеніе всякому убѣжденію, лишь-бы оно было искренно и основано на дѣйствительномъ наблюденіи,—мы не можемъ любить, а тѣмъ болѣе уважать поверхностный взглядъ, легкомысленный отзывъ. Намъ бы хотѣлось видѣть и каррикатуру, но каррикатуру осмѣивающую желчно, горячо, или же наивно и добродушно,—*осмѣивающую*, а не унижающую, уродующую. Полюбивъ народъ, поймите, что́ въ немъ достойно насмѣшки, и тогда смѣйтесь искренно, и душой и рукой. Такая насмѣшка — не шутка, и даетъ художнику почетное мѣсто въ развитіи народной жизни. *Смѣхъ* отъ всего сердца — художественъ; *смѣхъ легкомысленный* — непріятенъ. Смѣйтесь не тогда, когда вы едва вспомнили, едва поняли сцену, а когда она вырываетъ смѣхъ; тогда, конечно, и сцена вами сознана глубоко. Жизнь человѣка такъ многострадальна, что въ минуты его упадка легкій смѣхъ оскорбителенъ. Произведенія г. Трутовскаго мы считаемъ слишкомъ бѣдными по внутреннему содержанію. Кто наблюдалъ жизнь народа глубоко, кто свое сердце положилъ въ его жизнь, тотъ дѣтски и слегка надъ нимъ смѣяться не будетъ, какъ въ картинѣ г. Трутовскаго — »*Салазки*«. —

Бываетъ смѣхъ, которому нельзя не сочувствовать; — онъ происходитъ отъ чрезмѣрной любви къ народу, отъ негодованья къ упадку, и тогда онъ разражается сарказмами; это смѣхъ съ горя, съ болью въ сердцѣ. Такъ иногда народъ самъ смѣется надъ собой и тогда смѣхъ раздираетъ душу, тогда смѣхъ обращается въ драму, а не похожъ на забавныя китайскія тѣни, смѣшныя только по уродливости—и то́ лишь для дѣтей.— Не надо много дарованія, не надо много изученія, чтобъ дѣлать »*около того*«, и едва затрогивать. Сотни людей могутъ сдѣлать »около того«, но только одинъ изъ нихъ сдѣлаетъ *то́*. Заслуга дарованія пріобрѣтается изученіемъ, глубокимъ, безпредѣльнымъ изученіемъ; все легкое и »*около того*« забывается. Такая участь постигнетъ и работы г. Трутовскаго. Его »*салазки*«, »*чумаки*«, »*лірники*«, »*бандуристы*«, всѣ эти картины и рисунки, которыхъ онъ надѣлалъ пудами, все останется скоро позади и забудется. Карандашъ его боекъ, но эта бойкость, эти штрихи и пятна — безъ содержанія, а часто и безъ основанія. Это непріятная болтовня, фразы,

которыя отжили свой вѣкъ и уже вмѣняются художнику въ порокъ. Будьте скупы на черту, но пусть она трогаетъ за живое. Цѣнится не количество труда, не скорость работы и не намекъ на поэзію, какъ у г. Трутовскаго въ »*Ночномъ свиданьи чумака*«, — а самое дѣло, самая поэзія, полная и безграничная. Въ этомъ рисункѣ — церковь — мало видна, малозначуща, мало-интересна; *хлопчикъ*—не малороссъ. Въ *ночномъ свиданіи* — мало разговора; это — воспоминанье, едва коснувшееся души, и уже исчезнувшее. *Голова чумака* хороша, но все таки не доведена до конца; *волы* — не интересны, лишены характера, — роль ихъ не прочувствована; *обозъ* —безъ малѣйшей поэзіи и искусства, а все вмѣстѣ — легкій, талантливый, вѣтренный рисунокъ. Гдѣ-жъ эти могучія чумацкія *вáлки*, гдѣ эти безпредѣльныя, какъ степь, пѣсни?... Все утеряно! А чтó это за мальчикъ въ крапивѣ? чтó за баклага, ярмо, пуга? — Все затронуто, но занимательность всего утеряна... Пожалуй, вы скажете, что это виньетка, — пусть такъ; но развѣ это даетъ право играть талантомъ, шутить съ обществомъ, вмѣсто серьезной бесѣды, и безъ уваженья обращаться съ народомъ? Вспомните виньетки *Прюдона* (Prudhon), за которыя его такъ уважаютъ и которыми теперь, послѣ многихъ лѣтъ его смерти, такъ дорожатъ, что собираютъ ихъ въ музеи. Вспомните всегда добросовѣстный трудъ *А. Агина*, хотя бы то была виньетка, вѣнчикъ на мертвеца, или ярлыкъ на штофъ. Крайность заставляла того и другаго приниматься за подобныя работы, но нищета не заѣла ихъ любви къ искусству и уваженья къ себѣ. Чтó заставило г. Трутовскаго сдѣлать эту виньетку? Кто? Не самъ ли онъ ее выбралъ? Когда идея коснется души, нечего торопиться высказывать ее, но прежде всего должно полюбить ее, прослѣдить до основанія, и тогда, одушевленная нашей собственной жизнью, осмысленная разумнымъ разборомъ, она явится передъ нами здоровая и прекрасная....

Въ »Художественномъ Листкѣ«, есть еще два рисунка г. Трутовскаго: »*лірникъ*« и »*бандуристъ*«. Эти рисунки сдѣланы единственно для того, чтобъ показать различіе между лирой и бандурой. Художникъ сдѣлалъ бы лучше, нарисовавъ только лиру, безъ никого, и бандуру одну, безъ никого. Тутъ фигуры приклеены. Такъ ученики этюдныхъ классовъ, написавъ съ натуры женщину, придѣлываютъ ей змія, и выходитъ Клеопатра; придѣлаютъ къ лежащему натурщику мечь — выходитъ умирающій гладіаторъ; набросаютъ стрѣлъ — и вотъ св. Севастьянъ; надѣнутъ терновый вѣнокъ на натурщика, растопырятъ ему руки, — и готово распятіе! Такъ и у г. Трутовскаго, котораго мы обвиняемъ еще разъ:

въ легкомъ обращеніи съ художествомъ, въ неуваженіи къ нему, къ сюжету, къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ берется изображать, наконецъ — къ самому себѣ. Указываемъ, для примѣра, на покойнаго *П. А. Федотова*. Онъ дѣлалъ рисунки только чертой, безъ тѣней; не увлекался штрихами и сочными пятнами, а старался въ чертѣ добиться психологическаго смысла. Онъ дѣлалъ фигуру 10 и 20 разъ, и его черта становилась все болѣе и болѣе умна, болѣе сознательна. Такъ онъ продолжалъ до полнаго, отчетливаго обладанія избранной имъ личностью, ворочалъ ее съ любовью во всѣ стороны, мѣнялъ ея движенія и выраженія, и постоянно сохранялъ тотъ же характеръ. Стихи его были продолженіемъ того-же рисунка. Вотъ-гдѣ сила и достоинство Федотова! Своими тремя-четырьмя картинами онъ основалъ школу, положилъ новый камень въ зданіи русскаго художества, и сдѣлалъ все это не владѣя чарами красокъ. Краски его непріятны, но несмотря на это, сила черты его и глубоко понятый смыслъ предмета влекли къ нему толпы зрителей. Сила—въ любви, въ изученіи, въ сознательной работѣ, а не въ легкихъ набросахъ, хотя-бъ это были возы. Произведенія Марка Вовчка, Шевченка, сильны не объемомъ, а глубиною. Это — жизнь, страданія народа, вылившіяся ихъ устами; тамъ, что ни стихъ, что ни слово, то любовь, плодъ изученья и глубокаго искренняго сочувствія. Вы дѣлаете рисунки и картины изъ народной жизни, — начните-же съ живой любви къ народу, да не словами, а всѣмъ, что въ васъ живетъ; плачьте, смѣйтесь, смѣйтесь надъ его судьбой, какъ Федотовъ смѣялся надъ своей; но чтобы такъ живо любить народъ, — надо его изучать, узнать; — тогда только произведенія ваши будутъ вѣрны и прекрасны.

Я не скажу, какъ нѣкоторые, что у г. Трутовскаго есть наклонность видѣть все каррикатурно. Вѣрнѣе, что у него работаетъ — одна рука; самъ же онъ еще не понялъ себя, еще не рылся въ себѣ и не прислушивался къ внутреннему своему голосу. Вотъ то грустное заключеніе, къ которому мы невольно приходимъ, всматриваясь въ его произведенія.

Я спрашиваю себя — правъ ли я, разразившись надъ художникомъ такою скорбью?.. Но говоря о его работахъ, я вспомнилъ все имъ рисованное прежде, и считаю себя по совѣсти правымъ.

Перейдемъ къ картинамъ *И. И. Соколова*. Въ нихъ мы видимъ добросовѣстный трудъ, поэзію и изученіе. Къ сожалѣнью, мы многаго изъ прежнихъ работъ г. Соколова не видали, и потому ограничимся сужденіемъ только о тѣхъ, которыя намъ извѣстны.

Въ картинахъ И. И. Соколова, одежда всегда вѣрна; типы часто правдивы не только наружно, но и внутренно. Видно, что художникъ съ любовью вникалъ въ жизнь народа, желая овладѣть ею. Прежнія его рисунки и картины бывали довольно безхарактерны, — хотя всегда въ нихъ явно было желаніе вникнуть въ характеръ;—нынѣшнія же его произведенія имѣютъ не только отпечатокъ правды, но и глубокій смыслъ и чувство. Прежде жизнь народа въ представленіяхъ художника бродила безотчетно; онъ какъ-будто не могъ свести концевъ, добиться ея смысла, понималъ ее не глубоко. Но вотъ она складывается въ цѣлое и опредѣленное, — и является уже созданіемъ художественнымъ.

Лучшимъ произведеніемъ г. Соколова на нынѣшней выставкѣ были »*Проводы рекрутовъ*«. Душевно радуемся этому произведенію, которое ставитъ художника на значительное мѣсто. Мысль родилась у художника съ чувствомъ. Самое явленіе такъ сильно потрясло его душу, что грусть и скорбь перешли на полотно, сохранивъ свою силу на столько, что проникаютъ и въ наше сердце.

Разберемъ это прекрасное и отрадное произведеніе, полное чувства и достоинства, идя шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ художникомъ, и отдавая себѣ полный отчетъ въ ощущеніяхъ. Начавъ съ похвалы, сойдемъ и на недостатки.

Въ этой картинѣ все — отъ *пуги*, рогожи, кожуха и шапокъ, до положеній, лошадокъ и хатъ, — все проникнуто впечатлѣніемъ художника, любовью и мѣстной вѣрностью. Вотъ причина, отчего картина нравится каждому. Но вполнѣ ли удовлетворяетъ насъ эта картина? Какъ этнографическая вѣрность — да; какъ чувство и смыслъ — да; но какъ разрѣшеніе задачи, какъ живопись — нѣтъ. Мы находимъ, что художникъ увлекся *каждой* фигурой, *каждою* личностью *отдѣльно*, и тѣмъ ослабилъ силу общаго впечатлѣнія. Эту же самую мысль, съ тѣмъ же самимъ пейзажемъ, съ тѣми же личностями, можно было высказать еще сильнѣе, добиться впечатлѣнія болѣе полнаго. — Что касается красокъ, то онѣ насъ вовсе не чаруютъ и не заставляютъ углубляться въ предметъ. Мятель слабо передана, снѣгъ не интересенъ: — они едва напоминаютъ природу, — въ нихъ нѣтъ поэзіи.

Въ картинѣ могло бы быть больше единства, сосредоточенности; въ ней нѣтъ фокуса, она разорвана, и оттого часть впечатлѣнія потеряна. Въ чемъ же состоитъ ея разорванность? Сани ѣдутъ отъ зрителей въ глубь картины, а женскія фигуры идутъ вдоль рамы. Эти двѣ линіи разрываютъ вниманіе, разъединяютъ его, а не сводятъ его въ

одинъ центръ. Еслибы женскія фигуры шли отъ зрителя туда же, въ глубь, за санями, и менѣе рисовались передъ глазами, — картина выиграла бы очень много. Видно, что художнику жаль было скрыть то, что онъ прослѣдилъ съ такою любовью, — и тутъ-то заговорилъ уже не самый предметъ, а *я*, т. е. личность художника. Нѣкоторые объясняютъ себѣ это разъединеніе линій холмомъ, поворотомъ; но художникъ — хозяинъ картины, и можетъ сочинить какъ ему угодно:— уничтожить холмъ, когда онъ лишній, и поставить — если онъ нуженъ. *Бабуся*-мать, въ этой картинѣ, нравится намъ чрезвычайно. Она подмѣчена тонко, вѣрно, съ большимъ чувствомъ. Художникъ увлекся ея значеніемъ и выразилъ его прекрасно, но этимъ опять отвлекъ вниманіе отъ центра дѣйствія. Словомъ, выраженіе этой старушки споритъ съ выраженіемъ одного изъ рекрутъ. Сотскій, удаляющійся *въ тонахъ* ногами, близокъ кафтаномъ, и тѣмъ мѣшаетъ глазу. Притомъ и онъ идетъ — какъ и двѣ женщины — въ профиль. *Погоничъ* лѣпится тонами къ рекруту. Лошади удалены недостаточно, тогда-какъ мятель должна бы еще болѣе смягчить и удалить ихъ.

Что́ касается до выраженій, то лучшее у *па́робка*, подпершаго рукою голову; оно глубоко, трогательно, вѣрно и поэтично. Но... мнѣ кажется — оно могло бы быть еще сильнѣе и ужаснѣе. Другой, глядящій на *молодицю*, и сама молодиця насъ не удовлетворяютъ. Задуманы оба хорошо, но оба выполнены нѣсколько *гримасно*, и это — отъ слабости рисунка и грубости красокъ. Выраженіе молодиці намъ кажется слабѣйшимъ мѣстомъ въ картинѣ.

Попробуемъ теперь устранить женскія фигуры; пусть ихъ провожанье кончилось. Начинающаяся мятель зноситъ путниковъ; они смотрятъ вдаль, оторванные отъ всего роднаго. Вожатый идетъ за санями, пожалуй... И вотъ — новая картина, еще безотраднѣе, еще суровѣе. Тутъ негдѣ отдохнуть: ни плачущей матери, ни молодиці!...

Попробуемъ посадить въ сани и мать и молодицю съ ребенкомъ. Неужели онѣ будутъ все идти, идти въ даль и даль, — пока могутъ?!. Или онѣ отстанутъ, проводя еще не много?.. Едва ли! — Будетъ ли молодиця также заливаться слезами уже въ степи, на морозѣ, въ мятель, въ снѣгу́ и сугробахъ? Не замретъ ли ея отчаянье, не окоченѣетъ ли лицо и не отупѣетъ ли чувство?.. И, навѣрное, она не оставитъ ребенка открытымъ. Она голоситъ, плачетъ, убивается, держитъ дитя на одной рукѣ, а все другою закрываетъ, — сердце ея чувствуетъ!. не сядетъ ли

она къ милому?... И вотъ опять новая картина!... Пошли между ними разговоры, тоже съ плачемъ, тоже съ рыданіемъ...

Всѣ эти раздумья показываютъ занимательность, жизненность и достоинство картины; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это сомнѣнье и желанье еще чего-то доказываютъ — сомнѣнье самого автора, не совершенно ясное сознанье его. Неудовлетворенное желанье доказываетъ, что художникъ самъ не дошелъ до конца, до предѣла своей мысли; что въ немъ самомъ было колебаніе; съ колебаньемъ онъ писалъ, — колебанье передалось и намъ. Предположеніе и догадки суть слѣдствіе неувѣренности самого художника, разорванности чувства, — тогда какъ картина есть *одинъ* моментъ, полный и цѣльный.

За всѣми этими недостатками, повторимъ опять, картина полна достоинствъ. Своею *добротою*, любовью и грустью она влечетъ къ себѣ. Намъ остается одно: пожелать художнику, чтобъ онъ шелъ впередъ, разработывалъ себя, какъ началъ—не увлекаясь ни похвалами публики, ни похвалами академіи. Пусть *сознанная* цѣль будетъ для него всего дороже; пусть похвалы не усыпляютъ его, а года придадутъ ему только опытности; пусть самъ онъ бичуетъ себя, отдавая себя на немилосердую критику, уходя изъ кружка своихъ поклонниковъ, которые покроютъ его какъ тиной. Смотрите на все съ полнымъ разборомъ и смиреніемъ учащагося, а не съ нахальствомъ профессора, *тыкающаго мѣломъ въ картину, или чертящаго ногтемъ по рисунку*.

Неминуемо время, когда мы, усталые въ борьбѣ, дѣлаемся менѣе воспріимчивы, болѣе упорны, и день ото дня — деревянѣемъ. Время это приходитъ тѣмъ ранѣе, чѣмъ человѣкъ самодовольнѣе, чѣмъ не осмотрительнѣе идетъ, и чѣмъ болѣе поддается похвалѣ. Не засыпайте, шевелите и тревожьте себя; живите, боритесь, ѣздите за границу, не застанавливайте себѣ горизонта русской ширмой; ищите оцѣнки не только тутъ, въ этой горсти, гдѣ такъ легко стать идоломъ, — но добивайтесь разбора и суда надъ собой вездѣ, во всемъ просторномъ и разнородномъ художественномъ мірѣ. Сближайтесь съ художниками иностранными: они разовьютъ ваши собственныя убѣжденья и приведутъ васъ — къ постоянно новому результату; изучайте ихъ произведенія, какъ можно болѣе. Сближайтесь еще болѣе съ народомъ, и вы убѣдитесь въ той истинѣ, что *ничего еще не знаете;* но въ этомъ-то грустномъ убѣжденіи и будетъ вѣрное ручательство силы вашего художественнаго ума и развитія. Тогда вы снова начнете трудиться, все-болѣе и болѣе углубляясь въ это море мысли и истинной поэзіи.

Безъ изученія, не только Пржецлавскій не произведетъ ничего, но и К. Брюлловъ надломится, неудовлетворивъ самого себя. Внимательное изученіе предмета, умъ и добросовѣстность привели К. Брюллова къ смертному приговору надъ самимъ-собой, къ сознанью своей слабости, безхарактерности фигуръ въ его картинѣ »Осада Пскова«, и недостатка въ нихъ народнаго типа. Хотя Брюлловъ увлекался иногда идеей этой картины, хотя схватилъ въ ней сущность дѣла, — общій духъ религіознаго увлеченія того времени, — но далѣе не пошелъ, и картина осталась не конченною (1). Картины изъ жизни Римлянъ и Грековъ, — сюжеты изъ исторіи Ассиріи, изъ миѳологіи и библіи, — выполнять гораздо легче. Множество матеріаловъ разработано, а жизнь эта такъ далека отъ насъ, что провѣрить ее невозможно. Что́ ни напиши — все сойдетъ съ рукъ, все будетъ »*около того*«.

Всѣ другія произведенія И. И. Соколова далеко отстали отъ разобраннаго выше. Мы помнимъ его праздникъ *Ивана-Купала* (2), который показался намъ сценой нелишенной интереса, но какимъ-то сводомъ всѣхъ впечатлѣній, испытанныхъ во время первой поѣздки художника по краю. *Гаданіе вѣнками* задумано поэтично, двѣ изъ женскихъ фигуръ очень милы и интересны, но эта Малороссія пахнетъ Италіей. Лежащая въ лодкѣ фигура намъ кажется невозможною. Небо очень глухо, безъ эфира и поэзіи, безъ глубины, и ежели бы бѣлое пятно, вмѣсто луны, уничтожить, — картина много бы выиграла. *Пасічникъ* (3), а еще болѣе *Мать, умывающая ребенка* (4), лишены національнаго характера. *Хата съ дворикомъ* (5) была бы прелестна, если бы живопись имѣла болѣе таинственности и не была бы такъ красна, и если бы воздухъ не былъ такъ безвоздушенъ и непривлекателенъ.

Вотъ все, что́ мы знаемъ изъ работъ И. И. Соколова, касающагося южнорусской жизни.

Русское художество начинаетъ теперь свое болѣе быстрое развитіе. Потеря Брюллова приноситъ уже большу́ю пользу. Нѣтъ болѣе диктатора, нѣтъ могучаго предводителя, который давилъ своею силой и способ-

---

(1) Эта картина Брюллова, жизнь и конецъ Иванова и Гоголя, представляютъ борьбу двухъ началъ, весьма любопытную въ психическомъ отношеніи. Твореніе Гоголя сожжено, картина Иванова и Брюллова не кончены, — а какая разница въ личностяхъ!

(2) У К. Т. Солдатенкова. (3) У Ѳ. И. Прянишникова.

(4) На постоянной выставкѣ.

(5) Въ Об-ществѣ Поощренія Художниковъ.

ностью неопытную, недоразвившуюся, робкую молодежъ и осмѣивалъ ее своимъ острымъ словомъ. — Старая школа рушится; молодежъ идетъ на новую дорогу, и это движеніе есть успѣхъ. Отсутствіе диктатуры и поколебленный авторитетъ старой академіи ручаются за разнообразіе взглядовъ, за сформированіе самобытностей. Теперь художники ѣздятъ не только въ Италію, гдѣ остаются десятками лѣтъ, но живутъ и въ Мюнхенѣ, и въ Дюссельдорфѣ, и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ. Ихъ отсталыя условныя понятія терпятъ насмѣшки; строгія критики переворачиваютъ ихъ систему и приводятъ не только къ новымъ, но часто и къ совершенно-противнымъ убѣжденіямъ. Уже они перестаютъ бранить съ размаха все иноземное искусство; уже подобныя выраженія, какъ »*нѣмечина*«, »*французятина*«, не повторяются безсмысленно устами художниковъ, ищущихъ истины. Подобныя выраженія уже не смѣшны, а пошлы и жалки, роняя не націю, а тѣхъ, кто ихъ произноситъ.

Всякое убѣжденіе и всякое направленіе особой личности — не только націи — достойно изученія... а едва зарождающееся русское художество уже бранитъ результаты вѣковыхъ усилій, — вѣковое развитіе Запада?! Многимъ, вѣроятно, случалось слышать у насъ самыя *строгія* сужденія объ иноземныхъ художникахъ, на томъ основаніи, что »у насъ есть все *лучшее*«, что »все *лучшее* привозится къ намъ.« Но по какому же праву тотъ, кто не видѣлъ ничего другаго, можетъ назвать *это* лучшимъ? Основываясь на мнѣніи своихъ *старшихъ* братій? Но имѣютъ ли эти старшіе свое мнѣніе, пріобрѣтенное *изученіемъ?* Нѣтъ, мнѣнія ихъ также основаны на словахъ другихъ старшихъ, на журналахъ, фельетонахъ, словомъ — на молвѣ и успѣхѣ. Но кто же не знаетъ, что успѣхъ и молва очень часто бываютъ дѣломъ коммерческимъ? что за 200 франковъ любое имя прогремитъ разомъ въ девяти журналахъ Европы? И какую цѣну можетъ имѣть молва передъ собственнымъ убѣжденіемъ? Не ужели и въ этомъ случаѣ надо сказать по привычкѣ: »слушаю-съ?« А такимъ-то именно образомъ создались у насъ многія репутаціи и даже — *убѣжденія*. Но какія же могутъ быть убѣжденья тамъ, гдѣ нѣтъ критики и нѣтъ терпимости къ возраженіямъ? Мы только словами спрашиваемъ чужое мнѣніе, но на дѣлѣ желаемъ лишь похвалы себѣ. Мы способны слушать не критику, а докладъ; намъ пріятенъ фиміамъ, и за нимъ мы не видимъ свѣта. — Три вѣка тому назадъ создались академическія понятія; съ того времени образованіе ушло далеко и несется на парахъ еще далѣе, и чѣмъ далѣе уйдетъ образованіе, тѣмъ многостороннѣе будутъ требованія художества. Какъ же люди, не слѣдящіе за ходомъ

развитія науки и человѣка, могутъ однимъ повтореніемъ прошлаго удовлетворить жизни! Когда Европа идетъ впередъ едва ли не съ каждымъ ударомъ маятника, когда время сбрасываетъ съ пьедестала временныхъ кумировъ, мы еще кланяемся имъ; мы одни остаемся старообрядцами. Что было лучше вчера, то можетъ быть не лучшимъ сегодня. Сравнимъ понятія вѣковъ: какъ мѣнялись они одно за другимъ, какъ сходили со сцены божество за божествомъ, увлеченье за увлеченьемъ, мода за модой; какъ удалялись одинъ за другимъ законодатели искусства, оставляя за собою сказанное слово, сказанную рѣчь, а понятія складывались все шире, все просторнѣй и разнообразнѣй! Каждая изъ личностей служила однимъ колесомъ въ общей машинѣ. Одна за другой поднимались волны, одна за другой разбивались о несокрушимое время, и умолкали въ безднѣ этого моря; но ничто не тревожило и не разбудило этихъ людей: бури въ искусствѣ чужды имъ, стоятъ они далеко на покойной сушѣ и жизнь съ борьбой имъ не доступна! Художественный міръ ихъ ограничивается самымъ малымъ числомъ артистовъ. Такъ, мы до сихъ поръ не бракуемъ *Давида*, рисуемъ съ женоподобнаго *Кановы*, удивляемся мелкому *Мену*, вѣримъ въ возможность нелицемѣрнаго существованія *пуризма*, смотримъ сквозь тусклыя очки на *Каульбаха* и оттого не понимаемъ его; требуемъ отъ другихъ того, чему *насъ* учили, и не хотимъ брать то, что намъ даютъ; считаемъ *Гораса Верне* живописцемъ, благоговѣемъ передъ *Деларошемъ*, и т. д. Еще два-три художника, и вотъ весь нашъ міръ, всѣ наши свѣдѣнія. Мы сами себя отгораживаемъ китайскою стѣной, и чужой міръ для насъ потёмки, а совершенство и самостоятельность невозможны. Какъ оскорбятся, напр., многіе, если сказать, что вѣнецъ нашего художественнаго міра—Деларошъ, нравится намъ потому только, что онъ ближе къ нашимъ понятіямъ, а наконецъ и потому, что большинство изъ насъ его не знаетъ. По личному нашему убѣжденію, Деларошъ есть продолженіе академизма; онъ нѣсколько видѣлъ недостатокъ академіи, желалъ оторваться отъ нея и — не могъ; силы его были слабы; — природа не дала ему творчества. Вспомнимъ, напр., *Іоанну Грей*, съ ея чистенькими, заостренными и врозь разставленными пальчиками, съ чистенькой разостланной соломой и опущенными у всѣхъ глазами; вспомнимъ его *Лорда Страдфорта*, гдѣ такъ манерно вытянуты и такъ эфектно придуманы благословляющія изъ-за рѣшетки руки; вспомнимъ театральныхъ *Жирондистовъ*, *Снятіе со креста*, *Кромвеля*, *Моленіе о чашѣ*, *Карла*, *Марію Антоанету* и проч. и проч. изъ его произведеній.... Гдѣ въ нихъ правда, простота, сила,

наивность, поэтическое увлеченіе? Далеко ль онъ отошелъ отъ академизма и сцены? Все у него взвѣшено по-аптекарски. Деларошъ былъ актеръ и чрезвычайно хорошо понималъ условія сцены; онъ былъ окруженъ клакерами, за которыми вслѣдъ и мы хлопали. Мы лично всегда будемъ изучать Деларошa, уважаемъ и будемъ уважать его всегда за упорное домогательство добиться истины; онъ будетъ намъ служить примѣромъ глубокаго анализа и труда; но любить его мы не можемъ, — и плакать, когда хочется смѣяться, не можемъ. Честолюбіе разжигало его къ труду, онъ напрягалъ, натягивалъ всѣ свои силы, но не зналъ вдохновенія (¹).

У насъ художество едва прививается къ жизни; едва начинается связь и дружба между народомъ и художниками, едва завязывается узелъ; а тамъ, на Западѣ, они почти слились уже въ одно тѣло; тамъ художество перекипѣло, перебродило, пережило всѣ доселѣ извѣстныя направленія, всѣ школы и взгляды и дошло до сознательнаго существованія, до постояннаго, каждодневнаго новаго интереса и новаго движенія впередъ. Тамъ все затронуто и все разработывается; — у насъ художество бредетъ, едва сознавая себя, едва вѣря въ необходимость своего существованія, и живетъ подаяніемъ и милостыней.... А между тѣмъ, отупѣвши въ своей замкнутости, оно дошло до того, что провозглашаетъ себя *первенцемъ*, солнцемъ этого міра, закономъ, въ силу котораго все должно двигаться и передъ приговоромъ котораго все должно преклоняться!...

Художество идетъ съ исторіей народнаго развитія и образованія. Кичится своимъ знаніемъ одно невѣдѣніе. Гдѣ народъ безграмотенъ, гдѣ еще такъ свѣжъ въ памяти споръ о пользѣ грамоты, — тамъ художество стоять въ уровень съ Европой не можетъ. Оно не можетъ быть развито, когда еще не развитъ народъ. Таланты отдѣльно появляться могутъ, но они гибнутъ на этой почвѣ, и существованіе ихъ возможно только до извѣстнаго градуса, далѣе котораго они не поднимаются; ледяная атмосфера ихъ замораживаетъ, свинцовый небосклонъ ихъ душитъ.

Академисты наши обыкновенно восхваляютъ русское художество за рисунокъ. Но вѣдь дѣло въ томъ, что называть *рисункомъ?* Если рисунокъ есть знаніе *пропорцій*, какъ учатъ академисты, и притомъ пропорцій *условныхъ*, которыя принимались академіями за аксіому, — то въ чемъ-же тутъ достоинство? И Египтяне также, съ помощью циркуля, высѣкали статуи и сфинксовъ; — это ариометика, которой можетъ

(¹) Лучшими произведеніями его мы считаемъ: академическій фрескъ, эскизъ котораго еще лучше фреска, и эскизы изъ послѣднихъ дней жизни Христа.

выучиться всякій; это правила для орнаментщика, для неуча, чтобъ удержать его отъ бо́льшаго безобразія, — костыли для безногаго! Знаніе этихъ условныхъ правилъ не даетъ права называться рисовальщикомъ, и подобныя понятія доказываютъ совершенное непониманье рисунка. *Рисунокъ* — это тонкое поэтическое чувство и смыслъ черты; это чувство формы, жизнь въ чертѣ,—чему, конечно, ни одна въ свѣтѣ академія не выучитъ! Кто лишенъ этого чувства, тому госпитали не помогутъ! Какимъ невѣждой назоветъ того академія, кто скажетъ, что *уважаетъ Рембрандта* за *рисунокъ*; что Рембрандтъ рисовалъ *прекрасно*,—что надо *учиться сочиненію у него, да у Бетховена*.... Какая паралель открывается между этимъ взглядомъ и академическимъ? Что́ общаго?!

Сочиненія академическія тоже подведены подъ циркуль, доведены до архитектуры, до геометріи и математической выкладки. Апоѳеосъ этихъ сочиненій мы видимъ въ бездарныхъ и холодныхъ произведеніяхъ всѣхъ академистовъ; курсъ этого ученья отпечатывается почти во всѣхъ ихъ произведеніяхъ. Академическими условіями художникъ скованъ и не знаетъ свободнаго полета. Мы съ горестью видимъ тому доказательства въ талантахъ первой величины. Глядя на натуру, и съ натуры рисуя фигуры и групы, которыя такъ прелестно составились и имѣютъ въ себѣ столько смысла, — невольно приходишь къ полному опроверженію всѣхъ академическихъ условій. *Академистъ*—это какое-то искуственное произрастеніе, изуродованное и обезжизненное, въ сравненіи съ дѣйствительною жизнію.

Живопись академій подведена подъ тѣ же, легко удовлетворяющіяся правила́, и молодому художнику, проходящему академическіе классы, приходится терпѣть такія ампутаціи, что изъ него остается едва замѣтный призракъ человѣка. Прощай молодость, прощай живые порывы ума и сердца! Юноша пересоздается въ упрямаго старика, закоснѣлаго въ понятіяхъ, нетерпящаго возраженій, восхваляющаго мѣсто, гдѣ выслужился, превозносящаго только себя и свой департаментъ, котораго членомъ онъ уже сдѣлался! Гдѣ ему уразумѣть западный міръ и ему сочувствовать! Тамъ его не признаютъ, — тамъ такая неурядица, отсутствіе дисциплины, ломка; тамъ тысячи художниковъ идутъ каждый своей дорогой, каждый съ своимъ собственнымъ взглядомъ!!... Потому-то западный міръ и представляется ему неразумною толпою; — и дѣйствительно, трудно сойтись полюсамъ... Академисты называютъ европейскихъ художниковъ шарлатанами....

К. Брюлловъ превознесъ Калама, — и всѣ сняли шапки, всѣ поклонились Каламу и чуть не молятся на него; ѣдутъ къ нему учиться и не признаютъ *никого выше Калама*. Все, что не Каламъ, то худо; и Боже избави сказать, что *Каламъ сухъ!*—За то Е. Делакроа, Густ. Дорре—даже не художники,—въ нихъ нѣтъ ничего, что *мы* привыкли уважать; они не выполняютъ никакихъ академическихъ требованій, для которыхъ *мы* пожертвовали всѣмъ, и до которыхъ дошли искалѣченные! Для *насъ* Тройонъ, Барри, Добиньи, Эберъ не имѣютъ никакой цѣны,— они *не кончаютъ!* Что же называется *окончаніемъ?*.. Сознаемся лучше, что мы просто неспособны понимать ихъ; — они *живутъ* жизнью, а мы *существуемъ* рутиной!

Несостоятельность наша въ критикѣ видна постоянно. Намъ нужны авторитеты, за которыми мы готовы говорить что угодно, не разсуждая; но самимъ намъ, и до сихъ поръ еще »*какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть?!*«

Явился К. Брюлловъ, и все предъ нимъ преклонилось; всѣ, казалось, *судили*, — потому что повторяли сужденія Брюллова. Умеръ К. Брюлловъ, — умерла и голова. Явился Ивановъ, и общество смутилось, не зная — что сказать. Взглядъ Иванова на художество совсѣмъ противуположенъ *нашему*, — хвалить ли, бранить ли его?... Все это происходитъ отъ незрѣлости, отъ малочисленности, отъ невѣрности во взглядѣ! Дайте картину Иванова въ Европу, — десятки тысячъ оглядятъ ее, и оглядятъ съ толкомъ, сознательно, самобытно, и скажутъ свое слово, не потому, что другіе *такъ* сказали, не ради повторенія эхомъ приговора другихъ,—а потому, что у каждаго есть свой идеалъ въ головѣ; и вотъ — картинѣ отведено въ сферѣ искусства, принадлежащее ей мѣсто, и молодежъ ясно поняла современный взглядъ. У насъ же критика въ рукахъ Академіи.

Академіи, давая циркульный рисунокъ, циркульную композицію, *циркулярныя* краски, не дали въ міръ художества ни рисунка, ни сочиненія, ни красокъ.

Выводъ и доказательство всего сказаннаго—на *нашей выставкѣ*. За неразвитостью рисунка, за отсутствіемъ внутренняго содержанія, за грубостью красокъ, и наконецъ — вслѣдствіе условныхъ правилъ, господствующихъ въ нашемъ художествѣ, выставка скучна, утомительна; душа страдаетъ, едва отдыхая минутами; боль въ глазахъ до сверленія! Этихъ желтыхъ и красныхъ красокъ, какъ ножемъ обрѣзанныхъ безвоздушныхъ контуръ — забыть нѣтъ силъ!...

Какъ неуловимъ тонкій художественный рисунокъ, такъ неуловима и *живопись*. *Цѣльность* красокъ не есть художественная живопись; присутствіе ихъ въ картинѣ показываетъ такое же непониманіе живописи, какъ признаніе математическихъ вычисленій размѣровъ тѣла за рисунокъ. *Живопись* есть *отсутствіе* красокъ. Гдѣ *видны* краски, тамъ не художественная живопись; та́къ росписанная картина не многимъ лучше китайскаго раскрашиванья, а часто и хуже, потому что лишена его наивности. Картина можетъ быть написана вѣрно, даже очень вѣрно, можетъ напоминать собою натуру, — но это еще не будетъ художественность. Что же такое живопись?... Объяснить это трудно, не указавъ на двѣ различнаго достоинства картины; и кто, при такомъ сравненіи, не пойметъ разрѣшенія вопроса, тому объяснить это почти невозможно. Тамъ только живопись, гдѣ художникъ употребляетъ краску, какъ средство высказать прелесть тоновъ; гдѣ онъ чаруетъ васъ и овладѣваетъ вами, такъ-что вы вполнѣ находитесь подъ вліяніемъ гармоніи его красокъ. Тогда только художникъ постигъ живопись, когда вы заняты его работой, всматриваетесь и не налюбуетесь, и не понимаете, ка́къ все это сдѣлано; когда онъ своими тонами не бьетъ васъ по глазамъ, не стучитъ отрывисто и глухо какъ полѣномъ, а издаетъ звукъ музыкально, восхищаетъ васъ и услаждаетъ; когда вы видите въ краскахъ переливы тоновъ, то тихіе и пріятные, то сильные и могучіе; когда вы сто разъ видѣли картину и вновь жаждете ея впечатлѣнія, еще разъ хотите поддаться ея обаянію, еще разъ хотите вдыхать въ себя услажденіе ею, снова пытаетесь понять умѣнье и силу художника, но увы — не можете! То не живопись, когда вы, подойдя къ картинѣ, наклоните голову на одинъ бокъ, наклоните на другой, и скажете: »посмотри-ка, вѣдь это мокро, вода!« и пойдете далѣе; а то живопись, когда вы смотрите и не насмотритесь, и чѣмъ болѣе вглядываетесь въ краски, чѣмъ глубже хотите въ нихъ проникнуть, тѣмъ безпредѣльнѣе чувствуете ихъ силу и отраду глядѣть; и цѣлый міръ, полный очарованія, представляется вамъ.... Въ какомъ нибудь камнѣ художникъ открываемъ вамъ цѣлую жизнь, для васъ до того невѣдомую.... Что вамъ натура! тамъ этого нѣтъ! И откуда взялъ онъ эту прелесть? какимъ духомъ увидѣлъ то, чего вы никогда не видали?!... Что васъ влечетъ къ такой картинѣ? Сюжетъ? Его нѣтъ.

Живопись — важнѣйшій отдѣлъ картины. Кто силенъ чертой, — тотъ можетъ выражать свою мысль рисункомъ, картономъ; кто силенъ свѣтомъ — пиши однотонныя картины; но оба эти художника еще не будутъ

живописцами. Взявъ въ руки краски, должно изливать ими свое чувство къ цвѣту, какъ чертой передаютъ чувство формы; надо добиваться красками до волшебнаго впечатлѣнія и передать поэзію, прелесть цвѣтовъ, — а не удовлетворяться *раскраскою*, или приблизительно-вѣрными тонами. Намъ нужна не вѣрность, — да никто до нея и не дойдетъ: всякій видитъ по-своему. Намъ нравятся Рафаэль и Микель-Анджело развѣ потому, что они изображали *вѣрно*? Они видѣли натуру совершенно различно; — это-то въ нихъ и нравится, это-то въ нихъ мы и изучаемъ. Дагерротипъ представляетъ предметъ гораздо *вѣрнѣе*, нежели величайшій художникъ, но мы не ставимъ его выше художника. Мы цѣнимъ *взглядъ* художника, какъ плодъ его изученья, какъ впечатлѣніе, которое онъ чувствуетъ, глядя на натуру. Зачѣмъ-же академія преслѣдуетъ развитіе личнаго направленія и подводитъ всѣхъ подъ форму?...

Пройдя по заламъ Академіи Художествъ, невольно удивляешься несоотвѣтственности этого зданія своему назначенію — содѣйствовать развитію искусства. Оно живо напоминаетъ то отдаленное время, когда думали о фасадахъ и не думали о внутреннемъ устройствѣ, т. е. думали о фразахъ, о внѣшности, а не о содержаніи. Во всемъ зданіи темно; во всей академіи, а слѣдовательно, и во всей русской имперіи — *нѣтъ мастерскихъ!* (¹) Для занятій гравера, архитектора, — свѣта достаточно; но возможно ли заниматься тамъ живописцу, у котораго вся работа, все развитіе основаны на свѣтѣ? Какой успѣхъ можетъ сдѣлать живопись съ этими щелями, вмѣсто оконъ? Для чего, напримѣръ, Академія развела садъ? не полезнѣе ли было улучшить залы и сдѣлать мастерскія? Въ Академіи каждый аршинъ принадлежитъ мысли, каждый аршинъ долженъ приносить пользу художественному развитію. Если въ лучшихъ климатахъ дѣлаютъ для художническихъ работъ большія окна, то здѣсь, въ пасмурномъ и сѣромъ Питерѣ, гдѣ дни безъ свѣта цѣлыми мѣсяцами, — надо дѣлать окна вдвое, втрое болѣе. Отъ этого обезображивающаго свѣта все теряетъ свою силу, и хорошее уравнивается съ дурнымъ. На выставкѣ мы Ахенбаха не узнали. Чтобы сколько нибудь оцѣнить вещь, надо забѣгать со всѣхъ сторонъ, вглядываться, измучиться, и все-таки уйдете, вынеся смутное заключеніе. Какое безцеремонное обращеніе съ работой, какое равнодушіе! Публика предъявляетъ свои требованія относительно художниковъ: почему же ху-

---

(¹) Виноватъ, они есть: *три въ Академіи*, три частныхъ, въ Петербургѣ и одна — подъ Черниговомъ; но что значитъ это число для такой огромной Имперіи?

дожники, въ свою очередь, не имѣютъ права ожидать отъ академіи способовъ къ своему развитію?

Жалкая жизнь художника здѣсь! Жизнь другихъ людей обставляется удобствами, доходящими часто до роскоши, до утомительнаго избытка, а жизнь художника—совсѣмъ другая! Не говорю о вѣчныхъ нуждахъ, о вѣчной борьбѣ съ собою; не говорю о голодающей и зябнущей семьѣ — все это художникъ переноситъ героически, но его заѣдаетъ квартира. Отсутствіе свѣта его уничтожаетъ. Художникъ лишенъ свѣта, безъ котораго нѣтъ ему развитія, — на которомъ основано все существованіе живописи, — по этихъ требованій никто и слушать не хочетъ.... Кончается тѣмъ, что художникъ, смятый судьбой, мало по малу теряетъ потребность развитія, мирится съ своимъ положеніемъ, подавляетъ день ото дня свои порывы, и превращаетъ художество въ ремесло, для добыванія насущнаго хлѣба. Да! когда жизнь другихъ убирается въ комфортъ и роскошь, художникъ, какъ нищій, лишенъ самыхъ необходимыхъ условій жизни и тупѣетъ отъ безчеловѣчнаго помѣщенья.

Прибавимъ еще, что болѣе половины выставки надо было бы выкинуть: тогда удовольствія и простора было бы болѣе, усталости менѣе, и наконецъ, было бы мѣсто устроить сидѣнья. Какая цѣль — выставлять безобразіе? Выставка есть художественная бесѣда, а часто и урокъ публикѣ: зачѣмъ же засорять и безъ того жалкую выставку? Принимать всего нельзя; это вредитъ хорошимъ произведеніямъ.

Во время послѣдней французской республики задано было на конкурсъ—изобразить республику. Участвовать могли всѣ, и къ выставкѣ набрались тысячи проэктовъ. Бездарная масса своими дюжинными произведеніями поглотила, утопила въ себѣ даровитое меньшинство. Всѣ ходили смотрѣть лишь на каррикатурныя произведенія, чтобы посмѣяться; они-то и заняли все вниманіе публики. Что́ жъ за цѣль угощать пошлыми вывѣсками и усиленными попытками бездарности произвесть *что-то?!*

Хотѣлось бы поговорить еще о первыхъ впечатлѣніяхъ русскихъ художниковъ за границей и о житьѣ ихъ тамъ; но статья наша и такъ вышла длинна, а потому поспѣшимъ кончить желаніемъ, чтобы развитіе народной живописи усилилось, но не изъ моды, а изъ дѣйствительной потребности, чтобы русскіе художники имѣли въ себѣ менѣе увѣренности и самохвальства, и чтобы дожить намъ до того, когда не мы сами, а и Европа признаетъ въ насъ новый, высказывающійся элементъ, новый залогъ для

дальнѣйшаго развитія человѣчества, и найдетъ въ насъ новую силу для общечеловѣческой жизни.

Но прежде чѣмъ окончу статью, я позволю себѣ спросить академію: гдѣ картоны, сдѣланные для Исакіевскаго собора?? Носятся слухи, будто картонъ А. Т. Маркова »*Встрѣча Іосифа съ Іаковомъ*« — изрѣзанъ неизвѣстно кѣмъ. Мы видѣли долгое время картонъ этотъ на одной изъ глухихъ академическихъ лѣстницъ. Еще разсказываютъ, будто колоссальные картоны К. Брюлова пропали какъ булавки? Мы не вѣрили, чтобъ Академія Художествъ, разсадникъ и распространитель искуства, допустила это, и надѣемся, что вслѣдъ за нашими строками недоразумѣнье публики успокоится тѣмъ, что картоны явятся, изящно оправленныя подъ зеркальныя стекла, въ залахъ академіи. Можетъ ли быть наконецъ, чтобы картоны Ѳ. А. Бруни терлись, мялись и валялись въ свертках? Все это, вѣроятно, клевета недоброжелателей Академіи, точно такъ же какъ и то, будто »Осада Пскова« валялась въ сверткѣ не одинъ годъ, и что ее не съѣли мыши — только благодаря каменнымъ поламъ академіи.

Левъ Жемчужниковъ.

ХАРАКТЕРЪ И ЗАДАЧА УКРАИНСКОЙ КРИТИКИ.

> Несовершенство труда извинительно; но нѣтъ оправданій для лѣности и равнодушія къ благороднымъ, важнымъ интересамъ и вопросамъ, — равнодушія, происходящаго или отъ невѣжества, или отъ корыстнаго разсчета, или отъ того и другаго вмѣстѣ.
>
> *Бѣлинскій.*

Въ наше время поставкою повѣстей въ журналы занято очень много грамотнаго народу, но на повѣсть, равно какъ и на другія произведенія беллетристики, большинство читателей смотритъ какъ-то слегка. Автору охотно прощаютъ у насъ не только поверхностное знаніе того міра явленій, изъ котораго взята повѣсть, но иногда — и недостатокъ здраваго смысла. Тѣ же самые читатели строго осудятъ подобные недостатки въ историкѣ, естествоиспытателѣ, философѣ. Мнѣ кажется, что это съ ихъ стороны несправедливо и легкомысленно. Вѣдь и повѣствователь, и историкъ, и естествоиспытатель, и философъ взялись изобразить, каждый по-своему, жизнь въ ея истинѣ, а не обманчивый видъ жизни. Какое же право имѣютъ читатели строго порицать ихъ, въ случаѣ недостатка у нихъ фактической точности или вѣрныхъ соображеній, и въ то же время снисходить къ тѣмъ же самымъ недостаткамъ живописцевъ семейной и общественной жизни въ повѣсти, романѣ, поэмѣ и прочая? Вѣдь, осуждая ученаго, не изза чего другого мы хлопочемъ, какъ изза того, чтобы предохранить общество отъ обмана. Почему же мы равнодушны къ обману, въ который вводятъ общество плохіе писатели, на счетъ изображаемыхъ ими явленій жизни? Слѣдствія фальшивыхъ понятій по предметамъ исторіи, естествознанія, философіи никакъ не вреднѣе для успѣховъ общественнаго развитія, какъ и слѣдствія извращеннаго взгляда на окружающую насъ повседневность, на отношенія людей между собою, на общій характеръ народа, и прочая, и прочая. И если тамъ, въ порицаніяхъ нашихъ, мы управляемся сознаніемъ долга честныхъ людей, гражданъ своего отечества, членовъ своего общества, то и здѣсь тѣ же самыя по-

бужденія должны внушить намъ строго-разборчивую критику. Вникнемъ, какая цѣль у каждаго общественнаго дѣятеля, къ какому бы разряду работающихъ умовъ ни принадлежалъ онъ. Сдѣлать что-то еще не сдѣланное, то есть такое, въ чемъ чувствуется потребность со стороны общества. Вотъ прямая и законная цѣль каждаго работающаго ума. Какъ же поступаетъ общество съ тѣми, кто возьмется сдѣлать еще не сдѣланное, да и кончитъ ничѣмъ? Оно ихъ осмѣиваетъ. А съ тѣми, кто не только ничего не прибавитъ къ общественному достоянію, да еще напутаетъ, перепортитъ матеріалы и затруднитъ работу истиннымъ общественнымъ дѣятелямъ? Оно ихъ строго обвиняетъ. Скажите же: не достойны ли осмѣянья и упрековъ тѣ писатели, которые своими затѣями говорятъ: »Господа, вамъ не все еще извѣстно, положимъ, объ украинской жизни; мы вамъ покажемъ, посредствомъ повѣсти, украинскую жизнь съ новой стороны«, — и не только этого не исполняютъ, напротивъ, затемняютъ и то, что въ ней было ясно, какъ день? Тутъ обвинять надобно не ту критику, которая вооружена всею строгостью истины, а ту, которая смотритъ сквозь пальцы на подобныя продѣлки, выдаетъ людей безполезныхъ за приносящихъ пользу и самихъ ихъ держитъ въ убивающемъ духъ самообольщеніи.

Но, можетъ быть, скажутъ мнѣ, что для критики не по силамъ трудъ — гоняться за всякою фальшью въ искусствѣ и разоблачать недобросовѣстность литературной работы относительно прилежнаго изученія изображаемой жизни разоблачать поддѣльность вдохновенія и фальшивую художественность образовъ. На это я отвѣчу, что и въ области научной умственной дѣятельности многое множество нелѣпостей оставляетъ критика безъ вниманія, и только на тѣхъ обрушивается всею грозою своего суда, кто выдвинулся впредъ и обратилъ на себя вниманіе значительной массы людей, жаждущихъ знанія. Такъ она должна поступать и въ области художественныхъ изображеній жизни. Пусть себѣ несутъ вздоръ люди, которыхъ никто или почти никто не слушаетъ. Можетъ быть, они и сами, поумнѣвъ съ теченіемъ времени, познаютъ тщету празднаго суесловія и, позабывъ свои высокія претензіи, смиренно и добросовѣстно примутся за обыкновенный, но необходимый трудъ, который не подвинется безъ дружныхъ усилій множества имъ подобныхъ. Такихъ достаточно вразумляетъ уже одно равнодушіе къ нимъ читающаго общества. Но эти господа, которые пренебрегаютъ трудомъ каменьщика, чтобы быть архитекторами эфемерныхъ зданій, — которые увѣрили толпу, что они что-то дѣлаютъ, тогда какъ они не прибавляютъ къ

массѣ сдѣланнаго другими ровно ничего, — этихъ критика должна преслѣдовать со всей неумолимостію истины.

Но здѣсь предстоитъ вопросъ: слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной, только что начинающейся, или же она должна ограничиваться указаніемъ на хорошее, предоставляя публикѣ самой замѣчать и порицать дурное?

Мнѣ кажется, что намъ надобно обратить вниманіе на особенность положенія нашей украинской литературы, вмѣсто того, чтобы прилагать къ ней правило потворства со стороны критики. Литература наша началась недавно — правда, но у нея передъ глазами литература столѣтняя, тѣсно съ нею связанная, и не далеко еще то время, когда въ этой столѣтней литературѣ, за пару удачныхъ стиховъ, производили въ поэты людей, глубоко прозаическихъ. Что́ же изъ того вышло? Прибавилось только русской критикѣ хлопотъ — развѣнчивать несправедливо увѣнчанныхъ, но русское слово, русская мысль ничего не выиграли; напротивъ, они запутались въ такія сѣти, которыя и въ наше время прорываютъ немногіе. Независимо отъ этого примѣра, рожденіе нашей литературы (разумѣется, не въ лицѣ Котляревскаго и его послѣдователей) совпадаетъ съ временемъ, когда общество отъ каждаго творенія ума человѣческаго начало́ настоятельно требовать несомнѣнно полезнаго приложенія его къ общему дѣлу жизни и когда многіе задумались надъ вопросомъ: какую именно пользу должны принести обществу высоко развитое слово и высоко облагороженная мысль? Мы знаемъ, кто поощрялъ, кто покровительствовалъ и кто сдѣлалъ своимъ орудіемъ великорусскую литературу во времена ея неразумной юности. Литература украинская родилась посреди иныхъ нянекъ; ее хранили, во времена сомнительности ея бытія, иные люди; она послужила и должна служить инымъ цѣлямъ. Она — созданіе не небольшого кружка, устроившаго себѣ изящную жизнь посреди толпы, для которой осталось только подчиняться его вкусу, его понятіямъ и самой его жизни: она — голосъ подобной толпы, но которая не признаётъ своими образцами просвѣщенныхъ людей, вращающихся внѣ ея жизненныхъ потребностей, а напротивъ, увлекаетъ въ свою здоровую среду самыхъ развитыхъ дѣятелей просвѣщенія, со всею ихъ ученостью, со всѣмъ блескомъ ихъ артистической образованности. Всѣ эти люди, при всѣхъ личныхъ преимуществахъ передъ единицами своего простонародья, чувствуютъ и сознаютъ умомъ, что сила народнаго духа не въ ихъ ученыхъ и эстетическихъ кружкахъ, а именно въ этой массѣ, изъ которой каждая отдѣльно взятая личность почти безразлично

незначительна, но въ общности со множествомъ другихъ, себѣ подобныхъ, хранитъ законы литературнаго вкуса и народнаго смысла для самыхъ развитыхъ и самостоятельныхъ представителей нашей народности. Такъ какъ наши украинскіе поэты никогда не выходили изъ большого круга въ маленькій, никогда не творили для немногихъ и всегда, во время творчества, воображали вокругъ себя такъ сказать вѣче народное (отъ чего происходятъ и временная ограниченность сферы ихъ творчества, и самобытная сила его); то произведенія ихъ должно почитать не игрушками удаленнаго отъ житейскихъ треволненій кружка, а созданіями духа народнаго. Народъ же ничего не созидаетъ безъ практическаго, жизненнаго смысла. Народъ, въ произведеніяхъ поэзіи, сознательно и инстинктивно ищетъ удовлетворенія своихъ насущныхъ маральныхъ потребностей. Народъ можетъ построить, съ большими издержками, храмъ, дорогу, мостъ и общественное гульбище, но никогда не затѣетъ курьезной бесѣдки, стоющей милліона. Такъ и въ жизни чисто духовной никогда его великая и строгая мысль не займется игрушкою, ни къ чему не нужною массѣ и удовлетворяющею причудливому вкусу только немногихъ, а тѣмъ болѣе— игрушкою, передразнивающею дѣло серьёзное, или подражающею непримѣнимой у него чужеземщинѣ. Такимъ образомъ каждое созданіе литературы нашей, какъ литературы, по преимуществу и почти исключительно народной, должно служить прежде всего на пользу нашего моральнаго существованія, отъ котораго находится въ совершенной зависимости существованіе матеріальное. Въ противномъ случаѣ, это будетъ сочиненіе самозванно-украинское и, какъ таковое, неизбѣжно подвергнется молчаливому осужденію громады, которая останется къ нему равнодушна, и громкому осужденію критики, стоящей на сторожѣ чистаго вкуса народнаго и здороваго народнаго смысла. Послѣ этого вопросъ: »слѣдуетъ ли критикѣ употреблять всю свою разборчивость въ литературѣ юной?« разрѣшается самъ собою. Если на беллетристику смотрѣть, какъ на услажденіе праздныхъ досуговъ человѣка, гоняющагося только за пріятными ощущеніями; то конечно взыскательная критика многихъ смутитъ и остановитъ въ ихъ ревностномъ служеніи чужой забавѣ. Но когда писатель выступаетъ передъ свѣжее, развивающееся общество людей настойчиво добивающихся отъ писателя духовной пищи, удовлетворяющей народному вкусу, тутъ критику не кстати дремать въ покойныхъ креслахъ и съ просонковъ покрикивать: *браво, браво!* Онъ обязанъ воображать себя трибуномъ народнымъ: онъ долженъ постоянно содержать въ душѣ своей моральныя нужды своего народа и руководствоваться его понятi-

ями о самомъ себѣ, выработавшимися его жизнію и выражающимися въ его быту, въ его обычаяхъ, въ его изустной словесности. Какой же снисходительности можетъ ожидать отъ подобной критики псевдо-поэтъ, извращающій въ своихъ произведеніяхъ бытъ народный и противорѣчащій обычаямъ народнымъ, расторгающій связь, которая существуетъ и должна существовать между печатнымъ нашимъ словомъ и словомъ народнымъ изустнымъ? Снисходительность въ этомъ случаѣ будетъ лукавствомъ передъ своей грамáдою, у которой критикъ служитъ докладчикомъ. Какъ фальшивый историкъ, такъ и фальшивый жрецъ беллетристики должны быть изобличены во имя общей пользы, во имя успѣховъ самопознанія, во имя стремленья къ лучшей будущности народа. Иначе— всё будутъ у насъ игрушки да игрушки, и никогда не выйдетъ наше общество изъ того легкомысленнаго дѣтскаго возраста, въ какомъ оно было во времена Котляревскаго. Задачею нашей украинской литературы должно быть строгое соотвѣтствіе ея созданій духу народному и его серьёзному, жизненному, а не какому-то псевдо-народному, прихотливому, взгляду на вещи. Задачею нашей украинской критики должна быть строгая повѣрка литературныхъ созданій эстетическимъ чувствомъ и воспитаннымъ въ изученіи своей народности умомъ. Лишь только мы уклонимся отъ этой задачи, лишь только пренебрежемъ въ своей критикѣ общія основанія эстетики, приложенной къ новѣйшему народоизученію,— мы сдѣлаемся обманщиками собственнаго народа и самозванными его дѣятелями; литература наша возсядетъ опять на подражательномъ парнасѣ, какъ во времена псевдо-украинскихъ виршъ кіевскихъ академистовъ (только ужъ въ новой, парижской или петербургской одеждѣ), и народъ нашъ по-прежнему начнетъ искать отъ насъ убѣжища въ своей безграмотности, которая спасла его отъ духовныхъ академій и семинарій.

Прибавлю еще нѣсколько словъ къ общимъ моимъ замѣчаніямъ. Такъ какъ я упомянулъ о серьёзныхъ требованіяхъ нашего народнаго духа, то читатель, невникнувшій хорошенько въ мои слова, можетъ сказать мнѣ, что я этимъ самымъ исключаю изъ украинской литературы легкую идиллію, элегію, шутку, и что я представляю себѣ народъ нашъ суровымъ мудрецомъ, который ищетъ въ жизни одной положительно опредѣленной пользы. Отвѣчаю заблаговременно, что *серьёзное* въ созданіяхъ фантазіи не одно только то, чтó разумѣется подъ этимъ словомъ въ философскомъ трактатѣ, или въ обычномъ ходѣ житейскихъ дѣлъ. Лишь только мы признали за своимъ народомъ имя поэта, то должны предполагать въ немъ полное разнообразіе способности принимать впечатлѣнія отъ внѣщ-

няго міра и претворять ихъ въ собственную моральную сущность. Тотъ же народъ, который задумается глубоко надъ стихами:

Обідрана, сиротóю
По-надъ Дніпрóмъ плáче, —

тотъ же самый народъ увлечется и противоположными, по душевному строю, стихами, какъ увлекается дѣтскими играми, или надеждами на счастье, соединяющимися въ нашей душѣ съ любовью. Было бы странно воображать его сознающимъ, въ подобномъ увлеченьи, такую мысль: »это мнѣ полезно, это ведетъ меня къ тому-то и охраняетъ отъ того-то.« Не его дѣло, какъ развивающейся инстинктивно массы, работать въ мірѣ отвлеченныхъ идей: это дѣло его литературныхъ органовъ. Они-то, не переставая идти въ рядахъ своего народа, должны объяснять наиболѣе развитой его части внутренній процессъ эстетическихъ впечатлѣній и вліянье ихъ на здоровье и возрастаніе духа народнаго, — для того, чтобы предохранить всѣхъ и каждаго отъ нарушенія своей народности въ литературѣ. Строгое соблюденіе ея во всѣхъ безъ различія беллетрическихъ произведеніяхъ полезно потому, что народъ, котораго достояніемъ должны дѣлаться эти произведенія, сознаётъ, посредствомъ нихъ, свое украинское *я*, и слѣдовательно крѣпнетъ въ своей народности, и слѣдовательно дѣлается въ своей массѣ солидарнѣе, и слѣдовательно могущественнѣе противустоитъ всякому разлагающему вліянію другой народности. Вотъ оно, благотворное, жизненное дѣйствіе легкихъ произведеній лирики и комизма, въ которыхъ можетъ не быть и намека на моральную идею, и въ этомъ отношеніи Шевченко, въ своей элегіи: *Пá що мині чóрні бróви*, такой же великій дѣятель, какъ и въ своей поэмѣ: *Катерина*. И тамъ, и здѣсь онъ заставляетъ сердце Украинца сознавать себя украинскимъ, а не какимъ либо сердцемъ, а между тѣмъ заслуги его, какъ автора, различны въ обѣихъ пьесахъ.

Вотъ нѣсколько мыслей, возникшихъ у меня въ умѣ по прочтеніи кой-чего писаннаго по-украински и кой-чего, выдаваемаго за украинскую критику. Считаю не безполезнымъ заявить ихъ въ общихъ выраженіяхъ, для тѣхъ изъ нашихъ земляковъ, которые изображаютъ жизнь украинскую художественнымъ способомъ, и для тѣхъ, которые берутся созерцать ее въ литературѣ способомъ философскимъ. Отъ души буду радъ, если мои напоминанія предохранятъ на будущее время нашихъ литературныхъ дѣятелей отъ погрѣшностей, которыя уже ими сдѣланы, но которыя бросаются въ глаза не каждому.

П. Кулишъ.

1 февраля 1861. С. Петербургъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

I.

Въ прочтенной уже и оцѣненной по достоинству статьѣ П. А. Кулиша о Котляревскомъ (1-я книжка »Основы«), читатели не могли не замѣтить отсутствія жизнеописательныхъ подробностей. Хотя цѣлью автора было представить обзоръ литературной дѣятельности писателя, касаясь его жизни на-столько, на-сколько это необходимо для уразумѣнія содержанія и направленія поэтическихъ его произведеній; но жизнь Котляревскаго такъ полна и знаменательна, что зная ее поверхностно, нельзя вѣрно объяснить многія проявленія его общественной дѣятельности, и легко впасть въ заблужденіе при оцѣнкѣ его личности, какъ человѣка и гражданина. Благодаря свѣдѣніямъ, собраннымъ и намъ сообщеннымъ А. В. Терещенкомъ, мы имѣемъ возможность — дополнить статью П. А. Кулиша многими данными изъ жизни Котляревскаго, яснѣе обрисовывающими эту истинно-почтенную личность прошлаго времени.

Предки Ивана Петровича Котляревскаго были природные малороссы. Отецъ его служилъ въ Полтавскомъ городовомъ магистратѣ канцеляристомъ; дѣдъ его былъ діакономъ успенской соборной церкви въ Полтавѣ (1). Въ бумагахъ Ивана Петровича сохранилось свидѣтельство уѣзднаго предводителя дворянства, 1793 года, о томъ, что онъ состоитъ въ числѣ дворянъ Полтавскаго уѣзда.

На высокой горѣ, за успенскимъ соборомъ, вблизи бывшихъ крѣпостныхъ окоповъ, стоитъ дубовый деревянный домикъ, уже (въ 1858 г.) полуразвалившійся. На сволокѣ этого домика вырѣзаны церковными буквами слова: »Создася домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,

(1) Сѣв. Пчел., 1839 г. № 146.

1705 року 30 августа«. Съ этой горы открываются живописные виды: на-право — сады, разбросанные по извилистой крутизнѣ, на-лѣво — луга́ и рощи, между которыми тихо течетъ рѣчка Ворскла, воспѣтая самимъ Котляревскимъ и народомъ:

Течé річка невели́чка —
Вóрскломъ називáють;
Про ту річку невели́чку
Старці й діти знáють.

Берега Ворсклы усажены бѣлыми хатами; за рѣчкою зеленѣютъ дубовые лѣса; вдали разсыпаны пески, а на горизонтѣ синѣетъ густой боръ. Въ этомъ домикѣ жилъ отецъ Котляревскаго, и родился, 29 августа 1769 года, извѣстный украинскій поэтъ.

Родители Котляревскаго были весьма недостаточнаго состоянія. Нерѣдко приходилось ему довольствоваться однимъ кускомъ хлѣба и ходить босикомъ; но живой и веселый нравъ помогали ему переносить домашнюю нужду. Съ дѣтскихъ лѣтъ проявилась въ немъ охота къ чтенію и усидчивость въ занятіяхъ. Его отдали (¹) учиться въ Полтавскую семинарію, гдѣ онъ окончилъ ученіе съ успѣхомъ. Еще на семинарской скамьѣ, онъ писалъ стихи и, за искусство подбирать рифмы, прозванъ былъ *рифмачемъ*. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе (²), но онъ избралъ поприще свѣтское. Сначала Котляревскій находился, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ, при дѣтяхъ учителемъ, и какъ страстный любитель родного языка, народныхъ обычаевъ и преданій, собиралъ этнографическія свѣдѣнія и писалъ Украинскія стихи. Нерѣдко онъ приходилъ переодѣтымъ на народныя гулянья, игры и вечерницы, и здѣсь-то изучалъ народную жизнь, которую потомъ такъ искусно представилъ, съ комической стороны, въ *Энеидѣ*.

Хорошія познанія въ польскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, умѣнье владѣть перомъ и свѣтлый умъ, казалось, могли бы скоро доставить ему успѣхъ въ службѣ, но, безъ покровителей, онъ попалъ лишь въ штатъ бывшей Новороссійской канцеляріи, въ іюлѣ 1779 г. (³).

(¹) Когда именно — неизвѣстно.

(²) Въ Малороссіи весьма часто поступали въ духовное званіе и дворяне, нерѣдко владѣвшіе и большими имѣніями. И теперь есть лица изъ бѣлаго духовенства, которыя владѣютъ населенными имѣніями, на помѣщичьемъ правѣ.

(³) Въ надгробной надписи сказано, что онъ родился въ 1769 г. августа 29; значитъ вступилъ на службу 10 лѣтъ! Или онъ только былъ въ нее записанъ, по обычаю того времени, или же ошибочно показанъ въ послужномъ спискѣ годъ вступленія его на службу? *А. В. Т.*

Здѣсь, черезъ годъ, его произвели въ подканцеляристы (1780 г.), потомъ въ канцеляристы (1782 г.), и наконецъ въ губернскіе регистраторы (1783 г.). Въ 1796 году, онъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ кадетомъ въ сѣверскій карабинерный полкъ (бывшій впослѣдствіи конно-егерскимъ); въ томъ же году произведенъ въ аудиторы; 1798 г. переименованъ въ прапорщики, въ февралѣ — въ поручики и въ 1806 г. — въ штабсъ-капитаны.

Изъ бумагъ Котляревскаго видно, что онъ былъ адъютантомъ генералъ-отъ-кавалеріи барона Мейендорфа, который командовалъ 2-мъ корпусомъ, дѣйствовавшимъ противу Турокъ. Въ 1806 г., онъ былъ избранъ, какъ отличный и рѣшительный офицеръ, для склоненія Буджацкихъ Татаръ къ содѣйствію видамъ правительства. Во время переговоровъ, жизнь его подвергалась опасности, то отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, то отъ покушенія нѣкоторыхъ татаръ зарѣзать его. Онъ успѣлъ однако успокоить взволновавшуюся орду, уговорилъ ее быть преданною Россіи и привелъ въ свой станъ аманатовъ. За это дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., при присланномъ ему рескриптѣ Императора Александра I-го (1).

По вступленіи войскъ въ предѣлы Бессарабіи и Молдавіи (24 ноября 1806 г.), Котляревскій находился при взятіи крѣпости Бендеръ. Въ 1807 г. онъ былъ переведенъ въ Псковскій драгунскій полкъ и отличился въ сраженіяхъ съ Турками, особенно при крѣпости Измаилѣ; но походы разстроили его здоровье и онъ вышелъ въ 1808 г., въ отставку съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Причиною выхода его изъ военной службы могло быть также назначеніе барона Мейендорфа въ Финляндію, хотя Мейендорфъ преимущественно рекомендовалъ его Михельсону (заступившему мѣсто Мейендорфа и дѣйствовавшему съ большимъ успѣхомъ противу Турокъ).

Мейендорфъ любилъ Котляревскаго; онъ отличалъ его особенною своею довѣренностію за умъ и предпріимчивость и поручилъ ему вести журналъ военныхъ дѣйствій; извѣстенъ лишь отрывокъ этого журнала, съ 15 ноября по 16 декаря 1806 года.

Колú козáкъ въ пóлі, тодí вінъ на вóлі, говаривалъ Котляревскій (2); но сдѣлавшись вольнымъ, онъ призадумался — и было отчего: ему нечѣмъ было жить. Онъ отправился искать себѣ мѣста въ Петербур-

---

(1) Буджацкіе Татары кочевали тогда на правомъ берегу р. Днѣстра, по сѣверо-западной сторонѣ Чернаго моря до устья р. Дуная. *А. В. Т.*

(2) Эти слова его помѣщены и въ Наталкѣ-Полтавкѣ (рукоп).

гѣ. Здѣсь онъ долго толкался по переднимъ *у сильныхъ міра*, просилъ, но просилъ напрасно. Хотя Энеида была издана еще въ 1798 г., но не много помогла поэту: на него смотрѣли какъ на всякаго бѣдняка безъ помощи и протекціи. Не разъ приходилось ему сидѣть голоднымъ, спать въ сырой, холодной комнатѣ. Къ горю для его любознательности, онъ часто былъ лишенъ отрады — *читать*; когда наступали утомительно-длинныя осеннія ночи, онъ даже не имѣлъ возможности постоянно держать у себя свѣчи: зажжетъ, бывало, часа на два, а потомъ потушитъ, и всю ночь проведетъ въ разсужденіяхъ о слѣпомъ и непостоянномъ счастьи, которое онъ сравнивалъ съ женщиной: *оцé жінóцька натýра — щáстя!* Быть можетъ, въ эту пору жизни, онъ написалъ стихи про *Долю*:

Безъ рóзуму лю́де въ свíті живýть гáрно,
А зъ рóзумомъ та въ недóлі вікъ прохóдить мáрно.
Ой дóле людськáя, чомъ ти не правди́ва?
Що до и́ншихъ дýже грéчна (¹), а до насъ спісúва (²).

Бѣдный, онъ не разъ страдалъ отъ нужды и холода. Одѣтый въ фризовую шинель, служившую ему также и постелью и одѣяломъ, онъ дрожалъ подъ нею отъ стужи; но надежда на лучшее будущее и крѣпкое сложеніе поддерживали его. Котляревскій былъ средняго роста, плечистъ и силенъ; волоса имѣлъ черные, глаза тоже черные, исполненные огня и ума; лицо бѣлое, продолговатое, изрытое оспою, доброе и очень пріятное; на губахъ его часто бродила насмѣшливая улыбка (³).

Не видя конца своимъ похожденіямъ по барскимъ пріемнымъ, Котляревскій сильно затосковалъ по родинѣ, подобно многимъ нашимъ землякамъ, искавшимъ неуловимаго счастья въ Петербургѣ.

Послѣ продолжительныхъ исканій, Котляревскому наконецъ удалось, въ іюнѣ 1810 г., получить должность надзирателя Полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Этимъ онъ былъ обязанъ одному изъ незначительныхъ лицъ, принявшему въ немъ искреннее участіе (⁴).

(¹) Вѣжлива, угодлива.

(²) Изъ Наталки-Полтавки.

(³) В. Пассекъ (см. Москвитянинъ 1841 г. ч. 2, № 3, с. 567). видѣлъ Котляревскаго въ 1837 г., за годъ до его смерти; въ это время онъ былъ худощавъ и сѣдъ.

(⁴) Въ Сѣверной Пчелѣ 1839 г. и Ж. М-ва Нар. Просв. того же года ч. XXIV, отд. IV, стр. 167, сказано, что малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Я. Н. Лобановъ-Ростовскій пригласилъ его въ гражданскую службу и далъ ему мѣсто надзирателя. Но онъ не зналъ лично Котляревскаго, за котораго просили князя; впослѣдствіи же, узнавъ его способности, цѣнилъ ихъ. *А. В. Т.*

Мѣсто, само по себѣ не важное, ни по росписи должностей, ни по содержанію (около 300 р. асс. въ годъ), было ему по сердцу. Онъ хотѣлъ жить и умереть на родинѣ, и съ восторгомъ полетѣлъ въ Полтаву, гдѣ съ жаромъ принялся за улучшеніе подвѣдомственнаго ему Дома, въ которомъ воспитывалось отъ 200 — 250 дѣтей.

Во время службы онъ не переставалъ трудиться надъ своими драматическими сочиненіями, и тогда же вновь передѣлывалъ Энеиду.

Предъ наступавшею войною съ Наполеономъ, Котляревскому поручено было, въ 1812 г. малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, составить 3-й конный козачій полкъ. Котляревскій исполнилъ это въ полмѣсяца: формированіе полка началось 15 августа, а 2 сентября полкъ выступилъ уже въ походъ.

Котляревскій весьма заботился объ улучшеніи дома дѣтей бѣдныхъ дворянъ. И послѣ Бецкаго, устроенные имъ корпуса служили образцомъ для подобнаго рода заведеній. Военная служба считалась въ то время почетнѣйшею; къ ней преимущественно готовились дѣти дворянъ.

По потребностямъ времени, въ нововведеніяхъ Котляревскаго преобладали также военные порядки: дѣти были одѣты по формѣ; въ число предметовъ преподаванія, кромѣ курса уѣзднаго училища и гимназіи, вошли также военныя упражненія, ситуація, черченіе и танцованье.— Онъ усердно заботился объ увеличеніи способовъ содержанія, и о расширеніи самого заведенія (¹); при немъ устроена была больница. Письмо генералъ-губернатора Лобанова-Ростовскаго къ Котляревскому изъ С. Петербурга 24 апрѣля 1815 г., доказываетъ заботливость его о Домѣ. Приводимъ это письмо вполнѣ, такъ-какъ оно характеризуетъ и время и отношенія князя Лобанова-Ростовскаго къ нашему писателю: »Милостивый государь мой, Иванъ Петровичъ! Похваляя печность *(попеченіе)* вашу о порученномъ вамъ дѣлѣ, не имѣю еще я удобности похвалиться, чтобъ успѣхи мои о положеніи дома воспитанія бѣдныхъ »были значительны; но ручаться могу, что безъ должнаго вниманія не »могутъ они остаться. Коликожъ достигать то́ трудно, усмотрѣть вамъ »можно будетъ изъ бумаги, сей день по матеріи благороднаго заведенія »мною препровождаемой. Медленность возвращенія государя императора »паче всего сію вещь, какъ и прочія, обременяетъ; но нѣтъ резону от-

(¹) Домъ для воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ былъ учрежденъ, кажется, вскорѣ по открытіи гимназіи (въ 1808 г.); потомъ, въ 1823 г., былъ обращенъ въ училище чистописцевъ, а въ 1851 г. въ училище дѣтей канцелярскихъ служителей на 50 человѣкъ, для воспитанія дѣтей бѣдныхъ канцелярскихъ чиновниковъ. *А. В. Т.*

»чаяваться, чтобъ доброе попеченіе мое не исправило нужду и не по»служило бы и къ удовлетворенію лицъ, подобно вамъ званіе свое от»правляющихъ. Такое удостовѣреніе пріймите, пожалуйте, вкупѣ съ по»вторенiемъ усерднѣйшаго почтенія, съ коимъ быть не престану. Вашъ »вѣрнѣйшій слуга, князь Яковъ Лобановъ-Ростовскій.« (¹)

По истеченіи семи лѣтъ, считая со вступленія его въ должность надзирателя, онъ былъ награжденъ (5 октября 1817 г.) за улучшеніе дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ: чиномъ маіора, бриллiантовымъ перстнемъ и, по смерть, пенсіономъ въ 500 р. асс.

Князь Лобановъ-Ростовскій, любившій изящныя искусства, содѣйствовалъ къ образованію въ Полтавѣ театра любителей, и Котляревскій часто являлся на немъ въ роляхъ, бывшихъ тогда въ славѣ комедій и оперъ. — Онъ отлично игралъ въ »Сбитенщикѣ« и »Кутермѣ, или безъ обѣду домой не ѣду.«

Котляревскій долго таилъ у себя свои собственныя драматическія сочиненія, какъ бы не довѣряя самому себѣ, но превосходное исполненіе имъ ролей и молва вызвали въ немъ рѣшимость—передать ихъ на сцену. Этому въ-особенности содѣйствовалъ бывшій малороссійскій военный-губернаторъ, князь Н. Г. Репнинъ. Наталка-Полтавка явилась первая, въ 1819 г. Она была принята съ громкимъ одобреніемъ, а имя сочинителя повторялось съ любовью не только во всей Малороссіи, но и во многихъ мѣстахъ Великороссіи и въ обѣихъ столицахъ. — Чрезъ нѣсколько времени, на Полтавскомъ же театрѣ показался »Москаль-Чарівникъ«, также принятый съ общею похвалою. — Этотъ »Чарівникъ« замѣчателенъ еще какъ пьеса, въ которой съ полнымъ блескомъ проявлялся талантъ народнаго артиста, М. С. Щепкина. Многіе въ Полтавѣ помнятъ, какъ Щепкинъ, на бѣдномъ театрѣ, приводилъ всѣхъ въ восхищеніе. Раскрытіемъ своихъ дарованій въ выполненіи ролей изъ народной жизни онъ обязанъ Котляревскому, который видѣлъ въ немъ первокласнаго артиста; предвидѣніе его оправдалось.

Разработывая южно-русскій языкъ, Котляревскій трудился также надъ собираніемъ народныхъ пѣсенъ и имѣлъ большой запасъ ихъ. Куда это дѣвалось? — неизвѣстно.

Онъ также былъ членомъ харьковскаго общества словесности, въ 1822 г. избранъ членомъ С. Петербургскаго общества любителей русской словесности и помѣщалъ отрывки изъ 5 и 6 частей Энеиды (тог-

(¹) Подлинное письмо хранится у А. В. Терещенка.

да еще неизвѣстныхъ), въ журналахъ: *Соревнователь*, *Утренней Звѣздѣ*, Петрова, и *Украинскомъ Вѣстникѣ*.

Онъ велъ большую переписку со многими лицами: съ Свиньинымъ, Бантышемъ-Каменскимъ ([1]), кн. Шаховскимъ и нѣкоторыми членами россійской академіи, съ князьями Лобановымъ-Ростовскимъ и Рѣпнинымъ, которые очень его уважали и любили. Другомъ его былъ Павелъ Стеблинъ-Каменскій, служившій непремѣннымъ членомъ Приказа общественнаго призрѣнія въ Полтавѣ. Самъ Котляревскій, 25 августа 1827 г., былъ назначенъ попечителемъ Полтавскаго богороднаго заведенія.

Изъ сохранившейся росписки архимандрита полтавскаго крестовоздвиженскаго монастыря Гавріила, о принятіи имъ отъ Котлярскаго, 13 марта 1830 года, 717 экземпляровъ Св. писанія, бывшихъ въ полтавскомъ отдѣленіи россійскаго библейскаго общества, видно, что Котляревскій былъ книгохранителемъ этого отдѣленія, помѣщавщагося въ соборной успенской церкви.

Подъ старость, Ив. П. сталъ хворать и сдѣлался раздражителенъ. Онъ, какъ вообще люди стараго времени, былъ требователенъ; а подъ конецъ своей службы, говорятъ, считалъ за обязанность — наказать пойманнаго имъ воспитанника, котораго товарищи поставили сторожить пріѣздъ надзирателя. Усилившееся разстройство здоровья принудило его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы. Въ прошеніи его, поданномъ 16 Іюля 1834 г., онъ писалъ, что »чувствуетъ во всемъ своемъ составѣ, особливо въ ногахъ, слабость, изнуреніе силъ, онѣмѣніе правой ноги и руки, и проситъ вовсе уволить его отъ должности попечителя и надзирателя, наградивъ за службу, болѣе 35 лѣтъ продолжавшуюся, пенсіономъ.« Это прошеніе писано уже дрожащею рукою. Котляревскій былъ уволенъ 31 января 1835 г., и по положенію комитета министровъ, ему назначено, независимо отъ пенсіи, еще по 600 р. въ годъ. Этимъ онъ былъ обязанъ ходтайству кн. Н. Г. Рѣпнина.

Котлярскій оставилъ по себѣ память благотворительнаго и чистаго человѣка. Онъ помѣщалъ бѣдныхъ сиротъ въ подвѣдомственный ему домъ; несчастныхъ по чему-либо поддерживалъ пособіями или ходатайствомъ за нихъ, и вообще былъ полезенъ своимъ вліяніемъ. До сихъ поръ многіе хвалятся его благодѣтельнымъ участіемъ.

Съ увольненіемъ Котляревскаго, никто не видалъ его въ обществѣ: по слабости здоровья онъ не могъ уже ходить и рѣдко кого при-

---

([1]) Бантышъ-Каменскій для своей исторіи Малороссіи пользовался отъ Котляревскаго многими объясненіями, о чемъ говоритъ самъ. *А. В. Т.*

нималъ у себя. Всѣ знакомые лишились въ немъ своего лучшаго, веселаго собесѣдника. Онъ былъ простъ въ обращеніи, но подъ своею простотою хранилъ возвышенное сердце, доступное всѣмъ благороднымъ чувствамъ. Въ своихъ мнѣніяхъ о людяхъ онъ не былъ скоръ, но зато сужденія его отличались основательностью. Иванъ Петровичъ былъ душею дружеской бесѣды: разсказывалъ забавно и остро, разоблачалъ дѣйствія людей шутками, иногда язвительными, прибаутками и пословицами. Онъ обладалъ народнымъ юморомъ въ высокой степени. Никто не былъ въ состояніи возражать на его колкія замѣчанія и, въ то же время, никто не смѣлъ быть недоволенъ его намеками, которые каждый слушатель относилъ къ другому, тогда какъ это падало на него самого. У себя Иванъ Петровичъ былъ гостепріименъ, — жилъ весьма скромно и обходился просто, въ особенности съ народомъ. Крестьянинъ, или козакъ, встрѣтивъ его па улицѣ, снималъ низенько шапку и кланялся, говоря: *здоро́въ будь, па́не Ива́не Петро́вичу!* Встрѣчается ли съ нимъ, бывало, женщина, и та отдаетъ ему поклонъ: *здоро́венькі були́, добро́дію-ку́ме!* Даже дѣти знали его подъ именемъ *ку́ма*, но общаго, потому что онъ не отказывалъ никому изъ горожанъ, кто ни приглашалъ его въ воспріемники. Онъ любилъ бывать въ семьѣ простолюдина, гдѣ давалъ своимъ разговорамъ просторъ, на родномъ языкѣ, приправляя бесѣду прибаутками и поговорками.

Посѣщавшихъ его принималъ радушно и угощалъ какъ истый хлѣбосолъ-Украинецъ. Ученые и путешественники, заѣзжавшіе въ Полтаву, считали какъ бы за обязанность навѣстить его, и всѣ бывали очарованы его умною и живою бесѣдою. Самая болѣзнь не измѣнила его привѣтливости и остроумія (1).

Съ примѣрнымъ терпѣніемъ переносилъ онъ страданія тягостной своей болѣзни, и угасъ на 70 г. жизни (2). Женатъ онъ не былъ и, еще до кончины, отпустилъ на волю своихъ людей, состоявшихъ изъ двухъ семействъ, а движимое и недвижимое имущество раздалъ роднымъ и пріятелямъ (3).

---

(1) В. Пассекъ, посѣтившій его въ 1837 году, пишетъ: »онъ принялъ меня очень привѣтливо и, не смотря на болѣзнь, которая замѣтно безпокоила его, шутилъ и разспрашивалъ о моихъ поѣздкахъ«. Москвитянинъ 1841 г., ч. 2.

(2) Онъ умеръ въ 1838 году, октября 29. Такъ сказано въ надгробной надъ нимъ надписи. Г. Галанинъ пишетъ ошибочно, будто онъ родился въ 1768 году, а умеръ въ 1830 г. (Журн. Мин. народн. просв., ч. XXXII.)

(3) Домъ его достался вдовѣ унтеръ-офицершѣ Веклевичевой, записан-

На погребеніе Котляревскаго собрался почти весь городъ. Нѣкоторые изъ его почитателей приняли похоронные расходы на свой счетъ. Толпы всѣхъ сословій провожали бренные останки Котляревскаго до самой могилы, не взирая на дождливо-ненастную пододу, и этимъ свидѣтельствовали искреннюю къ нему признательность какъ къ писателю и человѣку. Онъ погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ, расположенномъ по Кобелякской дорогѣ. Могила его находится рядомъ съ могилою другаго славнаго соотечественника нашего, переводчика Иліады, Н. И. Гнѣдича; надъ обоими ими почти одинаковые могильные памятники: пирамиды изъ кирпича. Они начинаютъ разрушаться и стоятъ уныло у самой проѣзжей дороги (1).

Изъ оставшихся послѣ К-го рукописей извѣстны слѣдующія:

1) Журналъ военныхъ дѣйствій 2 корпуса 1806 г., въ трехъ тетрадяхъ.

2) Размышленія о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ

ный ей самимъ Котляревскимъ, а потомъ былъ проданъ г-жѣ Панченко. Векслевичева была экономкою у Котляревскаго.

(1) На родину перенесено лишь сердце Гнѣдича, а тѣло погребено въ Петербургѣ на кладбищѣ Невской Лавры, называемомъ Карамзинскимъ, по мѣсту погребенія Карамзина. Здѣсь памятникъ Гнѣдича состоитъ изъ сѣрой гранитной пирамиды, съ надписью—на одной сторонѣ: »Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, род. 1784 г. февраля 2, скончъ. 1833 г. февраля 3;« а на другой: »Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира.« Подъ этой надписью вставленъ, изъ бѣлаго мрамора, рельефный бюстъ переводчика и вырѣзанъ стихъ изъ Иліады, живо напоминающій о Гнѣдичѣ:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія мёда лилися.

Подъ этими строками написано: »Отъ друзей и почитателей.« На верху памятника бронзовый крестъ съ надписью: »Христе, спаси его.« А. В. Т.

Н И. Гнѣдичъ завѣщалъ свою классическую библіотеку Полтавской гимназіи. Гнѣдичъ, также какъ и Котляревскій, горячо любилъ и родину и родной языкъ. Къ-сожалѣнію, онъ отсталъ отъ украинскаго языка въ Петербургѣ, а то, вѣроятно, попытался бы перевести Иліаду по-украински, —разумѣется, дополняя недостающія слова церковно-славянскими и вновь составленными,подобно тому, что мы видимъ и въ существующемъ его переводѣ. Героическія поэмы и наивныя повѣствованія древнихъ (Иліада, Одиссея, Геродотъ и т. п.) безъ сомнѣнія, могли бы быть переданы гораздо ближе къ классической простотѣ подлинниковъ на южно-русскомъ языкѣ, нежели передаютъ ихъ тѣ переводы, которые мы читаемъ теперь на великорусскомъ. Это мнѣніе не покажется страннымъ, кто приметъ въ соображеніе народную исторію, характеръ народа, его міровоззрѣніе, нравы, преданія, всю обстановку жизни и самый ходъ южнорусской словесности, которая вышла прямо изъ народа, постоянно отъ него питается и къ нему обращается.

чтенію и размышленію о Св. Евангеліи Луки. Это переводъ изъ Évangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suivant la concorde des quatre évangélistes, augmenté d'une notice, par le P. Duquesne, XIII tomes, Lyon, 1816. Изъ замѣтокъ переводчика на краяхъ листовъ видно, что онъ началъ эту работу въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюня 1838 г., почти за четыре съ половиною мѣсяца до своей кончины. Эти размышленія состоятъ изъ 359 разсужденій.

3) Разныя письма, бумаги и акты именные (¹); многое писано его рукою.

4) Замѣтка (²) о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ, отрывки изъ

(¹) Все это хранилось у Александры Егоровны Стеблинъ-Каменской, вдовы друга Котляревскаго. По предложенію А. В. Терещенка, г-жа Ст.-К. согласилась передать эти бумаги въ Императорскую публичную библіотеку, что́ и сдѣлано 25 октября 1858 г.

(²) Вотъ-что́ заключается въ замѣткѣ Котляревскаго:

1) Въ Полтавѣ и въ смежныхъ городахъ, слова́: *конь, волъ, ножъ, котъ, подолъ, мостъ* и проч., произносятъ простолюдины: *кинь, вилъ, нижъ, китъ, подилъ, мистъ* и проч.; но въ сихъ же словахъ, въ другихъ падежахъ единственнаго и множественнаго чиселъ, сохраняютъ *о: волы, коня, моста, на подолъ* и проч. Въ Черниговской же губерніи произносятъ: *кунь, вулъ, нужъ*, и проч.

2) Пѣсню: *ой біда чайці, чайці небозі*, неизвѣстно кто́ именно сочинилъ, но многіе полагаютъ, что сочинилъ ее послѣдній Запорожскій кошевый Калнишъ (П. И. Калнишъ или Кальнишевскій). »Предположеніе, ка́къ извѣстно, невѣрное«.

3) *Світилки*, въ Полтавской губерніи, держали въ рукахъ саблю, съ привязанной къ ней лентою, но, кажется безъ цвѣтовъ. Сабля сія означала званіе дѣвушки, ее державшей (свѣтилки), при вѣнчаніи въ церквѣ, а дома эта сабля стояла въ главномъ углу хаты (на покутьѣ), чрезъ весь первый день свадьбы. Теперь весьма рѣдко гдѣ сіе употребляется.

4) Молодая смотритъ въ *дивень* (?), въ день свадьбы во время обѣда, ибо молодые за обѣдомъ ничего не ѣдятъ, и ложки ихъ лежатъ связаны красной лентой. Это также выходитъ изъ употребленія.

5) Въ Полтавской губерніи, за другія не знаю, молодой говоритъ *покидай батьковы*, и проч., предъ самымъ отвозомъ невѣсты въ свой домъ, въ первый день свадьбы передъ вечеромъ. При сей поговоркѣ молодой, сидя верхомъ на лошади, объѣзжаетъ кругомъ три раза возъ, на которомъ сидитъ молодая и помахиваетъ надъ ея головою плетью (малахаемъ). Въ нынѣшнее время едва ли это употребляется.

6) Въ Полтавской губерніи, братъ молодой не расплетаетъ косу, а ставши въ углу у дверей съ *кіемъ* (родъ булавы), изъ соломы сдѣланнымъ, грозитъ убить молодого зато, что сей беретъ къ себѣ сестру его, и показываетъ видъ мстителя, пока молодой не умилостивитъ его нѣсколькими *шагами* (грошами), или пятаками. Это дѣйствіе называется: братъ продаетъ сестру. Сіе бываетъ предъ сборами къ отъѣзду въ домъ молодого«.

Энеиды, (Наталка) Полтавка, и Тріумфъ И. А. Крылова; всѣ писаны рукою Котляревскаго.

Энеида Котляревскаго была принята съ восторгомъ не только въ Малороссіи, но и въ Россіи: она долго читалась и перечитывалась, читалась и простолюдинами — малороссами, узнававшими въ герояхъ себя и смѣявшимися надъ собою.

Въ первый разъ Энеида была напечатана въ 1798 г. (¹) (на 29 году жизни Котляревскаго, когда онъ былъ прапорщикомъ). Дошедшихъ до нашего времени изданій было *четыре*, подъ слѣдующими заглавіями:

Первое: Энеида, на малороссійскій языкъ перелиціованная И. Котляревскимъ. Напечатана въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ М. Парпуры, въ С. Петербургѣ, 1798 г., in 8° (безъ означенія типографіи). Экземпляръ этаго изданія былъ подаренъ Россійской Академіи извѣстнымъ медикомъ, Каменецкимъ, за собственной его надписью: »Императорской россійской академіи отъ издателя г. надворнаго совѣтника и инспектора С. Петербургскаго физиката, Іосифа Кириловича Каменецкаго.«

Второе: подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ; напечатано въ *трехъ* частяхъ иждивеніемъ того же М. Парпуры, въ С. Пб. въ типографіи Ив. Глазунова, въ 1808 г. in 8°. Экземпляры этого, какъ и перваго, изданія хранятся въ библіотекѣ императорской академіи наукъ и составляютъ библіографическую рѣдкость.

Третье: (заглавіе тоже самое) заключаетъ въ себѣ уже четыре части, посвящено помѣщику Полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ коего напечатано въ С. Петербургѣ, въ медицинской типографіи 1809 г. in 8° (²).

Четвертое—уже носитъ другое заглавіе, именно: Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ. Напечатана въ Харьковѣ въ университетской типографіи, 1842 г. in 8°, въ *шести* частяхъ.

Первыя два изданія печатаны безъ всякой перемѣны и вышли въ свѣтъ безъ вѣдома и согласія сочинителя, съ ошибками и упущеніями, которыя Котляревскій исправилъ при изданіи 1809 г. При четвертомъ изданіи встрѣчаемъ, въ заглавіи, прибавленіе—*Виргиліева*,—совершенно невѣр-

---

(¹) Въ журналѣ Мин. Народ. Просв. 1849 г. ч. 64, показано невѣрно, что первое изданіе вышло въ 1796 г.

(²) Въ статьѣ Гаданина (журналъ Мин. Народн. Просв., 1841, ч. 32, отд. VI, стр. 44.) сказано, что Энеида, посвященная С. М. Кочубею, напечатана въ 1804 г. Откуда взято это свѣдѣніе? А. В. Т.

ное. Самъ авторъ назвалъ ее *Энеида перелиціованная*, обнаруживая этимъ, что передѣлалъ ее *по-своему*, слѣдовательно его Энеида перестала быть Виргиліевою. Дѣйствительно, герои Виргиліевой эпопеи гримированы по-украински.

Котляревскій, приготовивъ къ печатанію пятую и шестую части своей Энеиды, не успѣлъ самъ издать ихъ, и въ 1838 г. передалъ право печатанія г-ну Волохинову.

При сличеніи отрывка 6-й части Энеиды, въ 4-хъ тетрадкахъ, писанныхъ самимъ сочинителемъ, — съ изданіемъ 1842 г., вездѣ встрѣчается измѣненіе въ правописаніи противу подлинника. Въ рукописи, гдѣ повсюду *и* и *ѣ*, въ печатномъ *ы* и *и*, на примѣръ: листикъ—лыстыкъ; гнѣвомъ — гнывомъ (!), жинки — жинкы, и т. п.

Шестая часть, по печатному, состоитъ изъ 171 куплета, а по рукописи изъ 118; недостаетъ 53. Первая тетрадь переписана съ прилѣжаніемъ и имѣетъ незначительныя помарки; послѣднія три писаны почти на-скоро, блѣдными чернилами и съ большими помарками. Всѣ они въ четверть листа; бумага грубая и желтоватая. Начало содержанія первой тетради согласно съ печатнымъ; потомъ шестая частъ перерывается недостающими куплетами, вѣроятно, потерянными по смерти автора. Въ подлинныхъ тетрадяхъ встрѣчаются любопытныя передѣлки сочинителя.

Число изданій Энеиды показываетъ, что Котляревскій отвѣчалъ на какую-то потребность общества въ теченіи 40 слишкомъ лѣтъ, т. е. съ 1798 по 1842 годъ. Теперь почти нѣтъ въ продажѣ и послѣдняго изданія.

Нѣкоторыя мѣста изъ Энеиды повторяются наизусть многими Украинцами; ееть любители, знающіе ее всю на-память. Многія выраженія приводятся вмѣсто поговорокъ или изрѣченій (1).

---

(1) Укажемъ на тѣ, которыя намъ удавалось слышать:

Вінъ, взя́вши то́рбу, тя́гу давъ
(Говорятъ о мнимомъ храбрецѣ.)

—

Чи ри́бу зъ До́пу везете́?
Чи, мо́же, ви́ходці — бурла́ки?
Куди́, прочáне, ви йдете́?

—

Между-тѣмъ, критика, въ настоящее время, произноситъ надъ самимъ Котляревскимъ и надъ его Энеидою строгій приговоръ. Кто-же ошибся? кто больше правъ: общество-ли, относящееся къ личности поэта и его произведенію съ уваженіемъ и любовью, или—критика, подвергнувшая и личность и произведеніе Котляревскаго безусловному осужденію?... На это мы постараемся дать свой отвѣтъ въ слѣдующей статьѣ.

Хиба́ ріжна́ ти захотівъ?

—

Чи се и ти́ пусти́всь въ леда́що?

—

Кому́ не жа́ль своїхъ зубівъ?

—

Чимъ більшъ жури́тися — все гірше!

—

Буває щастя скрізь пога́нцямъ.

—

Пили́, игра́ли, женіха́лись,—
Ніхто́ безъ діла не сидівъ.

—

Гай, га́й-же, сли́хомъ послиха́ти!

—

Смире́нноі були́ нату́ри,
Склада́ли ру́ки на живітъ;
Уми́льно Бо́гу все моли́лись,
И вслухъ не ла́яли люде́й:
На чо́ткахъ миръ пересужда́ли.

—

Хвата́всь за де́ргу и тули́вся,
Мовъ одъ кота́ въ комо́рі мишъ.

—

Наду́всь, мовъ на огні лопу́хъ.

—

Такъ, вічной па́мъяти, бува́ло
У насъ Гетьма́нщині коли́сь!

—

Жінки́! коли́бъ ви більше їли,
А меньшъ пащикува́ть уміли,
Були́бъ въ раю́ ви и за се́.

—

Чи ду́же спи́тця,
Якъ до́ля про́ти насъ яри́тця?

—

Злість, ка́жуть, сатані сестри́ця.

—

(Будетъ продолженіе.)

ВОСПОМИНАНІЕ
О
СОЛЕНИКѢ,
ЗНАМЕНИТѢЙШЕМЪ УКРАИНСКОМЪ АКТЕРѢ.

Въ началѣ октября прошлаго 1860 года я былъ въ Харьковѣ. Прекрасный осенній день побудилъ меня прогуляться за городомъ... Мы ѣхали по новому московскому шоссе. Вправо виднѣлось кладбище и мнѣ сказали, что тамъ погребенъ извѣстный украинскій актеръ *Соленикъ*, и что одинъ изъ почитателей его таланта соорудилъ ему надгробный крестъ и начерталъ на немъ украинскіе стихи. Я полюбопытствовалъ взглянуть, и мы своротили къ кладбищу. Вошедши въ ограду, я скоро отыскалъ три креста вмѣстѣ, почти одинъ возлѣ другаго, надъ могилами Соленика, актера Дранше и актриссы Микульской. На крестѣ, что́ надъ могилой Соленика, я прочелъ съ одной стороны надпись: »Во имя тріипостаснаго Бога, Отца, Сына и Святаго Духа, здѣсь погребено тѣло раба Божія Карпа Трофимовича Соленика, знаменитѣйшаго малороссійскаго актера, которому этотъ крестъ поставилъ Запорожскій козакъ А. И. Стратоновичъ«; а на другой сторонѣ слѣдующіе стихи:

Диви́ся зъ не́ба, Солени́че,
Якъ кри́во се́рце чоловіче:
Якъ ти коли́сь на світі живъ
Та щи́ро пу́блиці служи́въ,
Такъ пу́блика тобі живо́му
Квітки́ кида́ла, якъ соло́му;
А вмеръ, арти́сте - небора́че,
То й байдуже́! — ніхто́ не ба́че,
Що прахъ лежи́ть твій безъ хреста́...
Пора́, бачъ, гу́лькнула не та:
Тепе́ръ вже ста́ла Украіна
Холо́дна, бу́цімъ домови́на....

Такое рѣдкое и исключительное выраженіе вниманія и сочуствія къ художнику, отъ лица, чужого ему, но близкаго по одной любви къ искусст-

ву, не можетъ не тронуть всякаго, кому доступно истинное пониманіе искусства и его представителей. И я оживилъ въ своемъ воспоминаніи наслажденіе, которое доставляла игра Соленика: пусть эти строки будутъ и моимъ поклономъ его памяти, въ виду его могилы.

Въ надгробной надписи Соленикъ справедливо названъ *знаменитѣйшимъ малороссійскимъ актеромъ*: подобнаго артиста не было еще въ нашемъ краѣ. Если при жизни его мы восхищались безотчетно его талантомъ, то теперь, по смерти его, припоминая тогдашнія наши впечатлѣнія, мы убѣждаемся, что это былъ талантъ истинно художественный, вполнѣ самобытный. Не обинуясь можно сказать, что это былъ нашъ мѣстный Мартыновъ, котораго недавнюю утрату живо чувствуютъ столичная сцена и столичное общество: Соленикъ почти одновременно съ Мартыновымъ, но независимо отъ него, попалъ на ту же стезю сценическаго искусства, по которой шелъ Мартыновъ. Въ обоихъ актеръ являлся не какою нибудь искусственною моделью оригинальныхъ личностей, но подлиннымъ человѣкомъ, въ его естественномъ видѣ. Въ этомъ и заключается существенная разница новаго искусства отъ стараго: послѣднее представляло и людей хуже или лучше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, первое же представляетъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности.... И у Соленика, какъ у Мартынова, каждая выполняемая роль не была только олицетвореніемъ типа мужика, лакея, купца, нѣмца или чиновника; но каждый типъ представлялъ зрителямъ то́ лицо, которое избрано авторомъ піесы для изображенія того или другого типа. Не только достигнуть подобнаго исполненія ролей, но даже постигнуть необходимость и возможность такого исполненія, есть уже доказательство необыкновенной артистической натуры, недовольствующейся рутинною манерой, усвояемой на практикѣ даже и талантливыми актерами. Какъ истинный художникъ, Соленикъ, подобно Мартынову, не прибѣгалъ къ фарсу, чтобы разсмѣшить зрителей: въ каждомъ изъ нихъ былъ обильный запасъ природной веселости, заражавшей зрителя невольно. Но если тогда, когда предъ нами на сценѣ были эти артисты, мы легко поддавались обаянію веселости, которое производила игра ихъ: то теперь, вникая въ свойство ея и внутреннюю характеристику самихъ артистовъ, мы удостовѣряемся, что это было величайшимъ торжествомъ искусства. Смѣхъ заразителенъ, —это правда; но если серьёзный видъ артиста возбуждаетъ въ васъ истерическій смѣхъ, — нельзя въ такомъ артистѣ не признать натуру необыкновенную, геніальную!... Высшая точка артистическаго совершенства достигается тогда, когда природа и искусство становятся чѣмъ-то нераздѣльнымъ, когда искусство явля-

етъ безъискуственную природу, а въ природѣ не замѣчается и тѣни искусства.... Таковы были Мартыновъ и Соленикъ! Вотъ почему оба они бывали на сценѣ какъ у себя дома, и никогда не терялись отъ какихъ бы то ни было сценическихъ случайностей. Нельзя однакожъ не видѣть и различія между ними: Соленика отчасти справедливо упрекали въ однообразіи, тогда какъ разнообразіе было отличительнымъ качествомъ Мартынова. Причина тому заключается не столько въ способностяхъ самихъ артистовъ, сколько въ сценическомъ ихъ образованіи и опытности, да и десятокъ лѣтъ въ наше время, протекшихъ отъ смерти Соленика до смерти Мартынова, стóитъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ прежняго времени. Впрочемъ, оба артиста похищены такъ сказать на полу-пути служенія ихъ сценическому искусству: для обоихъ впереди лежалъ еще длинный путь усовершенствованія, а такіе люди не останавливаются, пока не остановитъ ихъ предѣлъ, егоже человѣкъ не прейдетъ.... Не многіе счастливцы достигаютъ удѣла — развить свои способности и совершить свое назначеніе вполнѣ, подобно великому нашему артисту-ветерану.

Чтобъ напомнить о Соленикѣ знавшимъ его и незнавшимъ, представимъ краткій очеркъ жизни его, какъ человѣка и артиста. Провинціальный актеръ едва ли не одно изъ тѣхъ существъ, къ которымъ всего болѣе идетъ нѣмецкая пословица: aus den Augen, aus den Sinn. — Соленику выпало на долю исключеніе въ этомъ случаѣ, можетъ статься, потому, что и онъ былъ такимъ исключеніемъ между провинціальными актерами, какихъ немного... нѣтъ, какихъ весьма мало!... Его помнятъ до сихъ поръ вездѣ, гдѣ только его видѣли. Тотчасъ по смерти его напечатанъ былъ некрологъ съ нѣкоторыми подробностями о его жизни и сценической дѣятельности и съ краткой характеристикой его художнической личности. Это статья: »К. Т. Соленикъ, замѣчательнѣйшій провинціальный актеръ,« г. Рымова, напечатанная въ Пантеонѣ 1852 г. № 2-й. Извлекаемъ изъ этой статьи слѣдующія біографическія свѣдѣнія:

»Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, или правильнѣе, *Соленникъ*, родился въ маѣ 1811 года, въ городѣ Леплѣ, Могилевской губерніи. Отецъ его служилъ въ той губерніи уѣзднымъ землемѣромъ. Проведя почти всю жизнь свою въ Малороссіи, К. Т. справедливѣе могъ считать своею родиной этотъ край, чѣмъ какой-либо другой. Не знаемъ ничего о его дѣтствѣ. Извѣстно только, что около 18-ти лѣтняго возраста онъ поступилъ въ Виленскій Университетъ, по математическому факультету. Курса здѣсь онъ не окончилъ — почему? — намъ не извѣстно. Слышали мы, что еще сидя на ученической скамьѣ, онъ обнаруживалъ

страсть къ театру. Быть можетъ это-то и заставило его бросить учебныя занятія. Неизвѣстно также, какими судьбами, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, попалъ онъ въ труппу Штейна, бывшаго содержателя Харьковскаго театра. Поступилъ онъ въ нее сначала суфлеромъ, но былъ имъ, вѣроятно, не долго. У насъ есть Харьковская театральная афиша 1832 года; въ ней, кажется, въ первый разъ попадается имя Соленика; онъ игралъ тогда роль слуги *Провора*, въ комедіи »Неслыханное диво, или Честный Секретарь«, суфлера Шепталова, въ пьесѣ »Странное представленіе, или сюпризъ публикѣ.« Потомъ, спустя года два, когда бывшій въ труппѣ Штейна актеръ Млотковскій завелъ свой театръ въ Курскѣ,—Соленикъ поступилъ къ нему, и здѣсь-то собственно началъ свое артистическое поприще, въ небольшихъ, третьестепенныхъ роляхъ. Умная, живая игра молодаго актера скоро понравилась публикѣ и онъ быстро пошелъ впередъ.

»Въ 1841 году онъ женился на актриссѣ Харьковскаго театра, дѣвицѣ Протасовой. Оригинально было сватовство его. Однажды вечеромъ, идя мимо ея квартиры, увидѣлъ, что она сидитъ подъ окномъ. Онъ остановился у окна и, безъ дальнихъ объясненій, сказалъ ей: »женимся?« — »Женимся!« отвѣчала она, и въ тотъ же вечеръ они обручились. Отъ этого брака было у нихъ двое дѣтей, но они жили не долго.

»Жизнь провинціальнаго актера, обыкновенно — кочевая жизнь. Несогласія съ антрепренеромъ, выгодныя приглашенія (переманки) въ труппу другого города и тому подобныя причины заставляютъ его скитаться изъ края въ край; тоже было и съ Соленикомъ, хотя не въ такой степени, какъ это водится за другими. Онъ игрывалъ въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Воронежѣ, Одессѣ и, преимущественно, въ Харьковѣ. Харьковъ любилъ онъ особенно. Въ 1851 году понавѣдался онъ въ Одессу; но скоро опять воротился къ намъ, въ Харьковъ, какъ будто предчувствуя свою смерть, какъ будто спѣша умереть въ томъ городѣ, гдѣ его такъ любили. Одесса ему не нравилась и онъ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ въ Харьковъ.

»Въ 1837 г. былъ онъ въ Вознесенскѣ, во время пребыванія тамъ Высочайшей фамиліи, и игралъ (въ труппѣ Ерохина) вмѣстѣ съ Щепкинымъ. Вниманіе публики къ нашему артисту было также велико, какъ и къ московскому. Оба они въ равной степени собирали обильную дань рукоплесканій и вызововъ. Одно значительное лицо, замѣтивъ блестящее дарованіе Соленика, предлагало ему свое покровительство, приглашая его на Петербургскую сцену. »Нѣтъ, ваше сіятельство«, отвѣчалъ Соленикъ: »я — Малороссъ, люблю Малороссію, и мнѣ жаль разстаться

съ нею.« Не то же ли было причиною и скораго возвращенія его къ намъ изъ Одессы?

»И радостно принялъ Харьковъ своего давнишняго любимца! »Нашъ Соленикъ опять у насъ!« вотъ-что говорили тогда всѣ, если рѣчь заходила о театрѣ. Зная его опытность въ дѣлѣ сценическаго искусства, наша театральная дирекція поручила ему обязанность режиссера.

»Но въ послѣдней половинѣ августа 1851 году имя Соленика вдругъ изчезло съ афишъ: онъ заболѣлъ. »Что съ нимъ? каковъ онъ?« спрашивали всѣ, сходясь въ театрѣ. »Хуже и хуже!« было отвѣтомъ на это. Потомъ мы услышали—умираетъ! а 7 октября, въ половинѣ 9-го часа утра, когда намъ случайно довелось быть въ театрѣ, насъ поразили слова театральнаго сторожа, вбѣжавшаго въ сѣни: »вже оділи и положили на столъ!« — »Кого?« спросили мы. »Соленика!...« Главною причиною его смерти была чахотка.

»Онъ умеръ спокойно, исповѣдавшись и причастившись въ полной памяти. Только часа за два до смерти онъ неразъ впадалъ въ бредъ на нѣсколько минутъ. Жалобъ на преждевременную смерть отъ него не было слышно (онъ умеръ 41 года от-роду). Но по нѣкоторымъ предсмертнымъ словамъ его можно догадываться, что онъ не безъ грусти покидалъ свѣтъ. Хотя для него потеря жизни была »не утрата«, но совершенною непривязанностію къ землѣ кто можетъ похвалиться, особенно, когда смерть заглянетъ въ глаза? Такъ, когда осторожно предложили ему исполнить долгъ христіанскій, — онъ согласился на это охотно, но узнавъ, что уже хотятъ послать за священникомъ, тревожно спросилъ: »развѣ сегодня?« Подобное безпокойство проявлялось и въ послѣдніе часы его жизни. »Ну, что вы скажете? Не нужно ли чего вамъ?« спросила его въ одну изъ этихъ минутъ хозяйка дома, гдѣ онъ квартировалъ. »Я скажу вамъ, что больному нуженъ покой!« возразилъ умирающій съ недовольнымъ видомъ.

»8-го октября, въ 4 часа послѣ обѣда, тѣло его вынесли въ Крестовоздвиженскую церковь, а въ слѣдующій за тѣмъ день, часу въ первомъ по полудни, выслушавъ обѣдню, проводили мы его на новое кладбище. Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ, подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали; за гробомъ пѣли пѣвчіе и стонала погребальная музыка; на гробовой крышѣ, малиноваго цвѣта, лежала эмблема заслугъ покойнаго—на ней зеленѣлъ вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта — украшеніе гроба, до сихъ поръ у насъ еще невиданное! Нако-

нецъ, могильный склепъ, выложенный бѣлымъ камнемъ, навѣки скрылъ отъ насъ Соленика....

»Его положили подлѣ могилы артера Дранше, очень любимаго когда-то публикою, но схороненнаго очень скромно.

»И завидною показалась намъ участь такого артиста, какимъ былъ Соленикъ! Посмотрите: жилъ на чужбинѣ, умеръ одинокъ, близкихъ родныхъ — ни души [1], а при погребеніи тѣснятся вокругъ его гроба цѣлыя толпы, спѣшатъ дать ему послѣднее цѣлованіе, льются слезы, слышатся вздохи и грустныя слова прощанія, и всѣ разстаются съ этимъ чужимъ человѣкомъ, какъ не всегда разстается и братъ съ братомъ, роднымъ по крови!«

»Соленикъ былъ замѣчателенъ и какъ человѣкъ. Прямой, благородный по натурѣ, гордый, самолюбивый, какъ сознающій свое достоинство, онъ былъ добръ и мягкосердеченъ. Онъ готовъ былъ отдать послѣдній червонецъ нуждающемуся ближнему. Его честность знаютъ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ какое-нибудь дѣло.

»Вотъ очеркъ его наружности: онъ былъ очень не высокаго росту, худощавъ, но сложенъ стройно. Лицо... какъ бы вамъ описать его? Оно могло, пожалуй, показаться некрасивымъ на взглядъ того, кто полагаетъ красоту лица въ античной правильности очертаній, въ свѣжемъ, молочномъ цвѣтѣ кожи; но на наши глаза—оно было красиво. Цвѣтъ его былъ смуглый; на лбу и на щекахъ проходило нѣсколько складокъ, что дѣлало его старѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, потому-что Соленикъ жилъ хотя не много, но много пережилъ. Открытый, почти плоскій, съ небольшою впадиною по срединѣ, четырехъ-угольный лобъ, показывалъ счастливое развитіе мыслящей способности. Глаза блистали умомъ и живостію. Губы были выпуклы и очерчены рѣзко, отчасти какъ у Арабовъ; нижняя выдавалась нѣсколько отвисло впередъ, какъ-бы свидѣтельствуя о гордости и энергіи артиста. Всѣ прочія части лица и вообще головы были на своемъ мѣстѣ (что́ случается такъ рѣдко) и въ совершенной гармоніи между собою. Довольно длинные, мягкіе темнаго цвѣта волосы зачесывались на затылокъ. Физіономія Соленика, внѣ сцены, была по большей части серьезна и задумчива. Одѣвался онъ часто щеголевато и всегда со вкусомъ. Когда онъ говорилъ, гдѣ бы то ни было: на сценѣ, въ гостяхъ, до́ма — разсказъ его лился быстрымъ, живымъ потокомъ, жесты были одушевлены и выразительны, голосъ, до-

---

[1] Жена его на этотъ разъ была въ Тулѣ и не знала о болѣзни мужа.

вольно немузыкальный самъ по себѣ, дѣлался пріятнымъ отъ ума и чувства, которыми былъ полонъ.

»Кажется, мы и теперь видимъ его — не говоря о сценѣ, какъ онъ въ своемъ гороховомъ пальто и круглой черной шляпѣ, мѣрно, съ серьезнымъ, задумчивымъ лицемъ, выступаетъ, опираясь на свою оригинальную трость... къ подобнымъ тростямъ была у него страсть; въ одномъ изъ угловъ его квартиры стояла довольно большая коллекція самыхъ странныхъ, чуть ли не историческихъ, тростей, съ разнообразными, диковинными набалдашниками.«

Остается опредѣлить амплуа Соленика... Онъ былъ *комическій актеръ* въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Но какихъ ролей не достается играть провинціальному актеру? И Соленинъ игралъ всякаго рода роли. (Да вѣдь и Мартыновъ дебютировалъ въ »Филаткѣ и Мирошкѣ!«) Перечислять ихъ было бы излишне. Смѣло можно утверждать, что ни въ одной изъ нихъ онъ не былъ ниже своей роли, во многихъ же возвышалъ значеніе ролей. Назовемъ только роли Соленика изъ пьесъ, составляющихъ постоянное украшеніе нашей сцены, то есть Грибоѣдова и Гоголя; въ »Горѣ отъ Ума« игралъ онъ *Фамусова* и *Репетилова*, въ »Ревизорѣ« —*Хлестакова* и *Бобчинскаго*, въ »Женидьбѣ«—*Кочкарева*. Кто видѣлъ его въ этихъ роляхъ, тотъ помнитъ исполненіе ихъ этимъ артистомъ; кто же не видалъ, тому никакія объясненія не дадутъ понятія.... (¹) Но истинно неподражаемымъ, несравненнымъ, незабвеннымъ былъ и пребудетъ Соленикъ какъ *актеръ украинскій*, въ украинскихъ пьесахъ Котляревскаго и Квитки; кто изъ насъ, жителей Украины, могъ равнодушно видѣть Соленика въ роляхъ—*Макогóненка* (»Наталка Пол-

---

(¹) Гоголь зналъ нашего артиста только по слухамъ, но каковы были слухи о немъ, показываютъ слѣдующія строки изъ письма Гоголя къ одному своему знакомому (Н. Д. Бѣлозерскому), писаннаго изъ Петербурга 1836 г., за три мѣсяца до перваго представленія »Ревизора:«

»Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, чтó, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ. Не имѣете ли вы какихъ нибудь о немъ извѣстій? — и если вамъ случится встрѣтить его гдѣ нибудь, нельзя ли какъ нибудь уговорить его сюда. Скажите, что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. *Рѣшительно комическій талантъ*. Если же вамъ не удастся видѣть его, то можетъ быть вы получите какое нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и—куда адресовать къ нему....«

(Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Изданіе П. А. Кулиша (1855. Т. V, стр. 252).

тавка«), *Чупруна́* (»Москаль Чарівникъ«), *Стецька́* (»Сватання на Ганчарівці«), *Шельме́нка* (въ обоихъ пьесахъ этого названія)? Надо замѣтить здѣсь,—и конечно согласятся всѣ, видѣвшіе въ этихъ роляхъ не одного, а нѣсколькихъ малороссійскихъ актеровъ,—что каждый изъ нихъ исполнялъ эти роли *по-своему:* въ игрѣ каждаго изъ нихъ болѣе или менѣе выражались *отдѣльныя* черты національнаго характера; но въ игрѣ Соленика *всѣ* эти черты соединялись, какъ въ фокусѣ, и образовали полный законченный типъ истиннаго Украинца.... Рѣзко отличался онъ отъ другихъ тѣмъ, что личность Украинца, по его игрѣ, выходила не простацкою, вялою и наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающею свой умъ подъ маской простоты. Такое воззрѣніе доказываетъ наблюдательность и вѣрное чутье Соленика. Въ этомъ отношеніи онъ точно первый украинскій актеръ... дай Богъ, чтобъ и не послѣдній!... (¹)

Въ заключеніе, весьма кстати здѣсь слово о народномъ украинскомъ театрѣ. — Если у насъ въ Южной Руси и прежде, когда писать литературно на народномъ языкѣ было лишь попыткой весьма не многихъ любителей родной рѣчи, а изслѣдованія мѣстной старины составляли исключительную принадлежность знатоковъ-спеціалистовъ, и большею частію скрывались подъ спудомъ, — украинскія пьесы возбуждали всегда искреннее сочувствіе и образованной публики и простолюдиновъ, даже не интересующихся сценическими представленіями; то теперь, когда южнорусская словесность оживляется, когда начинаютъ заботиться о томъ, чтобъ дать простому народу въ Южной Руси понятное для него чтеніе, когда возникаетъ періодическое изданіе, какъ всесторонній органъ южнорусской жизни, — »Украинскій« театръ былъ бы какъ нельзя болѣе кстати. Подъ названіемъ Украинскаго театра мы разумѣемъ какъ пьесы на украинскомъ языкѣ и изъ украинскаго быта, такъ и исполненіе ихъ артистами, взлелѣянными на мѣстной почвѣ, знакомыми съ языкомъ и нравами народа и, можетъ быть, даже вышедшими изъ среды этого народа, какъ, напримѣръ, знаменитый артистъ, котораго называть нѣтъ надобности, потому что его всѣ знаютъ. — Такой театръ былъ бы самымъ лучшимъ подспорьемъ литературѣ южнорусской и самой благотворной школой для народа. Разумѣется, и успѣхъ и польза этой идеи условливаются разумнымъ и искреннимъ ея осуществленіемъ;

(¹) Изъ современныхъ актеровъ къ этому идеалу малороссійскаго актера ближе всѣхъ артистъ Харьковскаго театра г. Дрейсихъ.

если же сюда замѣшается афера и спекуляція,—дѣло испортится въ началѣ и можетъ надолго остановиться, между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что дѣло пойдетъ хорошо, если за него возьмутся люди умѣлые и благомыслящіе; съ возникшей же потребностію народнаго театра, явятся къ удовлетворенію ея и народные драмматическіе писатели. Духъ народный, однажды возбужденный, развивается быстро. Въ духѣ нашего народа есть еще много нетронутыхъ струнъ: умѣйте только дотронуться до нихъ кстати и удачно, и онѣ издадутъ созвучія можетъ быть и не предчувствуемыя....

Н. Мизко.

Ноябрь, 1860.
Село Карабиновка.

НБУ

ЗАМѢТКА

КЪ СТАТЬѢ: »ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.«

(Съ портретомъ.)

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я, въ 1-мъ № Основы, »Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ«. Всякій честный дѣятель, подобный Николаю Андреевичу, достоинъ уваженія при жизни и воспоминанія по смерти. Это признательность къ его трудамъ.

Въ »Воспоминаніи« недостаетъ свѣдѣнія о томъ, что Н. А. занимался народной музыкой. Предоставляя другимъ сдѣлать болѣе вѣрный разборъ и болѣе точную оцѣнку трудамъ его въ этомъ отношеніи, ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями. Еще въ 30-хъ годахъ Н. А. издалъ голоса 25-ти пѣсень, и нотныя доски для этого изданія, вѣроятно, еще и теперь хранятся въ его семействѣ. Я видѣлъ ихъ въ 1856 году цѣлыми. Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью, и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсень, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсень въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсень, одной думы »Савва Чáлий«, »Вертéпа« съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсень и 14 коровайныхъ. Оцѣнить этотъ трудъ по-справедливости — мы не можемъ; мы слишкомъ близки къ Н. А. и слишкомъ сильно ощущаемъ на себѣ давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго. Всѣ требуютъ изображенія народа, какъ въ камер-обскурѣ. Всѣ мы, любители пѣсень, собиратели сказаній и обрядовъ, возмутимся, увидавъ, напримѣръ, пьесу изъ народной жизни, передающую жизнь не точь-въ-точь тáкъ, какъ мы ее себѣ представляли; мы будемъ досадовать, услыхавъ варіаціи на пѣсню, или оперу съ народнымъ сюжетомъ, но наполненную пѣснями и хорами, не слышанными нами въ народѣ. Отъ такой оперы многіе придутъ въ недоумѣнье, многіе начнутъ шикать, а

нѣкоторые придутъ въ восторгъ. Кромѣ вѣрности въ передачѣ пѣсни по нотамъ и полунотамъ, для насъ нужна еще передача той, весьма тонкой, почти неуловимой, жизни въ пѣсни, которая и составляетъ другую часть ея: это — чувство народное той пѣсни, ея смыслъ, ощущенье ея зарожденья, ея ароматъ, — какъ запахъ цвѣтка. Можно спѣть прелестно, передавая всѣ оттѣнки чувства и смысла, но при этомъ упустить ноту, двѣ и болѣе, измѣнить противу обыкновеннаго пѣнья, дѣлая все это безсознательно, но подъ увлеченьемъ той силы, и того чувства, которыя заключаются въ передаваемой пѣснѣ; можно также спѣть пѣсню вѣрно, дагерротипно-вѣрно, но и дагерротипно-безжизненно. Спрашивается—какая изъ этихъ двухъ пѣсень лучше спѣта? Мы не даемъ предпочтенья ни той, ни другой:—та и другая для насъ одинаково полезны, одинаково цѣнны. Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т. е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную, но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ, ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье и на авторитетъ старыхъ людей. Многому мы вѣримъ по духу пѣсни, а многое и выкидываемъ, по мѣрѣ силъ нашего пониманья, но всегда отдадимъ благодарность Н. А. за трудъ, и будемъ любоваться этой личностью, какъ личностью самобытною, чистою и поэтическою. Упомянутый нами *Сборникъ* Н. А., къ сожалѣнію, еще не изданъ. Онъ ходилъ по рукамъ, и вотъ уже четыре года лежитъ въ забытьи—у меня. Мнѣ кажется, что это матеріалъ—для народного музыканта—богатый.

И такъ, смотря на этого человѣка, при его жизни, съ уваженьемъ — за его самобытную личность, о которую разбивались мелкость общественнаго взгляда и инквизиціонныя требованія условій; уважая его за постоянный его трудъ, за ознакомленіе многихъ и многихъ съ народною жизнью, за его нѣсколько чистосердечныхъ слезъ о судьбѣ народа; за то, что онъ служилъ для многихъ какъ бы притягательною силой къ народу, — мы воздаемъ ему благодарность и по его смерти. Какой бы ни состоялся, со-временемъ, приговоръ надъ трудами Н. А., но каждый, какъ и мы теперь, *будетъ обязанъ* напомнить обществу о Н. А., какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ, любившемъ народъ, къ которому онъ принадлежалъ, понимавшемъ народность и сочувствовавшемъ всему, всему прекрасному.

Еще слѣдуетъ прибавить къ воспоминанію о его дѣятельности—»опи-

саніе г. Чернигова«, и то, что онъ на 60-мъ году жизни и страдая уже предсмертною болѣзнію—изучалъ италіянскій языкъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Н. А. въ Венеціи. И тамъ онъ былъ вѣренъ себѣ. Проходя черезъ площадь св. Марка, я увидѣлъ его въ бараньей шапкѣ, въ шубѣ и съ вѣчной его *люлькой* въ зубахъ, которая бывала съ нимъ неразлучно и въ дорогѣ,—когда онъ чуть не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ кибиткой, въ которой везъ порохъ, и велѣлъ обливать себя водой среди зимы,—и въ карманѣ фрака на балѣ. Въ послѣднюю нашу встрѣчу онъ уже былъ очень слабъ, и стоялъ прислонившись къ одной изъ арокъ, любуясь на красивые размѣры площади, на соборъ св. Марка, на начинающійся карнавалъ,—вспоминалъ исторію Венеціи и глядѣлъ съ добродушіемъ и грустью на веселившихся съ тоски Итальянцевъ, которыхъ онъ любилъ и свободѣ которыхъ горячо сочувствовалъ.

Л. Жемчужниковъ.

СЪ ДОРОГИ.

Желаніе ваше я исполняю, — пишу свои дорожныя впечатлѣнія, не заботясь, будутъ ли они для васъ любопытны.

Не доѣзжая до Нѣжина верстъ двадцати, мы остановились возлѣ *шу́рши* (¹), чтобы дать конямъ *одсопти́сь*, какъ выражался нашъ кучеръ. Я со спутницей вошла въ хату. Рѣдко можно встрѣтить такую безпріютную, безотрадную, мрачную хату. Окна въ ней были большіе, но загрязненные и заклеенные бумагой; свѣтъ съ трудомъ проникалъ въ это еврейское обиталище. Въ хатѣ два стола, два дивана, а пріюта нѣтъ; все неопрятно, грязно, положить ничего не хочется, и что ступишь, то́ и споткнешься: земля выбита подъ ногами, — видно, что давно уже полъ не смазывался глиной. На одномъ столѣ — *чугуни́* навареной *тара́ні* и нѣсколько бутылокъ—безъ-сомнѣнія, разведенной—водки; а возлѣ другого стола стоитъ жидъ съ подозрительнымъ выраженіемъ лица, смотритъ изъ-подлобья, маленькаго роста, съ потонувшей между широкихъ плечъ головой,—шеи у него почти нѣтъ. Рядомъ съ нимъ стояла женщина—наша землячка, лѣтъ около сорока, очень пріятной наружности, съ *ко́шикомъ*, наполненнымъ двумя *глечиками* молока и теплыми еще *паляни́цями*. Послѣ перваго привѣтствія, мы спросили, гдѣ намъ можно отдохнуть, — такъ-какъ и на другой половинѣ сѣней была еще хата. Пока жидъ надумался отвѣтить, землячка наша бойко и рѣшительно сказала: »Сюди́, сюди́ пожалуйте одпочи́ть.«

Мы обрадовались землячкѣ и стали торговать у ней паляни́ці.

»До́бре, возміть за пьять шагівъ, — ось яка́ мьяка́ и ле́гка, якъ пухъ«, — говорила она, постукивая кулакомъ подъ низъ паляни́ці.

(¹) Такъ называется одинъ заѣзжій дворъ.

Въ это время жидовка выскочила опрометью изъ сосѣдней хати.

— »Не смiесъ ти iмъ продавать, ти до мéне принесла, — такъ менi и продавай. Я самá куплю, а вони́ тодi у мéне кýплять.«

— Я своé дóбре усюди смiю продавать, да ти менi стiльки й не заплáтишъ; — ну, давай по вiсiмъ шагiвъ за молокó и по шiсть за паляни́цi.

»Сцо ти, зъ глýзду зсýнулась? вони́ зъ у тéбе вцорáснi.«

— А, щобъ тобi такъ лéгко жить, якъ вони́ вчорáшнi.

»Бери́ по пьять сагiвъ, бiльсъ нiхтó-зъ не дасть.«

— Да менi пани́ бiльшъ дадýть.

»Пани́ не-знáть-яки́хъ паляни́ць iсти не бýдуть. Я поцáла торговáть, менi и продавáй, а дрýгому въ моiй корцмi не смiй. Ми скiльки за корцмý плáтимо!«

— Давай по вiсiмъ; такъ менi и пани́ дáють за молокó.

»Нi, бери по сiмъ; я-зъ даю́ дóбре, — цогó-зъ тобi сце? якъ-би́ сёгóднясні! (бросая): да вазкi, якъ кáмень!«

— Оцé-то, кáжуть: говори́ла покiйниця до сáмоi смéрти, да все чор'зна щó. Чогó бъ се я тобi по сiмъ далá? щó ти менi? Коли́бъ оцé сйна зáвтра не виряжáть, да на чвéртку не трéба, я бъ до тéбе вiкъ не заглянула, кáтаржний рiдъ.

»Ну, оддаéсъ по сiмъ съ полови́ною?«

— Ну, бери! (А къ намъ обращается и говоритъ:) Ви iй ужé по шажкý перекинете — вонá вамъ и оддáсть: а паляни́чку однý-таки́ у мéне вiзьмете: вонá всiхъ не берé.

— »Дай же намъ, еврéйко, и глéчикъ молока... щó тобi за ёго?

»Якъ не дастé пьятнадцяти копiёкъ сребромъ, дакъ и не 'ддамъ.

Землячка наша перекрестилась отъ ужаса. — »*У погáному видý— немá стидý*... А, проклятий рiдъ, щобъ ти ви́дрочивсь! У-двóе хóчешъ! ишъ дзóга якá! Щобъ ви не дiждáли по свiту ходи́ть, людей грабовáть. *Жидъ брехнéю живé; все зъ насъ тя́не*. Се, кáжуть, насъ Мáти Бóжа проклялá, а iхъ благослови́ла. Уроди́ла вонá Христá, да й послалá за жiнкáми; усi за робóтою, нiколи йти́: хто прядé, хто за верстáтью, усi за дiломъ. Вонá й проклялá: щобъ ви до вiку, кáже, роби́ли — не наробилися, — все рiвно, якъ кiнь, щобъ iвъ — не наiвся, щобъ iмъ и вгáву не булó! А послáла до жидiвъ, — вони́ такъ и поприбiгáли... Ми рóбимо, ми жнемó, ми въ колóмазi, — а вони́, не роби́вши, вихорóшуютця; старé дрiпло — и тé шýбу якý напiрить, да й нáми повертáе.

Жидовка близко подступаетъ: »хиба́-зъ ми не ро́бимо, хиба́ зъ ми не ро́бимо?«

— У!! чмаро́ю та́къ и лізе!

Молчаніе... Намъ принесли изъ экипажа жаркое, масло; мы начали ѣсть.

— Хлібъ-сіль іжъ, а пра̀вду ріжъ, сказа́ла земля́чка.

Между тѣмъ, жидовка заплатила ей деньги.

— Оце́ жъ мені пора́ вже йти до-до́му.

»Да посе́дь«, говорю я: »ще́ тро́шки погомони́шъ изъ на́ми.

Она сѣла подлѣ насъ.

— Куди́ жъ оце́ васъ Богъ несе́?

»У Ніженъ. А ти де́ живе́шъ?«

— А тутъ, недале́чко.

»Якъ-би́ намъ тебе́ знайти́, ми бъ до те́бе въ го́сті завіта́ли.«

— Тільки попита́йте Га́льку—и мала́ дити́на пока́же: переідите місто́къ да садо́къ, а тамъ вели́кі нові воро́та:—ото́ й я. Оце́ й мені за́втра тре́ба бу́де на база́ръ.

»Приїзджа́й, да коли́ бъ ра́но до-до́му, щобъ ми тебе́ заста́ли.«

— Я ще два ра́зи звернусь, по́ки ви приїдите. Да що́! хочъ мене́ й не бу́де, дакъ моя́ невістка...

»Ні, ми тебе́ хо́чемо ба́чить у госпо́ді.«

— Моя́ невістка хоро́ша, — вона́ васъ за госте́й пошану́е. Я ії удово́ю бра́ла; та́мъ діточки́! якъ благоро́дних де́ржить. Оце́ чи даси́ що́, чи попро́сить чого́, то за́разъ и цілу́е... Ви — куди́? въ го́сті?

»Въ го́сті.«

— Ну, изъ госте́й не скоро ви́рветесь: *гість — невільникъ*. Я поддава́ла своїхъ до́чокъ въ одно́ село́. Не лю́бо въ одно́ село́ оддава́ть: то́ бъ туди́ въ гості пішо́въ, а то бъ туди́; ато́ въ одно́му селі, та ще живу́ть одна́ проти́ дру́гої. Прийдешъ, за́разъ и збіжя́тця въ оди́нъ двіръ; уже́ тре́йтю туди́ не одда́мъ. —Пора́ мені до-до́му... Приїзді́ть же за́втра.

»Не йди ще, будь ла́скова,—погомони́ ще годи́ну. Та́къ у ме́не зу́би боля́ть! ти якъ гомони́шъ, то, мовъ, замовля́ешъ.«

— Ви бъ у Прохори́ поїхали: тамъ дідъ замовля́е; ато́ такъ усю́ стіну й ви́крутить, да й зновъ бу́де зачина́тьця. У мого́ старо́го та́къ боліли, що й Бо́же! не схотівъ пійти́; а́ я скілько паляни́ць, скілько уся́чини переноси́ла: тепе́ръ у ме́не й не боля́ть.

Жидъ во все время нашей бесѣды стоялъ возлѣ печки и всматри-

вался въ меня такъ подозрительно и пристально, что взглядъ его раздражалъ мою зубную боль, и я пересѣла на другое мѣсто.

»Га́лько, посидь же ще́ коло ме́не, да роскажи́ мені що-не́будь, щобъ не такъ зу́би допіка́ли. У те́бе ще есть до́чки?«

— Есть же, одна́ на порі, а дру́га у шко́лу хо́дить... Пора́, проща́йте! Заізді́ть же. Хай Богъ вамъ спори́ть у доро́зі.

На обратномъ пути мы спросили на селѣ Гальку и намъ указали ея домъ, прибавивъ: »нові вели́кі воро́та.« Въѣхали ми на дворъ, обыкновенный и — грязный по случаю дурной погоды. Къ намъ выбѣжала дочка, пятнадцати лѣтъ: ничего нѣтъ похожаго на мать.

»А ма́ти до́ма?«

— До́ма.

Мы и не сомнѣвались въ этомъ: слова Гальки оправдались, мы думали быть къ ней въ понедѣльникъ, а пріѣхали во вторникъ. Вошли мы въ хату. Тутъ-то начались привѣтствія Гальки и ея невѣстки. Хата у нихъ большая; въ углу, у дверей висѣла люлька съ двухлѣтнимъ ребенкомъ; между большимъ столомъ и лавкою, на полу, сидѣло какое-то странное растрепанное существо и пряло; лавки липовыя широкія, почти въ три четверти ширины; за сво́локомъ множество чорнобри́вцівъ. Невѣстка — женщина очень хорошая и тихая.

— Ми ду́мали, що ви вже до насъ, харпаківъ, и не заідите, — сказала невѣстка.

»А я васъ вчо́ра жда́ла«, подхватила Галька: »и на базаръ не поіхала; я ще таки́хъ панівъ и не ба́чила; тутъ одинъ проізди́въ, дакъ и въ ха́ту не зайшо́въ, по́ки й ко́ней ви́пасъ, — усе́ сидівъ на при́зьбі«.

— Ся́дте жъ, — сказала Галька, обратясь къ намъ. — Евдо́хо (невѣстка)! покри́й настільничкомъ стілъ. Га́лю, унеси́ дрове́ць... А я ду́мала, що ви уже́ й не бу́дете... бідна жъ моя́ голо́вонько!. Я вчо́ра вамъ ку́рицю зажа́рила, дру́гу залила́.

»Да нетре́ба, спаси́бі тобі; ми приіхали, щобъ погу́торить, щобъ послу́хать твоеі ласка́воі ре́чі, а не съ тимъ, щобъ що поісти: те́ ще вспіемъ.«

— А то жъ ка́жуть: не красна́ ха́та угла́ми, а кра́сна пирога́ми.

»А до́бра річъ всёго кра́ще.«

— Воно́ таки́ й пра́вда. Иноді недо́бре сло́во па́да ва́жче ка́міня.

»У насъ усе́ есть, — чи не мо́жна лю́дямъ стра́ви приста́вить: ми купи́ли мьяса и карто́плі у Ніжені, да спізни́лись — дакъ и не вари́ли.«

— Да на́ що?! ми ку́рицю заріжемо.

»Ні, ні, ми зъ свого́.«

— Такъ и неха́й же ва́ша річъ на-пе́реді.

Съ этимъ ушла. Невѣстка и дочка начали чистить, перемывать, варить. Внесли бублики и разныя разности: дѣти были въ восторгѣ и за все давали чоломъ и низко кланялись, стуча лбомъ объ столъ, потому что обое стояли на лавкѣ возлѣ стола. Вошла Галька.

»Дай же, будь ла́скова, на́шимъ ко́нямъ сіна.«

— Ідя́ть уже́.

»А чоловіку коли́бъ погрітьця де́?«

— Да вінъ у зати́шку, якъ у раі; тамъ и на́ші моло́тять... Оце́ жъ доса́дно: Оле́нка не поба́чить васъ. А то вчо́ра тро́шки и въ шко́лу спізни́лась — дожида́лася васъ... А, су́чий хло́пець! покоти́въ бу́бликъ — кітъ ухо́пить!« погрозила она внуку, и подала ему бубликъ; тотъ поцѣловалъ ее въ обѣ щеки: описать нельзя торжествующаго взгляда, какимъ Галька въ это время подарила меня.

Столъ накрытъ; въ печи́ топится; Галька подала намъ сметану, масла и заливную курицу; черезъ нѣсколько минутъ были готовы и вареныя яйцы. Послѣ всего, Галька поднесла намъ *насіння*.

»Спаси́бі тобі, Га́лько, що ти насъ за гостей ма́ешъ.«

— Го́сподеві дя́куйте. Вибача́йте на сей часъ: не жда́ли, — да сёго́дні усе́ й поіли, що вчо́ра для васъ нагото́вили.

Съ нами были привезенные изъ Кіева крестики, образки: мы роздали всѣмъ имъ.

— Се ви, ви́дно, неда́вно були́ въ Ки́еві? и я, було́, хожу́ що-го́ду. Упе́рше якъ увійшла́... що́ за го́родъ Ніженъ, такъ мое поштеніе, а ввійшла́ въ Козе́лець — такъ и въ боку́; а якъ у Ки́евъ, такъ и по́готовъ!.. Усю́ди ви́ходили. — Оце́ ви собі сами́ и іздите? а дітки есть? А ба́тюшка, ма́тушка?

Я отвѣтила на всѣ вопросы.

— Оце́ жъ того́ ви усе́ й іздите, що у васъ діто́къ нема́; а у ко́го есть дітки, то того́ й не зама́нишъ и до ма́тері часто іздити. »Часъ вамъ до́брий«, ду́мае: »живіть собі, а я буду собі зъ діточка́ми.«

— Дітки мої, пта́шки,
Ви жъ мені не ва́жкі,
Ви въ зеле́ному саду́
Щебе́чете до ладу́.

А у ко́го нема́ дітей, той такъ изъ домівки й рве́тця.

И Галька запѣла:

— Чого́ мені жури́тися,
Чи у ме́не мали́ діти?
Ой ви́йду я да за ворітечка
Свого ми́лого гледіти.
Ажъ мій ми́лий, голу́бонько си́зий,
Да й на воронімъ коні іде, —
На вороно́му да кони́ченьку
У голубому да жупа́ні.
»Чоло́мъ, чоло́мъ, моя́ ми́ла,
А чоло́мъ, моя́ па́ні!«
— На що́ мені да чоло́мъ дае́шъ?
Счасли́вая тобі доріженька,
Куди́ ду́маешъ-гада́ешъ!
Якъ ду́маешъ у доріженьку —
Да поможи́ тобі, Бо́же;
Якъ ду́маешъ та до и́ншоі,
То покара́й тебе́, Бо́же! —

»А ну ще сю заспіва́й, будь ла́скова, — яка́ жъ га́рна пісня!«
Вдругъ Галька измѣнила голосъ, выраженіе лица и запѣла:

— Бувъ собі жураве́ль да жура́вочка,
Наноси́ли сінця́ по́вні я́сельця...
Уся́ до́вга да хоро́ша — нумъ изно́въ зъ кінця́...

И начала прихлопывать въ ладоши, и снова запѣла ту же самую пѣсню: Бувъ собі жураве́ль да жура́вочка....

— Оце́, я́къ *у васъ*, що й не пьють; поку́шали, — не пье́те и не гомоните́... А у насъ, оце́, якъ-би́ чве́рточку, до й пісе́нь би до́сі співа́ли, и го́мінъ таки́й би підня́ли бъ.

»Ми не пьемо́, а за чве́рточкою посла́ть тре́ба, бо ку́черъ нашъ изме́рзъ.«

— Чи не я жъ оце́ приговори́лась?

»Ні, ми бъ и безъ того́ посла́ли.«

— Біжи́, до́чко.

Водка принесена; я начала потчивать.

— А ви жъ не ку́шаете?

»Ні.«

— Ца́рство жъ небе́сне, вічни́й покой ва́шому ба́тюсьці и ва́шій ма́тусьці, а вамъ посила́й Богъ до́брее здоро́вье. — Галька глотнула изъ рюмки и запѣла:

— И сёго́дні со́нечко,
И за́втра опья́ть бу́де:
Ой, якъ умре́ моя́ ма́тінка,
Якъ умре́ моя́ рідная —

И до віку не бу́де!
Моя́ ма́тінко,
Мій дороги́й крешта́лю!
Де́ тебе́ ви́ховати
Зъ зіми́ да на літечко?...

»Допива́й, Га́лько.«

— Да боюсь, щобъ не впи́тьця.

Еще разъ глотнула и возвращаетъ мнѣ рюмку.

»Ну бо, допива́й, ато́ бу́де чоловіча ворка́ гна́тьця.«

— Ну, бу́дьмо жъ здоро́ві.« Галька допила и еще выплеснула въ потолокъ, — приговаривая: отта́къ на́ші вибри́куйте!

— Ой ви́пила, ви́хилила —
Сама́ себе́ похвали́ла,
Бо я доброго ро́ду,
Пью горілочку, якъ во́ду...

— Оце́ то, ка́жуть: *принеси́, Бо́же, здале́ка роди́ну, то ми и въ бу́день зро́бимо неділю.*

Другую рюмку я предложила невѣсткѣ, потомъ дочкѣ, а потомъ поднесла странному существу, прявшему въ-тихомолку. — »Да ні, я чужа́, я не хо́чу,« сказала эта женщина: — »я чужа́, я чужа́«, и закрылась рукой.

»Дакъ що́ жъ, що ти не семьяни́нъ, а все таки́ ти не чужа́: ти моя́ земля́чка. Ви́пий!«

— Ні, я чужа́, — отвѣчала она, и не выпила.

Мнѣ объяснили, что она никогда не пьетъ, что она сиротою осталась маленькою; все достояніе ея — огородъ. Галька и взяла ее къ себѣ. Это бѣдное существо не хочетъ одѣваться: хорошее платье снимаетъ съ себя и ходитъ въ рубищахъ. Иногда она разсердится на своихъ и кричитъ: я васъ усіхъ на Сібіръ позасила́ю: стро́йте мині ха́ту на моє́му огоро́ді.

»Га́лько, сядь же коло насъ да погово́римо, ато́ намъ часъ до двора́.

Галька запѣла:

А вже ве́чоръ вечоріе,
Да пора́ мені до-до́моньку:
Ой е въ ме́не воркýнъ до́ма,
Пробье́ мені та голо́вонька.
»Ой, воркýне да воркýночку,
Не бий мене́ да въ голо́вочку!
Мене́ жъ ма́ти згодува́ла,
Въ голо́вонька да не вбива́ла;

Мене́ ма́ти да годова́ла
Да ще й жа́ловала...«
Довело́ся хазя́іну
Мно́ю ру́ки да потера́ти.
»Ой потира́й, да поти́рачу,
Коли́ тобі та довело́ся,
А я бу́ду кори́тися,
Коли́ мені го́ре нялося!...

»Га́лько, роскажи́ мені, я́къ ти заміжъ ишла́, — чи молодо́ю, чи лю́блячись бра́лись, — я́къ тобі зъ-за́молоду гуля́лося, чи е чимъ зга́довать дівова́ннечко?

Глаза у Гальки заблестѣли очень весело, и она начала:

— Якъ я гуля́ла на вечорни́цяхъ, дакъ неха́й и Богъ ми́луе! и кінця́ не бу́де, якъ усе роска́зовать. Якъ не при́йдешъ було́ на вечорни́ці — ніколи (а у насъ таке́ було́ житло́, що ані въ ру́ки, убо́жество) — то що́ було́ хло́пці ро́блять?!... У-ночі воро́та зъ пятниківъ изді́ймуть да й занесу́ть. Вста́не ма́ти, да й не зна́е, на віщо воно́ такъ изро́блено; а я й притаю́сь. Або́, оце́, спізню́сь ити́ из вечорни́ці, або́ відтіль, то у-ночі уже́ воро́та и вліплять грязю́кою. Хло́пці лю́блять, щобъ було́ ши́то й кри́то, що бъ не зна́ли, коли́ йдешъ, коли́ верта́есся! Я було́ росе́ржусь чого́, да й не піду́, або́ й ма́ти таки́ не пу́стить, бо пі́дешъ, часъ собі зга́есшъ и нічо́го не зро́бишъ; дакъ що́ разъ, прокля́ті, зроби́ли? Я щось три дні не ходи́ла, — узяли́ да въ-ночі ви́копали со́ху коло коло́дезя, да й переверну́ли звідъ на у́лицю. Вста́ла и вра́нці по во́ду, до коло́дезя — и тагти́ нічимъ; тутъ и дівча́та сусі́дські и молоди́ці позбіга́лись зъ коро́мислами: соха́ переве́рнута и вко́пана зновъ, якъ и була́. »Оце́, вірно«, ка́жуть молоди́ці, »ти, Га́лько, не вгоди́ла чимъ хло́пцямъ.«

— Не до́вге моє́ дівова́ннечко було́!... Я молоде́нькою прихоро́шенька була́! шісна́дцять літъ мені було́, якъ до ме́не присва́тавсь немолоди́й уже́ удове́цъ, да ще тро́хи и нога́ одна́ коро́чча; я не хотіла йти, а ма́ти ка́же: »а йди, до́ню: вінъ хоро́ший чоловікъ, и съ пе́рвою жінкою та́къ хо́роше живъ, и бага́тий — хазя́йкою бу́дешъ, — вінъ тебе́ жа́луватиме, якъ дити́ну. — Я й згоди́лась. — Отъ мені й нічо́го, по́ки до́ма сиділа, а якъ вінча́тьця прийшло́сь, — мені такъ сти́дно міжъ люде йти зъ стари́мъ та зъ криви́мъ. Ста́ли на віне́цъ, мені та́къ сти́дно, що я й світу Бо́жого не ба́чу. — Повінча́въ пішъ да й ка́же: »цілу́йтесь!« — А чоловікъ мій поклони́всь та й ка́же: »неха́й уже́, ба́тюшка, до за́втрёго«; дакъ ба́тюшка ростопіривъ ру́ки: »ну, якъ хо́чте«, ка́же. Зъ сімъ и зъ це́ркви ви́йшли.

— А спасибу Богу, пожила́ зъ стари́мъ, хочъ и не нагуля́лась: не огле́ділась, якъ и ба́бою зроби́лась.... Ста́рощей ма́теринихъ догле́діла и ру́ки ій зложи́ла, — тутъ у на́шій ха́ті и преста́вилась, ца́рство ій небе́сне! Благодаре́ние Го́споду, тепе́ръ не нарі́ка́ючи живу́, — усёго у ме́не вдо́воль, ато́, мо́же, прийшло́сь би угольками на тімъ світі роспла́чуватьця, що попрогу́ловала бъ на вечорни́цяхъ.... Було́, що́ понапіка́емъ паляни́ць, намі́шованиківъ!... А побра́лись — що́ було́ я попонужу́ся, поки не пішли́ діти! Було́, чоловікъ карта́е мене́, карта́е, а у ме́не такъ и пре́тця се́рце до дівча́тъ (я-таки́ співу́ча змо́лоду була́)! Худо́ба за плечи́ма, леда́що передъ очи́ма, — такий вінъ мені тоді зда́вся нечума́зний! — а тепе́ръ вінъ мені якъ оре́лъ!

Въ это время брякнула дверь и вошла дѣвочка, похожая на молоденького гуся, — въ бѣлой юпкѣ и съ краснымъ намороженнымъ носомъ и такими же руками.

— Ось и на́ша школя́рка! — вскрикнула Галька.

Изъ сосѣдней хаты выглянуло не безъ удовольствія четыре головы — старшая дочь и невѣстка, державшая обоихъ дѣтей на рукахъ.

— Здра́стуй, Оле́нко! Отъ панні ти́і, що ти хотіла ба́чить, — сказала Галька. — Дава́й пана́мъ чоло́мъ! Ну, що́ жъ ти сёго́дні учи́ла, роскажи́ мені.

»Азъ, бу́ки, віди....«

— Га́рно, га́рно! лю́ба! — Вона́ оце́ и пря́сти не хо́че, — усе́ у́читця, — обратилась къ намъ Галька.

Я обѣщала ученицѣ передать при случаѣ книжку съ картинками; и вотъ — начались благодарности. Между тѣмъ, пора было ѣхать, мы стали собираться въ дорогу.

»Скілько жъ тобі слідуе, Га́лько, за сіно и за угоще́ніе?

— Нічо́го.

»Ні, не мо́жна та́къ, — тре́ба сказа́ть.«

— Нічо́го мині, нічо́го, — а синъ, якъ зна́е — за сіно.

Передъ этимъ за нѣсколько минутъ и сынъ пришелъ. Спрашиваю у него, — что́ за сѣно? — Нічо́го.

»Ти жъ ёго́ коси́въ, по́равъ.«

— Такъ-що́? хиба́ бага́то зіли ко́ні?

»Ну, до́бре жъ: за сіно я сама́ зна́ю, що́ заплати́ть, бо у жи́да плати́ли; а що́ тобі за кло́пітъ?

— Нічо́го!... Ну, слу́хайте жъ: оце́ бъ я ста́ла вамъ продава́ть: що́ жъ ви тамъ иску́шали? я подала́ пья́теро яе́ць, дво́е ску́шали — шагъ за

ва́ми.... ха-ха-ха-ха!... сметáни крúшечку.... ха-ха-ха! холодцю́.... отъ и три шагú....

При этомъ поднялся въ хатѣ всеобщій хохотъ; сдѣлалось смѣшно и намъ, — но мы смѣялись отъ удовольствія, видя передъ собой такія честныя натуры, радуясь, что никакая жидова́ своимъ дурнымъ примѣромъ не можетъ заразить ихъ жадностью. Мы, однакожъ, настаивали.

— Ну, колú жъ ужé вамъ хóчетця, такъ дáйте на чвéрточку, що я, якъ піду ії купова́ть, то що бъ васъ хиба́ згада́ла.

Началось прощанье.

— Прощáйте! дай, Бóже, знáтьця. Якъ приідете вдрýге, то й овéсъ бýде, — не тó — сіно.

Галька вынесла паляни́цю, поцѣловала и подала намъ на дорогу.

— Прощáйте, пострічáй же, Гóсподи!

А. Нечуй-вітеръ.

Октябрь 1860 г.

НБУ

БЕСѢДЫ

О ЕСТЕСТВОЗНАНІИ НА РУССКОМЪ ЮГѢ.

I.

Я попалъ съ сѣвера въ южнорусскій край, когда только-что начиналъ заниматься наукою естествознанія. Живо помню первыя впечатлѣнія, произведенныя на меня южною природою: на каждомъ шагу я встрѣчалъ предметы, поражавшіе меня своею красотою, возбуждавшіе во мнѣ нетерпѣливое любопытство своею особенностью: новыя растенія, новыя животныя и новыя явленія міра физическаго, — всё это было мнѣ незнакомо, недоступно моему пониманію. Въ первый разъ въ жизни я здѣсь увидѣлъ, что хлѣбъ сѣяли, не удобряя земли! Долго старался я допытаться у себя отвѣта на эту загадку — и не могъ; обратился за объясненіемъ къ народу, но узналъ не много: »зачѣмъ и унавоживать, когда и безъ того *земля, что уголь!*« — Я догадался, что этимъ опредѣляется *черноземъ;* но почему для него не нужны удобренія, — чего не достаетъ почвѣ глинистой или песчаной для развитія растенія, — отчего другія полевыя растенія ростутъ на той же почвѣ, на которой не можетъ рости хлѣбъ? Все это было для меня темно, загадочно. Я былъ въ состояніи человѣка, который не обладалъ способностью различать цвѣта, но которому уже помогли освободиться отъ этого недостатка зрѣнія. Въ изумленіи остановился бы онъ передъ новымъ, до-тѣхъ-поръ невѣдомымъ ему, міромъ колеровъ! Сначала они ослѣпили бы его: всё показалось бы ему однимъ пестрымъ узоромъ; только спустя нѣсколько времени, когда его глазъ научился уже различать краски, прозрѣвшій увидалъ бы и деревья, и цвѣты, и животныхъ, однимъ словомъ — природу во всей красѣ единства и разнообразія: въ подобномъ же состояніи былъ и я.... мнѣ открывала глаза наука.

Отчего-же обитатели Южной-Руси выносятъ равнодушно это мучительное состояніе духа — невѣдѣніе?.... Человѣкъ легко свыкается съ окружающими его предметами: что́ онъ видитъ съ первой минуты своей жизни, то для него не диво! У обитателя Юга, съ перваго дня его существованія, передъ глазами чудная природа, но онъ привыкъ къ ней,— и уже равнодушно смотритъ на то́ растеніе, которое заботливо лелѣютъ въ садахъ и теплицахъ на сѣверѣ. — Для того, чтобъ южный житель понялъ всю прелесть своей родины, ему слѣдовало бы прокатиться на Сѣверъ, взглянуть на бѣдныя поля Великороссіи, на луга, покрытые сухою осокою да бѣдными злаками, на болота, заросшія тростникомъ да желтою зеленью болотныхъ растеній; только послѣ такого путешествія онъ созна́етъ свое богатство; и у него подобнымъ-же образомъ пробудятся новые вопросы, и онъ захочетъ ближе познакомиться съ природою своего края.

Не смотря на то, что южный край можно назвать сердцемъ Русскаго міра, что это не ново-созданная Амурская колонія, — мы едва его знаемъ, по какому-то странному равнодушію ко всему близкому, отечественному. — На Амуръ снаряжаютъ ученыя экспедиціи, посылаютъ ученыхъ натуралистовъ въ Италію, въ Испанію, даже въ Алжиръ! у насъ же подъ руками неразработанныя богатства, — а мы все стремимся туда, гдѣ тысячи головъ, головъ умныхъ, дѣятельныхъ, искусныхъ, трудятся на томъ самомъ поприщѣ, на которое и насъ тянетъ... И ка́къ мало приносятъ пользы эти далёкія путешествія! чуть не всё дѣло ограничивается нѣсколькими, давно извѣстными предметами, да двумя-тремя письмами, присланными изъ-заграницы въ какой нибудь журналъ... и ка́къ, большею частью, однообразны эти письма! Напротивъ, замѣните эти экспедиціи дѣльными путешествіями на Русскій югъ, и, навѣрное, они скоро принесли бы существенную пользу; матеріаловъ тамъ хватило бы не на одинъ десятокъ жизней; мы наконецъ познакомились бы съ человѣкомъ и природою Юга, съ чудными ихъ богатствами... — а подобныя изслѣдованія, безъ сомнѣнія, открыли бы невѣдомыя стороны жизни, — дали бы бытіе новымъ отраслямъ народнаго богатства....

Что́ же можно сдѣлать теперь, для распространенія естествознанія на Югѣ? Не могутъ ли содѣйствовать изученію края и не-спеціалисты? Въ какое положеніе должно стать при этомъ южно-русское общество? Вотъ вопросы, которымъ мы намѣрены посвятить настоящую статью — статью далеко не ученую, написанную не для спеціалистовъ, а просто — для любителей: поэтому мы войдемъ въ подробности, кото-

рыя, для людей близко знакомыхъ съ наукою, были бы лишними. Наша цѣль — чисто-практическая: показать важность естествовѣдѣнія и способы для занятій естественными науками на югѣ.

Что́ нужно для изученія природы? Между многими, даже образованными людьми распространено ложное понятіе́, что, при изученіи естественныхъ наукъ, необходимы цѣнные кабинеты, недоступные средствамъ большинства частныхъ лицъ, — мнѣніе ложное — на югѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Изучайте природу по-ней самой, составляйте сами травники и коллекціи другихъ естественныхъ предметовъ; посвятите этому занятію часы досуга, минуты прогулокъ, — вы и безъ кабинетовъ узнаете многое.

Ка́къ же изучать природу, ка́къ учиться естествознанію — безъ учителя? гдѣ найти учителя — не сухаго педанта, не теоретика, а живого любителя природы? Ка́къ приступить къ такому важному дѣлу безъ помощи? Да очень просто: возьмите любой популярный нѣмецкій или французскій курсъ естественной исторіи (¹) и читайте его среди лѣсовъ и полей. А между тѣмъ, мы, думая не разъ вести съ вами бесѣду о природѣ юга, начнемъ съ легкой подготовки къ естествовѣдѣнію.

Прежде всего вамъ надо познакомиться съ основными началами науки; узнать части растеній, минераловъ и животныхъ. Чтобъ сдѣлать къ этому приступъ, сорвемъ наудачу цвѣтокъ, подымемъ камешокъ, поймаемъ насѣкомое или другое животное, и поглядимъ на него внимательно.

Кстати, мы въ Кіевѣ... Поглядите вонъ тамъ, возлѣ рѣки, на скатѣ живописной горы, раскинулся такой красивой кустъ *красной розы*. Днѣпръ поитъ корни безчисленнаго множества кустовъ этого растенія. Сорвемъ благовонный *цвѣтокъ* этой »шипшины«, изъ котораго позже образуется красный *плодъ*. Какъ бы мы пристально ни стали осматривать цвѣтокъ, — мы не найдемъ въ немъ сходства съ самимъ плодомъ, съ этою ярко-красною круглою ягодою, наполненною сухими зернышками.

Подъ низомъ цвѣтка находится нѣсколько зеленоватыхъ листиковъ, но это не плодъ розы, а ея покровъ, одежда цвѣтка, теплая шубка, охраняющая молодой цвѣтъ отъ суровыхъ непогодъ и вѣтровъ. Этотъ цвѣтъ, подъ защитою своего покрова, былъ не цвѣткомъ, а *почкою;* упалъ на

(¹) Для желающихъ укажемъ: »Leçons élémentaires de Botanique, par Em. Le Maout;« »Trois règnes de la nature«, его же; изъ нѣмецкихъ: »Aus dem Reiche der Naturwissenschaft, v. Bernstein, которыя, какъ мы слышали, скоро появятся въ русскомъ переводѣ.

нее теплый живительный лучь солнца—и вотъ внутри почки закипѣла жизнь, малютка пробудился и выправилъ изъ-подъ зеленой пелены розовые листики—*лепестки* цвѣтка; зеленая оболочка опала и отогнулась назадъ, она не нужна больше: цвѣтокъ достаточно выросъ и окрѣпъ для того, чтобъ существовать уже независимо отъ *чашечки* (зеленой оболочки); это дитя тепла и свѣта (безъ котораго онъ умираетъ) развивается—распускается....

Изъ него-то, изъ этого цвѣтка, *завяжется* плодъ, быть можетъ скажетъ вамъ любой поселянинъ, вовсе незнакомый съ наукою; изъ этого блестящаго цвѣтка образуется ягода. Да́, это правда; но то́ ли понимаемъ подъ словомъ *цвѣтокъ* мы въ общежитіи, что́ понимаетъ подъ нимъ наука? Нѣтъ. Пройдетъ два-три дня и цвѣтки, то́, что́ мы называемъ цвѣтками, розовые лепестки (*вѣнчикъ* у ботаниковъ) завянутъ, опадутъ; они были не болѣе какъ украшеніемъ, — брачнымъ нарядомъ цвѣтка.... (Посмотрите, ка́къ онъ роскошенъ у *сараны* (¹), покрывающей поля юга!) Такъ изъ чего же образуется плодъ? Лепестки опали, но осталась *чашечка*, къ краямъ которой прикрѣпленъ цѣлый рядъ желтоватыхъ *усиковъ*, волосковъ, съ маленькими желтыми головками на оконечностяхъ, а по серединѣ находится небольшой, какъ бы желтозеленоватый, кружокъ. Вотъ въ этихъ-то частяхъ сосредоточивается семейная жизнь растеній: *волоски* — это орудія образованія *плодотворной пыли*, а желто-зеленоватый кружокъ — это хранилище оплодотворенныхъ сѣмянъ — зачатокъ растенія.

Эти волоски извѣстны въ наукѣ подъ именемъ *пылевыхъ органовъ (тычинокъ)*, потому что въ головкахъ ихъ, представляющихъ пустые мѣшечки, заключается плодоносная пыль; мѣшечки называются *пыльниками*. Пылевой органъ цвѣтка—это мужчина, мужъ; а органъ, заключающій зачатки сѣмянъ — *пестикъ*—женщина. Позже, на пути знакомства съ флорою юга, мы узна́емъ ближе устройство цвѣтковъ, растеній и вообще жизнь тѣлъ природы, а пока ограничимся этими краткими замѣчаньями.

Въ предметахъ, для нагляднаго изученія, недостатка у насъ не будетъ: растенія всевозможныхъ родовъ и семействъ вы встрѣтите на югѣ. Хотите изучать тайнобрачныя водорасли, приготовлять изъ ихъ золы іодъ, ступайте на берега Чернаго моря: та́мъ ихъ довольно! Хотите познакомиться съ дѣвственною природою степей—поѣзжайте въ Украину.—Ко-

---

(¹) Сарана́—Lilium tenuifolium. L.

гда вы уже полюбите естествознаніе, соберите вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ, желающихъ познакомиться ближе съ окружающею ихъ природою, — ступайте по берегу Днѣпра, Дона, или южнымъ берегамъ Чернаго моря, куда вамъ ближе. Попадется вамъ растеніе, камень или насѣкомое, подымите ихъ, покажите вашимъ слушателямъ и разскажите все, что́ только знаете о немъ; менѣе всего обращайте вниманіе на имя и болѣе—на жизнь и свойства предмета; вернувшись послѣ подобной прогулки домой, прочтите подробное описаніе найденыхъ вами предметовъ, приведите ихъ въ систему и раздайте, если можно, по экземпляру каждаго изъ нихъ вашимъ слушателямъ.

Подобныя прогулки скоро найдутъ послѣдователей и естествознаніе войдетъ въ жизнь, сдѣлается потребностью, займетъ женщинъ, которымъ оно такъ близко. Для полнаго успѣха, нужно также пріобрѣсть запасъ общихъ свѣдѣній по другимъ естественнымъ наукамъ, неразрывно связаннымъ между собою; ботаника, какъ наука, не существовала бы безъ химіи: иначе процессъ прозябанія, питанія растеній остался бы для насъ вѣчно неразгаданною тайною; безъ геологіи трудно объяснить причину физіогномики флоры той или другой мѣстности; безъ зоологіи мы не постигнемъ, отчего зависятъ болѣзни растеній, производимыя уколами насѣкомыхъ. При недостаткѣ общихъ свѣдѣній, многія явленія природы часто кажутся намъ странны и непонятны. Мы, напримѣръ, видимъ, какъ всѣ заботы, всѣ усилія человѣка низвергаются маленькимъ насѣкомымъ, и пока наука не уразумѣетъ природы, человѣкъ безсиленъ въ борьбѣ съ нимъ. Разскажу одинъ любопытный случай: въ Полтавской губерніи близь Прилукъ, въ мѣстечкѣ Сокиринцахъ, принадлежащемъ Г. П. Галагану, въ саду росло нѣсколько дубовъ, особенно-дорогихъ владѣльцу. Въ одно лѣто онъ увидѣлъ, что эти великаны — память его отца, дѣда, а можетъ быть и прадѣда, стояли голые, безъ листьевъ; изумленный, въ раздумьи, наклонился онъ, чтобъ поднять нѣсколько сухихъ листковъ, и что́ же замѣтилъ? Листья свернулись въ трубочку: — это была работа дубоваго *листоверта*. Напрасны были всѣ усилія хозяина: листовертъ остается до сихъ поръ непобѣдимымъ и безпрепятственно продолжаетъ свою работу! Напрасно обращался хозяинъ къ лѣсоводамъ, напрасно рылся въ ученыхъ сочиненіяхъ — никто не далъ ему положительнаго отвѣта, не указалъ вѣрнаго средства прогнать докучливое насѣкомое и предохранить милые дубы отъ смерти. Кто́ не знаетъ, какія страшныя опустошенія производитъ на Югѣ саран-

ча — этотъ бичъ земледѣльцевъ, — а все покоряется ей! Полное уничтоженіе этого зла для насъ еще невозможно; но когда, при знакомствѣ съ естествознаніемъ, начнутъ наблюдать не одно явленіе, и не съ минуты его зловреднаго дѣйствія, а, вооруженные наукою, вникнутъ глубже въ его причины, найдутъ его начало, зарожденье зла: тогда-только, быть-можетъ, истребленіе саранчи и листоверта превратится въ дѣло обычное, какъ истребленіе другихъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Природа юга такъ мало извѣстна, что мы не знаемъ, что́ у насъ есть, что́ еще можетъ быть и чего нѣтъ! Легко можетъ статься, что имѣя на югѣ въ обиліи тотъ или другой предметъ промышленности или торговли, мы получаемъ его изъ-за границы и не подозрѣваемъ, что онъ пропадаетъ у насъ даромъ. Давно-ли возникло у насъ винодѣліе въ Крыму, и поглядите, какъ значительно уже расширилась эта вѣтвь промышленности! »Но что́ за вина въ Крыму!«, возразятъ намъ многіе.— Такъ возьмите же въ расчетъ ихъ дешевизну, — отвѣтимъ мы, и подумайте, не виновато ли само общество въ медленномъ улучшеніи винодѣлія? Дайте большинству бутылку превосходнаго крымскаго вина и бутылку плохаго рейнвейна и, на-вѣрное, будетъ предпочтено послѣднее! Страсть ко всему заграничному безъ разбора уменьшилась, но не искоренилась. При распространеніи естествовѣдѣнія, на ряду съ научными изслѣдованіями, откроются и новые источники народнаго богатства. Въ этомъ отношеніи особенно-важное значеніе должна пріобрѣсти акклиматизація растеній и животныхъ на Югѣ; тамъ, подъ благословеннымъ украинскимъ небомъ и въ раскошномъ Крыму, она можетъ имѣть гораздо болѣе успѣха, чѣмъ на Сѣверѣ. У насъ есть уже сорта́ своего табаку; кто́ знаетъ — со временемъ не надѣлитъ ли насъ югъ и хлопчатникомъ, или инымъ подобнымъ ему растеніемъ? Особенно большую пользу изученіе юга принесло бы красильному искусству и садоводству. — Дѣльное наблюденіе могло бы ясно указать на выгоду многихъ учрежденій,— чего до сихъ поръ не сознали еще наши землевладѣльцы, по недостатку знаній изъ прикладныхъ естественныхъ наукъ (технологіи и другихъ.) Примѣръ недалеко: у насъ на югѣ пасутся несмѣтныя стада овецъ; иностранцы скупаютъ нашу шерсть, чешутъ, прядутъ и продаютъ намъ ее въ видѣ пряжи; понятно, что плата за провозъ сырой шерсти разлагается ими на пряжу. Устройте фабрику на Днѣпрѣ или другой судоходной рѣкѣ, чешите свою шерсть, продавайте велико-русскимъ и польскимъ фабрикантамъ: — вотъ вамъ и новая отрасль про-

мышленности — шерсточесаніе, почти еще неизвѣстная въ Россіи (1), съ развитіемъ которой югъ сдѣлается центромъ новой торговой дѣятельности и освободится отъ необходимости быть въ этомъ отношеніи данникомъ чужеземцевъ.

Изученіе естествовѣдѣнія представляетъ, на югѣ, — даже при гимназическомъ курсѣ, — гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ потому-что экскурсіи въ началѣ и концѣ курсовъ, могутъ быть учреждены очень легко; флора, естественно, должна занять первое мѣсто (2).

Введеніе естественныхъ наукъ въ составъ предметовъ домашняго и общественнаго образованія, дастъ новое направленіе молодымъ умамъ, обогатитъ ихъ познаніями, которыя привяжутъ ихъ къ родной землѣ тѣмъ, что и на родинѣ есть много любопытнаго и достойнаго дѣла, что не зачѣмъ искать его по чужимъ странамъ. Мало-по-малу, мы, безъ особеннаго труда, прибавимъ два-три камня къ новооснованному зданію; по немногу изъ этихъ камней сложится цѣлая твердыня, и тогда мы съ гордостію скажемъ: »Мы знаемъ нашу родину, ея богатства, средства и силы; теперь мы можемъ смѣло познакомиться и съ другими странами.«

Переходимъ ко второму вопросу, необходимо возникающему изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній, а именно: какимъ образомъ не-спеціалисты могутъ содѣйствовать изученію Русскаго юга?

Естественныя богатства юга болѣе всего заключаются въ роскошной растительности, извѣстной намъ еще очень мало. Ученыя экспедиціи и командировки рѣдки, да и хватитъ ли силъ одного человѣка, одной экспедиціи, для основательнаго изученія всей страны? Для составленія одной флоры юга, — необходимы долгіе труды многихъ людей; поэтому, еслибъ одинъ любитель естествознанія занялся собираніемъ данныхъ въ одномъ округѣ, а другой — въ другомъ, то трудъ пошелъ бы быстро и разносторонно. Матеріалы были бы собраны исподоволь; оставалось бы одно: привести ихъ въ систему, въ порядокъ, что́ и было бы уже дѣломъ спеціалистовъ.

Данныя у южнаго жителя подъ руками, вездѣ, на каждомъ шагу.

---

(1) Сколько намъ извѣстно, единственная образцовая шерстечесальная фабрика, устроенная по лучшей системѣ »Нобля«, (привиллегія на чесалку которой, для Россіи, пріобрѣтена г. Флинтомъ), находится въ С. Петербургѣ, на Обводномъ каналѣ, подлѣ газоваго завода. Она принадлежитъ графу Ламздорфу, г. Тюрпеню и еще двумъ компаніонамъ.

(2) Нельзя при этомъ не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ ключа къ опредѣленію Южной Флоры, подобнаго ключу г. Шнейдера для флоры Петербургской.

Укажемъ главнѣйшія: a) народныя названія и легенды о происхожденіи разныхъ растеній, животныхъ и минераловъ, b) народно-медицинское употребленіе ихъ, c) составленіе рисунковъ и коллекцій естественныхъ предметовъ, и наконецъ d) наблюденія надъ различными мѣстными явленіями.

Южнорусскія народныя названія растеній отличаются своеобразностію; но вообще народъ не различаетъ видовъ, исключая очень рѣдкихъ случаевъ. Впрочемъ, два разные вида одного рода, въ различныхъ мѣстностяхъ, часто носятъ и различное названіе; и наоборотъ: нерѣдко одно названіе принадлежитъ двумъ видамъ различныхъ родовъ. Только тогда, когда будутъ собраны данныя со всего юга, когда откроется возможность сличить названія, принадлежащія однимъ и тѣмъ же растеніямъ на всемъ протяженіи Украины, только тогда получится возможность составить отчетливую южнорусскую номенклатуру.

Въ глазахъ многихъ это дѣло почти не имѣетъ значенія; но чтобъ увидѣть всю неосновательность подобнаго мнѣнія, стоитъ припомнить, что, по причинѣ незнанія народныхъ названій, мы поставлены въ тяжелую необходимость объясняться латинскими іероглифическими словами. Представимъ себѣ, что какое нибудь растеніе получило приложеніе къ жизни,—что человѣкъ неученый прочтетъ вашу замѣтку о пользѣ какого-нибудь растенія изъ видовъ *Melampyrum:* прочтетъ этотъ іероглифъ и, по неволѣ, оставитъ безъ вниманія; а напишите просто »*Иванъ-да-Марья*«, — и ваше знаніе свойствъ его, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, принесетъ прямую пользу. Вотъ какое значеніе имѣютъ народныя названія, неговоря уже о томъ, что безъ нихъ намъ часто вовсе непонятенъ смыслъ народныхъ сказаній, повѣрій и пѣсенъ, не говоря о важности ихъ для филологіи.

Во время путешествій и прогулокъ, каждый, при случаѣ, можетъ безъ труда записать народное названіе растенія и, для бо́льшей вѣрности, приложить и самое растеніе; кромѣ того, необходимо, при подобныхъ замѣткахъ, упоминать названіе мѣстности и лица́, отъ котораго слышано то́ или другое. Подобныя замѣтки, въ общемъ составѣ, принесутъ огромную пользу наукѣ, когда трудъ многихъ будетъ сведенъ къ одной общей цѣли—изслѣдованію южно-русской природы.

Не менѣе важное значеніе для науки и жизни имѣетъ и народная медицина, которую, наконецъ, начинаетъ цѣнить и медицина ученая. Этого рода изслѣдованія представляютъ гораздо болѣе трудности: знахари вообще неохотно сообщаютъ о таинственной цѣлебности травъ, передавая

свои знанія изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну—какъ семейное достояніе; сверхъ того, пріемы знахарей и знахарокъ соединены съ множествомъ предразсудковъ, такъ-что довольно трудно отдѣлить сущность отъ формы, цѣль которой — отвлечь вниманіе больнаго и окружающихъ его, и тѣмъ сохранить неприкосновенно свою тайну. Такимъ образомъ, при собраніи народно-медицинскихъ свѣдѣній, необходимы: большая наблюдательность, осмотрительность и болѣе-близкое знакомство съ народомъ и наукою.

По вѣрованію народа, травы имѣютъ особенную силу, если ихъ сбирать—цѣлебныя—въ день Симона-Зилота; волшебныя (*Чаръ-Зілля*)—въ день и въ ночь на Ивана Купала; и противудѣйствующія вреду, причиняемому *злóю личйною* (вѣдьмами, знахурáми, чортомъ) — въ день *літнёго Микóли* (9 мая). Вѣдьмы и колдуны варятъ волшебные напитки на Лысой горѣ близъ Кіева; только для нихъ да для тѣхъ, кто обладаетъ ихъ таинственнытъ знаніемъ, понятенъ говоръ травъ и цвѣтовъ, возвѣщающихъ имъ свои чудесныя свойства. Особенная сила приписывается народомъ: *Рутѣ* (Ruta graveolens), *Шавлін* (Salvia officinalis, S. pratensis, S. leonaroides), *Терличь-травѣ* (Gentiana Amarella L.), *Любистку* или *Любистѣ* (Levisticum officinale Koch.), *Сонъ-травѣ* (Anemone pulsatilla), *Блекотѣ* (Hyosciamus niger L.), *Курячей-слѣпотѣ* (Anagallis arvensis), *Подорожнику (порізнику, пораннику* — Plantago lanceolata L.), *Жирію*, и многимъ другимъ. По народному вѣрованію, *Сонъ-трава* наводитъ сонъ и притомъ сонъ вѣщій; листья *Любистку* рвутъ дѣвушки въ канунъ Ивана Купала (23 іюня), какъ зазвонятъ къ вечернѣ, и вплетаютъ ихъ въ вѣнки. Въ этихъ вѣнкахъ онѣ ходятъ вечеръ, скачутъ черезъ купальный огонь, а на ночь кладутъ ихъ подъ-головы. Когда запоютъ первые пѣтухи, дѣвушки сбираютъ оставшіяся листья съ того самаго куста любистку, съ котораго рвали его для вѣнка и также кладутъ эти листья подъ-головы, чтобъ утромъ судить по нимъ о вѣрности или невѣрности милаго. Народу извѣстна и цѣлебная сила любистка. — Если собрать, въ первый день *молодикá*, при захожденіи солнца, бѣлаго соку *курячей слѣпоты* и, при захожденіи же солнца, дать его кому-либо выпить, то выпившій потеряетъ способность видѣть послѣ захожденія солнца, и можетъ освободиться отъ этого недостатка не иначе, какъ если вспомнитъ объ этомъ ровно чрезъ мѣсяцъ и въ тотъ самый день, когда слѣпота съ нимъ случилась, или—если его неожиданно столкнутъ въ яму. Приводимъ эти повѣрья съ цѣлію—показать, кáкъ много нужно вниманія и догадки, чтобы вѣрно узнать

и толково воспользоваться народнымъ естествознайіемъ. Не слѣдуетъ думать, что въ фантастическихъ представленіяхъ народа не скрывается ничего положительнаго, важнаго для науки: напротивъ. Но на югѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, народъ любитъ облекать поэтическою формой свои наблюденія и преданія; самыя названія у него живописны и живо говорятъ воображенію. (Напримѣръ, траву, обладающую силой укрощать бурю, народъ называетъ *Нечуй-вітеръ!* не правда-ли, какое поэтическое названіе)? Объяснить ихъ, разоблачить поэтическую форму и добраться до сущности—вóтъ та задача, которую должно имѣть въ виду.

Относительно рисунковъ, мы должны замѣтить, что, въ этомъ случаѣ, нерѣдко надо жертвовать правилами живописи для точности и ясности: сохранить весь блескъ, всѣ переливы колеровъ растеній и насѣкомыхъ нѣтъ возможности; о нихъ можно дать только приблизительное понятіе. Другое дѣло—форма цвѣтка, признаки рода и вида; они должны быть представлены съ мелочною подробностію, даже въ увеличенномъ видѣ. Этотъ трудъ доступенъ весьма немногимъ, — художнику онъ покажется тяжелымъ. По замѣчанію историка Мишле — это трудъ по преимуществу женскій; въ своемъ сочиненіи »L'Insecte« (насѣкомое) онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, и, между прочимъ, называетъ Сибиллу-де-Меріанъ, оставившую по себѣ память рисунками гвіанскихъ насѣкомыхъ.

Дѣйствительно, женщина на этомъ поприщѣ можетъ быть полезнѣе, чѣмъ за канвою и англійскимъ шитьемъ. Стóитъ только приняться за дѣло, и чудная природа юга разовьетъ и поддержитъ это намѣреніе, предлагая обильный запасъ матеріаловъ, увлекая красотою и разнообразіемъ формъ.

Не менѣе могли бы быть полезны женщины и въ составленіи разныхъ коллекцій, будутъ ли это коллекціи насѣкомыхъ, или травники; это одинъ изъ главныхъ источниковъ для изученія края, — особенно, если травникъ, или иная коллекція, будетъ сопровождаться замѣтками о народныхъ названіяхъ и техническихъ свойствахъ предмета; кромѣ того, при каждомъ растеніи должно быть означено мѣстонахожденіе, родъ почвы и время цвѣтенія. Къ этимъ и подобнымъ свѣдѣніямъ легко присоединить наблюденія надъ явленіями природы, по-чему-либо замѣчательными.

Въ составъ подобныхъ собраній попало бы, безъ сомнѣнія, много предметовъ незнакомыхъ любителю, — легко можетъ быть, что нѣкоторые были бы опредѣлены имъ ошибочно; но это не бѣда. Исправить, соеди-

нить все въ одно цѣлое, въ одинъ общій трудъ, должно быть дѣломъ ученыхъ. Этого, по нашему мнѣнію, можно было бы достигнуть образованіемъ южнаго общества испытателей природы. Тогда всякій, кто способенъ представить свой какой-нибудь трудъ, какое-нибудь наблюденіе, зналъ бы мѣсто и людей, которые оцѣнятъ, сохранятъ и осмыслятъ отдѣльный фактъ сопоставленіемъ его съ другими многоразличными фактами, сообщенными изъ разныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ данныя, собранныя сотнями лицъ, не пропали бы безплодно, а сдѣлались достояніемъ ученыхъ, на долю которыхъ пришлась бы другая часть труда — повѣрка ихъ и разработка.

Желаемъ одного, — чтобъ наши замѣтки, наши мысли въ слухъ, нашли отзывъ на югѣ. Быть можетъ, онѣ покажутся многимъ мечтою, — тѣмъ не менѣе это мечта не неисполнимая.

Н. Волокитинъ I.

НБУ

РУКОВОДСТВО

КЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ И ПРАКТИЧЕСКОМУ ПЧЕЛОВОДСТВУ

(составленное В. Краузе, исправляющимъ должность профессора при Горигорѣцкомъ Земледѣльческомъ Институтѣ. Москва. 1860 г.)

Какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, пчеловодство очень долгое время было занятіемъ однихъ только простолюдиновъ—*пасѣчниковъ*, которые, руководясь опытами своихъ предковъ и своимъ природнымъ умомъ, покойно шли пробитой уже тропинкой, иногда придумывая и сами какое либо улучшеніе, но—большею частію—оставаясь на одной степени знаній. Наконецъ, подобно другимъ предметамъ сельскаго хозяйства, пчеловодство обратило на себя вниманіе людей ученыхъ, которые, имѣя болѣе развитой умъ, больше познаній природы, и вооруженные всѣми пособіями другихъ наукъ, стали заниматься имъ дѣятельно, посвящая иногда всю свою жизнь этому полезному и пріятному занятію. Помогая другъ другу въ этомъ дѣлѣ, они убѣдились, что простолюдины-пасѣчники ведутъ пчеловодство очень неудовлетворительно и невѣжественно, и что знанія ихъ остановились на одной ступени, между тѣмъ, какъ оно можетъ быть подвинуто впередъ гораздо дальше. Дружныя усилія этихъ образованныхъ пчеловодовъ, а особенно тѣхъ, которые, не довольствуясь одними кабинетными умствованіями, практически и долгое время занимались этимъ предметомъ, дѣйствительно поставили пчеловодство на очень высокую степень совершенства.

Вырвавъ его, такъ сказать, изъ рукъ простыхъ пасѣчниковъ и поведя по другой стезѣ, ученые пчеловоды обогатили пчеловодство многими новыми открытіями, создали цѣлую науку пчеловодства, вовсе

неизвѣстную пасѣчникамъ. Но какъ разныя мнѣнія, разныя наблюденія, разныя правила, способы и совѣты этихъ пчеловодовъ породили много разныхъ системъ и способовъ обращенія съ пчелами, противуположныхъ между собою, и до того запутали и затемнили эту науку, что сдѣлали изъ нея неисходный лабиринтъ противорѣчій, сомнѣній и неизвѣстности, гдѣ незнающему трудно отыскать истинный путь: поэтому всѣ желающіе заняться пчеловодствомъ давно уже чувствуютъ крайнюю потребность въ такомъ *руководствѣ*, которое бы, — изобразивъ недостаточность простаго пчеловодства, изобразивъ естественное состояніе и образъ жизни пчелъ, и критически перебравъ всѣ системы и способы, употребляемые и предлагаемые къ употребленію учеными пчеловодами для полученія отъ пчелъ наибо́льшей прибыли, — указало бы на самый вѣрный изъ нихъ, указало бы такъ просто и ясно, что желающій заняться этимъ предметомъ могъ бы хорошо уразумѣть всѣ его непреложныя правила и смѣло уже итти по указанному пути къ избранной цѣли, не блуждая между разными методами, не сбиваясь отъ противуположности разныхъ мнѣній и не сомнѣваясь въ вѣрности каждаго наставленія. Да́! уже давно чувствуется всѣми необходимость руководства въ пчеловодствѣ, — и на ученыхъ пчеловодахъ, взявшихъ это занятіе въ свои руки и, къ сожалѣнію, бывшихъ уже причиною столькихъ жертвъ заблужденія въ пчеловодствѣ, давно уже лежитъ непремѣнная обязанность исполнить это важное и полезное дѣло, т. е. составить *руководство къ пчеловодству*. Къ этому они, правду сказать, постоянно и стремятся... Но достигли ли сколько-нибудь своей цѣли?

Обо всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, иностранныхъ сочиненіяхъ о пчеловодствѣ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ, можно сказать, что онѣ заключаютъ въ себѣ только *свѣдѣнія* о пчеловодствѣ (разумѣется, иногда очень полезныя и необходимыя), или же развиваютъ одну какую-либо систему пчеловодства; но ни одно изъ нихъ, часто не смотря на свое заглавіе, не можетъ сдѣлаться настоящимъ руководствомъ къ пчеловодству, особенно у насъ. Изъ русскихъ опытовъ, рукописное сочиненіе покойнаго Прокоповича и его уроки ученикамъ своимъ, можно сказать, были первымъ руководствомъ въ этомъ предметѣ и положили прочное и вѣрное основаніе науки пчеловодства; но это сочиненіе не было напечатано. Послѣ него, ученикъ его и послѣдователь, Конотопскій купецъ Пономаревъ, издалъ *руководство къ практическому пчеловодству*, гдѣ самымъ удовлетворительнымъ образомъ изложилъ практическую сторону пчеловодства: это руководство, въ настоящее время,

есть наилучшее изъ всѣхъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ объ этомъ предметѣ. Но этому сочиненію недостаетъ теоріи: въ немъ изложены одни факты, безъ сомнѣнія—вѣрные, но факты эти, во-первыхъ, не освѣщены идеями, которыя бы ясно показали ихъ непреложную разумность; а во-вторыхъ—они изложены безъ логической послѣдовательности, такъ, что сочиненіе г. Пономарева, хотя и можетъ быть превосходнымъ руководствомъ къ пчеловодству, но только для человѣка, уже довольно свѣдущаго въ этомъ предметѣ, уже предварительно къ тому приготовленнаго.

Но вотъ недавно вышло разбираемое мною сочиненіе профессора Краузе: *Руководство къ теорическому и практическому пчеловодству*, — заглавіе, означающее, что сочиненіе это обнимаетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и должно занять мѣсто наставника. Посмотримъ, на-сколько это сочиненіе соотвѣтствуетъ своему заглавію и, вообще, современнымъ требованіямъ этой науки.

Г. Краузе раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части: *теоретическую*, заключающую въ себѣ естественную исторію пчелъ, вещества и матеріалы, собираемые пчелами, произведенія пчелъ и внутреннее устройство ихъ жилищъ, и *практическую*, въ которой собственно уже излагаются способы обращенія съ пчелами, ихъ разведеніе и полученіе отъ нихъ дохода. Такое раздѣленіе, гдѣ къ теоріи не примѣнена практика, и гдѣ изъ практики исключена теорія, по мнѣнію моему, ошибочно—не только въ наукѣ пчеловодства, но и вообще во всякой наукѣ. Мнѣ кажется, что теорія должна всегда проникать и въ самую практику, съ начала до конца, и не подчиняться ей, а въ ней господствовать: она должна повсюду развить свои основныя положенія, и развить ихъ логически, выводя одну идею изъ другой, и уже около идей групировать факты, принимая вѣрные и отвергая ложные, —критически разобрать и оцѣнить всѣ практическіе способы, придумываемые для доведенія какого-либо искуства до желанной цѣли, указавъ каждому дѣйствію, каждому правилу, разумную причину,—однимъ словомъ, теорія должна *осмыслить* каждое практическое дѣйствіе, каждое правило, наставленіе, и проч. Такъ должно быть, по нашему мнѣнію, изложено вообще всякое руководство, слѣдовательно и руководство къ разведенію пчелъ. Но если въ сочиненіи подобнаго рода изложено, хотя и подробно, всё то́, что́ дѣлаютъ съ пчелами для полученія отъ нихъ дохода, но изложено безъ всякой послѣдовательности,—если въ немъ только сказано, что одни дѣлаютъ это та́къ, а другіе иначе, иные объ этомъ думаютъ та́къ, а другіе—во́тъ-какъ;

но основательно не доказано, почему именно должно дѣлать одно́ и избѣгать другого, не представлено основныхъ идей пчеловодства, его незыблемыхъ правилъ, критически не разобраны разныя его методы и не указаны лучшія изъ нихъ, т. е. не показана разумность каждаго дѣйствія, сообразность его съ основною идеей — съ цѣлью дѣйствія, однимъ словомъ, если изъ практическихъ наставленій исключены теоретическія основанія: — такое сочиненіе, хотя бы и заключало въ себѣ дѣйствительно-полезныя и вѣрныя наставленія, не можетъ, однакожъ, быть руководствомъ для незнающаго, потому что незнающій не пойметъ ни вѣрности правилъ, ни ихъ пользы, не составитъ себѣ ни какой ясной о чемъ-либо идеи, т. е. просто не научится дѣлу, и, слѣдовательно, будетъ блуждать во тьмѣ сомнѣній, нерѣшительности, и на каждомъ шагу дѣлать разорительныя для себя ошибки. Таково и разбираемое сочиненіе.

Г. Краузе, составивъ себѣ понятіе, будто подъ именемъ теоретическаго пчеловодства слѣдуетъ разумѣть только описаніе естественнаго состоянія пчелъ, исключилъ изъ практическаго отдѣла своего сочиненія всякую теорію: онъ не изложилъ систематически основныхъ правилъ пчеловодства, не подвергъ критическому разбору обыкновеннаго, простаго, и искуственнаго пчеловодства, не разобралъ различныхъ господствующихъ въ немъ системъ, и не факты групировалъ около идей, а къ фактамъ коегдѣ присоединялъ идеи, которыя не будучи одна съ другою связаны никакою общею, главною идеей сочиненія, часто одна другой противурѣчатъ. Въ изложеніи частей предмета онъ, разумѣется, придерживался кое-какого порядка, неизвѣстно однакожъ на чемъ основаннаго, но порядокъ, хотя бы онъ и былъ хорошъ, самъ по себѣ не есть теорія, а безъ теоріи не можетъ быть и хорошаго порядка.

Чтобы мнѣніе мое не показалось голословнымъ, войду въ нѣкоторыя частности. Въ пчеловодствѣ есть много различныхъ системъ, одна другой противуположныхъ, много разныхъ способовъ обращенія съ пчелами, одинъ отъ другого отличныхъ, различныхъ ульевъ для жилища пчелъ, болѣе или менѣе сообразныхъ съ принятою системой, и проч. Каждый согласится, что составляющему руководство къ пчеловодству нельзя же оставаться ко всему этому равнодушнымъ и быть одинаковаго мнѣнія о каждой системѣ. Мнѣ кажется, напротивъ, что надобно прежде всего составить себѣ убѣжденіе въ превосходствѣ одной какой-либо системы и руководить къ тому другихъ, а безъ такого убѣжденія не можетъ быть и руководства. Нельзя же говорить только: одинъ дѣлаетъ это *та́къ*, а другой—*во́тъ-какъ*. Въ такомъ случаѣ, слушающій или уча-

щійся, безъ сомнѣнія, спроситъ: да ка́къ же лучше? и не хорошо, назвавшись его учителемъ, отвѣчать: ужъ это не мое дѣло, это вы сами, испытавши, узнаете. — Въ такомъ случаѣ, ужъ если не знаешь, что́ лучше и что́ хуже,—не слѣдуетъ и дѣлаться учителемъ, а поэтому-то каждый руководитель, тамъ гдѣ есть нѣсколько противуположныхъ мнѣній, прежде всего долженъ имѣть собственное свое, какое-либо, убѣжденіе. Посмотримъ, имѣетъ ли такое убѣжденіе въ чемъ-либо составитель разбираемой книги.

Изъ разныхъ предметовъ пчеловодства, возьмемъ, напримѣръ, сохраненіе пчелъ во время зимы. По этому обстоятельству составилось два убѣжденія. Одни утверждаютъ, что гораздо лучше сохранять пчелы зимою на открытомъ воздухѣ, другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что лучше сберегать ихъ въ особыхъ помѣщеніяхъ — въ омшаникахъ; и не думайте, что эти убѣжденія основываются преимущественно на условіяхъ климата, — нѣтъ, совсѣмъ на другихъ причинахъ. За первое убѣжденіе крѣпко стоятъ всѣ иностранные пчеловоды; за второе, съ Прокоповичемъ во главѣ, вся Украина. Казалось бы, эти убѣжденія не важны; но вѣдь отъ того или другого убѣжденія зависитъ въ сильной степени и самая метода пчеловодста, а въ особенности одинъ изъ важнѣйшихъ его предметовъ — выборъ улья для своей пасики, такъ-что тѣ, которые признаютъ лучшимъ держать пчелы на открытомъ воздухѣ, должны употреблять извѣстнаго рода ульи, между тѣмъ, какъ тѣ, кто захочетъ прятать пчелы на зиму въ омшаники, должны ввести у себя уже совсѣмъ другого рода ульи. Какого жъ убѣжденія въ этомъ случаѣ г. Краузе? — Этого онъ и самъ нигдѣ не говоритъ, этого нигдѣ не видно изъ его сочиненія. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ (стр. 309), говоря о зимовкѣ пчелъ *въ омшаникахъ*, онъ пишетъ: »сдѣланныя, въ 1849 (на 160 »дней) и въ 1852 (на 178 дней) годахъ, опыты, въ пасикѣ Горигорѣц»каго Института, оказались довольно удовлетворительны. Пчелы, за »исключеніемъ одного семейства, которое погибло, оказались совершен»но здоровыми и заносъ, хотя мѣстами былъ покрытъ легкою плѣсенью, »былъ въ надлежащемъ порядкѣ, а также замѣтно было начало выведе»нія молодаго расплода, хотя холодъ въ генварѣ 1852 г. доходилъ »до 28°R., при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и продолжался нѣсколько »дней. Выбранные для этого опыта сильныя семейства употребили сред»нимъ числомъ въ первомъ году (въ теченіи 160 дней) каждый около »10 фун., во второмъ году (въ теченіи 178 дней) только 11 фунт. меду »на зимнее продовольствіе; между тѣмъ какъ *въ ульяхъ*, *сохранне-*

»*мыхъ въ пасѣкѣ на открытомъ воздухѣ*,' и въ подвалѣ, *пчелы съѣ»ли вдвое, нѣкоторые даже втрое, больше меду.*«—Казалось бы, что послѣ такихъ опытовъ не трудно было убѣдиться въ превосходствѣ сохраненія пчелъ зимою въ омшаникахъ (о чемъ пишетъ (стр. 301) и самъ Краузе, совѣтуя для сего устроивать омшаникъ по системѣ Прокоповича), а составивъ себѣ такое убѣжденіе, принявъ его за одну изъ основныхъ идей теоріи пчеловодства, слѣдовало уже, описывая разные роды ульевъ, давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе сообразны съ такою зимовкою пчелъ. Но г. Краузе, напротивъ, въ сочиненіи своемъ только *упоминаетъ объ омшаничныхъ ульяхъ*, и *очень подробно описываетъ теплые и многосемейные ульи* Дзирзона и другихъ нѣмецкихъ пчеловодовъ (назначенные, собственно, для зимованія въ нихъ пчелъ на открытомъ воздухѣ),—отдаетъ имъ преимущество предъ всѣми другими, иностранными даже, ульями, не говоря уже о русскихъ, и такимъ образомъ неожиданно обнаруживаетъ, что онъ придерживается того убѣжденія, что гораздо выгоднѣе сохранять пчелъ зимою на открытомъ воздухѣ!—Что́ жъ это значитъ?.. То́, что г. Краузе не имѣетъ въ этомъ предметѣ никакого собственнаго убѣжденія.

Для доказательства такого отсутствія убѣжденій у г. Краузе, я взялъ только одинъ предметъ пчеловодства, но тоже самое видно и относительно всѣхъ другихъ; можно даже сказать, что г. Краузе хотя и знаетъ, что въ пчеловодствѣ есть разныя мнѣнія, убѣжденія, системы и что, вслѣдствіе разногласія между ними, ведутся споры и ставятъ изучающаго пчеловодство въ большо́е затрудненіе, но не сознаетъ, что рѣшеніе этихъ споровъ не должно быть чуждо ни одному ученому пчеловоду, а въ особенности — составляющему руководство для другихъ. Мнѣ кажется, что, относительно многихъ предметовъ пчеловодства, оттого до сихъ поръ и существуютъ разныя убѣжденія, что никто еще не постарался основательно разобрать ихъ; но если бъ кто-нибудь изъ образованныхъ практическихъ пчеловодовъ взялся за это важное дѣло и далъ бы этимъ различнымъ убѣжденіямъ, такъ сказать, очную ставку, то истина тотчасъ бы обнаружилась и разность убѣжденій исчезла. Послѣ этого спрашивается: можетъ ли сочиненіе, съ такимъ важнымъ недостаткомъ, быть руководствомъ для человѣка, не имѣющаго никакого понятія о пчеловодствѣ, но желающаго его изучить и имъ заняться? — По моему вышеизложенному взгляду на этотъ предметъ, я думаю, что сочиненіе г. Краузе такимъ руководствомъ быть не можетъ, и что по недостатку убѣжденій, слѣдовательно—и по отсутствію вся-

кого единства, всякой теоріи въ сочиненіи, оно не только не въ состояніи указать, желающему изучить, прямого и лучшаго пути въ этомъ занятіи; но, напротивъ, собьетъ его съ толку, запутаетъ и — пожалуй — заставитъ, послѣ разорительныхъ неудачъ, вовсе бросить занятіе пчеловодствомъ.

Для бо́льшаго доказательства, что у г. Краузе нѣтъ теоріи, нѣтъ путеводной идеи въ изложеніи какого-либо предмета пчеловодства, возьму еще одинъ отдѣлъ изъ его сочиненія. Г. Краузе хотѣлъ изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ тѣ занятія, какія предстоятъ пчеловоду круглый годъ въ его пасикѣ,—мысль прекрасная и столь необходимая въ наукѣ пчеловодства, какъ безъ сомнѣнія г. Краузе и не подозрѣваетъ. Какъ же онъ изложилъ эти занятія, какую положилъ въ основаніе идею, которая бы ясно показывала необходимость каждаго занятія и его своевременность? Для этого г. Краузе, думая только о порядкѣ, а не объ теоріи, принялъ раздѣленіе года на двѣнадцать мѣсяцевъ, и руководясь нѣмецкими сочиненіями Бейера и Кюнера, составилъ *календарь* занятіямъ пчеловода, гдѣ указалъ—что́ слѣдуетъ ему дѣлать въ своей пасѣкѣ каждый мѣсяцъ!!. Но вѣдь мѣсяцы не бываютъ одинаковы во всѣхъ мѣстностяхъ, и пчелы дѣйствуютъ не по календарю. Въ одномъ мѣстѣ они еще лежатъ въ омшаникѣ, а въ другомъ уже летаютъ по воздуху; въ иномъ мѣстѣ онѣ уже роятся, а въ другомъ еще о томъ и не думаютъ, что́ бываетъ часто въ одномъ и томъ же климатѣ и даже не на далекомъ пространствѣ. Напримѣръ, въ Конотопскомъ уѣздѣ (Черниг. губ.) пасики, находящіяся въ лѣсной мѣстности, начинаютъ роиться съ половины мая и оканчиваютъ роеніе къ іюлю, а въ степной, не далѣе двадцати верстъ отъ первой, въ іюлѣ еще только начинается роеніе. Какимъ же образомъ можно слѣдовать занятіямъ, помѣсячно указываемымъ г. Краузе, когда состояніе пасики не дозволяетъ иногда того занятія, которое предписывается дѣлать въ томъ мѣсяцѣ? Поэтому, для теоретическаго изложенія занятій въ пасикѣ, слѣдовало бы принять въ основаніе не мѣсяцы года, а что-нибудь болѣе основательное, что́ именно указывало бы на потребность такого, а не другого, занятія, и притомъ вообще во всякой мѣстности; для чего, по мнѣнію моему, было бы самое лучшее избрать основаніемъ внутреннее состояніе пасики и, сообразно ему, указывать уже и на занятія въ ней пчеловода. Лѣтнее состояніе пасики имѣетъ слѣдующіе пять періодовъ: 1-й отъ выставки пчелъ изъ омшаника до видимаго появленія червы въ ульяхъ; 2-й отъ появленія червы до роенія;

3-й роеніе пчелъ; 4-й изобильное собираніе пчелами меда, — такъ называемый *взятокъ*, и 5-й полученіе отъ пасики прибыли и приготовленіе пасики къ зимованію. Въ каждый изъ этихъ періодовъ пчелиное семейство находится въ совершенно иномъ состояніи, отличномъ отъ другаго періода; въ каждый періодъ пчеловодъ имѣетъ особое стремленіе, иную цѣль и слѣдовательно, каждый періодъ требуетъ особыхъ, свойственныхъ только ему, занятій. А поэтому и изложеніе занятій въ пасикѣ по этимъ періодамъ внутренняго ея состоянія было бы, во-первыхъ, самымъ натуральнымъ и логическимъ, а во-вторыхъ, такое изложеніе, основанное на природѣ вещей и необходимости, какъ на основной и вѣрной идеѣ, врѣзалось бы скоро, ясно и неизгладимо въ умѣ изучающаго пчеловодство, потому что онъ вдругъ понялъ бы смыслъ и значеніе всякаго занятія, и войдя въ свою пасѣку, взглянувъ на ея внутреннее состояніе, онъ тотчасъ бы зналъ, что́ ему слѣдуетъ въ ней дѣлать, не справляясь уже какой именно мѣсяцъ на дворѣ: іюнь ли или іюль?

Вотъ мой общій взглядъ на сочиненіе о пчеловодствѣ профессора Краузе. Разбирать въ подробности каждую главу было бы большою работою — это значило бы написать цѣлое сочиненіе о пчеловодствѣ. Скажу только, что кромѣ общаго недостатка теоретическаго изложенія фактовъ, и самые факты не всегда вѣрны. Много помѣщено такихъ правилъ и наставленій, которыя или отвергнуты уже пчеловодами, или же, по своей ничтожности, не были и принимаемы ими; много невѣрныхъ наблюденій, ошибочныхъ сужденій, а если и встрѣчаются вѣрныя и полезныя замѣчанія и свѣдѣнія, то всѣ они такъ перемѣшаны съ безполезными и ложными, что только люди свѣдущіе и опытные могутъ замѣтить и отличить ихъ; часто самое вѣрное наблюденіе оставляется г. Краузе безъ всякаго примѣненія, а на ложномъ — основываются правила и наставленія, что́, безъ сомнѣнія, поведетъ изучающаго пчеловодство по этому руководству къ самимъ жалкимъ результатамъ, если не къ совершенному уничтоженію его пасики. Но что́ всего досаднѣе, такъ это — пристрастіе г. Краузе къ иностранному пчеловодству и предпочтеніе его нашему. И не удивительно! Слѣдя за всѣми иностранными сочиненіями о пчеловодствѣ, даже за самыми маловажными газетными статьями, г. Краузе не только не знаетъ многихъ нашихъ о семъ предметѣ газетныхъ статей, но даже цѣлаго, самаго лучшаго и до сихъ поръ единственнаго у насъ сочиненія о *практическомъ* пчеловодствѣ — купца Пономарева, чего уже, по мнѣнію моему, никакъ нельзя извинить *русскому* профессору пчеловодства. А при та-

комъ недостаточномъ знаніи литературы нашего пчеловодства, не говоря уже — о самомъ пчеловодствѣ, г. Краузе составилъ все сочиненіе свое большею частію по иностраннымъ сочиненіямъ и, очень естественно, увлекся иностраннымъ пчеловодствомъ и находитъ въ немъ все достойнымъ нашего подражанія. Такъ, напримѣръ (стр. 246), г. Краузе говоритъ, что способъ дѣланія искуственныхъ роевъ въ особенности усовершенствовалъ Дзирзонъ и на немъ основалъ особую систему пчеловодства, которая въ послѣдніе годы почти повсемѣстно распространилась: между тѣмъ какъ Пономаревъ уже давно превосходнымъ образомъ изложилъ этотъ предметъ въ своемъ сочиненіи и, можно сказать, первый далъ всѣмъ пчеловодамъ правильное понятіе объ искусственныхъ рояхъ. Только изрѣдка упоминая о нѣкоторыхъ изъ нашихъ, признанныхъ уже превосходными, ульяхъ, г. Краузе находитъ улей Дзирзона совершеннѣйшимъ. Не говоря уже о томъ, что улей этотъ вовсе не годится для употребленія въ тѣхъ пасикахъ, гдѣ пчелы зимуютъ въ омшаникѣ, онъ, по моему мнѣнію, гораздо хуже другихъ и для тѣхъ пасикъ, гдѣ пчелы оставляются зимой на открытомъ воздухѣ. Не стану разбирать подробно его недостатковъ, но уже одно расположеніе въ немъ сотовъ, (не ребромъ къ открытой сторонѣ улья, а плашмя, такъ что они не вынимаются вверхъ улья, а въ бокъ, въ эту открытую его сторону, отъ чего при разсматриваніи гнѣзда видѣнъ одинъ только сотъ, а ежели нужно посмотрѣть далѣе, то нужно обрѣзывать и вынимать каждый сотъ особо), — это одно устройство сотовъ уже такая нелѣпость, отъ которой наши пасичники пришли бы въ ужасъ!..

Повторяя, что обнаруженіе всей ошибочности наставленій и невѣрности фактовъ, находящихся въ сочиненіи г. Краузе, повело бы слишкомъ далеко, заключу мой обзоръ замѣчаніемъ, что профессоръ Краузе изучалъ пчеловодство только по книгамъ, и то большею частію иностраннымъ, а практикою занимался очень мало; поэтому, не имѣя въ пчеловодствѣ яснаго и основательнаго знанія, составилъ объ немъ самое сбивчивое и запутанное сочиненіе, которое, повторяю, заключаетъ въ себѣ однакожъ очень много вѣрныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Въ немъ изложена, подробнѣе, нежели гдѣ либо, исторія пчеловодства, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ открытіями и трудами многихъ иностранныхъ пчеловодовъ, которые безъ того могли бы остаться намъ и неизвѣстными. По всему этому, книга г. Краузе, просто какъ сочиненіе о пчеловодствѣ, есть очень полезная книга, въ особенности для его литтературы, за которую можно поблагодарить трудолюбиваго профессора, при бѣдности у насъ

сколько-нибудь дѣльныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ; но, какъ *руководство* къ пчеловодству, да еще *теоретическое* и *практическое* — оно никуда не годится, и въ этомъ отношеніи не только не полезно, а даже вредно. Оно не только не можетъ научить дѣльному, правильному пчеловодству, не только не можетъ указать истиннаго пути въ этомъ трудномъ и запутанномъ разными системами знаніи, но, напротивъ, заведетъ неопытнаго въ такую нѣмецкую даль, гдѣ онъ непремѣнно погибнетъ, то есть, броситъ пчеловодство съ проклятіемъ, если только случайно кто-либо изъ земляковъ не выведетъ его въ родную сторону....

.....кій.

НБУ

ОТЧЕТЪ

О МОЛОТЬБѢ МОЛОТИЛЬНОЮ МАШИНОЮ, СЪ ЛОКОМОБИЛЕМЪ, ЗАВОДА РАНСОМА И СИМСА.

Въ-виду предстоящаго измѣненія въ условіяхъ обязательнаго труда, замѣтно распространяется у насъ введеніе земледѣльческихъ машинъ. Въ короткое время появились, въ Полтавской губерніи, разныя машины, выписанныя изъ Англіи, Франціи и Бельгіи. Наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе молотильни съ локомобилемъ.

Въ нынѣшнемъ году я нанялъ такую машину у помѣщицы Полтавскаго уѣзда, Е. И. Абаза, для управляемаго мною имѣнія, въ селѣ Рибцахъ того же уѣзда. Полагая, что сообщеніе добросовѣстныхъ и правдивыхъ свѣдѣній о результатахъ въ дѣлѣ, для насъ еще новомъ, можетъ принести пользу, представляю самый подробный отчетъ о дѣйствіи у меня паровой молотильни. Изъ этихъ свѣдѣній и цифръ и сравненія ихъ съ результатами, полученными другими владѣльцами или нанимателями машинъ, каждый хозяинъ легко можетъ, по своему взгляду и расчету, опредѣлить степень выгодности молотьбы паровою молотильнею.

I) Порядокъ молотьбы.

Намѣреваясь нанять машину, я заблаговременно приказалъ сложить наибольшую часть хлѣба на самихъ поляхъ, въ скирдахъ, поставленныхъ плотно одна возлѣ другой и въ одинъ рядъ, дабы съ большею удобностью и успѣшностью передвигать машину. Такимъ образомъ хлѣбъ былъ сложенъ въ пяти мѣстахъ.

Машина начала дѣйствовать 31-го августа, кончила 24 сентября. За исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и ненастныхъ дней, а также времени, потребнаго для перевозки машины съ одного мѣста на другое, она была въ дѣйствіи всего 18 дней.

Въ 1-мъ, 2 и 3 мѣстѣ, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, въ теченіи 12 дней, сбито:

ржи	»	»	616 копъ
озимой пшеницы	»	»	698 —
яровой пшеницы	»	»	270 —
голаго ячменя	»	»	36 —
			1,620:

въ день по 135 копъ.

Въ 4-мъ мѣстѣ, въ 2 дня, сбито:

яровой пшеницы	»	»	180 копъ
ржи	»	»	85 —
			265:

въ день по $132^1/_2$ копы (1).

Въ 5-мъ мѣстѣ, въ 4 дня, сбито:

яровой пшеницы	»	»	131 копъ
ячменя	»	»	359 —
овса	»	»	311 —
			801:

въ день по $200^1/_4$ к.

Итого, въ общей сложности 18 дней — 2,686 к.

въ день по $149^{13}/_{60}$ к. (2)

2) *Процессъ молотьбы и количество рабочихъ.*

При машинѣ находился постоянно машинистъ и два работника г-жи Абаза: *одинъ работникъ* имѣлъ исключительною обязанностію управлять топкою и наблюдать за чистотою машины, *другой* занимался безпрерывно подливкою масла въ разныя части машины, при ея дѣйствіи.

---

(1) Въ эти два дня машина дѣйствовала слабѣе, вслѣдствіе обнаружившейся порчи, которая потребовала потомъ цѣлаго дня для исправленія.

(2) Не могу представить отчетливаго свѣдѣнія о томъ, сколько именно и какого хлѣба вымолачивала машина; ибо хотя скирды были сложены счетомъ копенъ, но большею частію выходило такъ, что въ одинъ день кончалась одна скирда и начиналась другая; считать же снопы при подачѣ на машину, невозможно, по быстротѣ работы. Но и изъ представленныхъ цифръ обнаруживается ясно, что вымолачивается въ день болѣе ячменя и овса, чѣмъ прочаго хлѣба.

Ежедневно, не менѣе 26 мущинъ и 8 женщинъ, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	мущ.	женщ.
на скирдѣ, для подачи сноповъ	4	»
на платформѣ, для бросанія сноповъ подъ молотильный барабанъ	4	»
для переноски мѣшковъ съ вымолоченнымъ зерномъ .	2	»
для приборки *половы* (мякины) и *сбоинъ*. . . .	2	»
для отвоза зерна въ опредѣленныя къ тому помѣщенія	2	»
водовозъ	1	»
для уборки соломы	11	7
кухарка.	»	1
	26	8

Но число рабочихъ, по мѣрѣ возможности, иногда прибавлялось для большей успѣшности въ уборкѣ соломы, такъ-что въ общей сложности было въ работѣ мущинъ 500, женщинъ 158,—что составляетъ въ день мущинъ $27^7/_9$, женщинъ $8^7/_9$.

3) *Издержки*.

Здѣсь я долженъ предпослать одно замѣчаніе: по моему, слѣдуетъ раздѣлить эти издержки на необходимыя и такія, которыя составляютъ послѣдствія молотьбы и необходимость которыхъ зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія каждаго хозяина.

Машина Рансома и Симса, бывшая у меня въ дѣйствіи, имѣетъ 6 силъ; она только провѣваетъ хлѣбъ, но не сортируетъ и не очищаетъ. Провѣвка хлѣба гораздо удовлетворительнѣе вѣянья лопатами, ибо въ зернѣ не остается не только кусочковъ земли, ка́къ это бываетъ при вѣяньи въ клуняхъ и на гумнахъ, но и ни малѣйшей пыли. Но по причинѣ быстроты и силы дѣйствія машины, попадаютъ въ вывѣянное зерно кусочки соломы, колоски (сбоины), такъ-что, для окончательнаго приведенія зерна въ должный видъ, необходимо пропустить его на ручную сортировку, которая весьма легко—двумя рабочими—очищаетъ въ день отъ 45 до 50 четвертей въ такомъ видѣ, какого только можетъ требовать самый внимательный хозяинъ.

Такимъ образомъ, издержки, которыя я называю необходимыми, были слѣдующія:

а) на процессъ молотьбы:

Подводъ съ рабочими для перевозки машины отъ г-жи Абаза (по 3 пары воловъ подъ паровикъ и машину и 1 для инструментовъ, наковальни и проч.) на два дни: 14; по 50 к.	7 р.	— к.	
Работниковъ наемныхъ по 25 к. до 1-го сентября и по 20 съ 1-го сентября: 200	43 »	15 »	
Артельщику при наемныхъ солдатахъ	3 »	5 »	
Барщины: при молотьбѣ мущинъ по той же цѣнѣ, какъ и наемные: 300	61 »	45 »	
Женщинъ по 12 к.: 158.	18 »	96 »	
Дроворубовъ по 20 к.: 20	4 »	— »	
Подводъ для возки воды и перевозки зерна съ поля по 50 к.: 79	39 »	50 »	
Подводъ для перевозки машинъ съ одного поля на другое по 50 к.: 7	3 »	50 »	
Дровъ 10 кубич. сажень по 12 руб.	120 »	— »	
Масла подсолнечнаго 2 п. 36 ф.	18 »	32 »	
Оливы 1 п. 39 ф.	20 »	$70^1/_2$ »	
Свѣчнаго сала 28 ф.	3 »	33 »	
Провизіи работникамъ (1) и машинисту на . . .	77 »	74 »	
Итого	420 р.	$70^1/_2$ к.	
Приходится на копну. .	— »	$15^5/_8$ »	

б) для очистки зерна:

Барщины: мущинъ — 54	10 »	80 »	
женщинъ — 10	1 »	20 »	
На сумму. .	12 р.	— к.	
Приходится на копну. .	— »	$^6/_{13}$ »	
Сверхъ того, заплачено за наемъ машины по 10 к. отъ копны; такимъ образомъ, общая стоимость обмолота копны, съ провѣвкой и очисткой зерна, составляетъ. .	— »	$26^1/_{11}$ »	

(1) Такъ-какъ работа производилась въ полѣ, вдалекѣ отъ жилья, то я нашелъ необходимымъ продовольствовать и барщинныхъ работниковъ, и сверхъ того, во вниманіе къ непривычной работѣ, требующей особой быстроты и проворства, всѣмъ мущинамъ я давалъ за обѣдомъ и ужиномъ по рюмкѣ водки.

Издержки послѣ обмолота машиною заключаются въ провѣвкѣ половы и переборкѣ сбоинъ, такъ-какъ въ томъ и другомъ остается довольно зерна. Это происходитъ 1) оттого, что сильное дѣйствіе вѣялки отбрасываетъ легкія зерна, какъ это бываетъ и при обыкновенной вѣялкѣ лопатою на вѣтрѣ; 2) при бросаніи сноповъ со скирды на машину высыпается весьма много зерна, особенно когда хлѣбъ бываетъ такъ сухъ, ка́къ онъ былъ въ нынѣшнемъ году. Все выпадающее отъ этихъ двухъ причинъ зерно по необходимости должно быть заметаемо вмѣстѣ съ половою.

На провѣйку половы, переборку сбоинъ и очистку зерна употреблено:

Наемныхъ мущинъ 49; по 20 к.	9 р.	80 к.
Продовольствіе наемныхъ	2 »	70 »
Барщины: мущинъ 145; по 20 к.	29 »	— »
женщинъ 25; по 12 к.	3 »	— »
Подводъ для перевозки съ поля полученнаго зерна: 9.	4 »	50 »
Итого	49 р.	— к.
Приходится на копну.	1 »	$1^{11}/_{3}$ »
Всего, съ предыдущимъ расходомъ, обошлась обмолотка копны, съ полною очисткою въ.	—	$27^{25}/_{26}$ »

4) Степень удовлетворительности обмолота.

Я нашелъ, что молотильня Рансома и Симса вымолачиваетъ совершенно удовлетворительно; причемъ я вполнѣ убѣдился въ томъ, что удовлетворитольность обмолота зависитъ, вопервыхъ, отъ чистоты хлѣба, а во-вторыхъ—отъ правильной подачи сноповъ на барабанъ. Чѣмъ хлѣбъ чище, т. е. чѣмъ менѣе въ немъ сорныхъ травъ (пашистая солома) и чѣмъ правильнѣе колосьями внизъ подаются снопы подъ барабанъ — тѣмъ менѣе зерна въ половѣ и тѣмъ менѣе отбивается невымолоченыхъ колосьевъ. Изъ этого я заключаю, что ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что для выигрыша времени можно молотить хлѣбъ по мѣрѣ его уборки, безъ связыванія въ снопы. Если, съ одной стороны, дѣйствительно выиграется время, нужное для вязанія сноповъ и перевозки ихъ къ скирдѣ, то съ другой, потеряется гораздо болѣе времени, какъ при самой молотьбѣ, отъ меньшаго количества (¹) смолоченнаго въ день хлѣба, такъ и при уборкѣ послѣ молотьбы.

(¹) Меньшее количество произойдетъ неминуемо оттого, что никогда работникъ не захватитъ сразу такое количество стеблей, какое составляетъ связаный мѣрный снопъ, мгновено развязаный и цѣликомъ поданный подъ барабанъ.

Степень удовлетворительности молотьбы можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Сортъ хлѣба.	Число сбитыхъ копенъ	Слѣдовало получить по пробѣ	Получено		Итого	Получено сверхъ того очистки на сортировкѣ
			Съ машины	Послѣ провѣйки половы		
		четв.	четв.	четв.	четв.	четв.
Ржи	701	370	335 1/2	33	368 1/2	—
Пшеницы озимой красной. .	219	109 1/2	94	15	109	1
Пшеницы озимой гирки . .	479	262	225	13 1/2	238 1/2	10
Пшеницы яровой красной. .	131	52 1/8	52 1/4	7 1/2	59 7/8	—
Пшеницы яровой красной другого сорту	450	161	162 7/8	19 1/2	182 5/8	12 6/8
Ячменя	359	179 1/2	140 1/2	54 1/2	195	—
Ячменя голаго.	36	20 1/8	12	8	20	—
Овса	311	185 2/8	154	18	172	—(1)

Цифры четвертой графы могутъ объяснить сказанное мною выше объ издержкахъ, предоставляемыхъ личному усмотрѣнію каждаго хозяина; т. е. слѣдуетъ или не слѣдуетъ тратить время и издержки на вѣянье половы. Мнѣ кажется, что сравненіе цѣнности полученнаго изъ провѣяной половы зерна съ стоимостію этой работы, говоритъ въ пользу оной. Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, во-первыхъ, что когда хлѣбъ остается долгое время немолоченымъ, то утрачивается немало зерна отъ за-

(1) 1) Очистка могла быть приведена въ настоящую извѣстность въ нѣкоторыхъ сортахъ пшеницы, въ которой былъ куколь, и съ которымъ отошла и часть мелкаго зерна; въ прочихъ же сортахъ хлѣба, очистка состояла изъ мелкихъ колосьевъ и нѣкоторыхъ сорныхъ сѣмянъ; приводить въ извѣстность этотъ соръ не стоило труда. — 2) Разница полученаго количества зерна, въ сравненіи съ пробами, можетъ быть отнесена къ неточности самихъ пробъ; — совершенно допускаю это, но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваю: много ли у насъ хозяйствъ, гдѣ количество зерна, полученнаго по обмолотѣ, соотвѣтствуетъ вполнѣ расчету по пробамъ? — 3) Голый ячмень, по мнѣнію моему, недоступенъ для молотьбы паровою машиною. Онъ чрезвычайно твердъ для молотьбы; быстрота и сила барабана отбиваетъ колосья, весьма крохкія, и они выбрасываются вмѣстѣ съ половою (мякиною); пропорція зерна, вывѣяннаго изъ половы, показываетъ справедливость этого замѣчанія. — 4) Всѣ издержки молотьбы составляютъ, на четверть полученнаго хлѣба, 56 1/7 коп.

мокшихъ верхнихъ споповъ скирды, и столь у насъ частаго мышеѣду, а во-вторыхъ, чрезъ оставленіе зерна въ половѣ увеличивается достоинство сей послѣдней, какъ корма весьма у насъ употребительнаго для рогатаго скота, свиней и лошадей. Но я думаю, что все же выгоднѣе получить, за незначительныя издержки, отдѣльно зерно и отдѣльно полову, и потомъ если угодно, давать зерно въ кормъ съ расчетомъ, а не какъ попало, съ половою. При томъ изъ представленной таблицы видно, что ячменя, который чаще всего употребляется въ кормъ рогатому скоту и свиньямъ, остается слишкомъ много въ половѣ; это происходитъ отъ крохкости его колосьевъ, легко отбиваемыхъ барабаномъ.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и цифръ, всякій хозяинъ, который ихъ прочтетъ, можетъ сдѣлать свой расчетъ о выгодности или невыгодности молотьбы паровою молотильнею и сравнить, на основаніи существующихъ въ извѣстной мѣстности цѣнъ рабочимъ, съ молотьбою ручною, или съ конноприводными молотильнями. Я считаю только въ этомъ случаѣ необходимымъ добавить, для правильности расчетовъ каждаго, слѣдующій выводъ: Если въ расчетахъ моихъ съ мелочною подробностію показаны всѣ издержки на молотьбу, то справедливость требуетъ оцѣнить и тѣ сбереженія, которыя доставляетъ молотьба паровой машиной. Сбереженія эти заключаются: во 1-хъ, въ значительномъ уменьшеніи подводъ для перевозки хлѣба въ гумна, какъ бы они ни были отъ полей близки; во 2-хъ, въ избѣжаніи издержекъ на сушку зерна, ибо, бывъ молочено въ сухое время, оно можетъ сохраняться продолжительное время безъ сушки; въ 3-хъ, въ сохраненіи всего того количества зерна, которое теряется въ скирдахъ отъ непогоды, снѣжныхъ наметовъ и мышеѣду.

И такъ, предоставляя каждому дѣлать свое заключеніе о выгодности или невыгодности молотьбы паровыми машинами, я, съ своей точки зрѣнія и по своимъ убѣжденіямъ, признаю за такою молотьбою несравнимыя ни съ какимъ другимъ способомъ выгоды. — Выгоды эти я не ограничиваю вышеприведенными тремя пунктами; въ моихъ понятіяхъ онѣ заключаются наиболѣе въ своевременномъ и въ наилучшемъ приготовленіи продуктовъ, въ возможности дѣлать заблаговременно вѣрныя, не на однихъ пробахъ основанные расчеты и бюджеты на цѣлый годъ, въ приготовленіи, за-время, въ сухомъ, свѣжемъ видѣ разныхъ сортовъ соломы, что́ такъ важно для правильнаго корма рогатаго скота и овецъ, и наконецъ—что́ всего важнѣе: въ сбереженіи времени. Мы не привыкли еще, при существующихъ нашихъ хозяйскихъ порядкахъ, давать настоящую цѣну драгоцѣннѣйшему изъ капиталовъ: времени, ка-

питалу, котораго никакими другими замѣнить не возможно. А между тѣмъ представленныя мною цифры, не показываютъ ли убѣдительнѣйшимъ образомъ, какое сбереженіе времени доставляетъ молотьба паровою машиною. Сколько дней пришлось бы молотить и вѣять смолоченый и вывѣяный мною хлѣбъ въ 18 дней, если бы количествомъ рабочихъ, употребленныхъ при первой молотильнѣ, нужно было обмолотить хлѣбъ цѣпами или даже на обыкновенныхъ молотильняхъ; или—какое потребовалось бы огромное количество рабочихъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ обмолотить и прибрать 2686 копенъ въ 18 дней!

Заключу мой отчетъ выраженіемъ другихъ желаній:

Первое, чтобы хозяева, испытавшіе, въ гораздо бо́льшемъ нежели я размѣрѣ, молотьбу паровыми машинами, сообщили также свои отчеты. Весьма интересно и поучительно было бы имѣть возможность сдѣлать сравненія и заимствовать тѣ приспособленія, которыя, при болѣе продолжительномъ употребленіи машинъ, могли быть указаны опытомъ, для уменьшенія издержекъ и ускоренія самой работы. Конечно, употреблялись разные сорты топлива: каменный уголь, навозный кирпичь, стебли подсолнечниковъ; весьма любопытно было бы имѣть сравненіе количества разныхъ сортовъ топлива, потребнаго для дѣйствія машины въ данное время. Не менѣе интересно и сравненіе дѣйствія разныхъ машинъ, ибо въ Полтавской губерніи есть и машины Клейтона, и машины Французскія и Бельгійскія.

Второе, чтобы явились предпріимчивые люди съ капиталомъ, которые бы завели у себя нѣсколько машинъ для найма желающимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на спросъ не было бы недостатка, и я полагаю, что такое предпріятіе доставило бы немалыя выгоды владѣтелю машинъ. — Но объ этомъ второмъ моемъ желаніи я намѣренъ поговорить подробнѣе въ отдѣльной статьѣ; теперь же только прибавлю, что г-жа Абаза, имѣя двѣ машины, не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, безпрестанно къ ней поступающимъ; что въ числѣ нанимателей было, въ нынѣшнемъ году, нѣсколько козаковъ, имѣющихъ разнаго рода хлѣба отъ 100 до 200 копенъ и что за наемъ машины охотно платили по 15 коп. отъ копны.

М. Бѣлуха-Кохановскій,
помѣщикъ Полтавской губ.

1 декабря 1860.
Полтава.

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ II.

Посла́въ я, добро́дію, до васъ пе́рвий свій листъ, та й схаменувся: що́ жъ, якъ ви за городи́ уступитеся, що й безъ нихъ на світі не мо́жна, — що́ тоді я вамъ одвітува́тиму? Спра́ві, якъби́ городи́ не захисти́ли сілъ и хуторівъ, то я́къ би хуторі й се́ла стоя́ли? Спаси́бі імъ за се, що вони́ селя́намъ и хуторя́намъ за́хистъ дава́ли, якъ ще́ всюди було́ пусто й ди́ко. Шко́да тілько, що ду́же до́рого зъ насъ за сю послу́гу бра́ли; бо, одбива́ючи одъ насъ ворогівъ нашихъ, не съ ко́го, якъ изъ насъ же, вони́ ору́жний людъ набіра́ли, не съ ко́го, якъ изъ насъ же, ёго́ харчува́ли, не на ко́го, якъ на насъ же, посто́емъ ёго́ напуска́ли.

Розберіть лишъ, добро́дію, поча́токъ городівъ у да́вню давнину́ німе́цьку й слава́нську. Що́ воно́ таке́ було́? Хто въ нихъ засівъ и яке́ ли́хо ми одъ нихъ терпіли! Лу́чче бъ воно́ й не сни́лось намъ — таке́ въ насъ ко́ілось, отъ хоть би́ й за Варя́гівъ. Не де́сять, не два́дцять ро́ківъ городи́ насъ руйнува́ли и, мовъ те поло́хане ста́до, съ кутка́ въ куто́къ по Вкраїні ганя́ли. Тілько що ми, селя́не та хуторя́не, нічо́го не записували, тимъ воно́ й пішло́ все те въ непа́мъять, яко́го ми ли́ха, яко́і нару́ги одъ городя́нъ дознава́ли; а вони́-то, бачъ, куди́ якъ пи́шно на папе́рі слебізува́ли, що ось бо сякий та такий князь изъ дружи́ною и во́і своїми на чужі зе́млі хожда́ше, городи́ й се́ла воюва́ше, ось бо му́ри кошто́вні созида́ше, ліпото́ю облека́ше и хвалу́ Бо́го-

ві воздава́ше. Ато́ ще уста́вами своіми за́чнуть на папе́рі велича́тися та су́дніми гра́мотами та номокано́нами, що безъ нихъ не зуміли бъ ні розміжува́тися, ні розсуди́тися, ні зійти́ся, ні розійти́ся, та що́! и зовсімъ би ду́рнями безъ городя́нъ зоста́лися. У города́хъ и купе́цтво, у города́хъ и реме́ство, у города́хъ и нау́ка собі зъ да́вніхъ даве́нъ сідало ма́ють. А яка́ всёму́ тому́ ціна́ нало́жена, те вже неха́й оди́нъ Госпо́дь раху́е.

Якъ вамъ, добро́дію, здае́тця: чи одна́ково въ ма́чухи, якъ и въ ма́тери? Оце́ жъ насъ, селя́нъ та хуторянъ, ви́кохавъ назва́ний ба́тько — го́родъ, въ тяжкій нево́лі, та ще й дя́ки одъ насъ вимага́е: мовля́въ, безъ ме́не ди́кимъ би звіря́кою селя́не скита́лись; ато́ ба́чте, якъ га́рно Бо́гу іхъ моли́тися понау́чувавъ, и яки́й гарний поря́докъ су́дній повво́дивъ, и яку́ лю́бу освіту наро́дню скрізь роспросте́ръ!... О, бо'да́й тебе́, стари́й ка́верзнику! Все вже ти собі зага́рбавъ; не ду́май же и въ ми́сляхъ собі того́ не поклада́й, що во віки ві́чні ми въ те́бе підъ опе́кою зостава́тимемось. Ти, старига́не, свое́ діло зроби́въ до конця́, и самъ почина́ешъ свого́ анахрони́зму догляда́тися, тілько, що го́лосно призна́тись передъ исто́риею соро́мисся. Онъ уже́ въ Брю́сселі, въ Ба́зелі, въ Москві та й по дру́гихъ ста́росвітськихъ тверди́няхъ, де були́ вали́ и рови́ оборо́нниі, тамъ сади́ понаса́жувані. Де со́тні й ти́сячі люде́й па́дали, тамъ весе́ла тепе́ръ дітво́ра бігае. Хиба́ жъ се не озна́ка, що стари́й дідъ-го́родъ свій вікъ звікува́въ? Нічого більшъ ёму́ роби́ти.

А що прогре́сомъ, городя́не, велича́етесь, то ми тому́ прогре́су ціну́ зна́ємо. Ти́сячу ро́ківъ ви въ насъ торги́ заво́дите, а на чо́му вони́ вертя́тця? Куди́ якъ дале́ко лю́дськость ви своіми торга́ми дви́гнули!... Ти́сячу ро́ківъ суди́ ви въ насъ на Вкраі́ні су́дите, а въ ко́го більше пра́вди: чи въ пе́рвого Варя́га, що на полю́ддя зъ го́рода ви́йшовъ, чи въ послідне́го ва́шого спра́вника, що на слідствие ви́іхавъ?... Ти́сячу ро́ківъ проповідуете ви у своіхъ му́рахъ кошто́внихъ любо́въ и миръ, — чи більше жъ у васъ любо́ви й ми́ру, аніжъ було́ у тихъ про́стихъ Славя́нъ, що сла́вили въ гая́хъ и на жита́хъ недовідо́мого імъ ласка́вого и ще́дрого Бо́га?...

Ми не гово́римо, що до́бримъ лю́дямъ гріхъ вели́кою грома́дою збіра́тися, на вели́кі ярмарки́ зъізжа́тися, вели́кі буди́нки будува́ти и вся́ку меха́ніку гурто́мъ виду́мувати, форте́ці по узграни́ччяхъ стро́іти, фло́ти споружа́ти, акаде́мні заво́дити, кни́ги, папе́ри

у до́брихъ схо́ванкахъ про да́льші ро́ди хова́ти. Ми тілько про́тивъ тихъ городівъ листи́ пи́шемо, кото́рі, якъ отъ и въ насъ на Вкраїні, не зна́ть по-я́кому поста́ли, та й до добра́ нічо́го не подово́дили, а тілько лю́дямъ ро́зумъ звяза́ли и по своїй уподо́бі жи́ти заборони́ли. Го́лосно ми на свою бра́ттю хуторя́нъ покли́куемо: »Эй, хуторя́не, пано́ве бра́ття! лю́де свіжі, незатума́нені, и одъ пра́ведного Бо́га не одве́дені! не ки́дайтесь ви на ту ома́ну городя́нську, кото́ра вже ти́сячу ро́ківъ ко́зи въ зо́лоті вамъ пока́зуе. Побу́дьте ще хочъ изъ со́тню ро́ківъ таки́мъ лю́домъ, яки́мъ сохрани́въ ва́съ Госпо́дь до сёго дня свято́го. Підожді́те кра́щого ладу́, небожа́та. Мо́же, ви й сами́ городи́ собі побуду́ете и нові звича́і въ нихъ позаво́дите, тільки не такі, якъ тепе́ръ скрізь по города́хъ, мовъ та зіно́вать степова́, корення́тця. А сі вже городи́ неха́й собі стоя́ть и, безъ ва́шого гріха́, своє́ діло ро́блять, и до свого́ конця́ дохо́дять.« Отъ на́ша за́повідь и вся на́ша нау́ка.

Бага́то лю́дей письме́нниихъ зъ не́і кепкува́тиге, и прогре́сомъ, и тимъ, и симъ намъ доріка́тиме, та дарма́. Мо́же, ви, земляки́ мої любі, того́ й не почу́ете, бо ти́і прогресисти понашому не втнуть: вони́ собі яку́сь неподо́бну мо́ву въ города́хъ повисижували, та й ла́млють підъ не́і лю́дський ро́зумъ зъ мало́го ма́льства. Коли́ жъ дочу́етесь, що сі добро́діі обскуранти́змомъ ла́ютця, що ніби-то, по моїй нау́ці, въ обскуранти́змі чоловікові спасіння, то й тутъ ви імъ віри не дійма́йте. *Одну́* кни́жку я вамъ пора́явъ, — пра́вда, що одну́; такъ у тій же кни́зці ввесь дре́вній миръ умісти́вся. Неха́й вони́ се розберу́ть по суботамъ, та й на те вва́жять, що та кни́жка дала́ віка́мъ грядущимъ вели́кий завітъ свято́і во́лі, кото́рого ще ні одна́ городя́нська грома́да не ви́повнила.

Ви́повнимо жъ хочъ ми ёго́, селя́не та хуторя́не! Тамъ и наго́рода пока́зана тому́, хто зрозуміе и́стину, — найкра́ща, найбільша нагоро́да на землі: бі́льшої ніхто́ не пожада́е и не ви́думае. Такъ яки́й же се обскуранти́змъ, коли́ я ра́жу вамъ нау́ку, за кото́ру вели́кий Учи́тель проли́въ свою́ кровъ непоро́чную, та й намъ заповідавъ жизнь свою́ за сло́во и́стини оддава́ти? Зрозумі́йте тілько, що́ таке́ и́стина. Городи́ вамъ її не ви́являть, бо вже до двохъ ти́сячъ ро́ківъ бере́тця, якъ вони́ її затума́нюють. Велича́ютця своїми архитекту́рами, та живо́писями, та теа́трами, та музи́ками и поэзиею, а того́ й не збагну́ть, що все те иску́ство ве-

ли́ке слу́жить найбільшъ людській горди́ні та роско́ші, и що вже не наро́дъ пра́вить худо́жниками, а блиску́ча ку́па людей легкоду́хихъ, кото́рі зна́ють тілько восто́рги ніги нікче́мнеї и не розуміють восто́ргівъ вели́кої пра́ці, крива́вого по́ту за людське́ бла́го. Не зави́дуемо ми ні городя́нськимъ дива́мъ вели́кимъ, ні городя́нському комфо́рту; бо що́ намъ по то́му всёму́, коли́ въ города́хъ тілько со́та до́ля Бо́жого лю́ду живе́ въ доста́ткахъ и всіми ти́ми дива́ми кори́стуетця, а ти́сячі голівъ людськихъ, якъ ри́ба объ лідъ побива́ютця, и ро́зумъ іхъ, якъ та дити́на въ чужо́і ма́тери, чу́веріе, и про́тивъ про́стого, свіжого ро́зуму сільского чи хуторя́нського не встоі́ть. Ми ще й такъ ска́жемо, що неха́й би ва́ши худо́жества вели́кі й не процвіта́ли; неха́й би не було́ ні Парѳено́ну, ні Петро́вої це́ркви; неха́й би вся земля́ село́мъ стоя́ла, то що́жъ за біда́ така́? аби́ лю́дямъ не ва́жко було́ на світі жи́ти. Не про що́ й два́ти годи́лось би, — такъ намъ здае́тця. А про нау́ку пра́вди всеми́рнеї, кото́рою городи́ пишня́тця, ми ска́жемо, що вона́ й безъ городівъ би обійшла́ся. Хиба́ жъ не ра́ди городя́нськихъ ва́шихъ поря́дківъ замо́вкли въ ва́шихъ Ри́махъ и Византіяхъ Сокра́ти й Плато́ни? Коли́ вони́ ва́ши діти, такъ на́ що жъ ви своіхъ діте́й ду́шите? А вели́кого Учи́теля всеми́рнёго за́ що за́мучено? Ви лю́де письме́нні й друко́вані, то нічого вамъ ши́роко ре́чи про те розво́дити. Ви до́бре зна́ете, яки́мъ нікче́мнимъ мо́тлохомъ заки́дали ва́ши прапра́щури святу́ нау́ку и́стини, кото́ру вели́кі ду́хомъ лю́де передава́ли оди́нъ другому́, и якъ ви одъучи́ли о́ко людське́ одъ того́ світу, кото́рий ишо́въ въ исто́рні всеми́рній попере́дъ наро́дівъ, хова́ючись одъ недолю́дківъ—то́ въ ми́ѳи, то́ въ при́тчи, то́ въ весе́лі игрища́, то́ въ пону́рі ночні́й та́йни, то́ въ віковічні перга́мени, — такъ одучи́ли, що якъ одки́даешъ той мо́тлохъ и пока́жешъ пра́веднє сло́во такъ, якъ воно́ ви́йшло съ пра́веднихъ устъ, сами́ ви диву́етесь, я́къ-то воно́ въ таку́ дале́ку старовину́ такъ я́сно та сміливо зми́шлено, такъ дале́ко зася́гнуто! Эге́, то́-то бо!... Чомъ же ви не згодите́сь на мою́ ду́мку, що безъ городівъ и іхъ поря́дківъ ти́ вели́кі дива́, кото́ри́ми ви велича́стесь, яви́ли бъ у собі ще більшу си́лу ду́ху людського́? Ну, та дарма́; остава́йтесь собі при своій городя́нській философії, а намъ дозво́льте нову́ селя́нську философію проповідати, взя́вши ії прямісінько съ то́і кни́жки, кото́ру со́тнями ро́ківъ

вели́кі городи́ затума́нюють, та й до́сі не затума́нили. Робіть ви своє́ діло, пано́ве, а ми своє́ роби́тимемъ; а тамъ уже́ коли́сь, у віка́хъ гряду́щихъ, лю́де поба́чять, кому́ зъ насъ за нау́ку й пра́цю дя́кувати.

Отсе́ жъ ми вклоня́емось вамъ низе́нько за все те добро́, кото́рого ми одъ васъ дозна́ли; забіра́емо до се́бе въ про́сті ха́ти вели́кі ми́слі, кото́рі ви въ своїхъ му́рахъ зъ да́вніхъ вікі́въ перехова́ли. Чи въ висо́кихъ співахъ ті ми́слі спасе́нні, пра́ведно лю́дські, до насъ одъ люде́й дре́вніхъ подохо́дили, чи про́зою малёвни́чою намъ іхъ переказано; чи въ филосо́фській наготі іхъ ми́рові я́влено, — ми все те собі до-ку́пи зобга́ли и въ хата́хъ своїхъ, на нау́ку моло́дшимъ, перехо́вуемо. А ва́шу пиху́ та ро́скішъ та невпокійну мо́ду покида́емо въ города́хъ и на-віки того́ добра́ зріка́емось. По́ки васъ бу́де поганя́ти ся тройча́та ха́лепа, не ждіте насъ до гу́рту. И архитекту́рні дива́ собі будуйте, и малюва́ннямъ обставля́йтесь, и о́перами втіша́йтеся, и просвіща́йтесь городя́нською квітча́стою поэзиею, и нау́ки нові до стари́хъ виду́муйте, и гро́ші зъ всёго світу у свої ска́рби горніте, и въ ла́сощахъ купа́йтеся, — нічо́го того́ вамъ не боро́нимо, аби́ ви намъ не боро́нили свою́ нау́ку поміжъ се́бе ши́рити и до поги́белі свій свіжий людъ не допуска́ти. Якъ же наста́не таке́ вре́мя, що съ хатъ, а не съ пала́тъ, за́чнуть вели́кі су́дді худо́жества, нау́ки та й само́і пра́вди мирськоі вихо́дити, — оттоді ми до гуртово́і робо́ти ки́немось и, мо́же, въ оди́нъ вікъ більше діла вели́кою грома́дою вро́бимо, аніжъ ви въ де́сять вікі́въ мало́ю уроби́ли.

Воно́-то не яка́ біда́ и ва́шу слове́сность перечи́тувати, и до васъ у городи́ навідуватись, тілько не тре́ба вамъ по́вноі віри дава́ти, а свого́ хуторського́ смаку́ й ро́зуму тре́ба приде́ржуватись. У насъ по хутора́хъ бага́то е люде́й, кото́рі бува́ли всю́ди по світа́хъ, и про Шексни́ра, такъ якъ про рідного дя́дька, зъ ва́ми розмовля́тимуть, а про-те́ беззако́нноі ро́скоши й пихи́ въ хуторі своі не пуска́ють и люде́й неписьме́нниихъ до не́і не ва́блять. Тимъ-то й я оце́, взя́вшись до писа́ння листівъ на всю Украіну, ра́ю земляка́мъ своімъ коха́нимъ одъ тії ха́лепи остерега́тися. Коли́ до вподо́би кому́ чужозе́мня кни́жка, чита́й іі и знай, я́къ що́ на світі діетця. Коли́ чоловікъ чужозе́мній въ ха́ті тра́питця, розмовля́й зъ нимъ и про вся́чину роспи́туй. Коли́ й само́му лу́-

читця заіхати въ далекі сторони, — обома ушима слухай и очима дивись, що воно й якъ тамъ діетця; а ледащиці моди въ хуторі не привозь, волю свою шануй и въ городяньску нужду черезъ роскішъ не вскакуй. Хочъ же бъ и всі ви поробились письменними и, якъ тамъ кажуть, просвіщеними; хочъ би книжки німецькі такъ якъ справжні Німці почитували, а про-те своєі мови рідноі и свого рідного звичаю вірнимъ серцемъ держітеся. Тоді зъ васъ будуть люде якъ слідъ, — тоді зъ васъ буде громада шановна, и вже на таку громаду ніхто своєі лапи не наложить.

Хуторянинъ.

НБУ

ЗНАЙДЕНИЙ НА ДОРОЗІ ЛИСТЪ.

Изъ г. Острога. 1847, Лютого 28.

Якъ проідешъ за Ки́івъ верстóвъ сто, и почнéшъ икъ Воли́ні зближáтися, зáразъ постережéшъ, що пішлá передъ тобóю одмінна одъ нáшоі сторонá. Погля́нь по городáхъ, по містéчкахъ,— усюди вдáрить тебé слідъ Русько-Пóльськоі старосвіщини, и ознáки новóго порядкувáння. Горби́ одъ дáвніхъ тáборівъ и городови́хъ валівъ, руїни пáнськихъ зáмківъ, зпустошáлиі костёли, занехáяні и обколýпані непогóдою буди́нки-камяни́ці, — по всёму томý розýмно подорóжнёму, що тутъ колúсь горожáнность приняла́сь булá між людомъ твéрдо, та мáбуть стоя́ла не на всіхъ чотирёхъ, що не вдéржалась....

Підъіздячи до Радомисля, вся́ке, въ кóго есть óчі, щобъ бáчити, спитáетця: »Щó то чорніе величéннє між буди́нками? Чи то зостáнокъ якóі твердúні, чи руїна якóго буди́нка безъ кри́ши?« Ні, то не зостáнокъ, а тілько почáтокъ кателúцькоі катéдри. Иншому здалóсь би, що въ сімъ краю́ недáвно жили́ великолюде: все, що тілько вони́ будувáли, — будувáли ши́роко й величéнно; ажъ зрáзу повіявъ смéртний вітеръ, и людéй тихъ не стáло; зостáлись тілько до-півъ зрóблені ділá іхъ рукъ. То й не руїна; руїною зовемó те, що мáло колúсь свій пóвний кшталтъ, а се сердéшнє будовáннє не дійшлó й до свогó зрóсту; и хочъ рундýчниі стовпи́ стирчя́ть спрáвді такъ, якъ на руїнахъ и пожарищáхъ, тілько жъ кóжному бье въ вічи, що вони́ новúі, не вéтхиі; не розсипáютця вони́ мóвчки посередъ кучугýръ прáху й тлі-

ну, а, підніма́ючись рівно вго́ру, ти бъ сказа́въ — вопию́ть: »Да́йте жъ намъ такъ жи́ти, якъ обіця́ли!«

Ми одна́къ не були́ въ Радоми́слі, а тільки проїхали по́узъ. Дру́гий го́родъ за Радоми́слемъ, на на́шій доро́зі, Жито́міръ. Ма́ло въ ёму типово́го Воли́нського, бо нове́ порядкува́ння вия́вилось усю́ди такъ го́лосно (беру́ се́е словце́ для о́ка и ро́зуму, а не для у́ха), що зъ-підъ ёго та мизе́рна, тро́хи не ме́ртва, старосвіщина тиль-тиль пробива́етця.

Черезъ Новогра́дъ-Воли́нський переїзджа́ли ми нічно́ю добо́ю, то й не вдало́сь намъ подиви́тись на висо́кні кру́чі, на руїну, тро́хи не до зоста́нку вже розібрану, старосвіцької тверди́ні, и на малёвні́ берегі́ Слу́чи, тиі сла́вної Слу́чи, що каза́ли коли́сь козаки́: »Знай, Ля́ше, по Случъ на́ше!« Літомъ берегі́ іі, на ліву ру́ку одъ міста, зкра́шені зеле́ними дібро́вами. Не навтіша́есся, ди́влячись, якъ ти́і дібро́ви синіють, синіють и хова́ютця да́лі зовсімъ у тума́ні.

Това́ришка моя́ въ доро́зі, якъ душа́ схи́лна до маля́рства и поэзиі, коха́етця въ руїнахъ: такъ у Ко́рці жъ надиви́лась на нихъ дово́лі. Тамъ на горі, якъ самъ ти, па́не-бра́те, зна́ешъ, надъ глибо́кимъ, кругойду́чимъ я́ромъ стоіть у руїнахъ коли́сь-то пи́шний за́мокъ князівъ Чорторийськихъ. Пере́дня ба́шта висо́ка, окна́ста, безве́рха, геть перехо́дить у вишину́ усю́ замкову́ ку́пу, и ра́зомъ съ ко́менами, що стирчя́ть по-надъ руїною, додае́ ій ти́пу пону́ро-торже́ственого. Княжа́та Чорторийські йшли одъ коліна дре́вніхъ Ру́ськихъ князівъ; та якъ та па́нська несі́тость збила іхъ зъ глу́зду, що приста́ли до Ляхівъ якъ у вірі, такъ и въ пога́рді чо́рного лю́ду, то й вони́ не втекли́ одъ коза́цькихъ рукъ ра́зомъ изъ и́ншими пана́ми. Хмельни́цького козаки́ доста́ли мече́мъ сей за́мокъ та й пусти́ли по ёму́ пожа́ръ, що ле́дві нагі стіни зоста́лися. Ми ходи́ли по дво́ру и по руїнахъ, мізку́ючи собі, я́къ-то коли́сь отъ у сій пу́стці було́ по́вно весе́лого лю́ду, и одъ широ́кихъ ворітъ підъ ба́штою ажъ до оціхъ малёванихъ поко́ївъ, що ди́влятця розлу́паними височе́нними вікнами зъ гори́ на сади́, на коре́цькні будо́ви и розло́гі поля́, по́вно було́ кри́ку, го́міну и сміху! а тепе́ръ усе́ мовчи́ть, на́че тутъ зро́ду й не жили́ лю́де, на́че ся руїна такъ руїною була́ й змуро́вана. Нема́, нерухо́ма смерть такъ воцари́лася на сіхъ погри́зенихъ круго́мъ стінахъ, у сіхъ зава́ленихъ тліномъ и камінюками поко́яхъ, що дивуе́сся,

якъ ще змігъ порости тутъ оцей дикий нечумазний бузъ. Да й бузъ, чорний, кострубатий, здався тутъ тілько на сідало смерті. Сівши на его кривихъ гилякахъ, якъ та сова-пустинниця, понура смерть німимъ язикомъ своімъ роскаузе, якъ марне тине панське владання....

За Корцемъ стоіть намъ по дорозі городъ Острогъ, ще багатший руінами одъ Корця. Ми его заздріли ранкомъ крізъ прозорний туманъ. Сонце обдавало его красноватимъ світомъ; увесь вінъ громадився передъ нами спершу мовъ одна гора; на горі якъ стовби—мріли тяжкиі старосвіцькиі до-півъ розвалені башти. Оддалеки вінъ издавався городомъ велеліпнимъ. Однакъ омана ця почала розсіватись, якъ стали ми до его наближатися, и далі, далі, ось и зовсімъ вінъ передъ нами змизернівъ. Найбільшъ попсувала его погана жидова своіми недобудованими, не охайливими, бридкими хатинами. Сумуемо ми, та й не знаемъ, що це все було буцімъ тільки на те, щобъ наготовити намъ ще кращу минуту. Зразу, зъ-за мизерниихъ, безтинниихъ хоромінъ, зъ-за кривихъ дірявихъ ворітъ, зъ-за убогоі громади, що зібралась уранці на торгу зъ возами та зъ мішками, виступивъ намъ назустрічъ старосвіцький Езуіцький костелъ, високий, по фасаду малёваний, пишний, хочъ запустошалий. Крізъ туманъ вінъ здався намъ несказанно велеліпнимъ, ажъ очі бравъ въ себе своею ветхою красою. А ще на переднёму плані стоять камяниі, старі, підгризені знизу, стовпи одъ колишніхсь-то ворітъ; дакъ увесь фасадъ церковний зъ-за тихъ, чи то сказать—надъ тими до-півъ-зруйнованими нечумазними стовбами, пішовъ у гору корнизъ за корнизомъ, пилястра за пилястрою, стрілка за стрілкою—легко да гінко, мовъ зъ землі тополёва діброва. Тутъ мині добре почулося, скільки-то въ Бога краси и въ руінуванню, хочъ и перше, де не побачу було дуплинастиі вікна, темниі, глибокиі двері, а по стінахъ щілини, якъ бриже по старому виду, то й здастця міні, що та руіна щось наче промовля до мене, наче шепче мині беззубими устами якусь давню, чудённую повість....

Одъ костела и одъ здоровённихъ муованихъ Езуіцькихъ школъ, тожъ запустошалихъ, дорога йде на гору поузъ старосвіцькую башту, що стоіть собі на одшибі поміжъ сякимъ-такимъ будуваннямъ, якъ ветхий днями дідъ, що ровесники его давно въ землі вже, а вінъ зоставсь, и ні ёму ні до кого, ні иншимъ до его немае жодного

діла. Недо́вго ба́влячись на ста́нціі, за́разъ пішли́ ми огляда́ти це́ркву кня́зя Остро́зького, са́му мизе́рну, або́ са́му бага́тшу (помаля́рськи) руіну, яку́ я коли́ на свое́му віку́ ба́чивъ. Літа́, дощі та вітри́ на вдивови́жу вміють криши́ти мурова́ння. Чоловікъ зро́ду не потра́пивъ би такъ розкриши́ти. Вся́кий це зна́е, хто про́бувавъ роби́ти по сада́хъ фалши́виі руіни. Диви́вся я й не надиви́вся на висо́киі, изсі́чені зъ ди́кого ка́меню, стрілча́ті вікна зъ розе́тами вгорі, — а це́гла внизу́ й по бока́хъ вже обсипа́етця, щілини вже камяну́ робо́ту підъіда́ють, на две́рі, унизу́ вильготою розъі́дені, розши́рені, — на церко́вниі ба́шти, и́нде одко́лоті навпілъ, и́нде зовсімъ ці́лі, тілько зве́рху надкри́шені, — на у́зькиі, висо́киі шма́ти му́ру, ніби на те́ зоста́влені, щобъ знавъ, хто ди́витця, які були́ тамъ ві́кна, а одъ вікна́ зоста́нетця тобі хиба́ корни́зъ избо́ку. Усі ба́шти, що зоста́лись одъ за́мку кня́зя Остро́зького, муро́вані шти́бомъ Вене́цькимъ и га́рні навдивови́жу. Одну́ переро́блено на зе́мський судъ, да й та вигляда́е ще я́кось пова́жно и малёвно, — а найбілшъ, якъ спогля́нешъ на не́і зни́зу, зъ-підъ гори́. Що́ то старосвіщина! А де́ жъ, спита́вся бъ мо́же хто, де́ жъ міжъ сими́ му́рами друка́рня, у кото́рій надруко́вана була́ пе́рша на Русі кни́га: Остро́зька Би́блия? де́ буди́нки само́го кня́зя Костянти́на Остро́зького? Шкода́ пита́ти! Остро́жани німі́, якъ и ці му́ри: нічо́го въ нихъ не допита́есся, нічо́го не тя́млять, уся́ке гу́торить и побива́етця тілько про вла́сне сёгоде́нне діло. Пра́вда, для ко́го тамъ були́ бъ дорогі ці́і руіни? Пани́ ру́ські и самі внуча́та Остро́зького кня́зя переверну́лись на Поляківъ, про́стому лю́ду не до то́го, а ти́і, що тепе́речки зову́тця старода́внімъ на́шимъ прізвищемъ, — не то́-щобъ свя́то держа́ти па́мять Остро́зькоі старосвіщини, та ра́ді бъ изъ Ки́івськоі Ла́ври ви́кинуть мраморя́ну домови́ну Костянти́на Остро́зького: бо вже й такъ зама́зали на стінахъ дре́вніхъ гетма́нівъ, титарівъ ла́врськихъ, и гробни́цю Остро́зького кня́зя закри́ли одъ то́го лю́ду, кото́рому вінъ такъ жада́въ просвіти́ти незря́чиі о́чі.

Походи́вши по горі, подиви́вшись на руіни, на дале́киі луги́, що сте́лютця внизу́ зъ гая́ми, се́лами и блиску́чими річка́ми, спусти́лись ми до то́го косте́ла и до тихъ Езуіцькихъ школъ, що ба́чили въіжджа́ючи. Тутъ хочъ руйнова́ння зве́рху й кра́сне для маля́рського о́ка, а въ сере́дині зпустоша́лость спрашна́ й проти́вна; бо то не часъ, а лю́де почини́ли. За́разъ, якъ увійдешъ у косте́льниі две́ри, уда́рить уся́кого похо́дний по́грібъ, чи склепъ,

по яки́хъ звича́йне кателики кладу́ть ме́ртвихъ. Не те́ вда́рить тебе́, що вже давно́ нема́е въ ёму́ ні двере́й, ни камяни́хъ східцівъ, а те́, що калю́жная вода́ пропу́щена зъ міста у косте́льнні двері, а зъ двере́й у скле́пъ. Неха́й же тепе́ръ хто хо́че собі помізку́е, що́ робитця тамъ у тому́ скле́пі, де стоять тру́ни кателицького па́нства и понівства! Ти, мій шано́вний па́не-бра́те, бувъ тамъ у со́рокъ-четве́ртому ро́ку, проіздячи черезъ Остро́гъ; ти писа́въ тоді до ме́не, якъ повиворо́чували мертвцівъ изъ домови́нъ, и́ншихъ порозрива́ли на́ двое и на́ трое, а котрі новіші домови́ни, позабира́ли на то́пливо у ті житла́,що тутъ же споря́жені у коли́шніхсь шко́льнихъ му́рахъ.... Тепе́ръ тамъ ста́лося зъ ме́ртвими кателиками ще гірша пару́га. Глуми́лись вони́ коли́сь надъ на́шою вірою, *возмни́вши тимъ слу́жбу прино́сити Бо́гу*; поглуми́лась же тепе́ръ и надъ іхъ сме́ртними зоста́нками и надъ іхъ зпустоша́лимъ косте́ломъ несмисле́нна чернь.... У косте́лі пу́сто,—тілько ви́дно, де були́ престо́ли (звича́йне, якъ у кателиківъ, усе́ по стінахъ, по стінахъ). Надъ престо́лами зоста́лось тамъ-сямъ и малюва́ння и білогли́няне изваянне святи́хъ кателицькихъ, тілько всі до о́дного пообби́вані и поглу́млені... Утіха ди́кого лю́ду!—Зало́ми пообва́лювались, тілько зо́ два, чи зо́ три я́кось де́ржятця, боючи́сь усяку мину́ту, щобъ не впа́сти. Надъ престо́лами—якъ де ви́соко, то зберегли́сь ще́ підписи на си́ніхъ и черво́нихъ щитка́хъ. Фа́рба на іхъ зовсі́мъ ще́ нова́! Не зна́ю, чомъ мене́ вда́рили такъ гірко ти́і підписи, той еди́ний забу́токъ давнёі косте́лноі по́мпи. Мині здало́сь, що крізь сі́і си́ні й черво́ні віко́нця (щитки́ зъ підписами зъ пе́ршого по́гляду здаю́тця віко́нцями по стінахъ) хтось несме́ртний и запе́клий и невблаго́мий ди́витця пи́лно, ве́село и сміетця гірко, якъ во́рогъ, що я́къ-то сі косте́льнні й шко́лнні му́ри станови́лись таки́мъ вели́кимъ ко́штомъ, зъ тако́ю по́мпою, вла́стю й вірою, що стоя́тимуть вішне, а тепе́ръ такъ мизе́рне, такъ жа́лібно, такъ мо́вчки розва́люютця, — не промо́влять, не пробо́вкуть за се́бе й сло́ва, тліють забве́нне и руйну́ютця. И щобъ ти знавъ, яка́ посели́лася тутъ *ме́рзость запустіння на місці святі*, тре́ба ще доба́вити, що на́ нічъ сюди́ жиди́ заганя́ють това́ръ свій; скоти́на ту́литця, якъ ви́дно, поузъ стіни, де позостава́лись ни́жші зало́ми, и хто бъ-то не вознегодува́въ розу́мний и богобоя́зний, ба́чучи, якъ пору́гані підно́жия престо́лівъ, ті са́мні підно́жия, де кла́дено неутомле́нні покло́ни и па́лено моли́твені кади́ла!

Зъ костéла йдуть перехóди, перехóди скрізь по всёму муровáнню, що-тó колúсь булá шкóла и чернéчі кéлиі. Пішлú ми по тихъ перехóдахъ. Сýмно, дúко всюди: скáзано, пýстка! Инколи чýти якúйсь далéкий гласъ, мовъ хто когó клúче, абó вітеръ занóсить здалекý костéльниі кателúцькиі псáльми. Инший подýмавъ би, що той жалібний гласъ чýти изъ костéльного склéпу, подýмавъ би, мóже, що отті нещаслúвиі мертвці кателúцькиі, захлúпуючись калюжною водóю, вопіють изъ домовúнъ: чи не прúйде хочá хто-нéбудь на защúту святúні церкóвноі и святúні гробовóі тогосвітнёі. Тілько жъ недóвго бъ вінъ бувъ у такій богобоязній омáні. Идемó, ажъ глянемъ: у прáву рýку пішóвъ дóвгий, потягнутий дúмомъ, перехóдъ. Димъ вихóдивъ изъ москáльськоі пекáрні, шо тутъ десь булá збóку. А крізъ димъ, на кінці перехóду, покáзуютця одúнъ за однúмъ, муштрýючись, москалі! Тамъ на кінці есть велúка світлúця, що колúсь булá езуіцькою трáпезою, а тепéръ здалáсь на мýштру москалямъ. Оддалекú вонú, крізъ димъ, ворóчались изъ своіми засписóванними оружúнами, и іхъ-то муштéрський гáласъ здавáвся намъ крізъ окнáстиі до-півъ поруйнóвані перехóди жалібнимъ глáсомъ изъ тóго світу. Скóро натрáпили ми на нихъ, зáразъ однáла намъ охóта швéндять по німóму цáрству мéртвихъ....

Прощáй до Варшáви! Щó побáчу, абó почýю — напишý про всячину.

П. Необáчний.

СЪ ПРАВАГО БЕРЕГА ДНѢПРА.

Передавая вѣсти съ праваго берега Днѣпра, я надѣюсь принести этимъ пользу изучающимъ общественное и этнографическое положеніе Южнаго края.

Польское вліяніе на народъ *правобочної України*, — и особенная участь, постигшая Украину лѣвой стороны Днѣпра, разъединили, тамъ и здѣсь, сословія, и отдѣлили *образованныхъ* отъ *простыхъ*. Народъ праваго берега лишенъ былъ всякаго общенія съ общечеловѣческою духовною жизнью посредствомъ образованныхъ своихъ представителей, говорившихъ и писавшихъ на польскомъ языкѣ, и не имѣлъ возможности самъ вполнѣ высказаться. Только въ наше время нашлись люди, которые братски обратились къ народу, изучили его языкъ и заговорили для него понятно, но всѣ они, почти всѣ, родились на лѣвомъ берегу Днѣпра, а на правомъ до-сихъ-поръ еще никто не подалъ имъ дѣятельной помощи на избранномъ ими пути. Правда, нѣкоторые изъ право-бережныхъ уроженцевъ-писателей поняли силу мѣстныхъ народныхъ стихій, но ихъ поэтическія произведенія скорѣе были передѣланной на польскій ладъ сказкой или пѣсней, чѣмъ самобытнымъ, животворнымъ словомъ. Такъ *Богданъ Залѣскій* любуется Украиной, какъ областью красивыхъ дівчатъ, русалокъ и молодцоватыхъ, нѣжно преданныхъ Польшѣ, *козаковъ*, умѣвшихъ переплывать Днѣпровскіе пороги и пугать Цареградъ; *Михаилу Чайковскому*, хотя и удавалось, въ повѣстяхъ, изображать живыми красками ту или другую черту *козацтва*, но онъ видѣлъ въ немъ только поэтическую его сторону. Тѣ изъ нихъ, которые занимались Украиной съ научной стороны, высказывались въ томъ же смыслѣ. Всѣ они писали по-польски. *Тимко́ Паду́ра*, въ своихъ »*Украин-*

кахъ«, будто бы писанныхъ на южно-русскомъ языкѣ, представилъ пародію и языка и народа, о которомъ загово,илъ; тоже можно сказать и о *Спиридонѣ Осташевскомъ*, авторѣ *Пів-копи казокъ*, переложенныхъ въ украинскіе стихи. Нельзя еще не вспомнить извѣстныхъ *балагу́ловъ* или *бараіо́ловъ* (bares-geld), которые также пародировали украинскую народность въ своей повседневной жизни, съ своими лакеями-*козачка́ми*, съ своими бандуристами, поющими циническія пѣсни,—съ рюмкой и нагайкой въ рукахъ, съ четвернями лошадей, отличающихся красотою или странною мастью, съ гульнёй на Бердичевскихъ ярмаркахъ. и всякими *паничёвськими* выдумками, которымъ они старались какъ-будто придать мѣстный характеръ.

Общество смотрѣло на всѣ поименованныя явленія, какъ на эксцентрическія выходки. Теперь обстоятельства перемѣнились. Образованное общество праваго берега раздѣлилось на двѣ половины, которыя повсюду ведутъ между собою горячую полемику. Младшее поколѣніе, чувствуя и сознавая все больше и больше необходимость гуманнаго единенія со всею народною массой, начало всматриваться въ прошедшую и настоящую жизнь народа, и находя въ немъ жизненную, самобытную силу, проникается все сильнѣйшимъ къ нему сочувствіемъ и перестаетъ считать себя чуждымъ народу, земля котораго ихъ вскормила, пѣсня котораго пробудила въ нихъ первыя сердечныя думы, съ которымъ, наконецъ, они должны сойтись въ послѣдующей общественной жизни. Это молодое поколѣніе поставило себѣ задачею—содѣйствовать всѣми честными способами нравственному и вещественному развитію народа, и съ каждымъ днемъ замѣчается больше и больше проявленій такого благороднаго сознанія.

За то́ большая часть стараго поколѣнія, привыкнувъ смотрѣть на все съ своей рутинной точки зрѣнія, испугалась этихъ простыхъ, естественныхъ мыслей, какъ новости. Защиту народа и новыхъ убѣжденій рутинисты признаютъ сущимъ оскорбленіемъ авторитета стараго поколѣнія, — возстаніемъ дѣтей противъ отцовъ; въ любви къ народу они увидѣли что-то страшное, чувства человѣколюбія и справедливости начали оскорблять названіемъ вредоносной пропаганды, думая своими криками испугать всѣхъ....

Но молодое поколѣніе все-таки высказывается, не опасаясь этихъ лицемѣрныхъ и безсознательныхъ криковъ. Оно, прежде всего, желаетъ труда на пользу общую, безъ различія народностей, сословій, состояній; оно желаетъ мира, братской любви и счастья; а закоренѣлые рутинисты толкуютъ свое и думаютъ крикомъ превозмочь требованія ис-

тины и времени. Ограниченность взгляда и не совсѣмъ чистая совѣсть — вотъ причины подобныхъ восклицаній. Мы спокойно смотримъ на всѣ ухищренія рутинистовъ; вполнѣ убѣждены, что »правда выяснится«, и пристыженные противники — раньше или позже — уступятъ предъ священными ея правами. Можно быть увѣрену, что не опасныя, по мнѣнію помѣщиковъ, современныя идеи, а единственно ихніе (если будутъ дурны) поступки могутъ посѣять взаимныя неудовольствія между сословіями. Въ нашемъ краю они имѣютъ о себѣ самое хорошее мнѣніе.

Къ числу причинъ, растравляющихъ и такъ незавидную матеріальную долю нашего простаго народа, слѣдуетъ отнести огромные проценты, которые они должны платить при всякомъ займѣ. Этотъ заемъ дѣлается обыкновенно или у Еврея, или у помѣщика. Евреи, безъ зазрѣнія совѣсти, берутъ *minimum 10% ежемѣсячно;* но эти проценты часто возрастаютъ до гораздо большихъ.—Помѣщикъ—требуетъ отработка. Въ этомъ послѣдемъ случаѣ представляется иного рода невыгода. У насъ трудъ чернорабочихъ цѣнится очень дешево, да притомъ отработокъ требуется въ лѣтнее время, именно тогда, когда земледѣльческій трудъ получаетъ наибольшую важность, но никакъ не соразмѣрную награду.—Есть, впрочемъ, отрадные факты въ этомъ отношеніи. Къ числу ихъ относится банкъ для крестьянъ въ селѣ Олешинѣ Подольской губерніи, Проскуровскаго уѣзда. Тамошній приходской священникъ г. Морачевичъ вложилъ въ него своихъ собственныхъ 100 р. ср. съ тѣмъ, что онѣ будутъ возвращены тогда, когда другіе 100 р. ср. наростутъ изъ процентовъ, которые обращаются въ собственость банка. Банкъ состоитъ въ завѣдываніи шести выборныхъ. Всякій крестьянинъ имѣетъ право получать деньги въ заемъ изъ банка; въ случаѣ неисправности онъ отвѣчаетъ своимъ хозяйствомъ, если онъ хозяинъ, а за бобыля ручаются двое хозяевъ. По прежнему правилу, весь капиталъ слѣдовало возвращать съ процентомъ (1%) въ мѣсяцъ; теперь это правило замѣнено другимъ, болѣе практичнымъ: капиталъ вмѣстѣ съ процентомъ уплачивается та́къ, что за одинъ руб. ср. вносится еженедѣльно 2 коп. ср. (при чемъ уплачивается и часть капитала), слѣдовательно, по прошествіи 52 недѣль, заемщикъ вноситъ 104 к. ср. капитала и процента, — что́ равнялось бы только 4%, если бы вносимыя въ разное время деньги, посредствомъ оборота, не доставляли еще новой прибыли банку. Это нововведеніе полезно не для одного банка, но и для заемщика, такъ какъ крестьянину трудно было всякій разъ имѣть на-готовѣ потребную для уплаты сумму, и онъ часто принужденъ былъ дѣлать съ этою цѣлью новые займы у Евреевъ, за значительные проценты. Банкъ этотъ устроенъ

съ Свѣтлаго праздника 1860 г. Вносы дѣлаются до сихъ поръ съ примѣрною аккуратностію. Здѣсь нужно замѣтить, что жители Олешина занимаются разнаго рода промысломъ по близости къ мѣстечку.

На подобныхъ же основаніяхъ существуетъ другой банкъ въ с. Цыбулевѣ, Ольгопольскаго уѣзда Подольской губерніи. Вкладчикомъ этого банка былъ г. Карлъ Бржезовскій, тамошній помѣщикъ. Онъ вложилъ 300 р. ср. Способъ уплаты въ банкъ займовъ тотъ же, что́ и въ Олешинѣ. Банкъ существуетъ около трехъ лѣтъ.

Подобные отрадные факты доказываютъ, что у насъ есть люди (какъ бы они рѣдко ни встрѣчались), дѣйствительно интересующіеся участью крестьянскаго населенія, — и что это населеніе способно уважать *громадское* добро.

Но говоря о разныхъ отдѣльныхъ экономическихъ явленіяхъ въ Южномъ краѣ, я думаю—неизлишнее будетъ представить здѣсь и нѣкоторыя общія экономическія понятія нашего простаго народа: на нихъ, кажется, до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Онѣ не безъ значенія для будущности, потому что лежатъ въ глубинѣ народнаго сознанія. Человѣкъ въ развитіи своемъ начинаетъ обыкновенно съ фактовъ и представленій ограниченныхъ, и далѣе постепенно развиваетъ ихъ. Какъ ни тѣсенъ кругъ его первоначальныхъ понятій, но они имѣютъ чрезвычайную важность, какъ точки отправленія для дальнѣйшаго развитія.

Исходная точка общественной жизни нашего крестьянина — семья. Оставимъ въ сторонѣ нравственно-физіологическій элементъ ея, и посмотримъ на семью съ экономической стороны. Какъ силенъ экономическій элементъ въ семейной жизни народа—не трудно убѣдиться послѣ двухъ—трехъ разговоровъ съ крестьяниномъ о его повседневной жизни. Опредѣляя достоинство каждаго изъ членовъ семьи, говоря о намѣреніи кого либо изъ нихъ вступить въ бракъ, радуясь дѣтьми — онъ всегда чуть ли не на первомъ планѣ ставитъ хозяйственное ихъ значеніе. Итакъ, семья въ этомъ смыслѣ, есть самая тѣсная ассоціація нѣсколькихъ лицъ различнаго пола; экономическій принципъ ея слѣдующій: »отъ всякаго члена — трудъ соразмѣрный его способностямъ,—всякому соотвѣтственно его потребностямъ, принимая въ соображеніе общее достояніе и общія потребности.« Обыкновенно, во всякой хатѣ, за образами, лежитъ калитка, въ которую приноситъ всякій членъ этого общества свой заработанный грошъ. Всѣ полевые и прочіе продукты составляютъ подобнымъ же образомъ общее достояніе. Утаеніе заработка предъ прочими членами семьи

считается самымъ нехорошимъ дѣломъ: этотъ принципъ глубоко укорененъ въ общенародномъ сознаніи.

Что́ касается до *надѣла каждаго сообразно съ его потребностями, и по соображенію общаго достоянія и общихъ потребностей*,—то этотъ принципъ также глубоко укорененъ въ общественномъ сознаніи. Часто вся маленькая ассоціація жертвуетъ многимипо вседневными потребностями въ пользу одного своего члена — и это дѣлается безъ всякаго неудовольствія со стороны остальныхъ: сильное чувство общественной солидарности устраняетъ всѣ прочія чувства, могущія зародиться въ подобномъ случаѣ. Подобные случаи бываютъ, напримѣръ: при отдачѣ кого нибудь *»въ науку.«* —Семья лишается хозяйственной помощи одного изъ членовъ, но сознавая пользу этой »науки«,—она охо́тно дѣлаетъ и другія пожертвованія въ пользу этого члена. Подобные факты довольно рѣдки, но при теперешнемъ всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію, они часто будутъ повторяться. Менѣе рѣзкіе факты подобнаго значенія представляются ежедневно въ отношеніи къ малолѣтнимъ, нездоровымъ, нуждающимся въ большемъ пожертвованіи, вслѣдствіе какой нибудь временной причины.—Крестьянинъ не можетъ понять, ка́къ можно иначе устроить эти отношенія. Для него, напр., никакъ не понятна опредѣленная плата, назначаемая часто людьми высшаго сословія ихъ дѣтямъ: онъ считаетъ это чѣмъ-то постыднымъ и непонятнымъ. Я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться неоднократно. Предложеніе, чтобъ всякій хранилъ свой заработокъ отдѣльно (предполагая даже всѣхъ членовъ семейства уже взрослыми) — кажется крестьянину самымъ гибельнымъ принципомъ въ экономическомъ отношеніи. Его сужденіе въ этомъ случаѣ имѣетъ компетентность практическаго взгляда. Принципъ экономическаго значенія семьи считается у нашихъ крестьянъ самымъ полезнымъ въ отношеніи къ благосостоянію: причину богатства извѣстной группы людей они обыкновенно объясняютъ словами: *»не ди́во: то́ наро́дъ семьяйстий.«* Одинъ крестьянинъ, на мой вопросъ, какое средство считаетъ онъ самымъ вѣрнымъ для улучшенія общаго благосостоянія, отвѣчалъ: *«коли́-бъ на́ша семья́ и зъ то́'ю и зъ то́'ю* (указывая на нѣсколько хатъ) *жила́ на́че одна́ семья́, щобъ у-гурті роби́ть, до ку́пи всі гро́ші и ввесь заробі́токъ склада́ть, за оди́нъ стілъ сіда́ти: — то тоді́ бъ пе́вне, що розжили́ся бъ.«*

Вотъ общественный идеалъ, по понятіямъ нашего крестьянина (¹)!

(¹) Онъ высказывается во многихъ народныхъ пословицахъ, напр.»Якъ жить у ку́пі, то не боли́ть у пу́пі,« »гу́ртъ и въ Бо́га кра́де,« »грома́да — вели́кий чоловікъ.«

онъ имѣетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, много положительнаго, чего многіе не хотятъ понять, приписывая простому народу только отрицательное воззрѣніе. Конечно, въ народныхъ понятіяхъ есть и послѣднее; — въ экономическомъ отношеніи оно высказывается въ нѣкоторомъ особенномъ взглядѣ нашихъ крестьянъ на собственность.

По ихъ понятіямъ, лѣсъ, овощи, рыбы, птицы и всякій лѣсной звѣрь — составляютъ общее достояніе. Онъ разсуждаетъ, что *никто не заработывалъ на эти вещи* и что онѣ даны природой для всѣхъ безъ исключенья. Преодолѣніе трудностей для присвоенія себѣ доли изъ этого общаго достоянія — считается своего рода молодечествомъ, но никакъ не постыднымъ дѣломъ. Разсказы о подвигахъ подобнаго рода дѣлаются неразъ публично.

Иногда допускается воровство и другихъ вещей: хлѣбъ можно, по народнымъ понятіямъ, красть, но никакъ не больше, какъ сколько необходимо нужно, потому что хлѣбъ горько зароботывается и только принципъ: »*не дать души пропасти — треба вкрасти*« — оправдываетъ виновнаго въ подобныхъ случаяхъ (¹).

Отдача найденныхъ вещей потерявшему ихъ считается честнымъ дѣломъ, но и требованіе выкупа, т. е. извѣстной части стоимости найденной вещи — не считается постыднымъ. Выкупъ этотъ обыкновенно состоитъ въ извѣстномъ количествѣ водки, которую вмѣстѣ и потерявшій и нашедшій пропиваютъ, взаимно благодаря другъ-друга за оказанную услугу.

Наконецъ, еще одна характеристическая черта въ этомъ отношеніи — это всеобщая симпатія къ личности Кармелюка вездѣ, гдѣ о немъ сохранилось преданіе, — при чемъ девизомъ его ставятъ слова, заимствованныя изъ пѣсни, ему приписываемой:

»Зъ багатого хочъ я візьму —
Убогому даю:
Розділивши такъ ті гроші,
Гріха я не маю.«

Представляя всѣ эти факты, я старался только указать на нихъ; самъ же не рѣшаюсь дѣлать по нимъ никакихъ заключеній.

Максимъ Чорный.

(¹) Вопросъ о народномъ взглядѣ на собственность требуетъ внимательнаго изслѣдованія. Вмѣстѣ съ отрицаніемъ, у нашего же народа существуетъ пословица: »Хто чужé берé, тогó Богъ побьé«, — »на чужий трудъ — ласий не будь«, и другія. — *Ред.*

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ

ПО 10-й НАРОДНОЙ ПЕРЕПИСИ.

Статистическое изслѣдованіе *А. Тройницкаго*. Изданіе Статистическаго Отдѣла Центральнаго Статистическаго Комитета. Спб. 1861.

Заглавіе книги г. Тройницкаго достаточно объясняетъ ея занимательность въ настоящее время. Мы остановимся съ бо́льшимъ вниманіемъ преимущественно на тѣхъ данныхъ, которыя относятся до южнорусскаго края.

Изслѣдованіе г. Тройницкаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ *краткое обозрѣніе существа и разныхъ видовъ крѣпостнаго состоянія въ Россіи;* второй—*числовыя вѣдомости и общую таблицу разныхъ разрядовъ крѣпостнаго населенія*, къ которымъ приложена *статистическая карта* съ нагляднымъ обозначеніемъ процента крѣпостнаго населенія по 10-й народной переписи; въ третьемъ соединены и разсмотрѣны главнѣйшіе *выводы, извлеченные изъ числовыхъ вѣдомостей*, и представлены *соображенія* о взаимномъ отношеніи разрядовъ крѣпостныхъ людей и о числовомъ отношеніи крѣпостныхъ къ владѣльцамъ, и проч.

Первое прикрѣпленіе *къ землѣ* г. Тройницкій относитъ къ временамъ Татарскаго владычества, когда, для обезпеченія исправнаго взноса податей, учреждена была народная перепись (въ 1257 г.), и городскимъ жителямъ и сельскимъ обывателямъ, поселеннымъ на казенныхъ земляхъ, указано было не переходить, безъ разрѣшенія, съ этихъ земель на другія; послѣднее, окончательное и безусловное, закрѣпленіе *лицу*

совершилось въ царствованіе Екатерины II, когда дворянамъ было предоставлено право собственности не только на землю, но и на крестьянъ.

Въ настоящее время, согласно перечневымъ вѣдомостямъ казенныхъ палатъ о народонаселеніи южно-русскаго края, сельскіе обыватели крѣпостнаго или несвободнаго состоянія раздѣляются на слѣдующіе три главные раздѣла: помѣщичьихъ, — принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ, и приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ.

Помѣщичьи крестьяне могутъ быть раздѣлены на состоящихъ на крѣпостномъ правѣ: 1) общемъ и 2) условномъ. Первые состоятъ изъ *крестьянъ*, собственно такъ-называемыхъ, и *дворовыхъ людей*, приписанныхъ къ населеннымъ имѣніямъ, къ домамъ, при денежномъ обезпеченіи, или даже безъ такого обезпеченія,—и имѣются во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ Украинскимъ народомъ, кромѣ земли Черноморскаго войска, гдѣ по указу 1850 г. сентября 18, крѣпостные, съ 16 іюня 1858 г., обращены въ козаковъ.—Вторые въ губерніяхъ юго-западныхъ, состоятъ, по отношенію къ своимъ помѣщикамъ, тоже на общемъ крѣпостномъ правѣ (условія касаются собственно помѣщика, по отношенію къ правительству), съ тѣми только ограниченіями, которыя вообще введены по инвентарнымъ правиламъ въ западныхъ губерніяхъ. Они раздѣляются на *владѣльческіе ординацкіе, поіезуитскіе, ленные* и подлежащіе обращенію въ казну.—*Владѣльческіе ординацкіе* крестьяне поселены въ Подольской и Волынской губерніяхъ, въ имѣніяхъ бывшаго огромнаго маіарота *Острожской ординаціи*, учрежденнаго въ началѣ XVII вѣка княземъ Янушемъ Острожскимъ и, въ-послѣдствіи времени, раздробившагося и перешедшаго во владѣніе многихъ лицъ. Бо́льшая часть особыхъ условій, съ которыми сопряжено было, по волѣ основателя, владѣніе этимъ маіоратомъ, упразднилась; но условіе, по которому Острожская ординація должна была выставлять 600 вооруженныхъ воиновъ, для огражденія тогдашнихъ границъ государства противъ враговъ христіанства, и донынѣ сохранилось, только въ измѣненномъ видѣ: съ имѣній, входящихъ въ составъ ординаціи, взимается извѣстный денежный сборъ.—*Поіезуитскіе*, находящіеся въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, поселены въ имѣніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ іезуитскому ордену и, по уничтоженіи ордена, проданныхъ Польскимъ правительствомъ древнимъ Польскимъ дворянамъ, по особой оцѣнкѣ, сумма которой оставлена вѣчно на имѣніяхъ.—*Ленные* крестьяне, состоящіе, какъ и поіезуитскіе, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, водворены въ имѣніяхъ, розданныхъ нѣкогда польскими коро-

лями разнымъ лицамъ, за воинскія заслуги, до пресѣченія мужской, а нѣкоторыя и женской, линіи. Такія имѣнія не раздробляются по наслѣдству, не закладываются и не продаются изъ одной фамиліи въ другую. Къ крестьянамъ, состоящимъ на условномъ правѣ, должны быть отнесены и *обязанные* крестьяне. Они находятся въ Кіевской и Подольской губ.

Учрежденія и сословія, владѣющія крѣпостными людьми на помѣщичьемъ правѣ, суть слѣдующія: 1) *Благотворительныя* и *воспитательныя* учрежденія (въ томъ числѣ и Харьковскій университетъ владѣетъ 191 душею мужескаго пола); 2) *Города юго-западнаго края* (въ томъ числѣ Камененецъ-Подольскъ владѣетъ городскимъ селеніемъ *Кормиличъ*): ихъ крестьянами управляютъ думы, магистраты и ратуши; 3) *Церкви и монастыри* бывшаго Базиліанскаго ордена греко-уніатскаго исповѣданія, въ юго-западномъ краѣ. Сюда слѣдуетъ отнести и крестьянъ, приписанныхъ къ *раскольничьему Куриневскому монастырю* (въ Ольгопольскомъ уѣздѣ Подольской губ.) и къ Мусульманской Рѣжевской мечети (въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской губ.): первые управляются инокомъ монастыря, а послѣдніе муллою мечети, на помѣщичьемъ правѣ; 4) Вѣдомство коменданта С. Петербургской крѣпости; 5) казенные горные промыслы, заводы и фабрики, военное, морское и придворное вѣдомства, банкъ и такъ далѣе, владѣющіе многочисленными разрядами крестьянъ, существующихъ подъ общимъ названіемъ *приписныхъ*. Крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ, въ мѣстахъ, заселенныхъ Украинскимъ народомъ, нѣтъ.

Второй и третій отдѣлы труда г. Тройницкаго содержатъ въ себѣ, какъ сказано выше, числовыя вѣдомости и основанные на нихъ выводы.

Постараемся извлечь отсюда нѣкоторыя соображенія. Изъ 23,069,631 крѣпостныхъ обоего пола, находящихся въ Россійской Имперіи, надолю 7-ми губерній южнорусскаго края приходится 5,061,263 душъ (Полтавской — 681,672 душъ обоего пола, Черниговской — 553,622 душъ, Кіевской — 1,121,062, Подольской — 1,041,051, Волынской — 864,161, Харьковской — 471,165 и Екатеринославской — 328,530), или 2,470,628 душъ мужескаго пола и 2,590,635 женскаго; слѣдовательно, на 100 мужчинъ — $104^{85}/_{100}$ женщинъ. Общее число жителей въ этихъ губерніяхъ — мужчинъ: 5,543,961, женщинъ 5,593,395, или на 100 мужчинъ — $100^{89}/_{100}$ женщинъ. Слѣдовательно, перевѣсъ женскаго крѣпостнаго населенія надъ мужскимъ $3^{96}/_{100}$ процентами выше, нежели въ населеніи общемъ, т. е., оказывается тоже почти, что́ и вообще замѣчается въ крѣпостномъ населеніи Россіи, съ тою только разницею,

что въ остальныхъ ея губерніяхъ—вообще больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ, какъ въ крѣпостномъ, такъ и въ не крѣпостномъ сословіяхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ, въ этихъ губерніяхъ — 5,059,993 обоего пола души, а остальныя 1,270 душъ принадлежатъ разнымъ вѣдомствамъ.

Г. Тройницкій, указавъ числовыя отношенія крѣпостныхъ по поламъ и по разрядамъ,—разсматриваетъ уменьшеніе крѣпостнаго населенія въ ближайшее къ намъ время и приходитъ къ такому заключенію, что крѣпостной составъ Имперіи *остался почти неподвижнымъ и даже уменьшился въ теченіе 22 лѣтъ* (со времени производства 8-й, до окончанія 10-й ревизіи), между тѣмъ какъ въ тотъ же періодъ времени общее населеніе Имперіи *увеличилось на девять милліоновъ душъ;* застой и даже уменьшеніе крѣпостныхъ замѣчается по преимуществу *въ мужскомъ полѣ*. Такое замѣчательное явленіе авторъ изслѣдованія приписываетъ, главнымъ образомъ, отбыванію рекрутской повинности натурою и вообще перечисленію крѣпостныхъ въ другія сословія; но перечисленіе, по мнѣнію г. Тройницкаго, не единственная причина этой убыли. »Нѣтъ сомнѣнія«, говоритъ онъ, »что и условія естественнаго приращенія въ той части народонаселенія, т. е. заключеніе браковъ (въ крѣпостномъ состояніи несвободныхъ), рождаемость и смертность, находятся въ положеніи менѣе выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства; нельзя не предположить, что весь экономическій бытъ крѣпостнаго сословія находится въ ненормальномъ положеніи. Одни приведенные здѣсь статистическіе выводы, не говоря о другихъ побудительныхъ причинахъ, доказываютъ, слѣдовательно, что предпринятое нынѣ преобразованіе, имѣющее въ виду улучшеніе быта этого сословія, и *необходимо* и *своевременно*.«

Число дворовыхъ людей въ упомянутыхъ 7-ми губерніяхъ—296,040 душъ, — мужчинъ 146,211, женщинъ 154, 829 (въ Харьковской 44,202 мужч., 47,045 женщ.; Полтавской—40,787 мужч., 45,064 женщ.; Екатеринославской—28,498 мужч., 27,797 женщ.; Черниговской—25,689 мужч., 27,933 женщ.; Кіевской—3,560 мужч., 3,743 женщ.; Подольской—3,280 мужч., 3,026 женщ. и Волынской—195 мужч., 221 женщ.); число же помѣщичьихъ крестьянъ, *на общемъ крѣпостномъ правѣ состоящихъ*,—4,483,148 душъ (2,188,123 м., 2,295,025 ж.); слѣдовательно, дворовые люди составляютъ около 15-й доли поселенныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, мѣстности, заселенные украинскимъ народомъ, въ этомъ отношеніи, находятся въ болѣе выгод-

ныхъ условіяхъ, чѣмъ вообще по Имперіи; вообще по Имперіи дворовые люди составляютъ около 14-й доли поселенныхъ крестьянъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ изъ семи губерній замѣчается значительное, въ послѣднее время, увеличеніе дворовыхъ въ сравненіи съ поселенными крестьянами. Въ губерніи Харьковской, по 10-й ревизіи, показано дворовыхъ муж. пола болѣе противъ ревизіи 9-й—на 30,814 душъ, въ Полтавской—на 28,044 д., Екатеринославской—на 20,736 д., Черниговской—на 19,549 д. Подольской—на 355 д., (въ Волынской и Кіевской менѣе противъ 9-й ревизіи, въ первой — на 111 д. и во второй — на 556 д.)

Но обратимся къ самому изслѣдованію: »самое значительное перечисленіе крестьянъ въ дворовые«, говоритъ авторъ, »произошло въ Харьковской губерніи; за тѣмъ слѣдуютъ, въ этомъ отношеніи, губерніи: Полтавская, Курская, Херсонская, Екатеринославская, Черниговская, Костромская, Воронежская, Тамбовская, Орловская и Минская. Трудно объяснить себѣ поводъ къ этому перечисленію въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, которыя всѣ принадлежатъ къ числу земледѣльческихъ и въ которыхъ общаго можно указать развѣ только то, что въ бо́льшей части изъ нихъ Малороссійское племя или преобладаетъ, или, въ значительной степени, смѣшано съ Великороссійскимъ. Но этотъ племенной признакъ едва ли могъ имѣть вліяніе на указываемое явленіе; вѣроятнѣе предположить, что, какъ въ показанныхъ здѣсь губерніяхъ, такъ и въ другихъ, гдѣ это перечисленіе произошло въ меньшихъ размѣрахъ, поводомъ къ тому были распространившіеся, при производствѣ послѣдней переписи, слухи, что при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостнаго сословія, дворовые люди будутъ выкуплены Правительствомъ или, по крайней мѣрѣ, изъяты изъ поземельнаго надѣла; естественно, что въ губерніяхъ, куда проникнули подобные слухи, и наиболѣе въ тѣхъ, гдѣ много мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и гдѣ земля имѣетъ особенную цѣну по черноземной почвѣ, помѣщики пожелали воспользоваться возможностью ограничить напередъ размѣры надѣла своихъ крестьянъ землею въ пользованіе«. Вѣроятно, ближайшія наблюденія надъ дѣйствительностію подтвердятъ выводъ автора.

Любопытенъ также выводъ г. Тройницкаго о числѣ *безпомѣстныхъ дворянъ и принадлежащихъ имъ крестьянъ.*« Число тѣхъ и другихъ уменьшилось (въ теченіе 22-хъ лѣтъ, прошедшихъ отъ 8-й до 10-й переписи) почти въ пять разъ. Этотъ разрядъ владѣльцевъ не могъ увеличиться со времени 8-й ревизіи, вслѣдствіе запрещенія, съ 1841 г, безпомѣстнымъ дворянамъ пріобрѣтать крестьянъ, а такъ какъ они, съ то-

го же времени, не могли и продавать своихъ крестьянъ, безъ земли, то и слѣдуетъ предположить, что значичельная часть изъ числа 50, 000 душъ принадлежавшихъ имъ крестьянъ, составляющаго разность между двумя ревизіями, были отпущены владѣльцами на волю.« Выводъ этотъ любопытенъ для насъ сколько потому, что, несмотря на столь значительное уменьшеніе безпомѣстныхъ владѣльцевъ и ихъ крѣпостныхъ, самыя крупныя цыфры, по крайней мѣрѣ владѣльцевъ, остаются за Южнорусскимъ краемъ (въ Полтавской губерніи—269, въ Харьковской — 248, Черниговской — 207, между тѣмъ какъ ни одна губернія въ цѣлой имперіи не достигаетъ и до 200).

Г. Тройницкій раздѣляетъ губерніи, по крѣпостному проценту, на 4 группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ болѣе 50% или болѣе половины губернскаго населенія; 2-я, въ которой это число простирается, понижаясь отъ 50 до 25% т. е. отъ половины до четвертой части всего населенія; 3-я, съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 25 до 10%, или отъ четвертой до десятой части, и наконецъ — 4-я, съ числомъ крѣпостныхъ менѣе 10% т. е. менѣе десятой части губернскаго населенія.

Семь южно-русскихъ губерній принадлежатъ, къ сожалѣнію, къ двумъ первымъ группамъ; —Подольская, Кіевская и Волынская особенно богаты крѣпостными: въ первой — $59^{51}/_{100}$, во второй — $57^{66}/_{100}$ и въ третьей—$56^{54}/_{100}$ процента. Губерніи Черниговская, Полтавская, Екатеринославская и Харьковская имѣютъ крѣпостныхъ, первая —$37^{61}/_{100}$, вторая—$37^{47}/_{100}$, третья—$31^{51}/_{100}$ и четвертая—$29^{77}/_{100}$ процента. Въ Подольской и Кіевской губерніяхъ крѣпостное насесеніе *выше милліона*, въ Волынской — *около милліона* душъ обоего пола. »Сельское населеніе этихъ трехъ губерній, принадлежащихъ къ хлѣбороднѣйшимъ въ Россія, обращено въ крѣпостное еще подъ Польскимъ владычествомъ, когда богатые и сильные Польскіе магнаты, подчинивъ своей власти значительную часть тамошнихъ многочисленныхъ сельскихъ обывателей, устроили обширныя и богатыя помѣстья, въ видѣ ленныхъ владѣній, такъ что въ этомъ краѣ крестьянское право установилось болѣе въ формѣ завоевательнаго подчиненія сельскихъ обывателей, нежели укрѣпленія ихъ къ землѣ.«

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской сельское населеніе освободилось отъ пановъ во время войнъ Богдана Хмельницкаго съ Поляками; но Екатерина II, въ 1783 г., ввела здѣсь крѣпостное состояніе, которому впрочемъ не могло подпасть такое число крестьянъ, какъ въ

югозападныхъ губерніяхъ потому, что многіе изъ нихъ принадлежали къ сословію козацкому. Въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ крестьянское сословіе долго было подвижнымъ: въ первой, принадлежавшей къ великорусской Украинѣ, — вслѣдствіе пограничныхъ волненій и татарскихъ набѣговъ, а въ Екатеринославской — вслѣдствіе новаго поселенія и расселенія крестьянъ: поэтому и крѣпостное состояніе учредилось здѣсь позже и не могло обнять большаго числа крестьнъ.

Вообще изслѣдованіе г. Тройницкаго наводитъ на многія, весьма любопытныя соображенія, и представляетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія для самопознанія. Спѣшимъ принести автору нашу признательность за трудъ, требовавшій большаго вниманія и любви къ дѣлу.

М. Номисъ.

НБУ

О ПУБЛИЧНЫХЪ ЧТЕНІЯХЪ

ПРОФЕССОРА КОСТОМАРОВА

ИЗЪ ИСТОРІИ УКРАИНЫ, ПО СМЕРТИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Исторія Украины въ былое время состояла большею частію изъ похвальныхъ словъ нашимъ гетманамъ и героямъ козацкой старины. Вдругъ, среди славословій, ни для кого неожиданно, раздался голосъ поэта:

— —
Я ридáю, якъ згадáю
Ділá незабýті
Прéдківъ нáшихъ...тяжкі ділá!
Якъ-бй іхъ забýти,
Я бъ оддáвъ би весéлого
Віку половйну...
Оттакá-то нáша слáва,
Слáва Украіни!
— —

Поразили эти слова и самихъ дѣятелей родного бытописанія. Мы призадумались послѣ нихъ глубоко надъ нашимъ прошедшимъ, и съ того времени, замѣтно для всѣхъ, начался переворотъ въ понятіяхъ объ украинской старинѣ. Само собою разумѣется, что умы, представлявшіе собою родную націю въ высшихъ ея особенностяхъ, были ужъ подготовлены къ этому перевороту; поэтъ возгласилъ только свое благовѣствованіе передъ началомъ великаго національнаго подвига — отреченья отъ наслѣдственныхъ заблужденій. Но тутъ наступила извѣстная эпоха и надолго остановила выраженіе украинской мысли. Только въ недавнее время она воскресла въ чистотѣ своихъ стремленій, и съ этого собственно времени дѣятельность нашихъ писателей получила полную свою законность. Почетнѣйшее мѣсто между ними принадлежитъ нашему историку, Н. И. Костомарову. Неутомимымъ изученіемъ источниковъ онъ придалъ

исторіи Украины все достоинство истины въ глазахъ всѣхъ вообще просвѣщенныхъ русскихъ людей и заста[illegible]умолкнуть — съ одной стороны славословія героямъ украинской [illegible]ины, съ другой — отрицаніе въ насъ элементовъ, составляющихъ гра[illegible]кое общество. Въ особенности сдѣлалъ онъ глубокое впечатлѣніе на публику своими пятью чтеніями о временахъ Выговскаго, въ пользу студентовъ С. Петербургскаго университета.

Отличительное достоинство этихъ чтеній состоитъ въ новости фактовъ, представленныхъ историкомъ, и въ искусствѣ, съ какимъ онъ характеризовалъ дѣйствующія лица поступками и словами ихъ. До сихъ поръ никто не пользовался съ такимъ умѣньемъ Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ, который послужилъ основаніемъ его чтеніямъ. Добавивъ къ полученнымъ отсюда даннымъ извлеченія изъ источниковъ печатныхъ, г. Костомаровъ поразилъ полнотою изложенія *Выговщины* даже и тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые были спеціально знакомы съ предметомъ. Описанныя имъ козацкія рады, переговоры гетмана съ царскими послами и Варшавскій сеймъ, на которомъ Поляки и наши паны думали окончательно рѣшить судьбу Украины, похожи на главы историческаго романа, созданнаго воображеніемъ; но ни одного слова не прибавилъ отъ себя историкъ въ шумныя рѣчи тогдашнихъ представителей Украины, Москвы и Польши, ни одной черты—въ картины представленныхъ имъ нравовъ. Онъ даже скрылъ отъ публики свое сочувствіе къ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіямъ. Онъ предоставилъ каждому изъ своихъ слушателей выводить изъ слышаннаго собственныя умозаключенія, сообразно съ личнымъ воззрѣніемъ на жизнь прошедшую и настоящую. Вслушиваясь въ чтенія почтеннаго нашего историка, мы только въ слѣдующихъ его словахъ замѣтили непосредственное отношеніе его къ дѣятельности духа человѣческаго, выражающейся въ исторіи (слова достойныя того, чтобъ утвердить ихъ въ памяти на вѣки): »Въ XVII вѣкѣ еще не понимали, что для поколѣній будущихъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ условій.«

Такъ какъ обстоятельный отчетъ о публичныхъ чтеніяхъ профессора Костомарова представленъ уже однимъ изъ сотрудниковъ *Основы* въ 6 № *Вѣка*, то мы не станемъ здѣсь о нихъ распространяться, — тѣмъ болѣе, что въ *Основѣ* появятся въ непродолжительномъ времени и самыя чтенія.

П. Казюка.

РѢЧЬ ПРОФЕССОРА Н. И. КОСТОМАРОВА

О ЗАСЛУГАХЪ К. С. АКСАКОВА ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

произнесенная въ залѣ С. Петербургскаго Университета, 16 февраля 1861.

Спѣшимъ занести въ свою лѣтопись краткое извѣстіе объ этой замѣчательной рѣчи. Независимо отъ разнообразнаго содержанія, она имѣетъ значеніе общественнаго дѣла: это было благородное и безпристрастное заявленіе признательности за труды человѣку, необычайно-чистому и искреннему, и въ тоже время даровитому, независимому и неутомимому въ преслѣдованіи своихъ идей, которыя хотя, въ частностяхъ, нерѣдко были не вѣрны, отзывались иногда пристрастіемъ и исключительностью, но въ основаніи были животворны, благородны и весьма полезны для уразумѣнія Русскаго народа и его исторіи. Рѣчь г. Костомарова была единственною общественной наградой, какой только могъ пожелать К. С. Аксаковъ: другихъ онъ не получалъ ни при жизни, ни по смерти.

Рано оставившая свѣтъ, поэтическая личность извѣстнаго Славянофила,—пламеннаго народнаго друга и слуги,—представляется явленіемъ отраднымъ и увлекательнымъ посреди поколѣнія, не отличающагося твердостью своихъ убѣжденій. К. С. Аксаковъ не могъ не внушить искренняго сочувствія дѣятелю, не принадлежащему къ Славянофильской Московской школѣ, но также посвятившему свою жизнь на служеніе Русскому народу: живой поборникъ Славянскаго единенія и самопознанія, но безъ идеализированія прошлаго и безъ пристрастія къ племени, Н. И. Костомаровъ понялъ и оцѣнилъ по достоинству и безъ предубѣжденія дѣйствительныя заслуги покойнаго.

Н. И. Костомаровъ началъ свою рѣчь выраженіемъ скорби о понесенной русскою литературою новой утратѣ, которая напомнила ему другія драгоцѣнныя могилы. »Право на народную память«, сказалъ онъ, »К.

С. Аксаковъ заслужилъ проведеніемъ спорнаго, до-того, народнаго воззрѣнія въ наукѣ Русской исторіи, посредствомъ извѣстныхъ критическихъ статей его, исполненныхъ свѣтлыхъ взглядовъ и свѣжихъ мыслей. « —За тѣмъ, г. Костомаровъ послѣдовательно и ясно изложилъ энергическіе протесты покойнаго противъ поклонниковъ Петровской реформы, — противъ теоріи родового быта въ старинной русской жизни, — противъ страннаго смѣшенія, въ Русской исторіи, государственнаго начала съ народнымъ. Отдѣливъ на сторону противниковъ К. С. Аксакова принадлежащія имъ доли истины, — объяснивъ значеніе идеи Славянофиловъ о народности, показавъ существующее и до настоящаго времени раздвоеніе въ Русскомъ обществѣ, — дополнивъ положенія К. С. Аксакова нагляднымъ развитіемъ ихъ передъ слушателями и указаніемъ на новыя пріобрѣтенія, добытыя наукою, главнымъ образомъ, на недостававшее, для полноты и ясности воззрѣній К. С. Аксакова, федеративное начало въ отношеніяхъ Русскихъ Земель, — профессоръ утверждаетъ за нимъ слѣдующія положительныя заслуги:

1) Опроверженіе идеи о патріархально-деспотическихъ элементахъ родоваго быта въ древне-русской жизни;

2) Уясненіе до очевидности общинно-вѣчеваго въ ней начала;

3) Глубоко-психологическое разъясненіе Іоанна Грознаго, какъ личности, артистическія свойства которой были несостоятельны для полезной общественной дѣятельности, и

4) Уясненіе двойственности началъ — государственнаго и народнаго, въ нашей исторіи.

Крайности и невѣрности въ изслѣдованіяхъ К. С. Аксакова и школы, г. Костомаровъ приписываетъ ихъ идеализму, которому онъ противопоставляетъ дѣйствительную историческую истину, свободную отъ увлеченій настоящаго, чуждую боязни за будущее и безпристрастную къ прошедшему, признавая только такую истину единственною цѣлью, достойною историка. Живое содержаніе рѣчи г. Костомарова сильно тронуло слушателей; торжественное вниманіе болѣе тысячи человѣкъ, во все продолженіе двухъ-часоваго чтенія, воодушевляло профессора; восторженныя рукоплесканія проводили его по окончаніи чтенія.

Не многіе честные русскіе дѣятели удостоивались такого воздаянія по смерти, какимъ былъ почтенъ К. С. Аксаковъ.

А. М.

ОТВѢТЪ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ РУССКАГО ВѢСТНИКА.

Въ 4 № »Современной Лѣтописи« мы прочли слѣдующую замѣтку: »Языкъ, употребляемый южно-русскими писателями въ Галиціи, гораз»до ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ тó малороссійское на»рѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ »совершенно легко можетъ читать все, чтó пишется на южно-русскомъ »нарѣчіи, равно, какъ и Русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно »и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червоной »Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литера»турнымъ, не слѣдуя примѣру нашихъ Украинскихъ литераторовъ, ко»торые передразниваютъ всѣ оттѣнки и тоны народнаго говора.«

Оставляя въ сторонѣ *передразниванье* (по всей вѣроятности — опечатку), такъ какъ дѣло идетъ объ украинскихъ литераторахъ, которые до сихъ поръ извѣстны были не рабскимъ подражаніемъ чему бы то ни было, — не повтореніемъ, не передразниваньемъ, — а добросовѣстнымъ изученіемъ и вѣрнымъ возсозданіемъ народной жизни (да уваженьемъ къ личности народа, человѣка—литератора и не-литератора), мы обращаемся прямо къ существенному вопросу объ оттѣнкахъ и тонахъ народнаго говора. Чей же говоръ важнѣе народнаго? къ какому говору больше стóитъ прислушиваться? Оттѣнки и тоны нашего народнаго говора разнообразны, какъ жизнь и природа, логичны какъ народный, несдавленный, умъ, и музыкальны, какъ украинская пѣсня. Прислушиваться къ нимъ — не порокъ, а долгъ и толкъ. Не совѣтовалъ ли самъ Пушкинъ—величайшій художникъ слóва — прислушиваться къ народному говору, учиться языку у просвирней и на рынкѣ? »Современная Лѣтопись«, должно быть, не ясно — не вполнѣ — высказалась: по ея мнѣнію, дурно тó, что укра-